Павел Гелева́ ДЕЗИЛЛЮЗИОНИСТ

(книга для медитаций)

органия о саморознании и рессмертии

а также

о науке, религии, философии и спиритизме, о душе и жизни в материальном мире, о Боге, вечности и беспредельности

Второе, переработанное издание

МОСКВА – 2021г.

Гелева П.А.

Дезиллюзионист. Мысли о самопознании и бессмертии.

Автор, признанный специалист в области классического спиритизма и его философии, русский переводчик книг Аллана Кардека, Леона Дени, Артура Конан-Дойля и Йога Рамачараки, делится с читателями своими мыслями о фундаментальных проблемах бытия, приглашая и их глубоко задуматься о душе, о Боге, о науке и религии и иных «вечных» вопросах. В качестве иллюстрирующего сопровождения автор даёт в своём переводе *собственную* подборку мыслей одного из столпов теории спиритизма — английского писателя Артура Конан-Дойля. Книга такого рода предназначена не столько для *чтения*, сколько для *изучения*. Это по сути дела учебник, и поэтому материал в нём подаётся автором дозированно — поделённым на чтения-уроки. Но время и труд, потраченные читателем, без сомнения, не пропадут напрасно и с лихвой окупятся во всей его дальнейшей жизни.

© Составление, переводы с английского, общая редакция: П.А.Гелева, 2021 г.

КАК ВОЗНИКЛА ЭТА КНИГА

Автор мог бы выразить своё объяснение всего лишь двумя словами: *просто* и *непринуждённо*. Но такой ответ, почти наверное, ничего не дал бы читателю. Поэтому придётся растолковать сказанное.

Значительную часть жизни автор провёл в тесном и дружественном общении с такими умами, как Сократ и Эпиктет, Платон и Демокрит, Гёте и Шопенгауэр, Кардек и Рамачарака, Лабрюйер и Паскаль, Ларошфуко и Шамфор, Сенека и Марк Аврелий, Леопарди и Грациан, Аристотель и Вивекананда, Уайльд и Метерлинк, Леонардо да Винчи и Лев Толстой. Их поучениям внимал он, с ними постоянно общался и обсуждал волновавшие его вопросы, у них многому и многому учился, их книги или фрагменты переводил.

Естественно, такое общение не могло быть и оставаться бесплодным. Так и возникли многие мысли, часть которых представлена в настоящей книге.

К числу этих великих и избранных умов принадлежал и сэр Артур Конан-Дойль. Его мысли, искания и интересы в затронутой области были по-особому близки автору и тесно переплелись с его собственными мыслями, так что порой невозможно было понять, где кончался Конан-Дойль и начинался он сам, равно как и наоборот, потому что многие из мыслей автора служили продолжением или комментариями к мыслям Конан-Дойля.

Это родство и близость и дали форму предлагаемой книге, в которой мои мысли тесно переплетаются с мыслями и рассуждениями английского философа и беллетриста. Главной заботой при составлении книги было избежать невольного соблазна и не сделать так, чтобы мысли двух писателей переплетались и смешивались, выстраиваясь в смысловые цепочки, когда одни вытекали бы из других либо поддерживали и развивали одна другую. За редкими исключениями, удалось добиться того, что каждый автор говорит сам за себя на протяжении одной или нескольких глав-уроков. И всё же, изложенные здесь мысли Конан-Дойля я не могу считать мне чуждыми и вполне самостоятельными, поскольку сам и придал им русскую словесную и интонационную форму.

Какой уж я там писатель – не берусь судить, зато читатель – и тут-то я имею полное право на суждения – весьма серьёзный, вдумчивый и въедлевый. Всё моё писательство, собственно, лишь приложение к этому.

Так как излагаемый материал очень непрост для понимания западного читателя, приходится подавать его дозированно — поделённым на чтения-уроки. Но просто прочесть не значит понять. К прочтению следующего урока не следует переходить, пока не усвоено сказанное в настоящем. Исключение в этом смысле могут составить только первые четыре урока, и вот почему.

Погружённым в сумятицу материальной жизни людям Запада, при беглом знакомстве, невозможно с первого раза толком понять сказанное в этих четырёх уроках. Истины высокого оккультизма, как бы просто и доходчиво оне ни были изложены, останутся для такого читателя бессмысленным набором слов. Поэтому, не задерживаясь на них дольше необходимого, пусть читатель углубится в проблематику, предложенную настоящим исследованием, а к содержанию первых четырёх чтений ему стоит вернуться впоследствии, слегка освоившись и «акклиматизировавшись» в этой неведомой для него области. Когда приходит понимание, вещи, казавшиеся по неведению сложными, неизбежно видятся довольно простыми.

Автор убеждён, что книга должна говорить самоё за себя, не нуждаясь ни в рекомендациях, ни тем более в рекламе или оправданиях. Понятливый и так поймёт, какое сокровище ему подарили, а глупцу и невежде сто раз объясни – всё зря:

 $^{^*}$ И пусть читатель не удивляется: с точки зрения восточного оккультизма, любой русский такой же представитель Запада, как всякий англичанин, немец или француз. (Π . Γ .)

камень, брошенный не в воду, но в пустоту, не производит кругов, а праздное обладание интеллектуальной сокровищницей быстро превращает обладателя оной в глупца.

Один из непреложных законов психологии гласит: «Тому, кто обладает серьёзными и значительными знаниями, как правило, гораздо больше хочется передать их другим, чем тем, кто этими знаниями не обладает, хочется учиться у него».

«Быть послушну веленью Божию», «равнодушно приять хвалу и клевету», «не оспаривать глупца» – вот три заповеди, которым неукоснительно следует гений.

Бесспорно, трудно провести бесконечно длинную прямую от руки, и если всётаки автор как-то в том преуспел, то заслуга здесь вовсе не его, а Высших Сил, руку его удерживавших и всякий раз возвращавших её на правильный курс, когда он, по слабости человеческой, был готов опустить её или уклониться в сторону.

Мир, мир, мир всем живым существам!

П.Г.

15.1.2021.

СОДЕРЖАНИЕ

Как возникла эта книга
І. Кроме комфорта, ничего и не ждите от своей цивилизации
II. Что такое дезиллюзионизм
III. Глупость – наказание за отказ от духовности
IV. Внешний мир – хороший повод к самопознанию
V. Здравый смысл – вот наш высший дар
VI. Спиритизм – единственный просвет в затянувших небосвод облаках скептицизма
VII. Неужели же мы только кучка дикарей перед радиоприёмником: мы изумлены и напуганы голосом, идущим оттуда, но нам совсем не интересно знать, о чём этот голос нам говорит?
VIII. Все складно расписанные теории материализма разлетаются во прах
IX. Мысль, дух и разум человека, действуя в отдалении от тела, тем доказывают, что они не тождественны ему и не суть его проявления
Х. Что происходит в момент смерти
XI. Истинное пробуждение
XII. Мир всеобщей симпатии
XIII. Места для страха просто не остаётся
XIV. Страна Вечного Лета
XV. Концепция этой философии гораздо более обоснованна, чем какие-либо вероучения, коим человечество следовало до сего дня
XVI. Людская враждебность ко всем спиритическим явлениям
XVII. Небывалый по масштабам и безответственности эксперимент
XVIII. Унылый марш к линии горизонта в тщетной попытке к нему приблизиться
XIX. Упрямое желание труповеров продолжать работу, уже давно ставшую никому не нужной
XX. Отрицать и высмеивать Спиритизм – всего лишь предъявлять своё непроходимое и непролазное невежество в одном из важнейших вопросов жизни
XXI. Новое Откровение заменит собою все старые религиозные представления
XXII Как Новое Откловение преобразит Христианство

XXIII. Наша новая религия есть именно то, чему двадцать веков назад учил людей Христос
XXIV. Теология, застывшая где-то в раннем плиоцене
XXV. Такое ли уж достоинство быть добродетельным из страха?
XXVI. Наибольшее зло миру от полуправд
XXVII. Атеизм – на самом деле лишь ещё одна попытка понять Бога
XXVIII. Религиозный ум
XXIX. Реформация, когда мир созреет для неё, совершится в свой час
XXX. Иерархия кульминирует на высотах Беспредельности
XXXI. Древние христианские свидетельства спиритической истины
XXXII. Упрямая вера в пустоту, в <i>небытие</i> , в <i>ничто</i> – неужели же это лучше веры в <i>жизнь вечную</i> ?
XXXIII. Разменная монета на торжище человеческой валюты
XXXIV. Под руководством философии материализма человечество движется по ложному пути
XXXV. Ключ для отмыкания антропологической тайны
XXXVI. Никогда не упускайте из виду первородство души
XXXVII. Засилье вздорной наукообразности и ложной науки
XXXVIII. Философская «материя» – что она такое?
XXXIX. Причины сомнения в вопросе о бессмертии
XL. Шутовское порождение мрачной и невежественной фантазии
XLI. Идентичность спиритических явлений и чудес «Нового Завета»
XLII. Библейский язык легко переводится в термины современной психической науки
XLIII. Возвращение к христианским истокам
XLIV. Крах официального Христианства
XLV. Спиритические исследования – предмет, имеющий самое непосредственное отношение к природе души человеческой
XLVI. Добро должно уметь постоять за себя
XLVII. Из всех суеверий самое нелепое – материалистическое
XLVIII. Физиологическая психология – мёртвая психология
XLIX. Понимать и Платона, и Демокрита
L. Вера – всего лишь отсутствие знания

LI. Грех и наказание
LII. Путать религию с догмой и ритуалом – пагубная ошибка
LIII. Священнослужители о роли и значении Спиритизма
LIV. Учёные о роли и значении Спиритизма
LV. Вся наша жизнь на земле – лишь тренировочная площадка для жизни в мире духовном
LVI. Новый взгляд на ряд текстов
LVII. Великая извечная дуэль между материализмом и духовным пониманием Вселенной
LVIII. Самое важное дело на свете
LIX. Мы не можем легкомысленно отмахиваться от предлагаемых нам оттуда выводов
LX. Лучшая часть человечества живёт не здесь, а в мире ином
LXI. Мистический аспект повседневной деятельности
LXII. Человечество сейчас находится на перевале
LXIII. Иерархия умов
LXIV. Легкомысленная забава, которую никак нельзя приветствовать
LXV. Все изобретения и открытия современности – ничто по сравнению с фактами «психической» науки
LXVI. Не хвала Творцу поношение Его творения
LXVII. Драгоценные струны космической арфы
LXVIII. На пути из Тьмы в Свет
Ob armone

І. Кроме комфорта, ничего и не ждите от своей цивилизации

Данность нуждается в объяснениях. Полагать, будто данность есть нечто в объяснениях не нуждающееся — признак детскости ума. Почему? Потому что мы все загипнотизированы действительностью, которая в действительности (т.е. *на самом деле*) недействительна. *

Комфорт — вот, собственно, и всё, что нам может дать современная цивилизация. Душа же человека в этих условиях обречена страдать и маяться, потому что не просто проблемы её игнорируются, но и само существование её всерьёз не признаётся. Ей отведено всего лишь призрачное бытие: в жизни сей она не более, чем словесная абстракция, простой символ, которым можно играть как и прочими словами.

Именно этому положению вещей мы и намерены положить конец. Мы внятно объясним каждому, кто ещё в состоянии слышать и слушать, что душа каждого — это не игрушки.

Ибо душа у человека есть, это нечто до ужаса реальное. Её можно предать, купить, продать, променять. Её можно отравить или спасти. У каждого из нас есть душа.

И человек способен погубить собственную душу. Это чудовищно реально, это сегодня происходит чуть ли не на каждом шагу. Но что пользы, спрашивается, человеку приобрести и подчинить себе весь мир, если он теряет собственную душу? Такой человек – жалкий нищий, он беден самой страшной и чудовищной нищетой – нищетой духовной.

Необходимое условие для возникновения иллюзии: её жертва должна принимать иллюзию за реальность. Трагедия современности, как и всей предыдущей человеческой истории, в том, что мы <u>загипнотизированы</u> действительностью, которая в действительности – не действительна.

Да, главная беда человечества в том, что оно находится во власти иллюзии, а стало быть, пребывает в невежестве, подчиняется неправде и лжи и занимается самообманом.

Все бегут, спешат, торопятся, наступают друг другу на ноги, словно у людей только и заботы что о том, как бы поспеть куда-то вовремя, обогнать кого-то на долю секунды или на долю дюйма. Радио и реклама повсюду, вплоть до уборных. Вы просыпаетесь под их болтовню, потому что во всех квартирах радио и телевизор надрываются с раннего утра до глубокой ночи. Всё это преследует вас в собственном доме, у соседей, на улице, во всех магазинах, в учреждениях, в кафе и даже – когда вы спускаетесь в метро или садитесь в такси или поезд. Оно орёт как резаное, требует, приказывает, уговаривает, поучает, вставляет вам в уши клинья! Радио постоянно бубнит вам свою нудную, очень точно отщёлкиваемую, преступно-примитивную мелодийку — всегда одну и ту же, идущую сквозь вас и не остающуюся (по счастью!) в вашей памяти. Миллионы разноцветных лампочек с вечера и до утра выплясывают какие-то замысловатые световые картинки, рассчитанные на самое незатейливое детское воображение и любопытство.

И ради чего всё это? Вся эта суета, шум и грязь? Что может нам дать такая цивилизация? – вот вопрос, которым следует задаться.

«Человек! Ты сам — последняя из всех тайн. Познай самого себя!» — было начертано на портале античного мира. Проникновение в наш собственный внутренний мир является единственной и узкой дверью к истине. Никакого другого пути к этому, безусловно, не существует. Так учили мудрецы всех времён и народов.

 $^{^*}$ По-французски эту простую, в сущности, мысль можно выразить гораздо изящнее: «On est hypnotisé par une réalité qui en réalité n'est pas réelle».

Если вы задаётесь вопросами, вы будете искать на них ответы и скорее всего найдёте. Если у вас не возникает вопросов, то вы уподобитесь дереву и неразумному животному и проживёте свою жизнь подобно им.

Самопознание и забота о душе являются главной задачей человека, основной целью его жизни, как здешней, так и последующей. Что может для человека быть важнее знания самого себя? Ни дела житейские, ни удовольствия, ни какая бы то ни было деятельность не могут сравниться со знанием себя, ибо это — основа основ, ибо это — знание добра и зла; ибо это — выход из царства теней и иллюзий, это, как говорили мудрецы Древней Индии — Атма-Джньяна.

Стремление куда-то уехать, вообще страсть к путешествиям и поездкам — не более как неуклюжая и неумелая, жалкая и безуспешная попытка убежать от самого или самой себя. Поэтому такое влечение сродни пьянству. По мысли Паскаля, все беды постигают человека из-за того, что ему не сидится дома.

Похоже, мы остаёмся в тех краях, где появились на свет, только за тем, чтобы дождаться исполнения нашей настоящей и подлинной судьбы. Эмигрант тщетно бежит от себя и встречает тогда свою ненастоящую судьбу, которая может оказаться гораздо ужаснее подлинной.

От себя никуда не уедешь и не убежишь. Куда бы ты ни поехал, все потери и горести ты привезёшь в собой. Поэтому человек обречён на самопознание, и покуда он избегает сего трудного дела, он оказывается подвержен бесконечным страданиям и мучениям, счастье ему недоступно или доступно как мираж на горизонте.

А ведь Мирабо и Шамфор ясно и недвусмысленно говорят: «Поверь, счастье – это очень непросто: крайне трудно найти его в самом себе, но и бесполезно искать его где-то ещё».

Но человек не понимает сей премудрости, и не хочет её понимать, когда её говорят ему так прямо в лоб. Счастье просится к нему, стучится в дверь, а он от него отворачивается, делает вид, что не слышит. И вот он куда-то уезжает в погоне за развлечениями или пьёт какую-то дрянь и делает ещё тьму-тьмущую всяких разных глупостей, чтобы продлить свои мучения...

Если человек глуп, он хлопочет над вредным и бесполезным. Да и чем ещё он мог бы заняться?

Назвать кого-либо глупцом не значит его оскорбить, а значит поставить ему диагноз. Когда дело касается болезней тела, диагноз ставит врач; когда дело касается недугов души, диагноз ставит мудрец.

Построй внутри себя неприступную крепость, в которой ты сможешь надёжно укрыться в тяжёлую годину большой внешней опасности и невзгод.

У Марка Аврелия читаем: «Будь подобен скале: волны беспрестанно разбиваются о неё, она же стоит недвижимо, и вокруг неё стихают взволнованные воды».

И Белинский, словно продолжая его, утверждает: «Яростная волна подмывает песчаный берег и с бессилием разбивается о гранитную скалу».

Но высшее утверждение эта мысль находит у Лермонтова «Укор невежд, укор людей души высокой не печалит; пускай шумит волна морей, утёс гранитный не повалит!»

«Другая культура», прежде всего, значит «другие интересы».

Две с половиною тысячи лет назад к величайшему мудрецу античности, философу Демокриту, позвали «отца медицины» Гиппократа, потому что сочли философа сошедшим с ума, видя, как тот из состояния углублённого созерцания постоянно переходит к безудержному смеху.

Демокрит растолковал великому врачевателю, что причина его смеха не он сам, а человек как таковой, жизнь которого он со всех сторон рассматривает. В частности, Демокрит сказал: «У человека стремление к худшему представляет своего рода доблесть. Со своим умом, погрязшим в житейских делах, как будто они представляют собой нечто прочное и надёжное, он возгордился своей безрассудной разумностью. Чисто внешняя деятельность сделала людей безумными».

Гиппократ с ним согласился вполне да ещё присовокупил к тому: «Подлинная мудрость состоит не столько в изучении явлений и в лечении болезней тела, сколько в созерцании внутренней бесконечности. И жизнь становится бессмысленной и достойной смеха, если она тратится лишь на удовлетворение физических потребностей среди непрерывной борьбы и временных примирений».

И эта история сохраняет свою актуальность на все времена.

Получается совсем по Ремарку: «Меланхоликом становишься, когда размышляешь о жизни, а циником – когда видишь, что делает из неё большинство людей».

Счастье – не результат, счастье – это процесс, т.е., попросту говоря, это – не цель пути, а то настроение, с которым вы проходите свой путь. Поэтому, чтобы быть счастливым, так важно никуда не спешить и целиком сосредоточиться на том, что вы делаете.

Самопознание — единственный источник счастья. Оно ведёт к совершенству и свободе. Вы можете искать свободу, но каким образом вы её обретёте, если вы стали рабом страха и земных условий? Вы — часть Божества. Почувствуйте и поймите это: ваши узы спадут, и вы станете свободны!

II. Что такое дезиллюзионизм

Человек, который долго молчал, может начать разумно говорить.

Качество мысли обратно пропорционально количеству выражающих её слов - закон, о существовании которого ничего не подозревают словоохотливые болтуны всех мастей и сортов.

Молчание загадочно, прекрасно, глубокомысленно. Избегайте банальностей: сказанное вами должно быть лучше молчания, которое вы своими словами разбиваете, подобно камню, попавшему в стекло.

Тот, кто не может внятно и в немногих словах изложить суть своего миропонимания, не есть философ, а всего лишь беспомощный болтун. Таким нельзя давать слова и позволять без толку отнимать у людей время.

Имя моей философии – дезиллюзионизм, т.е. избавление от иллюзий.

Соответственно *дезиллюзионист* — тот или то, что избавляет от иллюзий *жизни в материальном мире*. В данном случае это происходит на стыке двух учений, разработанных Востоком и Западом, и это — Йога и Спиритизм.

Любые общественные существа – и, прежде всего, это относится к людям – являются жертвами внутристадного гипноза. А это значит, что вся их философия жизни является плодом этой загипнотизированности. Т.е. они загипнотизированы действительностью, которая в действительности не действительна. А это значит, что вся ткань их мироощущения и миропонимания сплетена из иллюзий, полна странных фобий и пронизана самыми нелепыми предрассудками. Единственное, что реально в их жизни, это – их постоянные, их непрестанные и мучительные усилия, направленные на поддержание подобного существования и на сохранение иллюзий. Таков взгляд со стороны, а не изнутри самого стада.

Находясь внутри процесса, невозможно постичь его истину. Истина о нём видна только тому, кто смотрит на него со стороны.

Mнение — это то, что «мнится», «кажется», т.е. не соответствует действительности. Как правило, мнение у человека заменяет знание, а сами эти мнения таковы, что ими впору пугать летей.

Если с неба нам свалятся ответы на вопросы, которые мы ещё не в состоянии задать, то эти ответы окажутся совершенно для нас бесполезны.

Получить истину в готовом виде – что может быть хуже? Цена такой истины – медный грош. Потому что процесс достижения истины так же драгоценен, как и она сама. И для человека всегда лучше, если он познаёт её ценой многих ошибок. Такую истину у него никто не сможет отнять.

Предпочитать глупости собственного изготовления истины, продиктованные взглядом со стороны, значит терять иллюзии и пробуждаться от кошмара.

Мудрость – это, прежде всего, утрата иллюзий.

Самое трудное в этой жизни – это уразуметь, что является причиной, а что – следствием, т.е. что первично – яйцо или курица? В вопросах третьестепенной важности мы видим это вполне ясно, различение для нас не составляет труда, но в том, что для нас всего важнее – в

вопросах интимной значимости, в уразумении хитросплетений собственной судьбы, там, увы, для взора нашего рассудка всё перепутано, там дилемма яйца или курицы стоит во всей своей неразрешимой значимости.

Иллюзия окружающего всегда выглядит так, как ты ей выглядеть позволяешь.

Смотреть не значит *видеть*, хотя мы можем видеть только то, на что мы смотрим. Но главная беда не в этом, а в том, что мы сознаём и *можем* сознавать значительно меньше того, что видим. Таким образом, наши (человечества) представления о мире и жизни отрывочны и фрагментарны, приблизительны и несовершенны. И всё это не повод для гносеологического апломба, которым так любят грешить не только учёные, но даже философы, хотя последним следовало бы разбираться в подобных тонкостях.

За гранью видимого и слышимого – невидимое и неслышимое, и оно-то для нас важнее всего.

За повседневными фактами надо учиться видеть выходящее и выводящее за пределы обыденности, потому что *там* причины, там движущие силы, там все пружины и смысл существования и сохранения здешнего миропорядка и мироустройства и, в том числе, его чудовищной нелепости.

Иллюзия окружающего – это гносеологическая форма лжи.

Этот человеческий мир съорганизован так, что верх и низ в нём перепутаны, переставлены местами, в результате чего он стоит «вверх тормашками». Поэтому правильный взгляд на него может иметь только йог, т.е. тот, кто регулярно стоит на голове. Неслучайно ведь Джавахарлал Неру сказал: «Сто́ит только встать на голову, и мир с его проблемами уже не представляется настолько серьёзным».

Как гласит восточное изречение: «Le monde existe, mais il n'est pas réel». — «Мир окружающий существует, но реальность его мнимая». Сама материалистическая наука учит нас тому, что цвет видимых нами предметов и звуки, воспринимаемые нашим слухом, не имеют объективного смысла, т.е. не существуют в реальности, а являются особенностями работы наших органов восприятия, их реакцией на существующие вовне раздражители. А стало быть, (и этому же нас учат древние восточные учения, Йога, в частности) окружающий нас материальный мир — сплошная иллюзия. Пока Вы не поймёте этого, бесполезно двигаться далее. И даже зная всё это (так уж мы устроены), мы постоянно сие забываем, и снова начинаем считать цвет и звук реальными свойствами внешних объектов, а не специфическим функционированием наших органов восприятия.

Человеческая психика устроена таким образом, что явление, даже оставаясь непонятым и необъяснимым, становится обычным из-за того, что повторяется.

Именно очевидное менее всего заметно, именно его никогда не видишь. Так, о существовании воды рыбы обречены узнать последними или не узнать совсем.

Широкая распространённость, повсеместность и повседневная естественность того или иного явления делают нас слепыми к его уникальности как физического, химического, биологического или просто бытийного факта. Например, при любых философских разбирательствах косвенный и посредующий характер нашего процесса восприятия через органы чувств и ощущений обычно забывается и упускается из виду по причине привычки и данности этого процесса как чего-то само собою разумеющегося. А зря, в этом причина многих иллюзий и заблуждений.

Рассматривать внешнюю видимость и данность как исчерпывающую реальность значит

выйти за пределы законного вывода, который позволителен всякому разумному наблюдателю.

Большинство людей не так-то просто вывести из плоскости обыденных рассуждений. И только Сократ, витая в самых высоких духовных сферах, умел маскировать свои полёты терминологией обыденности.

Играть в чужие игры по навязанным правилам тоже значит быть загипнотизированным.

Свобода совести — это не свобода впадать в то или иное заблуждение или помешательство. Свобода совести — в свободе от иллюзий. Если вы поклоняетесь иллюзии, ваша совесть не свободна.

Любое поклонение – иллюзия. Невозможно поклоняться свободе от иллюзии. Если вы ей поклоняетесь, то это – опять иллюзия и вы снова не свободны.

Свобода от иллюзии – это свобода от любого поклонения и низкопоклонства.

Твоя жизнь преимущественно имеет то содержание, которое ты сам в неё вложишь. Жизнь не возвысила тебя – возвысь себя сам!

Принимать жизнь такой, какой хочешь её видеть, — это, пожалуй, единственный выход из положения: только так сможешь принять её такой, какова она на самом деле есть.

Блаженство, истинное счастье – исключительно важный термин оккультной философии. Это – греческая *атараксия*, это – римская экванимитас, это – индийская нирвана. При том, у блаженства, у истинного счастья – два аспекта: совершенство и безмятежность.

Переделывать мир обычно берётся тот, кто не может и не хочет переделывать самого себя.

Есть люди, которые стараются избежать насилия, потому что считают его ниже своего достоинства.

Никогда не позволяйте, чтобы за вас думали другие. Потому что, то, что вы думаете сами, гораздо важнее того, что думают другие. По крайней мере, для вас оно так.

Ежедневно таскаться на работу, чтобы иметь хорошую денежку – это способ выжить, но отнюдь не сама жизнь. Многие об этом даже не подозревают.

Жизнь, посвящённая «деланию» денег, ничто иное, как полнейший крах. Это открытое признание своей полной несостоятельности, никчёмности и бездарности.

Мусор повседневности всячески стремится заслонить от нас вечность и от неё отодвинуть, и в большинстве случаев ему это удаётся.

Духовная жизнь начинается с отказа и отречения и постепенно развивается в обладание, радость и наслаждение. Бездуховная жизнь начинается с обладания, праздности и наслаждения, а заканчивается лишением, никчёмностью и страданием.

Конфуз в том, что известное известно немногим. Основная масса человечества, стало быть, не знает и известного. Это неприятное состояние именуется невежеством. Невежда, таким образом, не тот, кто не знает сокровенного, сокрытого «за семью печатями», а тот, кто не знает общедоступного.

Жизнь устроена так, что люди неизбежно несут бремя своей коллективной глупости и её

последствий.

Смотреть на мир серьёзно и без иронии значит позволять ему делать с собой всё, что ему вздумается.

Уж не знаю, кто это сказал, но сказал здорово: «В жизни все люди – актёры, и только худшим из них предоставляется право играть на сцене». Я бы только уточнил, что сцена – необязательно театральные подмостки, это также и вершины политического, общественного и всякого иного «олимпа», а «худшие» значит не только то, что они плохо играют, но и то, что это всё весьма дурные люди.

Люди делятся – и об этом следует помнить! – на просвещённых (единицы) и на тех, кому ещё предстоит долго и долго просвещаться (нули). И, по слову Менция, задача просвещённых, т.е. «прежде прозревших истину», вразумлять ещё не прозревших.

III. Глупость – наказание за отказ от духовности

В жизни нашей есть много вещей, кои представляются благами в глазах тех, кто видит одно только настоящее и не знает законов, управляющих Вселенной.

Озарение приходит мгновенно. Оно не есть результат какого-то духовного или интеллектуального накопления. Вы либо есть, либо вас нет. Ничто истинное не может быть накоплено. Оно вспыхивает подобно молнии, прорезающей свинцовый мрак ночи.

Природа — не бездушная пляска атомов, жизнь — не «бессмысленное бедствие, завершающееся могилой». За всем стоят Дух и Вечность. Отрицать это — значит показывать слепоту своего ума и чёрствость сердца.

Ценность готовой правды невелика. Правда, которую другие обнаружили, для них убедительнее, чем та, какую им дашь ты. Но также и для тебя, правда, найденная тобою, тебе важнее тех полуправд, каковые тебе навязывают другие.

Величие духа совсем не в том выражается, что ты живёшь во дворце, вдали от бед и забот этого мира, но именно в том, что, не живя во дворце и будучи погружён в омут неустроенной житейскости, ты всё же умудряешься поддерживать в себе отстранённость и быть настроен на самую высокую ноту.

Ищите истину – и шелуха жизни не сможет приставать к вам.

Истинная свобода — внутри. Истинно свободен, кто может над собой всё. Ориентация свободы вовне — ошибка и коварный соблазн.

Бывает такое счастье, которому удивляешься, но которого никак не желаешь, ибо оно слишком сильно походит на обязанность принадлежать к иной, а именно — низшей породе существ.

Хочешь узнать, как Бог относится к деньгам? Это нетрудно: посмотри лишь, каковы те, у кого их больше всего.

Наказание глупостью – первая расплата за отказ от духовности.

Истина – это то, что на самом деле есть. На уровне информации – это совершенное соответствие тому, что есть.

Общение, которым живут обыватели, — иллюзия: каждый из них живёт в полном одиночестве. Также и одиночество, в котором здесь живут некоторые, — иллюзия: они живут в достойном общении.

Бывает так, что, заснув, мы видим сон, и тогда мы не сознаём там, что это сон. Но бывает и большее, когда мы и там засыпаем, и тогда начинаем смотреть сон во сне, и иногда сознаём, что то сон. Пробудившись от сна во сне, мы во сне сознаём, что тот сон был сном. Затем, пробудившись и от этого сна, мы, в состоянии бдения, сознаём, что и та реальность тоже была сном. И кто посмеет без риска быть уличённым в глупости утверждать, что, уйдя из этой нашей жизни с её бдением и снами, мы не войдём в более полное бытие и не призна́ем тогда также и эту нынешнюю свою жизнь сном, и дурным сном?!

Истинно, истинно говорю вам: мы загипнотизированы действительностью, которая в действительности не действительна.

Чем бы мы ни занимались в жизни, куда бы мы ни пошли, что бы ни случилось с нами в пути, всегда и везде всякое внешнее событие будет нам лишь поводом для встречи с самими собой, со своими неразрешёнными проблемами.

Поступки наши, хорошие и дурные, влияют на всю нашу дальнейшую судьбу. Люди не желают признавать этого, но это закон природы. Это совершается.

Каждый в свой юрский период бывает динозавром.

Приличного человека, который не строит себе иллюзий, очень тревожит судьба всех этих негодяев, гоняющихся за призрачным счастьем.

Мудрые единицы, вразумляющие пустые и невежественные нули, становятся тысячами, миллионами и миллиардами; невразумляющие – так и остаются одинокими единицами.

IV. Внешний мир – хороший повод к самопознанию

Можно быть вполне уверенными, что существует множество вещей, о существовании которых мы и не подозреваем, точно так же, как не существуют многие вещи, в существовании коих мы вполне уверены.

Любопытное обстоятельство о соотношении этого мира и мира иного состоит в том, что мы, живущие сейчас в этом материальном мире, воспринимаем его как нечто серьёзное и существенное, тогда как мир загробный представляется нам, в лучшем случае, чем-то смутным, нереальным и полусонным. Обитатели же мира тонкого, в том числе и сравнительно недавно перешедшие туда, утверждают, что настоящий мир, мир реальности — у них там, а наш плотный мир — мир сна и сновидений. Для них — для духов — наша земная жизнь есть заточение в узилище сонного тела.

Правда может быть невероятной, потому что не может и не обязана быть правдоподобной. Ибо правдоподобной, т.е. *подобной правде, похожей на правду* стремится и может быть только ложь.

От одной лжи в жизни больше шуму, чем от ста правд. Если же лжей не одна, а тысячи, то жизнь превращается в непрекращающийся треск и грохот.

Нагромождения лжи – архитектура обречённых.

Правду нельзя мямлить, Парадокс в том, что правду надо говорить изящно и – одновременно – грубо. Только тогда шуты гороховые воспринимают её всерьёз.

Всякий желающий волен верить в небытие, но сила за тем, кто знает, что небытия нет, а есть жизнь вечная.

Я бы дерзнул так определить феномен жизни в условиях нашего материального мира: жизнь есть проекция духа на материю, одушевляющая её и приводящая к видимости самоорганизации материи, а также к способности этой организованной материи к постоянному самовоспроизведению.

Материя – носитель жизни, а не её источник. В этом огромная разница и ключ к разрешению всех загадок бытия.

Жизнь — это психический, а не физиологический процесс, как то принято ошибочно думать у заурядных учёных и простых обывателей, хотя он и имеет бесконечное множество сопутствующих физиологических составляющих.

 Mup — это гармония, которая постоянно разлаживается и снова восстанавливается. В способности к восстановлению смысл всего сущего.

Иллюзия собственности — вещь чудовищно закабаляющая. Если ты понимаешь и сознаёшь, что ничто в этом мире тебе не принадлежит, то ты можешь жить здесь вполне безбедно и абсолютно свободно. В этом вся суть стоицизма.

Много самых разных опасностей нависает над человеком в этой жизни, но самая главная и неотвратимая из них — он сам.

Есть люди, поверхностное и легкомысленное существо которых, опошленное удовольствиями, никогда не знает ни любви, ни дружбы. Даже страсть не в состоянии осветить их своими мрачными лучами.

На многих и весьма многих приходится смотреть с жалостью: они жертвы современной нелепой цивилизации: у них развили необходимость во множестве вещей, без которых не только можно жить, но и лучше всего было бы обойтись.

Сократ сказал: «Как много на свете вещей, которые мне не нужны!» Вдумайтесь только в чудовищную глубину этой мысли!

В человеческой жизни много вынужденного, навязанного и пагубного в своей назойливости.

Люди не слышат и не понимают друг друга, потому что каждый предпочитает не слушать, а говорить. Жалкая иллюзия общения от того, что никто никому неинтересен.

«Как дела?» – Дела идут своим чередом: алкоголики пьянствуют, воры воруют, недоумки говорят и делают глупости, а прочие – без всякого на то основания – воображают, будто это и есть жизнь и что сами они занимаются делом.

Следует остерегаться иллюзий, даже если оне приносят плоды. Дары, доставляемые иллюзией, по природе своей неизбежно оказываются «данайскими».

Увлекательная информация, как правило, весьма недостоверна. И наоборот.

Компьюторы — это виртуальные костыли, позволяющие умственно одноногим быстрее блуждать в мире иллюзий и увеличивающие его размеры.

Кто не ставит рамок воображению, оказывается вынужден жить в мире иллюзий.

Если галлюцинация становится коллективной, значит, пришла большая беда.

Живя в материальном мире, люди никогда не получают ни удовольствия, ни наслаждения, они получают лишь иллюзию удовольствия и наслаждения. И это лучшее, что им здесь дано получить.

Отсутствие вздорных потребностей – уже само по себе значительное богатство.

Не признавать ложных целей и искусственных трудностей — это прекрасно. Натура, основанная на столь дивных началах, содержит в себе много чудесных задатков.

Остаться наедине с самим собой – задача, посильная далеко не каждому.

Измените своё мировоззрение и мироощущение, пусть они станут не такими, как у среднестатистического гражданина, человека из социального инкубатора, человека толпы, и тогда вам всегда будет, что сказать мудрого и глубокого, потому что и не может быть иначе.

Мудрость не даёт знания, она даёт понимание.

Твоя цель – быть не лучше других, а лучше себя самого.

Если пристально смотреть в себя, то обнаружишь, что смотришь в бездну, а она, как известно, начинает всматриваться в того, кто вглядывается в неё. Так задаются вопросы и получаются ответы.

Нередко оказывается, что простота и незамысловатость – продукт особой, сознающей свою изощрённость сложности.

Простота – ключ к немыслимо-невообразимой сложности.

Всё хорошо и правильно, если внешний мир служит нам лишь поводом к самопознанию, и всё пагубно, если нет, если мы начинаем воображать, будто самопознание — бесконечно ничтожный аспект внешнего мира.

Мировая трагедия – это фарс, быть зрителями которого приглашены философы.

Когда сознание опережает бытие, бытие оказывается не в состоянии его определить.

На самом-то деле в вопросе о существовании души главное не в том, чтобы попросту *верить*, а в том, чтобы действительно *знать*.

Ведь мало разбудить человека. Его ещё надо и заинтересовать перспективами, которые открывает перед ним пробуждение. А без этого он предпочтёт повернуться на другой бок да заснуть сном крепче прежнего.

Кто пробудился в мире беспробудно спящих, обречён на долгое одиночество и бесконечные перешагивания через храпящие тела. Прямо сказать, незавидная участь!

Тревожное мироощущение — это состояние того, кто начинает просыпаться. Во всех поздравлениях и пожеланиях, которые люди по привычке высказывают друг другу, например, по случаю Нового года или дня рождения, читается и угадывается заветная мечта спящего человека о том, чтобы его не будили, и не будили как можно дольше.

Принято считать и думать, что люди весьма дорожат своими иллюзиями и совершенно несклонны с ними расставаться. А вы? Готовы ли вы расстаться с вашими иллюзиями ради истины, истины, которая так неожиданна и прекрасна, что рядом с нею меркнет обманчивый свет любых самых излюбленных иллюзий?

Человек является величайшим чудом и загадкой на Земле. Тайна антропологическая велика есть. Ключом для отмыкания антропологической тайны является Спиритизм. Обсудим это подробно в дальнейшем.

V. Здравый смысл - вот наш высший дар *

«Не бывает ли иногда так, чтобы умершие возвращались в наш материальный мир с краткосрочным визитом? Даже скептичный и рациональный д-р Джонсон держится по данному поводу мнения, что утверждать обратное — значит оспаривать неизменное и постоянное согласие свидетельств всех времён и народов, потому что как самые варварские, так и самые цивилизованные из них сообщали о появлениях умерших и верили в них. Он же добавляет, что сомнение отдельных придир едва ли в состоянии опровергнуть бесспорное для многих, тем более что некоторые из тех, кто отрицают появление призраков на словах, подтверждают его своими страхами на деле».

«Неведомое и удивительное окружает и подталкивает нас со всех сторон. Оно роится над нами и кругом нас в неясных и переменчивых формах, как тёмных, так и ослепительно ярких, но которые все указывают нам на ограниченность того, что мы называем «материей», и на главенство духовности, которою нам следует дорожить, если только мы не желаем утратить связь с сокровенно-подлинными основами жизни».

«Общеизвестно, что каждый человек с развитым интеллектом должен видеть перед собой руководящий принцип: будь то религия или просто философия жизни. Менее известно то, что лишь немногие, если говорить правду, находят такой принцип».

«Я читал Бэкона, Декарта, Спинозу, Канта — всех тех, которые старались постичь непознаваемое. Все они бесплодны и пусты, не дают ничего в смысле результатов, но расточительны на многосложные слова, напоминая мне людей, которые, копая землю, чтобы добыть золото, откопали много червей и затем с торжеством выдали их за то, что искали».

«Истинный мыслитель, увидев один-единственный факт во всей полноте, может вывести из него не только всю цепь событий, приведших к нему, но также и все последствия, вытекающие из него.

По одной капле воды человек, умеющий мыслить логически, может сделать вывод о возможности существования Атлантического океана или Ниагарского водопада, даже если он не видал ни того, ни другого и никогда о них не слыхал. Всякая жизнь — это огромная цепь причин и следствий, и природу её мы можем познать по одному звену. Искусство делать выводы и анализировать, как и все другие искусства, постигается долгим и прилежным трудом, но жизнь слишком коротка, и поэтому ни один смертный не может достичь полного совершенства в этой области».

«Я никогда не переставал быть ревностным теистом, поскольку, на мой взгляд, никто ещё не дал ответа на вопрос, заданный Наполеоном звёздной ночью профессорам-атеистам во время его похода в Египте: «Скажите-ка, господа, кто создал эти звёзды?» Ведь если сказать, что Вселенная была создана непреложными законами, то это лишь вызовет другой вопрос: «Кто же создал эти законы?» Я, конечно же, не верю и никогда не верил в человекоподобного Бога, но верю в Разумную Силу по ту сторону всей деятельности Природы, Силу столь бесконечно сложную и великую, что мой ограниченный ум не может постичь о ней ничего, кроме самого факта её существования. В самом деле, сколь восхитительны порядок и равновесие, царящие в мире, и сколь потрясающе огромна должна быть Сила, необходимая для их создания и поддержания!»

«Надо предполагать Создателя, если видишь вселенную как огромный часовой механизм, раскачивающийся в вакууме, – ведь даже у часового механизма должен быть

 $^{^*}$ Здесь и далее по всей книге: абзацы, текст которых стоит в кавычках (если это особо не оговорено), представляют собой избранные места со страниц самых разных произведений сэра Артура Конан-Дойля. Абзацы без кавычек принадлежат перу автора настоящего исследования. (Π . Γ .)

конструктор. Но он остаётся игрушкой - колоссальной, но тем не менее игрушкой, - если только он также не предполагает определённой цели, определённого толкования добра и зла, определённого смысла».

«Человек, который заявляет, что мы ничего не можем знать, на мой взгляд, так же неразумен, как и тот, который утверждает, что всё было открыто нам в божественном откровении. Абсолютно невыносимой породой людей, я считаю, являются те самоуверенные учёные, которые досконально знают свою узкую область и которым вместе с тем не хватает воображения, дабы уразуметь, какой ничтожной малостью являются сомнительные знания, коими они располагают, в сравнении с необъятностью того, что остаётся нам неведомым. Такой человек считает, будто существование Вселенной объясняется действующими в ней законами, словно закон не нуждается в своём создателе точно так же, как и существующий материальный мир! Движение снаряда может быть объяснено законами физики, отчего, однако, необходимость наличия инженера ни в коей мере не становится менее очевидной. В нашем мире так уж устроено, что как только появляется фанатик с какого-либо рода крайностями, тут же в противовес ему возникает фанатик прямо противоположного толка, который сводит на «нет» усилия первого. Стоило появиться мамелюку, как тут же возник крестоносец. Раз есть фении, то нате, пожалуйста, и оранжиста. Каждое действие имеет своё противодействие, у каждой силы – свой откат. Точно так же и эти ограниченные учёные попросту противопоставлены тем джентльменам, которые до сих пор верят, будто мир был сотворён в 4004 году до Р.Х».*

«В конце концов, истинная наука должна быть солидарна с религией, так как наука есть накопление фактов; а все факты создают основание, из которого мы можем сделать выводы о том, что мы собой представляем и ради чего мы находимся здесь. Но несомненно, что чем более мы всматриваемся в методы, посредством коих получаются результаты, тем более поразительной и изумительной становится та Великая Незримая Сила, что стоит за всеми фактами материальной природы, - Сила, которая в целости и сохранности несёт Солнечную систему в бесконечности космоса и одновременно соизмеряет длину хоботка насекомого с глубиною чашечки содержащего нектар цветка. Что представляет собою этот Центральный Ум? Можно дать догматику-учёному микроскоп с 300-кратным увеличением или телескоп с шестифутовым рефлектором, но ни в микро-, ни в макромире он не сможет обнаружить следов величайшей силы, движущей всем сущим».

«Что сказали бы мы о человеке, которому было предложено рассмотреть огромную и прекрасную картину и который ограничился бы тем, что сказал, что толкование её рисунка, данное кем-то ранее, ошибочно, и из того сразу заключил бы, что картина не была написана художником, или ещё стал бы утверждать, что у него нет никаких средств выяснить, нарисована она художником или нет? В последнем случае, на мой взгляд, мы имеем в чистом виде выражение позиции самых крайних агностиков. Можно было бы спросить: «Разве существование картины не является само по себе свидетельством того, что над ней поработал умелый художник?» Тогда приверженец подобных взглядов ответил бы: «Да нет, почему же? Вполне возможно, что картина произвелась сама собой с помощью действия определённых правил. Кроме того, когда я впервые увидел картину, я был уверен, что она произвелась за неделю, но, внимательно её изучив, я могу с полной уверенностью сказать, что для возникновения её потребовалось довольно значительное время. Поэтому я остаюсь при том мнении, что в высшей степени сомнительно, чтобы она вообще была когда-то нарисована».

«Если, с одной стороны, отбросить эту чрезмерную научную щепетильность, а с другой, веру – на том основании, что обе оне давно не выдерживают никакой критики, – тогда останется совершенно ясный вывод, что Вселенная самим фактом своего существования

^{*} Фении – члены «Ирландского революционного братства», основанного в 1858 году. Боролись за независимость Ирландии от Англии, применяя при этом заговорщицкую и террористическую тактику. $(\Pi.\Gamma.)_{**}$ до Р.Х. – здесь и далее: до Рождества Христова

подразумевает наличие своего Создателя; а уже из этого факта мы можем вывести некоторые из Его неотъемлемых свойств, как-то: Его могущество, Его мудрость, Его предвидение малейших нужд Его созданий и способность их удовлетворить. С другой стороны, нам не следует быть чрезмерно настойчивыми в прояснении тайны, которая скрывается в боли, жестокости — во всём, что нам представляется тёмным пятном на Его работе. Лучшее, что мы можем сказать о них, это то, что есть основание *надеяться*, что вещи сии не так дурны, как нам кажется и, вероятно, ведут к некой более высокой цели. Плач измученного ребёнка и крики истязаемого животного — это вещи, которым философу труднее всего дать разумное объяснение».

«Я изучил основоположения нескольких религий. И во всех них меня покоробила необходимость насилия, которое я должен совершить над собственным разумом, дабы признать догмы любой из них. Религиозная этика по большей части восхитительна. Однако это же можно сказать и об этике британского законодательства. Но сам план творения, на котором религиозная этика построена! Право слово, самое поразительное из всего, что я видел за время своего непродолжительного земного странствия, — это то, что такое множество одарённых людей — глубоких философов, хитроумных законников, вполне здравомыслящих светских людей — смогли принять подобное объяснение фактов жизни. Перед лицом их явного одобрения моё собственное мнение не могло бы сделать ничего лучшего, как затаиться внутри меня самого. Да вот только мне придаёт смелости довод, какой совсем не трудно найти при некотором размышлении: ведь величайшие законники и философы Древнего Рима и Греции тоже были все согласны по поводу того, что у Юпитера имелось множество жён и что он большой поклонник выпивки».

«Не подумайте, будто я стараюсь принизить чью-либо точку зрения. Требуя терпимости к себе, мы ведь в первую очередь сами должны распространять её на других. Я просто объясняю здесь, какова моя позиция, как не раз делал это и прежде. И я прекрасно знаю, какой мне уготован ответ. Мне так и слышится строгий голос, вещающий: «Имейте веру! Рассудок — не помощник в таком деле». Что ж, чья-то совесть допускает подобные вещи, моя же ни за что мне такого не позволит. Я ведь так ясно вижу, что вера — не добродетель, а порок. Это коза, затесавшаяся среди овец. Если человек по собственной воле закрывает глаза и отказывается от зрения, то всякий согласится с тем, что это безнравственно и оскорбляет природу. И это, однако, не мешает теологам советовать человеку закрыть глаза рассудка — дара куда более ценного — и отказаться от духовного зрения при рассмотрении самого насущного жизненного вопроса».

«Наш мир, занятый обыденными делами, похоже, сейчас не имеет времени на великие вопросы жизни и смерти. Факты и случаи, которыми изобилуют анналы спиритической науки заслуживают самого внимательного отношения, и нашим учёным стоит на какое-то время оторваться от насекомых и камней, чтобы попытаться разрешить проблемы, которые так тесно связаны с нашей собственной природой и судьбой. Всё это не сказки. Это новая область знаний, которую человечеству необходимо исследовать и покорить».

«Увы, мир слишком занят играми и удовольствиями, слишком увлечён своими одеревеневшими вероисповеданиями и окаменевшими религиями, чтобы прислушаться к тому, что говорят нам из-за завесы, ушедшие *туда*. Головы простых людей до того забиты несущественным, что в них просто не хватает места для действительно важного. Находящиеся здесь поймут ценность обращённых к ним мыслей и слов лишь тогда, когда будет слишком поздно».

«Всё, что расширяет наше представление о возможном и сталкивает нас с давно заржавевших путей привычного восприятия действительности, помогает нам восстановить гибкость разума и стать более восприимчивыми к новым системам идей и взглядов на мир».

«Если однажды человек приходит к ложному заключению, что психические силы не

существуют, его умственные способности неизбежно начинают атрофироваться, как это происходит со всеми религиозными направлениями фанатичного толка».

«Здравый смысл — вот наш высший дар; мы должны находить ему применение. А он говорит о том, что пороки религии, когда десятки религиозных культов безжалостно убивают друг друга, происходят из приятия того, что не может быть доказано. Он говорит мне, что христианская религия содержит ряд прекрасных и благородных вещей, перемешанных с большим количеством сущего вздора. Для того, чтобы быть подлинной, религия должна включать в себя всё — от амёбы до Млечного Пути».

VI. Спиритизм – единственный просвет в затянувших небосвод облаках скептицизма

«В мире сем я вижу крепкие основания для надежды, а что касается мира грядущего, то я твёрдо верю, что всё будет к лучшему. Я готов принять всё, что ни сочтёт нужным уготовить нам Верховный Владыка — от полного исчезновения до вечного блаженства.

Но многое в перспективах этого мира настраивает сердце человеческое на поющий лад. Добро оказывается всегда поверх зла, как масло поверх воды в бутылке. Человечество неуклонно развивается. Совершается всё меньше преступлений. Роль образования и культуры всё возрастает. Люди грешат меньше и думают больше. Когда мне встречается какой-нибудь малый грубой наружности, я не могу удержаться от мысли, что он и ему подобные суть представители вида, который скоро исчезнет с лица земли, как то когда-то случилось с динозаврами. Но мне кажется, что в интересах зоологических наук нам следует сохранить несколько экземпляров Билла Сайкса, дабы дети наших детей могли видеть, что это был за человек».

«И затем, чем более мы прогрессируем, тем наша склонность к прогрессу усиливается. Наше продвижение вперёд происходит не по арифметической, а по геометрической прогрессии. Мы содержим в себе всеохватывающий интерес ко всему капиталу знания и добродетели, накопленному от начала времён. Предполагается, что между эпохами палеолитического и неолитического человека умещается около 80 тысяч лет. И всё же за это время человек только и смог сделать, что научился обтачивать каменные орудия вместо того, чтобы обкалывать их. Но за время жизни наших отцов каких только изменений не свершилось? Железная дорога и телеграф, хлороформ и электричество. Нынешние десять лет значат больше, чем прежние десять тысяч, не столько за счёт обострения нашего интеллекта, сколько потому, что знание, которым мы располагаем, указывает нам путь к гораздо большему. Первобытный человек шёл медленно и постоянно спотыкаясь, мы же стремительно идём вперёд к неведомой нам цели».

«И хотел бы я знать, в чём она состоит, эта цель! Разумеется, я говорю о нашей жизни в здешнем материальном мире. С тех самых пор, как человек впервые нацарапал иероглифы на остраконе или накалякал письмена краскою на листе папируса, он наверняка должен был так же страстно желать узнать это, как и мы сегодня. Я полагаю, что нам сегодня известно немного больше, чем им. У нас есть временной отрезок протяжённостью более трёх тысячелетий, из коего мы можем рассчитать путь, по которому пойдут наши потомки. Но вот только обольщаться не стоит: этот временной отрезок такой крошечный в сравнении с протяжённостью эпох, которые Провидение употребляет для исполнения Своих замыслов, что наши расчёты и выводы касательно Его деятельности скорее всего окажутся эфемерны».

«Разумеется, примесь догматизма неизбежно присутствует, коль скоро мы берёмся определять законы касательно своего будущего развития; ибо как мы можем знать, что природою для нас не предусмотрены фазы, о которых у нас нет и понятия? В конце концов, несколько секунд представляют гораздо больший отрезок дня, чем средняя продолжительность нашей жизни применительно к периоду, в течение коего продолжается известное нам время существования мира. Но если бы человек жил только несколько секунд в течение этого дневного времени, а также его сын и сыновья его сыновей, то что бы их объединённый опыт, после сотен поколений, мог сказать им о таком явлении, которое мы называем «ночью»? Так что вся наша история и знание никак не гарантируют нас от того, что мир не предназначен для прохождения через какие-то состояния, о которых мы не можем составить себе никакого понятия».

«Поглотит ли цивилизацию варварство? Вот в чём вопрос. Прежде это уже случалось, потому что цивилизации прошлого были лишь крошечными искрами, вспыхнувшими во мраке. Но наша цивилизация, скорее всего, не исчезнет, а вырастет и усложнится. Человек

покорит воздушные просторы и морские глубины. Успехи профилактической медицины искоренят болезни и приведут к тому, что причиной смерти останется только старость. Образование и более социалистическая организация общества покончат с преступлениями. Англоговорящие нации объединятся с центром в Соединённых Штатах. Постепенно европейские государства последуют их примеру. Война сделается редкой, но зато, наверное, более ужасной. Современная форма религий упразднится, но суть её останется, так что единая, вселенская вера будет воспринята всей цивилизованной Землёю. Эта вера будет проповедовать доверие к Руководящей Силе вселенной, но и тогда мы будем знать об этой Силе не больше, чем теперь».

«Мы знаем, что многие постоянные явления Вселенной не являются случайностью. Не случайность, что небесные тела, вращаясь по своим орбитам, не сталкиваются друг с другом. Не случайность, что семя обладает приспособлением, перемещающим его на подходящую почву. Не случайность, что существо приспособлено к среде, в которой оно обитает. Покажите мне кита, одетого в толстое пальто из жира, и мне не нужно уже другого доказательства существования высшего замысла. Но в согласии с логикой, как кажется мне, всё должно быть либо замыслом, либо случайностью. Я не вижу, как можно было бы провести прямо через всю Вселенную раздел и сказать, что всё по правую сторону является случайностью, а всё по левую предопределено. Нам пришлось бы тогда утверждать, будто вещи, принадлежащие к одному и тому же классу, в действительности разделены непроходимой пропастью и что менее важные регулируются, тогда как более высокие нет. Поясню: мы будем вынуждены допустить, что число сочленений на задней ноге у блохи подразумевает прямое вмешательство Творца, тогда как несчастный случай, в результате которого в театре погибла тысяча людей, зависел от падения на пол восковой свечи и был непредвиденным изъяном в цепи жизненных событий. Так вот мне представляется, что полобное немыслимо».

«Очень поверхностный довод сказать, что если человек фаталист, то он поэтому перестанет бороться и будет покорно дожидаться того, что ему пошлёт судьба. Утверждающий это забывает, что среди прочих предопределённых вещей есть и та, что мы, люди северных рас, будем бороться и не будем сидеть сложа руки. Но после борьбы, когда человек сделал всё, что знал и мог, и когда, несмотря на это, ожидаемый результат не наступает, пусть он выждет лет десять прежде, чем утверждать, что это невезение. Тогда, скорее всего, полученный итог окажется основной линией его судьбы, которая действует ради определённой цели. Иной человек теряет богатство, но зато приобретает серьёзность. Другой теряет зрение, но это ведёт его к духовности. Девушка утрачивает красоту, зато становится

* Здесь невольно вспоминается изумительная глава «О вольнодумцах» в книге Жана Лабрюйера «Характеры», где по аналогичному поводу тот говорит, в частности, следующее:

[«]Итак, я стою на Земле, которая не что иное, как песчинка, которая ни на чём не держится и словно висит в воздухе. Вокруг неё, на высоте, превосходящей все наши понятия, вращается почти бесконечное число огненных шаров невыразимой и потрясающей воображение величины, которые вот уже на протяжении невообразимого количества лет изо дня в день проносятся через безмерные и беспредельные просторы неба. С вас мало этого? Тогда представьте себе, что Земля сама с непостижимой скоростью вращается вокруг Солнца, и все эти шары, все эти колоссальные движущиеся тела не препятствуют вращению соседних, не мешают друг другу, не сталкиваются между собой; в самом деле, что стало бы с Землёю, если бы мельчайшее из них по ошибке встретилось с нею? Напротив, все они занимают свои места, блюдут предустановленный порядок и так невозмутимо следуют назначенным им путём, что ничей слух неспособен услышать их ход, а простолюдины даже не подозревают об их существовании. О, несравненная предусмотрительность случая! Даже разум не сумел бы устроить всё это обдуманнее! Меня смущает только одно: эти огромные тела так точны и постоянны в своём беге, вращении и взаимодействии, что даже некие крохотные животные, затерянные в одном из уголков того неизмеримого пространства, которое называется Вселенной, нашли, понаблюдав за светилами, способ безошибочно предсказывать, в какой точке своего пути окажутся последние через две, четыре, двадцать тысяч лет, начиная с сегодняшнего дня. Вот это и озадачивает меня. Если столь непререкаемые законы соблюдаются лишь благодаря случаю, то что же такое тогда порядок и закон?» (Примеч. П.Г.)

симпатичнее. Мы думаем, что смело идём своим путём, тогда как на самом деле нас всё время держит за руки великая длань Всевышнего».

«Ещё шестьдесят лет назад столь проницательный мыслитель, как лорд Бругэм, заметил, что в ясном небе скептицизма он усматривает лишь одно плывущее по нему облако, и это современный спиритуализм. Данное сравнение странным образом перевёрнуто: было бы гораздо вернее сказать, что в затянувших небосвод облаках скептицизма усматривается лишь один просвет, и это именно современный спиритуализм, но в конечном итоге его слова лишь показывают, что он понимал грядущую важность этого движения. Рёскин, ум ничуть не менее выдающийся, заметил однажды, что его уверенность в бессмертии целиком основывается на фактах, установленных Спиритизмом. Можно назвать десятки, сотни знаменитых имён, поддержка которых безусловно облагораживает любое дело на земле и носители которых подписались бы под этим же утверждением. Эти люди как бы высочайшие горные пики, на которые в первую очередь падает свет занимающейся зари, но в конечном счёте рассвет разгорится до такой степени, что самое незначительное возвышение на земной поверхности окажется охвачено им. Давайте же повернёмся к этому свету лицом и присмотримся к названному движению, которое вполне определённо предназначено в такой степени революционизировать человеческую мысль и деятельность, как то до сего времени во всю христианскую эпоху не удалось сделать никому другому».

«Это движение, которое призвано придать жизнеспособность нынешним мёртвым и спиритизмом». называется «новейшим «Новейший» холодным религиям, «современный») – слово, указывающее на то, что само по себе явление в той или иной форме существовало и раньше и, стало быть, старо, как мир. Во все времена, как бы оно ни было затемнено выражающими его формами, оно было той самой сердцевиной, тем духовным пламенем, которое пылало в глубине всех религиозных идей, и оно же пронизывает собой всю «Библию» от начала и до конца. Но слово «спиритизм» было так опошлено профанами и шарлатанами, что почти хочется заменить его каким-либо другим термином (например, «духовная религия») и тем очистить сам предмет от старых предрассудков наподобие того, как месмеризм после многих лет гонений получил быстрое признание, когда сменил название, став именоваться гипнотизмом.* С другой стороны, нельзя забывать, что многие отважные первопроходцы, сражались под этим знаменем и, не страшась поставить под удар свою профессиональную карьеру, свои достижения и даже свою репутацию как людей здравомыслящих, публично защищали то, что они знали как истину.

Их отважная, бескорыстная преданность делу Спиритизма не могла не дать своих плодов и много сделала для очистки имени, за которое они боролись и страдали. Именно они вынянчали Учение, которое обещает стать не новой религией — уж слишком оно велико, чтобы вписаться в подобные рамки, — но фундаментальной частью всего общечеловеческого достояния знаний и мудрости. Однако усовершенствованный Спиритизм будет, по всей вероятности, так же мало похож на Спиритизм 1850 года, как современный локомотив — на котелок с кипящей в нём водой, что, однако, не помешало последнему ознаменовать собой эру паровых машин. В конечном счёте Спиритизм скорее станет доказательством и основанием всех религий, чем религией самой по себе. У нас и так уже слишком много религий и слишком мало доказательств».

«Легко высмеивать летающие столы и дрожащие стены, однако это были самые доступные и естественные объекты, способные отобразить на материальном уровне действие силы, недоступной человеческому восприятию. Рассудок, остававшийся глухим к возвышенным рассуждениям, проснулся и обнаружил новые направления для исследований, столкнувшись с простейшими, но при этом совершенно необъяснимыми фактами. Можно назвать эти явления детской чепухой, однако они выполнили своё предназначение: потрясти до самых основ мировоззрение тех учёных-материалистов, кто войдёт с ними в

- 26 -

 $^{^*}$ Мы же в данном случае вместо «духовной религии» предлагаем термин «карденизм», составленный из фамилий создателей *духоведения*, или новейшего спиритизма, – Аллана Кардека и Леона Дени. (Π . Γ .)

непосредственный контакт. Их надо рассматривать не сами по себе, а как простейшие средства, способные направить мышление по новому пути. Эти пути вели прямиком к осознанию жизни духа после смерти тела».

«Мы можем спросить, почему столь серьёзные результаты возникают из столь незначительных источников? Именно этим вопросом задавались высокомерные философы Греции и Рима, когда красноречивый проповедник Павел вместе с рыбаком Петром и их полуграмотными учениками отвергли все их многомудрые теории и с помощью женщин, рабов и иудеев-раскольников низвергли их старые языческие верования. Ответом на это может быть лишь то, что у Провидения есть собственные пути достижения нужных целей и что Оно редко сообразуется с нашими представлениями о подобающем и пристойном».

«Читатель вправе воскликнуть: «Разве мы вернулись в эру чудес?». Никаких чудес не бывает. Всё, что мы увидели и о чём сообщают источники прошлого, есть не что иное, как проявление действия законов, ещё не открытых нами. Мы уже начали понимать, чего можно ожидать при подобных явлениях, а чего нет, и ограничения эти столь же жёстки, как если бы речь шла о явлениях из области физики. Следует соблюдать здравомыслие и не примыкать ни к тем, кто не верит ни во что, ни к тем, кто готов поверить слишком многому. Постепенно туман рассеется, и мы увидим очертания берегов, скрытых до поры от нашего взора. Когда иголка впервые подпрыгнула, притянутая магнитом, это не было нарушением закона тяготения. Это было лишь локальное проявление более сильного взаимодействия. Так же можно расценивать и случаи действия психической силы на материальном уровне. Если бы Хоум усомнился в своих возможностях или если бы кто-то нарушил спокойную обстановку его окружения, то он бы упал на землю. Когда Св.Пётр утратил веру, вода тут же накрыла его. В течение многих веков одна и та же причина приводила к одному и тому же следствию. Духовная сила не покидала нас на протяжении веков, и то, что было дано древней Иудее, не отнято и у современной Англии».

«Дыхание духа можно ощутить сегодня в этой комнате с такой же лёгкостью, как оно сквозило в Иерусалиме. Бог не умер две тысячи лет назад. Он здесь и сейчас... Единственно прочной и вечной является память о том, что мы обсуждаем сейчас, это — мост через смерть, уверенное непрерывное путешествие в потустороннем мире».

«С того момента, как я понял огромную важность этого предмета и осознал, насколько радикально он может изменить и очистить всю мировую мысль, когда его принимаешь всем сердцем, я почувствовал, что вся остальная работа, которую я когда-либо делал или буду делать, есть ничто по сравнению с этим».

VII. Неужели же мы только кучка дикарей перед радиоприёмником: мы изумлены и напуганы голосом, идущим оттуда, но нам совсем не интересно знать, о чём этот голос нам говорит?

«Надеюсь, с моей стороны не будет самонадеянностью утверждать, что эволюция моей исследовательской мысли не была слишком уж скороспешной и что на ней не лежит печать легковерия, так как это два воистину глобальных обвинения, выдвигаемых против нас оппонентами. Она, напротив того, оказалась слишком неспешной, ибо я был преступно медлителен, помещая на весы справедливости любую мелочь, которая могла бы оказать на меня влияние. Не разразись мировая война, я, скорее всего, так и провёл бы жизнь лишь на подступах к истинным психическим исследованиям, высказывая время от времени своё симпатизирующее, но более или менее дилетантское отношение ко всему предмету - как если бы речь здесь шла о чём-то безличном и далёком, вроде существования Атлантиды или о какой-то абстрактной полемике. Но пришла Война и принесла в души наши серьёзность, заставила нас пристальнее присмотреться к себе самим, к нашим верованиям, произвести переоценку их значимости. Когда мир бился в агонии, когда всякий день мы слышали о том, что смерть уносит цвет нашей нации, заставая молодёжь нашу на заре многообещающей юности, когда мы видели кругом себя жён и матерей, живущих с пониманием того, что их любимых супругов и чад более нет в живых, мне вдруг сразу стало ясно, что эта тема, с которою я так долго позволял себе заигрывать, была не только изучением некоей силы, находящейся по ту сторону правил науки, но что она нечто действительно невероятное, какойто разлом в стене, разделяющей два наших мира, непосредственное, неопровержимое послание к нам из мира загробного, призыв надежды и водительство человеческой расе в годину самого глубокого её потрясения. И внешняя материальная сторона этого предмета сразу потеряла для меня интерес, ибо когда мне стало понятно, что он несёт истину, то исследовать снаружи здесь стало нечего. Бесконечно большее значение явно имела его религиозная сторона. Так, сам по себе телефонный звонок есть сущая безделица, но он ведь признак того, что с вами желают говорить, и тогда может оказаться, что с помощью телефонного аппарата вы узнаете нечто для себя жизненно важное. Похоже, все спиритические явления, и большие и малые, являются своего рода телефонными звонками, которые, невзирая на свою сугубо материальную природу, кричат роду человеческому: «Прислушайтесь! Пробудитесь! Будьте готовы! Вот подаются вам знаки. Они приведут вас к посланию, которое желает передать вам Господь». И важно само послание, а не эти знаки. По всей видимости, некое Новое Откровение готовилось быть переданным человечеству, хотя и можно сказать, что оно пока находится только на стадии Иоанна Крестителя по отношению к учению Христа, и никто не может ещё сказать, сколь велика окажется полнота и ясность этого Нового Откровения».

«Удовлетворимся ли мы тем, что будем созерцать эти явления, не обращая никакого внимания на то, что явления эти значат, словно группа дикарей, изумлённо глядящих на радиоаппарат и нисколько не интересующихся содержанием передаваемых им сообщений, или же мы со всей решимостью возьмёмся за осмысление этих тонких и едва уловимых высказываний, пришедших к нам из загробного мира, и за построение такой религиозной концепции, которая будет основана на посюстороннем человеческом разуме и потустороннем духовном вдохновении? Эти явления уже переросли пору детских игр, они покидают возраст спорных научных новшеств и принимают (или примут) очертания фундамента, на котором будет построено вполне конкретное здание религиозной мысли, в некоторых своих частях воссозданное из материала старых зданий, в других же строящееся из совершенно нового материала».

«Физическим основанием всякой психической веры является то, что душа представляет собой полный дубликат тела, походящего на неё в мельчайших деталях, хотя и построенного из гораздо более плотного материала. В обычных условиях оба этих тела настолько

переплетены, что присутствие более тонкого из них вовсе не замечается. Однако при смерти (а при наличии определённых условий и при жизни) эти тела разделяются и могут быть увидены раздельно. Смерть отличается от условий отделения тонкого тела при жизни лишь тем, что между двумя телами происходит полный разрыв и жизнь полностью переносится в более лёгкое тело, тогда как более грубое, подобно кокону, который скинула с себя находившаяся в нём личинка, распадается и исчезает. Вот только мир человеческий, с большой торжественностью погребая кокон, мало, увы, заботится о том, что сталось с пребывавшей в нём более благородной частью. По мнению многих, наука не признаёт этого положения, и потому утверждать его, с чьей бы то ни было стороны, является чистейшим догматизмом. Действительно, наука, которая не изучила фактов, не признаёт этого положения, но мнение такой науки, безусловно, не имеет никакого значения или уж во всяком случае обладает куда меньшим весом, нежели мнение тех, кто психические явления изучал».

«Да и что такое наука? Наука — это лишь согласие мнений учёных между собой, и история показала, что наука весьма медлительна и неповоротлива, когда речь идёт о необходимости принять истину. Наука двадцать лет не желала признавать Ньютона и его законы. Наука математически доказала, что корабль из железа не сможет плавать, и наука же заявила, что пароход никогда не пересечёт Атлантику.

Подобно Мефистофелю у Гёте, наши учёные только и могут что «stets verneinen»*. Спрашивается, каким весом может обладать такого рода наука? Она — те же самые теологические предрассудки, из-за которых церковники, современники Галилея, отказывались взглянуть в телескоп, к которому приглашал их великий астроном.

Настоящая наука — та, которая изучила факты, она — единственный значимый авторитет, а мнение её представителей по данному вопросу практически единодушно. Знаменитый математик профессор Огастес де Морган как-то заметил, что Спиритизм можно считать заблуждением или шарлатанством ничуть не в большей степени, нежели философию, ему противостоящую.

Если скептики и отрицатели перестанут верить в непогрешимость своих методов и обратят взор свой к Востоку — прародине всех великих идей, — то они найдут там школу философов и учёных, которые, работая по совершенно иным направлениям и принципам, чем их братья на Западе, ещё тысячу лет назад опередили последних по всем основным направлениям знания».

«Для человека действительно научного склада ума агностические взгляды являются самой лучшей отправной точкой. Но во всём нужна мера. Учёный-исследователь психического, которому не хватило смелости и гибкости получить положительные результаты, целенаправленно погрязает в бесконечных дополнительынх проверках, которые вовсе не приносят никаких результатов».

«Спиритическое движение встретило горячее сочувствие и жестокое противодействие с самого начала. Сегодняшняя наука укоренилась в материализме и, столкнувшись с совершенно новым и неожиданным предложением, отбросила все собственные же весьма достойные аксиомы. Так, Фарадей заявил, что, приступая к столь новому предмету, следует а ргіогі составить мнение о том, что возможно, а что нет! Гексли сказал, что потусторонние сообщения, даже если они подлинны, «интересуют его не больше, чем болтовня церковных служек в притворе храма». Дарвин сказал: «Боже нас упаси верить во что-то подобное!» Герберт Спенсер также высказался против этой темы, хотя и признал, что у него не нашлось

-

^{*} постоянно отрицать (нем.)

^{*} Любопытное суждение несколькими веками раньше оставил и Леонардо да Винчи: «Некромантия эта, знамя и ветром развеваемый стяг, есть вожак глупой толпы, которая постоянно свидетельствует криками о бесчисленных действиях такого искусства; и этим наполнили книги, утверждая, что заклинание и духи действуют и без языка говорят, и без органов, без которых говорить невозможно, говорят, и носят тяжелейшие грузы, производят бури и дождь и что люди превращаются в кошек, волков и других зверей, хотя в зверей прежде всего вселяются те, кто подобное утверждает». Из этого мы вольны делать вывод, что спиритическая практика существовала и тогда. (Примеч. П.Г.)

времени с ней познакомиться.

Профессора Роберт Гэр и Горас Грилей были среди просвещённого меньшинства, которое удостоверилось в истине, стоящей за этим движением, и потому приняло его сторону.

Облик движения не раз искажался многими прискорбными происшествиями, что может объяснить, но никак не извинить то упрямое неприятие, которое оно встретило в столь многих кругах. В действительности это неприятие главным образом основывалось на абсолютном материализме эпохи, не желавшем допускать, будто в настоящее время могут существовать такие условия, которые признаны для далёкого прошлого. Когда таким людям приходится сталкиваться с фактами, подтверждающими реальность жизни после могилы, жизни, в каковую они по долгу службы провозглашают себя верующими, то они болезненно морщатся, с отвращением отдаляются и объявляют такие факты невозможными».

«В целом я склоняюсь к мысли, что все эти полные сомнений и нерешительно настроенные учёные, имеющие, кстати, собственные исследования, достойные внимания, попросту ограничили круг своего чтения и своё мышление объективной стороной вопроса и не осознают, какое огромное количество доказательств имеется с его субъективной стороны, дающей нам точную картину потусторонней жизни. Эти учёные пренебрегают документами, не имеющими объективной доказуемости, и недостаточно, на мой взгляд, понимают, что общая согласованность свидетельств, равно как и сам факт идентификации свидетеля, являются объективным доводом истинности.

Некоторые к тому же усложняют дело, предсказывая существование в природе какогото четвёртого измерения, но сам термин является абсурдом, как абсурдны все термины, не находящие соответствующего впечатления в человеческом мозгу. Нам и без того хватает тайн, ждущих от нас своего разрешения, чтобы беспричинно создавать ещё и новые. Если твёрдое тело проходит сквозь твёрдое, то, разумеется, проще предположить, что совершается это за счёт дематериализации и последующего синтеза — это, по крайней мере, процесс, который укладывается в человеческой голове, — нежели приводить объяснение, которое само нуждается в ещё более сложном объяснении».

«Можно написать имена пятидесяти профессоров, преподающих на кафедрах в крупнейших университетах, которые рассмотрели и признали эти факты. В этом списке значились бы многие величайшие умы мировой науки нашего времени: Фламмарион и Ломброзо, Шарль Рише и Рассел Уоллес, Вилли Рейхель, Мейерс, Цолльнер, Вильям Джеймс, Лодж и Крукс. Таким образом, факты были признаны той единственной наукой, которая имеет право выражать мнение. За тридцать лет моего опыта на ниве Спиритизма мне ни разу не встретился хотя бы один учёный, который бы, тщательно изучив этот предмет, в конце концов не принял объяснение, даваемое ему Спиритизмом. Таковой, полагаю, может существовать, но, я повторяю, я никогда о нём не слышал».

«В наши дни факты о паранормальных феноменах известны всякому, кто не предпочитает сознательно остаться невеждой».

* Конан-Дойль в данном случае имеет в виду позицию, занимаемую христианской Церковью. Несколько раньше Карл Дюпрель по этому же поводу писал, что господа церковники признают оккультно-мистические факты, лишь когда они датированы первыми веками христианства, и считают

оккультно-мистические факты, лишь когда они датированы первыми веками христианства, и считают такую мистику *белой*, т.е. идущей от светлых сил; аналогичные же факты дней нынешних, будучи произведены нашими современниками, у них причисляются к мистике исключительно *чёрной*, т.е. идущей от злых сил, словно бы Бог заботился об этом мире только в первые века новой эры, а после целиком предоставил его в распоряжение дьявола — точка зрения, напрочь лишённая логики; помимо того, как мы показали в других наших работах, сама вера в существование дьявола и тёмных сил

VIII. Все складно расписанные теории материализма разлетаются во прах

«Сейчас мы располагаем бо́льшим опытом относительно феноменов такого рода и с известной степенью достоверности можем определить, что именно произошло в Гайдсвилле в 1848 г. Мы знаем теперь, что эти явления подчиняются закону и определённым условиям так же, как и все явления во Вселенной, хотя в ту пору они и представлялись публике событием изолированным и исключительным. С одной стороны, имелся полуматериальный, привязанный к земле дух низкой степени развития, которому, для того чтобы обнаружить своё присутствие, был необходим медиум. С другой, наличествовал хороший медиум для производства физических феноменов – явление довольно редкое. В результате спиритические проявления возникают почти с той же неизбежностью, с какой при должном соответствии между электрической батареей и проводом проскакивает искра».

«В настоящее время профессором Кроуфордом в Белфасте проводятся спиритические эксперименты, в которых такого рода следствие и причина чередуются в должной последовательности, что подробно представлено им в двух его последних книгах: «Реальность спиритических явлений» и «Эксперименты в области спиритической науки». Там он, в частности, показывает, что происходит действительное уменьшение веса тела медиума в прямом соответствии с происходящими спиритическими явлениями. Весь секрет медиумизма с материальной стороны данного явления заключается, по всей видимости, в энергии, совершенно не зависящей от воли самого медиума, который пассивно отдаёт какую-то часть собственной телесной субстанции для использования её потусторонними операторами».

«Почему одни люди обладают этой энергией, а другие нет? Мы не знаем этого — точно так же мы не знаем, почему у одних есть музыкальный слух, а у других нет. И то, и другое появляется у нас и не находится в прямой связи с нашим нравственным обликом и темпераментом. На первых порах была обнаружена медиумическая способность для совершения физических проявлений, и общественное внимание сосредоточилось на движущихся столах, на самостоятельно играющих музыкальных инструментах и прочих сугубо материальных проявлениях потустороннего влияния, сильных своей неоспоримостью. К сожалению, разного рода мошенники очень быстро научились этим явлениям подражать. Но с той поры мы узнали о существовании множества других форм медиумической способности, столь отличных одна от другой, что обладатель одной из них оказывался совершенно бессилен в проявлении остальных».*

«Автоматическое писание, ясновидение, глядение в кристалл, говорение в трансе, спиритическая фотография, прямой голос и многое-многое другое — все эти явления, когда они подлинны, являются выражением одной и той же энергии, которая течёт по разным каналам. Все эти проявления входили в «свод даров», способностями к производству которых в первые времена христианства обладали его последователи. Злокозненному распространению имитации спиритических явлений, несомненно, долгое время содействовала необходимость темноты, провозглашённая ранними экспериментаторами. Но с той поры, как величайший медиум всех времён — Д. Данглас-Хоум — благодаря исключительной силе своей энергии оказался способен данным требованием пренебречь, соблюдение темноты не является более принципиальным положением. В то же время факт, что темнота скорее, чем свет, и сухость

^{* &}quot;The Reality of Psychic Phenomena"; "Experiences in Psychical Science" by Pr.W.J.Crawford, Watkins. Работы профессора Кроуфорда уже переведены на русский язык: У.Дж. Кроуфорд, «Реальность психических явлений», перевод Юрия Карнаухова, Нижний Новгород, Издатель Москвичёв А.Г., 2019 г. (П.Г.)

 $^{^*}$ За подробностями отсылаем читателя к «Книге Медиумов» Аллана Кардека — непревзойдённому руководству по практическому Спиритизму: Аллан Кардек, «Книга Медиумов», Нижний Новгород, Издатель Москвичёв $A.\Gamma.$, 2018 г. ($\Pi.\Gamma.$)

скорее, чем влажность, благоприятствуют хорошим результатам, был с избытком удостоверен, и он указывает на то, что эти явления подчиняются определённым физическим законам. Наблюдение, сделанное много позднее, согласно которому беспроводный телеграф (другая эфирная сила) в два раза успешнее действует ночью, нежели днём, может служить подтверждением выводов ранних спиритов; в то же время их утверждения об относительной безвредности для спиритических проявлений красного света имеют соответствующую аналогию в работе фотографа».

«Общение с потусторонним миром, как и всё на свете, тоже подчинено жёстким законам. Когда нарушаются определённые условия, общение с духами становится столь же невозможным, как ток электричества по разорванному проводу. Дух возвращается не по своему желанию и не тогда, когда захочет, а тогда, когда для этого складываются подходящие условия. Закон, неумолимый закон управляет всем тем новым, что нам становится известно, и только точно определив его суть и границы, мы сможем получить какое-то хотя бы смутное представление о потусторонней жизни и о том, как она соотносится с жизнью земной».

«Мне думается, что культом спиритических сеансов сильно злоупотребляют. Если вы уже имели раз возможность убедиться в истинности этих явлений, то физические сеансы сделали своё дело, и тот, кто тратит время на то, что бегает от одного сеанса к другому, подвергает себя опасности стать всего лишь простым охотником за острыми ощущениями. Здесь, как и во всяком культе, есть опасность, что форма заслонит собою суть, и в погоне за физическими доказательствами человек может забыть, что настоящая цель этих сеансов, как я пытаюсь показать, состоит в том, чтобы дать нам уверенность в будущем и духовные силы в настоящем для того, чтобы достичь должного понимания преходящей природы материи и всезначимости того, что нематериально».

«Все складно расписанные теории о подсознательном разлетаются во прах перед простым утверждением незримого существа, заявляющего: «Я есмь дух. Я — Инесса, твоя сестра».

Я пожимал материализовывавшиеся руки.

Я вёл длинные беседы с прямым голосом.

Я ощущал специфический озонообразный запах эктоплазмы.

Я слышал пророчества, которые вскоре сбывались.

Я видел образ «умершего», запечатлённый на фотографической пластине, которой не касалась ничья рука, помимо моей.

Я получал через руку моей жены исписанные блокноты, содержавшие информацию, выходившую за пределы её сведений.

Я видел, как по воздуху летают тяжёлые предметы, которых не касалась человеческая рука и которые меняли направление движения, покорные воле незримых операторов.

Я видел духов, гуляющих по комнате в полумраке и присоединяющихся к разговору присутствующих.

Я знал женщину, не обладавшую никакой художнической техникой и тем не менее быстро нарисовавшую под водительством духа-художника картину, висящую теперь в моей гостиной и которую немногим из живущих и здравствующих художников удалось бы улучшить.

Я читал книги, которые могли бы исходить только от величайших мыслителей и учёных и которые всё же были написаны необразованными людьми, действовавшими как медиумы незримых умов, столь явно превосходящих их собственный. Я опознал манеру и стиль умершего писателя, которого бы не смог так скопировать ни один пародист, причём строки эти были написаны именно его почерком.

Я слышал пение, находящееся за пределами наших земных возможностей, и я слышал свист, который производился без паузы, необходимой нам для взятия воздуха.

Я видел предметы, бросаемые издалека и попадающие в комнату с запертыми дверями и

 $^{^*}$ Речь идёт об Оскаре Уайльде и его спиритических посланиях. Случай этот пристально изучался Конан-Дойлем и был удостоверен им как подлинный. (Π . Γ .)

окнами.

Если бы человек мог видеть, слышать и чувствовать всё это и тем не менее оставаться не убеждённым в реальности незримых разумных сил вокруг себя, то у него были бы веские причины сомневаться в здравости собственной психики. Почему он должен обращать внимание на болтовню безответственных журналистов или на то, как качают головой не имеющие в этом деле никакого опыта учёные после всех тех доказательств, которые ему удалось собрать самому? В данном вопросе они по сравнению с ним всего лишь дети и должны сидеть у ног его».

«Я хотел бы уверить читателя в том, что эти страницы были написаны человеком, не жалеющим своих сил для того, чтобы на собственной практике познать Учение. Что касается обвинений в излишней доверчивости, которые выдвигают все кому не лень в адрес людей, высказывающих позитивное мнение по поводу этого предмета, автор может торжественно заявить: за всю свою долгую карьеру исследователя он не может припомнить ни одного случая, когда ему пришлось бы признаться в собственной ошибке или удостоверить реальность событий, признанных впоследствии обманом. Доверчивый человек не смог бы посвятить двадцать лет чтению и экспериментам перед тем, как составить своё окончательное мнение.

Вопрос этот, однако, не таков, чтобы можно было обсуждать его неким отвлечённым и безличным образом, как то имеет место, когда говорят, например, о существовании Атлантиды. Это тема интимная, глубоко личная и жизненно важная в высшей степени».

«Недоверчивость можно приписать осмотрительности учёных, но тем, кто уже осознал весомость существующих наблюдений, она представляется упрямством и отсталостью. Как бы то ни было, такие случаи требуют более тщательного рассмотрения, и наши мужи науки вполне могут отвратить мысли от насекомых и камней, чтобы пролить свет на вопросы, столь тесно связанные с нашей собственной природой и судьбой».

«Наши критики всегда занимались тем, что выискивали недочёты отдельных случаев, но никогда не рассматривали общую картину во всей совокупности имеющихся доказательств».

IX. Мысль, дух и разум человека, действуя в отдалении от тела, тем доказывают, что они не тождественны ему и не суть его проявления

«Можно сказать, что в наше материалистическое время проповедь христианских сентенций, лишающих человека веры в жизнь после смерти, вряд ли будет кем-то услышана. Доктор Мак-Дугал в своей президентской речи в американском Обществе психических исследований* указывал на связь между кризисом религии и распространением материализма. Он говорил: «Только психические исследования могут изучать факты, не совместимые с материализмом. Материализм распространяет своё влияние, и никакие другие силы не в состоянии остановить его победное шествие: и богооткровенная религия, и метапсихическая философия в равной степени бессильны перед надвигающимся приливом. И если эта волна будет подниматься и усиливаться, как это происходит в настоящий момент, то по всем признакам её разрушающая мощь сметёт то, что с таким трудом завоёвано человечеством — все моральные традиции, созданные не одним поколением людей для упрочения истины, достижения справедливости и совершения благотворительности».

«Хотя психические исследования сами по себе могут значительно расходиться с религией, выводы и уроки, которые мы всё же в состоянии из них извлечь, просвещают нас о вечной жизни души, о природе этой жизни и о том, как она влияет на наше поведение в земном мире. Если это находится в противоречии с официальной религией, то я должен признаться в том, что не понимаю почему. Для меня это и есть религия — сама суть её. Спиритизм — это великая сила, объединяющая все мировые религии, христианские и нехристианские. В то же время это Учение способно глубоко воздействовать на традиционное христианство, не опровергая его, а объясняя и развивая. И я считаю, что Новое Откровение пророчит неизбежную гибель материализма».

«Феноменологический аспект Спиритизма, по мнению ведущих спиритов, не составляет главной его части. Гораздо важнее суть полученных сообщений: физическая смерть — всего лишь этап перерождения духа, жизнь духов во всех отношениях можно считать человеческой; приятное дружеское общение неотъемлемо от этой фазы жизни, и духи совершенно не хотят вернуться к своему прошлому состоянию. Они с удовольствием общаются со своими земными друзьями, желая убедить их в том, что после распада тела жизнь продолжается, в то же время духи заявили о том, что они не обладают даром пророчества».*

«Уже давным-давно мой ум нашёл достаточно подтверждений истинности многого, что представляется на первый взгляд невозможным и невероятным. В своё время у меня появился пространный рассказ, полученный с помощью столоверчения, об условиях жизни в потустороннем мире. Детали излагаемого показались мне невероятными, и я отложил отчёт в сторону, и однако оказалось, как я вижу теперь, что все детали того описания полностью согласуются с другими откровениями этого рода. То же случилось и с посланием, автоматически написанным г-ном Губертом Уэйлзом. Он бросил его в ящик стола, сочтя не заслуживающим серьёзного рассмотрения, и лишь потом выяснилось, что оно также вполне гармонирует с остальными».

«Если бы только было можно представить единственного человека, который бы открыл мир бесплотных духов и объявил о нём всему человечеству, то его как открывателя новых

^{* &}quot;American S.P.R"., January, 1923.

 $^{^*}$ Это заявление гораздо важнее, чем может показаться на первый взгляд. Спокон веку невежество и легкомыслие провозглашали гадание и предсказание будущего главной обязанностью Спиритизма, а нелепые и глупые результаты, получаемые ими при посредстве фривольных духов, неизменно служили противникам Спиритизма весьма весомым аргументом его мнимой несостоятельности. (Π . Γ .)

 $^{^*}$ Фрагменты этого послания см. ниже. (П.Г.)

миров пришлось бы поставить впереди Христофора Колумба, впереди апостола Павла как учителя новых религиозных истин и впереди Исаака Ньютона как исследователя законов Вселенной».

«Если мысль, дух, разум человека могут действовать в отдалении от тела, то, стало быть, они, до известной степени, есть нечто отдельное, отличное от тела. Почему же в таком случае дух не может существовать сам собой даже тогда, когда тело уже погибло? С теми, кто недавно умер, проявления эти выражаются не только в виде действия мысли на расстоянии, но и приобретают внешность умерших, доказывая тем, что проявления эти осуществляются чемто в точности таким же, как тело, но всё же действующим вне его и его переживающим».

Х. Что происходит в момент смерти

«Теперь, сказав о духовном теле и указав, что его присутствие отрицается лишь представителями одной-единственной системы взглядов, давайте обратимся к тому, что происходит в момент смерти в соответствии с наблюдениями ясновидцев, по нашу сторону, и согласно посмертным рассказам самих умерших, по другую. Наличие подобной двусторонней гарантии при согласовании деталей картины даёт основание считать полученные сведения истиной.

При безболезненном и естественном процессе умирания более лёгкое тело высвобождается из более тяжёлого и медленно выходит из него, пока не окажется целиком рядом с ним, сохраняя за собой тот же ум, те же эмоции, те же очертания, что и тело, лежащее на смертном одре, сознавая всех присутствующих рядом и не имея возможности дать им знать о себе, за исключением тех случаев, когда среди них оказывается человек, обладающий более тонким духовным зрением и называемый ясновидящим».

«Как, спросим мы, более тонкое тело может видеть без естественных органов зрения? А как жертва гашиша видит своё бесчувственное тело со стороны? У духовного тела есть свои способности восприятия, которые дают ему такую возможность. Больше мы ничего сказать не можем. Ясновидящему новый дух видится как туманная фигура. Зрению обыкновенного человека он недоступен. Другому духу он, без сомнения, представляется нормальным и вещественным, как мы представляемся вещественными друг другу. Есть указания на то, что со временем духовное тело становится более тонким, а это значит, что к материальному оно ближе всего в момент смерти или сразу вслед за нею, чем по прошествии ряда месяцев или лет. Стало быть, появления умерших наиболее зримы и чаще всего наблюдаются во время смерти; молекулы их эфира, если позволительно так сказать, всё ещё обременены той материей, от которой оне только что отделились».

«Что происходит с духовным телом, этой драгоценной ладьёй, несущей в себе нашу суть в плавании по неизведанным морям, после отделения его от более грубой материи? Очень много сообщений, устных и письменных, дошло до нас, в которых подробнейшим образом описываются переживания и впечатления людей в мгновение смерти и сразу же вслед за ним. Устные сообщения поступают от трансовых медиумов, органы речи которых в течение сеанса оказываются под контролем потусторонних умов. Сообщения, автоматически написанные, получаются в результате аналогичного воздействия на пишущую функцию человеческого тела. При этих словах критик закономерно и вполне разумно возразит: «Какая чепуха! Как вы можете проверить это утверждение медиума, если он сознательно или бессознательно претендует на водительство извне?» Это здоровый скептицизм, и им должен руководствоваться всякий экспериментатор, исследующий нового медиума. Доказательства должны содержаться в самом сообщении. Если их в нём нет, то мы, как всегда, должны принять естественное объяснение, нежели то, которое требует очень многих допущений».*

«Бытует мнение, что компиляция – утомительный процесс, который должен скорее раздражать составителя, чем удовлетворять его. Если представить себе земного писателя, получающего материал для своей книги по междугородней телефонной связи, то с теми же трудностями сталкивается и оператор автоматического письма. И всё же, несмотря на отсутствие авторства, повествования во многих случаях получались довольно логичными, впечатляющими и чрезвычайно интересными. Их трудно назвать древними, так как в них описан сегодняшний день и грядущие перспективы нашей жизни».

«Некоторые утверждают, что эти повествования очень отличаются друг от друга. Я так

 $^{^*}$ И Кардек, и Конан-Дойль учат нас, что при анализе тех или иных физических проявлений за потусторонние версии следует приниматься, лишь истощив запас нормальных объяснений случившегося. (Π . Γ .)

не считаю. После внимательного прочтения многих томов посмертных рассказов и великого множества рукописей, полученных в частном порядке от некоторых семей и скрытых от посторонних глаз, я был поражён обнаруженными в них совпадениями. То тут, то там истории напоминали одна другую, порой попадались и откровенные исповеди, отмеченные печатью сенсуализма, но в основном описания были рассудительны, разумны и в целом не противоречили друг другу, даже если расходились в деталях, поскольку описания жизни каждой конкретной личности, конечно же, имеют свои особенности. Представим себе жителя планеты Марс, которого ознакомили бы с описанием жизни крестьянина-индуса, эскимосского охотника и профессора Оксфордского университета. Вышеозначенный персонаж усомнился бы в том, что подобные несхожие жизнеописания принадлежат людям, живущим на одной планете. Этой проблемы нет в загробном мире: насколько нам известно, там не существует таких контрастов. Можно сказать, что характерной особенностью земной жизни является смешение разных социальных типов, имеющих различный уровень духовного опыта, и полное несовпадение этого опыта с человеческой природой. Небеса отличаются от преисподней. В нашем мире человек имеет возможность превратить жизнь - свою и окружающих людей – в рай, пусть даже и на короткое время. Однако не стоит забывать и о том, что существует много путей превращения мира в сносное подобие ада, хотя трудно отрицать, что в определённые моменты человечество нуждается в чистилище».

«Итак, какова же эта новая жизнь в описании тех, кто перешёл порог смерти? Попытаюсь ответить на этот вопрос.

Все сообщения о потусторонней жизни разнятся между собой в подробностях; я полагаю, однако, что и большинство рассказов о нашей жизни на земле в подробностях согласуются друг с другом ничуть не больше, но всё же, в общем, между ними есть определённое сходство; то же самое и здесь.

Мы не так уж много знаем о грядущей жизни, чтобы брать на себя смелость описывать её с такой же исчерпывающей точностью, как, к примеру, маленькую цветочную клумбу посреди площади. Вероятно, что те посланцы, которые возвращаются к нам, находятся на более или менее одинаковом уровне развития и представляют ту же самую жизненную волну, откатывающуюся от наших берегов. Сообщения обыкновенно приходят от тех, кто скончался недавно, и, как и следовало бы ожидать в таком случае, постепенно ослабевают. В этой связи уместно отметить, что, согласно преданиям, явления Христа своим ученикам или Павлу происходили только первые несколько лет после его смерти и что среди ранних христиан нет больше никаких утверждений или упоминаний о том, будто они видели его позднее. Словом, все наши взгляды исходят от одного поколения, и поэтому мы не можем считать их окончательными, но лишь предварительными и частичными. Однако, хотя картина, даваемая нами, и может оказаться неполной, всё же такова, как она есть, она весьма последовательна, логически выдержана и чрезвычайно интересна, поскольку затрагивает нашу собственную участь и участь тех, кого мы любим. В этом смысле сообщения представляются мне в высшей степени ободряющими, утешительными, будь то касательно нашей собственной судьбы или же судьбы наших друзей».

«Отшедшие в один голос указывают, что переход обычно лёгок и в то же время безболезнен и сопровождается необъятным ощущением мира и покоя. Человек обретает себя в духовном теле, которое является точной копией его физического тела, исключая его болезни, слабости и уродства, которым новое тело не подвержено. Тело это стоит или витает близ старого тела и одновременно сознаёт его и окружающих людей. В этот миг покойник ближе к материи, чем он будет когда-либо позднее, а потому именно в эту пору происходит большая

 $^{^*}$ По нормам русского правописания, говоря о Христе в 3-м лице, пишут Он, Его, и т.д. Мы же в книгах спиритов пишем эти местоимения со строчной буквы, прописная употребляется только тогда, когда речь идёт о Боге. К этому нас обязывает спиритическая идеология: спириты не считают Христа Богом или даже «Сыном Божьим» в буквальном смысле. С точки зрения Спиритизма, каждый человек — точно такой же сын Божий и имеет право заявить о себе: «Я есмь сын Божий». Для спиритов Иисус Христос — не божество, но дух, стоящий на самой вершине Духовной Иерархии и представляющий для нас, Землян, самого Бога. ($\Pi.\Gamma.$)

часть случаев, когда мысли его обращаются к кому-либо из живых, находящемуся в отдалении, и когда духовное тело его устремляется вместе с мыслями и является этому человеку. Такие появления происходят чаще всего в мгновение смерти, когда новое духовное тело ещё настолько близко к материи, что глаза сочувствующего человека могут его воспринять, чего, однако, уже не сможет случиться впоследствии».

«И всё же сравнительно с общим числом смертей подобные случаи крайне редки. В основном я склонен объяснять это тем, что умерший человек слишком озабочен собственными необычными впечатлениями и переживаниями, для того чтобы много думать о других. Вскоре он, к своему изумлению, обнаруживает, что хотя он и пытается сообщаться с теми, кого видит, однако его эфирный голос и эфирные прикосновения равно не способны как-либо воздействовать на человеческие органы, настроенные лишь на более грубые возбудители. Это благодатный предмет для размышлений и исследований, хотя ни более полное знание о световых лучах, которые, как мы знаем, существуют по обе стороны спектра, ни о звуках, существование которых мы можем доказать вибрациями мембраны, несмотря на то, что звуки эти слишком высоки для того, чтобы быть воспринятыми нашим слухом, не продвинут нас ни на шаг в психическом знании. Поэтому, оставив всё это в стороне, давайте проследуем за судьбой отошедшего духа».

ХІ. Истинное пробуждение

«Теперь дух умершего уже сознаёт, что в комнате рядом с людьми, которые были здесь при его жизни, есть ещё и другие, которые представляются ему столь же вещественными, как и живые, и среди них он узнаёт знакомые лица и чувствует, как ему пожимают руку и целуют в уста те, кого он когда-то любил на земле и потом потерял. Затем вместе с ними, и с помощью и под водительством некоего лучезарного существа, которое стояло тут же и ожидало вновь прибывшего, он, к своему удивлению, устремляется сквозь все препятствия и материальные преграды навстречу своей новой жизни.

Это вполне определённое утверждение, и рассказ этот повторяется всеми, одним за другим, с настойчивостью, которая внушает доверие. Всё это сильно разнится от любой старой теологии. Дух не есть падший или отверженный ангел, но просто сам человек со всеми его достоинствами и недостатками, мудростью и глупостью, так же как и его внешностью. Вполне можно поверить, что самые пустые и глупые люди, потрясённые столь необычным и страшным испытанием, будут до такой степени напуганы, что сразу и вдруг переменятся: но впечатления скоро притупятся и изгладятся, и тогда былой нрав этих людей утвердится и в новых условиях, и глупцы останутся глупцами, что подтверждается также и некоторыми результатами спиритических сеансов».

«Далее, прежде чем вступить в свою новую жизнь, дух должен пережить пору сна, бессознательности, которая может длиться самое разное время, вообще едва существуя у одних и растягиваясь у других на недели и месяцы. Мне думается, что продолжительность этого сна определяется общей суммой беспокойств и умственной перенапряжённости в земной жизни, так как более длительный отдых предоставляет большие возможности к забвению их. Это, конечно, лишь простое предположение, но налицо полное согласие мнений относительно существования такой полосы забвения после первых впечатлений духа от новой формы его жизни и прежде, чем он приступит к своим новым обязанностям».

«Пробудившись от этого сна, дух слаб, как бывает слабо новорождённое дитя. Силы, однако, скоро возвращаются, и начинается новая жизнь. Это подводит нас к рассмотрению проблемы рая и ада. Не существует ада как места особого и постоянного. Но идея искупления, очищения страданием, т.е. чистилища, подтверждается сообщениями с того света. Без такого наказания в мире не было бы справедливости, ибо невозможно помыслить, чтобы, к примеру, у Распутина и у отца Дамиана была та же самая участь. Наказание вполне определённо и очень серьёзно, хотя в своей наименее суровой форме оно сводится к тому, что более грубые души находятся в более низких областях и с тем знанием, которое им там определили их земные деяния, но для них также есть надежда, что искупление, а также помощь Высших Духов поднимут их на более высокую ступень развития. Высшие Духи посвящают часть своей деятельности этому делу спасения».

«Оставив, однако, в стороне области испытания и искупления, которые, быть может, следует рассматривать скорее как больницу и школу для слабых душ, нежели как тюрьму для отбывающих свой срок преступников, скажем, что сообщения с того света все согласуются друг с другом в том, что условия жизни в потустороннем мире в высшей степени приятны. Они согласуются в том, что сходное и единородное притягивается и что те, кто любят друг друга или имеют общие склонности и интересы, объединяются и живут вместе, что жизнь полна интереса и деятельности и что духи не желают возвращаться назад на землю. Всё это, конечно, известия в высшей степени радостные, и я повторяю, что это отнюдь не туманная вера или смутная надежда, но неоспоримые факты, основанные на законах очевидности, согласно коим, если множество независимых друг от друга свидетельств дают сходные утверждения, то утверждения эти имеют право считаться истиной».

«Теперь позвольте мне вкратце изложить, в чём суть этих утверждений. Умершие говорят, что они в высшей степени счастливы и не желают возвращаться назад, на Землю. Они

среди друзей, которых они любили когда-то в земной жизни и затем потеряли; друзей, которые встретили их на пороге нового мира при их смерти, и вот теперь они продолжают свой жизненный путь вместе. У них весьма много там самых разных занятий, близких им по духу. Мир, в котором они обретают себя после смерти здесь, очень похож на мир, покинутый ими, но всё в нём как бы настроено одной октавой выше, чем у нас. Мелодия играется на октаву выше, но ритм при этом остаётся прежним, соотношение нот также не изменилось, но общий итог оказывается другим; так и с переменой мира. Каждая земная вещь имеет там свой эквивалент. Скептики потешались по поводу наличия в том мире спиртного и табака, * но ведь если все вещи воспроизводятся там, то было бы упущением, коли бы эти не воспроизводились на том же основании. Если бы ими злоупотребляли, как это происходит здесь, то это было бы действительно дурным известием, но ничего подобного не сообщалось, и в столь долго подвергавшемся пересудам послании Реймонда на возможность их производства указывается не как на привычную практику, но скорее в юмористическом ключе, что может служить примером возможностей, имеющихся в потустороннем мире. Хотел бы я знать, был ли среди множества духовных особ, воспользовавшихся этим пассажем, дабы атаковать само по себе Новое Откровение, хоть один человек, который вспомнил о том, что другой и единственный в своём роде пример, связывающий спиртное с потусторонней жизнью, принадлежит самому Христу, когда он говорит: «Сказываю же вам, что отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего». Однако данный вопрос не более, чем деталь, а обсуждать детали в предмете столь огромном и столь плохо различимом - занятие всегда неблагодарное».

«Самая мудрая женщина, которую я знал, как-то сказала мне: «Там могут и вполне должны быть весьма удивительные вещи, потому что если бы факты той жизни были сообщены нам прежде, чем мы вступим туда, мы бы никогда не смогли в них поверить». Самая простая идея о грядущей жизни заключается в том, что там получают развитие дары, коими мы обладаем уже сейчас. Есть там сфера деятельности для человека действия, интеллектуальная работа для мыслителя, художественная, литературная, драматическая и религиозная для тех, чья Богом данная сила направлена в эту сторону. Всё, что мы имеем в нашем мозгу и характере, мы уносим с собой туда. Никто не может быть настолько стар, чтобы ему не стоило учиться, потому что выученное он сохранит».

«В том мире у любви нет физической стороны, как и нет деторождения, однако союз супругов, любящих друг друга, там более близок, а, говоря вообще, между полами существуют более глубокие дружба, симпатия и товарищество. Каждый мужчина или каждая женщина рано или поздно находят свою духовную «половину». Души детей вырастают до взрослого состояния, так что мать, потерявшая девочку двух лет от роду и умирающая двадцатью годами позже, находит взрослую дочь двадцати двух лет, дожидающуюся её прихода. Старение, возникающее главным образом за счёт механического обызвествления наших артерий, исчезает, и каждый индивидуум достигает своего естественного роста и наружности, отмеченной совершенной мужественностью или женственностью. Пусть ни одна женщина не оплакивает свою утраченную красоту и ни один мужчина — утраченную силу тела и ума. Всё это они вновь обретут по ту сторону завесы. Ибо нет там ни уродства, ни телесной немощи, всё находится в норме и достигает своего наивысшего развития».

«Всякий дух во плоти переходит в следующий мир точно таким, каков он есть, без каких-либо изменений. Смерть безболезненна. Люди одеваются, как и следовало ожидать, поскольку нет никаких причин отказываться от скромности и приличий в новых условиях.* А

 $^{^*}$ Это курьёзное утверждение сделано Реймондом Лоджем и фигурирует в книге, изданной его отцом Оливером Лоджем под названием «Реймонд». Теперь она издана и по-русски: Оливер Лодж. «Реймонд, или жизнь и смерть». Перевод А.В.Михеева и И.Ф.Потаповой. Нижний Новгород, *Издатель Москвичёв А.Г.*, 2020 г. (Π . Γ .)

^{*} На первый взгляд, вопрос об одежде может показаться странным. Но ничего странного в этом нет. Так, на сеансах с материализацией духи, которых мы знали людьми, являются в том костюме, в каком мы видели их при жизни в материальном мире. Но что касается духов, отрешившихся от всего

тело наше там представляет собой точную копию нашего земного в его наиболее прекрасную пору, т.е. молодые мужают, а старики молодеют, и все, таким образом, пребывают в поре наибольшего расцвета сил. В их мире нет телесной боли, но могут быть душевные муки. Жизнь имеет большое сходство с жизнью на земле в её лучшем виде. В том мире жизнь преимущественно духовная так же, как в этом она телесная. Всепоглощающие заботы о еде, деньгах, всевозможные вожделения, боль и тому подобное исходят от тела и потому там отсутствуют. У них есть удовольствия — музыка среди них. Музыка, искусства, интеллектуальное и духовное знание значительно обогатились, и развитие их продолжается».

«Духи живут семьями и сообществами, поскольку, как и следовало ожидать, всё сходное стремится к соединению, и мужской дух находит свою настоящую подругу, хотя там и нет сексуальности в грубом смысле слова и нет деторождения. Мужья и жёны необязательно встречаются, но те, что действительно любили друг друга, непременно встречаются вновь».

«Так как связи сохраняются и остаются на том же уровне, следует ожидать, что нации пока ещё грубо разделены между собой, хотя язык больше и не является препятствием, поскольку средством общения служит сама мысль. Человек там знает больше, чем знал при жизни. Духи пользуются превосходной справочной библиотекой либо же обладают невероятной памятью, производящей нечто вроде всеведения.* Это мир света и смеха. Общие условия жизни намного счастливее, чем на земле. Духи счастливы и не желают возвращаться на землю. Ими руководят Высшие Существа, у них нет ни богатых, ни бедных, они едят пищу».

«Духи молятся и умирают в своём мире прежде, чем вступить в другой. Среди них есть католики, протестанты, буддисты и магометане, но все живут одинаково. Все признают, что ни одна земная религия не имеет преимуществ перед другой, но что характер и утончённость определяют всё. В то же время все согласны с тем, что всяческих похвал достойны религии, учреждающие молитву, отстаивающие чистоту и благородство души, внушающие презрение к мирским делам. В этом смысле — и ни в каком ином, — как опора для жизни духовной, любая форма религии может кому-нибудь подойти. Если вращение латунного цилиндра наводит тибетца на мысль, что есть в мире нечто более высокое, нежели его горы, и нечто более ценное, чем его яки, то на данном уровне и это уже хорошо. Мы не должны быть слишком взыскательны в таких вещах. Но если даже человек и не верит в Бога, то он не будет за это страдать в следующей жизни, хотя, правда, и не достигнет в ней высокого положения. Молитва, однако, великолепная вещь, так как она поддерживает нас в соприкосновении с миром духов».

«Продолжительность жизни в их мире меньше, чем на земле. Все утверждают, что жизнь по ту сторону продолжается ограниченное время, после чего они переходят в другие стадии существования, но между теми стадиями, повидимому, больше общения, чем между нами и Страною Духов. Низшие не могут подниматься, но высшие могут спускаться по своему желанию».

«Они обладают телом, которое хотя и невосприемлемо нашими органами чувств, для них тем не менее так же вещественно, как для нас наше; тело это основано на важнейших особенностях нашего земного тела, но в его улучшенном, идеализированном виде. У них нет возраста; они не ощущают боли; среди них нет ни богатых, ни бедных. Они одеваются в одежды и едят пищу; они не спят, хотя и говорят о том, что время от времени погружаются в полубессознательное состояние, которое они называют «сном», состояние это — оно мне

земного, то их одеянье состоит большей частью из драпировки с длинными развевающимися складками, и они представляются, помимо того, с распущенными длинными волосами. $(\Pi.\Gamma.)$

 * Сегодня есть основания полагать, что второе предположение гораздо ближе к истине, хотя и превосходные библиотеки там также имеются, и в них хранится множество сочинений, неизвестных здесь у нас, на земле, либо потому, что они у нас материально не сохранились, либо потому, что были созданы авторами уже после их перехода туда. (Π . Γ .)

знакомо – приблизительно соответствует гипноидальному трансу. После некоторого периода времени, который обыкновенно короче, чем средняя продолжительность жизни здесь, на земле, они переходят в какую-то следующую стадию существования. ** Люди сходных мыслей, вкусов и чувств стремятся друг к другу и живут вместе. Супруги не обязательно воссоединяются, но любовь мужчины и женщины продолжается и свободна от всего, что здесь у нас препятствует её полному выражению. Сразу же после смерти человек погружается в полубессознательное состояние покоя, длительность которого у разных людей различна. Они не способны испытывать телесную боль, но временами бывают подвержены душевным мукам. Мучительная смерть совершенно неизвестна. Принадлежность к той или иной вере не создаёт различий в положении на том свете, и вся их жизнь в целом в высшей степени счастлива, и никто там даже не в состоянии себе помыслить, чтобы он вдруг пожелал вернуться на землю. Мне ни разу не встретилось само по себе слово «работа» как таковое, но было много указаний на разного рода интересы, которые их занимают. Вероятно, это другой способ говорить то же самое. У нас «работа» обычно означает «средство к существованию», а это, как мне доподлинно известно, не имеет места у них, поскольку все их жизненные потребности как-то «предугадываются» самым таинственным образом. Они говорят, что всё, что мы любим и что необходимо для нашего счастья на земле, сопровождает нас и в той жизни. Не встретилось мне также и никаких определённых сведений о каком-либо «временном наказании», но у меня есть указания на то, что люди там начинают свою жизнь на том умственном и нравственном уровне, с которым они покидают землю; и так как их счастье основывается главным образом на симпатии, то те, кто приходят туда с низким уровнем нравственного развития, поначалу длительное время бывают лишены возможности оценить это счастье и наслаждаться им».

_

^{**} Здесь и несколько выше имеется в виду главным образом перевоплощение. Умы, сформированные в традициях протестантского мировоззрения, не понимают идеи перевоплощения и её отвергают. Характерно, что даже после перехода, став духами, такие люди продолжают игнорировать закон реинкарнации — один из главнейших законов жизни. Поэтому и в посланиях духов, в странах протестантских, идея перевоплощения обыкновенно отрицается. В этом причина огромного превосходства французского спиритизма (или карденизма) над англо-американским спиритуализмом. (Π . Γ .)

 $^{(\}Pi.\Gamma.)$ *Данный абзац представляет собой отрывок из письма Губерта Уэйлза к Конан-Дойлю, в котором он сообщает последнему сведения о загробной жизни, полученные им много раньше, чем самим Конан-Дойлем, и из другого источника. Конан-Дойль приводит это письмо в своей книге. Г.Уэйлз был пишущим медиумом, или «психографом». $(\Pi.\Gamma.)$

XII. Мир всеобщей симпатии

«Прежде чем оставить этот раздел темы, я должен сказать ещё пару слов об облике эфирного тела. Это тело — само совершенство. И иначе не могло бы и быть в наши дни, когда такое множество наших героев было покалечено в войнах. Невозможно покалечить эфирное тело, любые увечья его физического собрата его никак не затрагивают. И первые слова, которые на недавнем сеансе д-ра Абрахама Уоллеса сказал один пришедший дать о себе весть дух, были: «У меня снова есть левая рука». Родимые пятна, уродства, слепота и прочие несовершенства никоим образом не являются постоянными и исчезают без следа в той счастливой жизни, что нас ожидает. Таково Учение из мира загробного: совершенное тело ожидает каждого».

«А как же, — скажет иной критик, — описания, данные ясновидящими, или вообще видения, когда можно было увидеть старика-отца, одетого в старомодный наряд другой эпохи, или бабушку с кринолином и шиньоном? Это что, небесные одеяния?» Дело в том, что такие видения не являются самими духами, они лишь образы, *проекции*, которые создаются перед нами или направляются духами в наш мозг или мозг ясновидящего с целью облегчить узнавание. Отсюда седые волосы и отсюда же старый наряд. Когда действительно видят живого духа, он является в совершенно другом облике, облачённый в развевающиеся одежды — в таком виде традиционно описывали ангелов — и он воспринимается как живое существо, которое своей окраской и текстурой недвусмысленно указывает на духовные условия своего существования, и, вероятно, его форма есть не что иное, как конденсация ауры, окружающей нас при земной жизни».

«Это мир всеобщей симпатии. Лишь те, кто соединены её узами, встречаются там. Там нет ни мрачного мужа, ни ветреной жены, чтобы докучать невинному супругу. Всё лишь услада и покой. Жизнь в том мире — длительный и целительный отдых после нервного напряжения материальной жизни и перед новыми испытаниями в будущем. Обстановка домашняя и интимная. Сообщества счастливых душ живут в уютных усадьбах со всей приятностью, какую доставляют музыка и красота. Восхитительные сады, прекрасные цветы, зелёные рощи, прелестные озёра, животные — домашние любимцы — всё с малейшими подробностями описано в посланиях путешественников-первопроходцев, которые наконец смогли дать о себе весть тем, кто остался копошиться позади, в нашем старом блёклом доме».

«Нет там ни бедных, ни богатых. Профессионал может продолжить там заниматься своим ремеслом, но занимается он этим только ради того удовлетворения, которое приносит хорошо выполняемая работа. Каждый служит сообществу по мере своих сил, и их навещают посланцы вышних сфер, кого в Священных Писаниях именуют *ангелами*, дабы направлять обитателей того мира и помогать им. Но надо всеми, наполняя всё своей аурой, пребывает великий дух Христа — самоё душа разума, справедливости, сочувственного понимания, предметом предпочтительной заботы коего является планета Земля со всеми её мирами».

«Это место духовной радости и веселья. Есть в том мире всевозможные виды игр и спорта, за исключением всего того, что может причинить боль низшим формам жизни. Пища и питьё в грубом смысле не существуют, но, как кажется, там имеются удовольствия вкуса, и это отличие порождает неясность, не дающую толком понять смысл посланий по этому поводу. Но выше всего стоят ум, энергичность, сила характера, сила духа, и если они устремлены к добру, они делают человека лидером там, как и здесь».

«Бескорыстие, терпение и духовность в том мире, как и в нашем, определяют душе более высокие места, причём последние нередко достигаются благодаря тем самым невзгодам нашей жизни, которые представляются нам здесь такими бессмысленными и жестокими, но на самом деле являются для нас благоприятной возможностью ускорить своё духовное развитие, без чего наша материальная жизнь была бы бесплодна и напрасна».

«Новое Откровение упраздняет идею о гротескном аде и фантастическом рае, вводя вместо них концепцию постепенного восхождения по ступеням существования без чудовищной перемены, которая бы во мгновение ока превращала нас из человека в ангела или демона. Эта система взглядов хотя и отличается от предшествующих идей, не идёт, как мне кажется, радикальным образом против старых форм веры. На старинных картах их составители имели обыкновение помечать белые пятна, указывающие на неисследованные районы, надписями: «здесь живут антропофаги», «здесь владения людоедов» или «место произрастания мандрагоры». Так и в нашей теологии имелись плохо изученные области, которые по общему согласию были оставлены незаполненными, ведь ни один человек в здравом уме не верил в тот рай, что описан в наших книгах псалмов — этакую страну музыкальной праздности и бесплодного монотонного поклонения. Стало быть, внося ясность об обитателях этих неведомых пространств, новая система ничего не упраздняет. Мы просто стираем на наших теологических картах белые пятна, нанося соответствующие рисунки и надписи».

«Вполне можно, однако, спросить: «Допустим, существование такой жизни и такого мира, как они были описаны, вполне удостоверено, но что происходит тогда с теми, кто не заслужили столь благоприятной доли? Что послания из мира иного говорят по их поводу?» Но здесь как раз и не следует быть слишком категоричными, потому что нет смысла заменять одну догму другой. Можно дать лишь общий смысл такой информации, достоверность которой нам вполне гарантирована. Естественно, что те, с кем мы вступили в контакт, являются теми, кого мы в подлинном смысле слова можем назвать блаженными, потому что если к вызыванию духов подходить в почтительном и религиозном смысле, на наш призыв закономерно откликаются именно такие души. То, что имеется множество менее удачливых, чем оне сами, явствует из их постоянных намёков на возрождающую и возвышающую миссионерскую деятельность, которая входит в число их занятий. Они, повидимому, спускаются в низшие области и помогают их обитателям достичь той степени духовности, которая позволит им перейти в высшую сферу. Это напоминает то, как если бы студент старшего курса приходил в класс к студентам младших курсов для того, чтобы провести занятия с отстающими. Такое понимание даёт прояснение замечанию Христа, когда он говорит, что в раю больше радости по поводу спасения одного грешника, нежели прихода девяносто девяти праведников, ибо, скажи он это о земном грешнике, то тот определённо должен был бы стать праведником в этой жизни и тем перестал бы быть грешником прежде, чем достиг бы рая. Но если говорить о грешнике, спасённом из низшей сферы и перенесённом в более высокую, то слова эти точно описывают происходящее».

«Теперь несколько слов по поводу текстуры духовного тела, которая представляется нам *призрачною*, эфемерною. Не следует забывать, что всё зависит от соотнесения со своим окружением. Если б мы могли помыслить мир, который был бы в тысячу раз плотнее, тяжелее и темнее нашего, мы ясно увидели бы, что для своих обитателей он будет казаться таким же, каким нам кажется наш, при условии, что сила и ткань в нём будут находиться в том же соотношении. Если, однако, обитатели такого мира соприкоснутся с нами, то мы покажемся им существами в высшей степени воздушными, живущими в какой-то странной атмосфере света и духа. Они, быть может, не вспомнят, что и мы чувствуем и действуем так же, как они, при условии, что наше существо и окружение гармонируют и соотносятся друг с другом».

«А теперь давайте рассмотрим другой случай – с жизненным слоем, который настолько же превосходит наш, насколько мы превосходим мир свинцовых людей. Нам тогда также покажется, что люди эти, эти «духи», как мы их называем, обитают в мире туманов и теней. Мы не учитываем при этом, что и там всё находится в соответствии и гармонии, и поэтому область, в которой духи живут и движутся и которая кажется нам миром иллюзий и грёз, для них так же реальна, как для нас реальна наша планета, а духовное тело настолько же вещественно для другого духа, как наше земное тело вещественно для других людей».

«Есть ещё и другой вопрос, заслуживающий того, чтобы быть здесь рассмотренным, поскольку на первый взгляд он, пожалуй, способен даже ужаснуть, хотя всё же и поддаётся анализу, коль скоро мы за него возьмёмся. Я имею в виду постоянное утверждение из потустороннего мира о том, будто новоприбывшие не знают, что они умерли, и что проходит много времени, иногда слишком много, прежде чем они окажутся способны это понять. Они все согласны с тем, что подобное состояние замешательства и неопределённости очень вредно для духа и тормозит его развитие и что некоторое знание этой первостепенной истины на земле есть единственный способ уберечь себя от поры тоски и отчаяния в загробной жизни. Не приходится удивляться тому, что они, оказавшись в условиях совершенно отличных от тех, к которым их готовило любое из научных или религиозных учений на земле, воспринимают свои новые необычные ощущения как странный сон, и чем более правоверны или материалистичны были их взгляды при жизни, тем труднее им окажется принять эти условия со всем тем, что они налагают. По этой самой причине и ещё по некоторым другим данное Откровение крайне необходимо всему человечеству. Достижением наименьшей практической важности будет хотя бы то, что и людям преклонного возраста придётся понять, насколько им ещё необходимо развивать свой ум: ведь если у них и не окажется времени применить свои знания в этом мире, то они останутся при них как неотъемлемая часть их умственного богатства в последующей жизни».

«Такова в общих чертах потусторонняя жизнь в простейшем своём выражении, ибо на самом деле она отнюдь не проста, и мы улавливаем лишь слабые отблески бесконечных кругов внизу, спускающихся во мрак, и бесконечных кругов вверху, восходящих к Божественному сиянию, которое развивает, определяет и оживляет все и вся.

Что касается больших подробностей относительно потусторонней жизни, то ими, вероятно, даже лучше и пренебречь по той простой причине, что это большие подробности. Мы все вскоре узнаем их сами, и одно лишь праздное любопытство побуждает нас спрашивать о них сейчас. Ясно одно: в том мире существуют духи и более высокой организации, для которых синтетическая химия - та, которая не только создаёт материю, но и изготовляет из неё предметы - является делом привычным. Во время некоторых сеансов мы видали их за работой в нашей грубой среде, на которую настроены наши материальные ощущения. Если они могут создавать видимые предметы даже в земных условиях, в ходе некоторых наших сеансов, то чего тогда только ни ожидать от них в их собственной среде. когда они работают над сотворением эфирных предметов? Вообще говоря, можно сказать, что духи в состоянии воссоздать любой предмет, аналогичный уже существующему на земле. То, как они это делают, возможно, остаётся предметом догадок и размышлений для менее развитых духов точно так же, как для нас предметом догадок и размышлений являются достижения современной науки. Ведь если бы вдруг какой-то обитатель нечеловеческого мира вызвал одного из нас и попросил его объяснить, что такое тяготение или что такое магнетизм, то как бы беспомошно мы выглядели!»

XIII. Места для страха просто не остаётся

«Вступив таким образом в контакт с дорогими нам умершими, мы, естественно, начинаем спрашивать их, как обстоят их дела и каковы условия их существования. Это вопрос чрезвычайной жизненной важности, ибо не приходится сомневаться, что то, что вчера случилось с ними, завтра произойдёт и с нами. И тут их ответ переполняет нас величайшей радостью. В Новом Откровении человечеству нет ничего важнее этого. Оно отметает все ужасные страхи и домыслы, основанием которых является больное воображение и неистовая восточная фразеология. Мы приходим к тому, что здраво, к тому, что исполнено меры, к тому, что разумно, нам открываются бесконечность эволюции и Благость Божья. И не было на свете иных сознательных богохульников, которые бы так глубоко оскорбляли Божество, кроме тех экстремистов (независимо от того, были ль они кальвинистами, католиками, [православными, $-\Pi.\Gamma.$], англиканцами или иудеями), которые своим искажённым умом рисовали неумолимого истязателя в качестве Управителя Вселенной!»

«Истинность того, что нам сообщается о потусторонней жизни, по самой своей природе никогда не может быть установлена абсолютным образом. Tem не менее, она гораздо больше κ полной доказанности, чем у любого предшествующего ей религиозного откровения [Курсив наш, $-\Pi.\Gamma$]. Налицо неоспоримый факт, что эти отчёты смешаны с другими, касающимися нашей нынешней жизни, которые зачастую оказываются абсолютно верными. Если дух в состоянии сообщить нам истину о нашем мире, то трудно предположить, что он находится в полном заблуждении по поводу своего собственного. Затем опять-таки есть большое взаимное сходство в отчётах такого рода, хотя происходить они могут от людей весьма далёких друг от друга. Таким образом, хотя они и не являются, если использовать современный жаргон, «вполне удостоверенными», тем не менее они удовлетворяют всем требованиям правдивости. Целый ряд книг, привлёкших к себе куда меньше внимания, чем оне того заслуживают, дают описание будущей жизни со всевозможными подробностями. Таких книг не найти в привокзальных киосках или в обычных библиотеках, но сам факт их регулярного переиздания говорит о том, что есть гораздо более глубокая читающая публика, которая достаёт то, чего хочет, вопреки всем искусственным препятствиям».

«Самым абсурдным из множества абсурдных обвинений, предъявляемых Спиритизму, является утверждение, будто на эту тему нет литературы. На самом же деле объём такой литературы настолько велик, что в этом с ним не сравнится никакая другая религия, и можно с уверенностью сказать, что если какой-нибудь усердный читатель решит изучить её всю, то и после пятидесяти лет упорного чтения он всё ещё будет очень и очень далёк от завершения начатого».

«Спириты имеют одно из величайших преимуществ перед древними служителями промысла Божьего: впервые установив контакт с умами, населяющими потусторонний мир и посещающими иногда человечество, они прежде всего поинтересовались условиями их жизни там и тем, каким образом влияют на неё поступки человека в земной жизни. Ответы на эти главные вопросы в основном подтверждают взгляды, которых всегда придерживались те или иные религии, и показывают, что путь к вечной благодати лежит через добродетель. Прослеживается в них и определённая система взглядов, проливающая свет на интуитивную космогонию древности. Она описана во многих книгах, посвящённых тем, кто прошёл испытание новой жизнью. Не следует забывать, что многие из этих книг принадлежат перу отнюдь не профессиональных писателей. Примером могут быть произведения, написанные посредством автоматического письма, когда «писатель» лишь фиксирует сообщения, передаваемые бесплотными умами. Встречаются, правда, среди них и произведения, отмеченные писательским или компиляторским талантом».

«В трёхуровневой иерархии загробного мира наличествуют существа, не утратившие полностью связи с землёй. Хотя они и поменяли своё бренное тело на эфирное, но пребывают

где-то близко от нашего мира — то ли в силу своей вульгарной натуры, то ли из-за преобладания у них мирских интересов. Организация этих потусторонних форм настолько примитивна, что оне могут даже внедрять себя в сознание тех, кто не обладает даром ясновидения. Существование этого несчастного класса мятущихся духов объясняет появление привидений, призраков, видений и пользующихся дурной славой мест, которые сопутствовали человечеству в любую эпоху. Эти существа, насколько мы можем судить, долго не могут встать на путь духовного служения, колеблясь между добром и злом. Только после того, как ослабевает земное притяжение, они начинают своё новое существование».

«Те, кто понастоящему решил изменить свой прежний духовный статус, вскоре оказываются в том жизненном пространстве, которое соответствует состоянию их духа. Наказанием за жестокость, жадность, фанатизм и легкомыслие становится помещение их в круг себе подобных и в миры, погружённые если не в полный мрак, то в туманную мглу, призванную олицетворять их духовное развитие. Но такое окружение не бывает постоянным. Те, кто не предпринимают попытки к духовному совершенствованию, могут оставаться в сумрачных мирах неопределённое время, тогда как другие, внявшие наставлениям духовнаправников, вскоре начинают бороться за восхождение в иные, более просветлённые сферы. Из собственного опыта по общению с духами в семейном кругу я узнал, как войти в контакт с существами, блуждающими во тьме, и испытал чувство удовлетворения, получив от них благодарность за то, что открыл им глаза на причины их незавидного положения и показал путь к выходу из него».

«Близкое знакомство с потусторонними явлениями лишает их той атмосферы таинственности и смутной угрозы, которой наделяют источник своих страхов люди с пылким воображением. Человек неспособен испытывать одновременно два сильных чувства, и если в данный момент преобладает любопытство, или страсть исследователя, то места для заурядного страха просто не остаётся».

«Нужно сказать слово и по поводу страха перед демонами и злыми духами, который, по видимости, обладает большим весом в глазах некоторых критиков разбираемого вопроса. При более пристальном взгляде на эту эмоцию, заботящую главным образом ретивых последователей Церкви, обнаруживается, что она таит в себе нечто эгоистичное и трусливое. Эти злонамеренные создания в действительности являются нашими братьями, отставшими, правда, от нас в развитии, но они идут к той же цели, что и мы, а задержались в развитии они, быть может, по причинам, частичную ответственность в коих могут иметь земные условия нашего существования. Чрезмерная привязанность к материальным вещам, даже в самой невинной форме, становится непреодолимой преградой к духовному развитию. Наши сострадание и симпатия должны обратиться к ним, и если такие существа в самом деле проявятся на сеансе, то истинно христианское отношение к ним, на мой взгляд, будет состоять в том, чтобы увещевать их и молиться о них, дабы помочь им в продвижении по их трудному пути. Те спириты, которые поступали с ними таким именно образом, при последующих их проявлениях могли заметить происшедший в них прогресс. В «Проблесках последующей жизни» адмирала Азборн-Мура можно найти поразительные записи одного американского спиритического кружка, члены которого целиком посвятили себя миссионерской деятельности этого рода. Есть определённый смысл верить в то, что существуют формы несовершенного развития, которым в гораздо большей степени могут оказать помощь на земле, нежели через чисто духовные влияния потустороннего мира, по той, быть может, причине, что эти существа гораздо ближе к земному уровню, нежели к духовному».

«Такие духи являются постоянной угрозой человечеству. Если защитная аура человека окажется нарушенной, они могут стать паразитами, подчинив себе своих хозяев. Возможно,

 $^{^*}$ «Тридцать лет среди умерших» д-ра Викленда («Thirty Years Among the Dead» by Dr.Wickland); «Проблески последующей жизни» адмирала Азборн-Мура («Glimpses of the Next State» by Usborne Moore) — в этих книгах представлено наиболее полное описание состояния связанных с землёй духов. ($A.K.\mathcal{A}$.)

что наука будущего выявит ещё немало случаев необъяснимой мании, бессмысленного насилия или неожиданных склонностей к дурным привычкам, вызванных указанной причиной. Она также может являться дополнительным аргументом против применения смертной казни, так как она усиливает ожесточение преступника и — как следствие — приумножает силы зла. Изучение данного феномена осложнено существованием среди мятущихся духов мыслящих форм и форм, обладающих памятью, причём не все из них являются носителями зла. Например, возможно, что духи монахов, посещающие святые места в Гластонбери, могут быть привязаны к старой обители благодаря верности своему обету».

«Если о положении связанных с землёй духов нам известно очень мало, то ещё менее осведомлены мы о кругах наказания. Несмотря на свою сенсационность, повествование мистера Уарда «Ушедшие на Запад» кажется более сдержанным и достоверным, чем книга преподобного Вэйл-Оуэна «Жизнь по ту сторону завесы». ** Сохранились также описания видений Сведенборга в «Спиритизме» Эдмондса*** и другие труды. Отсутствие информации из первых рук объясняется тем, что, к сожалению, в отличие от Гамлета мы не можем напрямую общаться с обитателями этих низших сфер. Мы знаем об этом понаслышке от Высших Духов, которые ведут миссионерскую деятельность среди низших существ. Трудности и опасности, сопутствующие им, сродни тем, с которыми сталкиваются добровольцы, пытавшиеся на земле обратить в христианство представителей чёрной расы. Мы читаем о сошествии Высших Духов в низшие сферы, об их битвах с силами зла, о князьях тьмы, которые безраздельно властвуют в своём царстве - в этой грандиозной клоаке, куда постоянно стекаются психические нечистоты. Но миссионерская деятельность Высших Духов имеет целью не наказание, а исцеление. Можно сказать, что низшие сферы - суть безликие залы ожидания (госпитальные палаты для больных душ), где духовный опыт призван вернуть страждущим здоровье и счастье».

^{* &}quot;Gone West" by Ward.

^{** &}quot;Life Beyond the Veil" by Vale Owen.

^{*** &}quot;Spiritualism" by Judge Edmonds.

XIV. Страна Вечного Лета

«Наша информация не будет полной, если мы не окинем взглядом более высокие сферы, которые, кажется, являются отражением счастья и красоты духовного развития своих обитателей. Если вспомнить, что понятие «духовное развитие» включает в себя доброту и бескорыстие, то становится ясным, в каком направлении должен итти процесс духовного роста. Этот процесс не зависит от интеллекта, хотя союз интеллекта с духовными качествами способствует формированию более совершенных существ».

«Условия жизни в загробном мире изображаются в невероятно радостных тонах, и это только естественное отражение милосердия и справедливости Верховного Ума, позаботившегося о том, чтобы нормой посмертной жизни было именно счастье. Особый воздух, пейзажи, дома, местность, занятия жителей загробного мира — всё это описано детально и с комментариями, которые безусловно убеждают в его реальности. Хотя эти описания представлены в иносказательной форме или в виде аналогий, я склонен принимать их на веру. Так, я верю в то, что «Саммерленд» (Summerland — Страна Вечного лета, — П.Г.), как Дэвис называл мир духов, достаточно реален и объективен как для его обитателей, так и для нас. Предвижу вопрос: «Почему же мы не видим его?» Мы должны понимать, что эфирная жизнь протекает в эфирных условиях. Пять наших материальных чувств созвучны материальному миру, в то время как эфирные существа пребывают в гармонии со свойствами и звуками эфирного мира. Слово «эфир» в данном случае используется лишь для обозначения более тонкой субстанции, отличной от земной атмосферы».

«Духовные небеса кажутся нам сублимированной эфирной копией Земли и земной жизни, но жизни более возвышенной и качественной. «Как на Земле — так и на небесах», — сказал Парацельс, и его слова стали лейтмотивом истории Вселенной. Тела и их духовные или интеллектуальные качества, по его представлению, остаются неизменными в результате перемещения из одного вселенского пространства в другое. Не изменяется также и его форма, за исключением того, что молодой и старый приобретают зрелую наружность (в земном понимании этих слов). Приняв во внимание это утверждение, мы должны признать и логически вытекающий из него вывод о том, что и всё их окружение подобно земному: занятия и в целом система жизни должны быть такими, чтобы предоставить личности возможность для проявления её талантов. Художник без искусства или музыкант без музыки — фигуры, безусловно, трагические. Подобные ограничения губительны для человечества. По ту сторону границы земного мира существует очень сложное по своей организации общество, в котором каждая личность находит себе занятие, приносящее ей удовлетворение».

«Иногда личности предоставляется выбор. Так, в «Истории Лестера Колтмэна» покойный студент пишет: «Через некоторое время после смерти я был поставлен перед выбором: музыка или наука. После серьёзных размышлений, я предпочёл сделать музыку своим хобби, а главные силы направил на занятие наукой во всех её проявлениях». После такого заявления естественно возникает желание получить более детальное описание содержания и условий этих научных занятий. Лестер Колтмэн сообщает следующее: «Лаборатория, в которой я работаю, предназначена для исследований паров и жидкостей, образующих тот барьер, который мы смогли бы преодолеть посредством усиленного изучения и экспериментов. Мы уверены, что в результате этих исследований нами будет найдено заветное «Сезам, откройся!» к вратам, отделяющим землю от наших сфер».*

«Лестер Колтмэн предоставил полное описание своей работы и условий, в которых она проводилась. Его можно цитировать как наиболее типичное. Он говорит: «Обитатели земли настойчиво интересовались характером наших жилищ, основами устройства общества, в

 $^{^*}$ "The Case of Lester Coltman" by Lilian Walbrook, р.34. Эта книга также имеется теперь по-русски: Лилиан Уолбрук. «История Лестера Колтмена». Перевод И.Ф.Потаповой и А.В.Михеева, *Издатель Москвичёв А.Г.*, 2020 г.

котором мы живём и работаем. Этот интерес вполне естествен, но описать наш мир земными словами довольно сложно. На примере моей жизни вы сможете представить себе и жизнь других духовных существ, имеющих другой темперамент и тип мышления.

Областью моих интересов была наука, и я продолжил заниматься ею, оказавшись здесь. Для этого я часто посещаю лабораторию, предоставившую все необходимые условия для проведения моих экспериментов. Я живу в собственном доме, очень комфортабельном, с библиотекой, полной книг не только по истории, науке, медицине, но и по другим областям знаний: для нас книги так же важны, как и на земле. В доме есть музыкальный кабинет с полным набором необходимых мне музыкальных инструментов. Дом украшен картинами редкой красоты и обставлен мебелью, спроектированной по моему заказу. В настоящее время я живу один, но друзья часто навещают меня, как, впрочем, и я их. Когда неизъяснимая грусть одолевает меня, я посещаю тех, кого более всего любил на земле.

Из моих окон открывается прекрасный деревенский пейзаж, а неподалёку от моего жилища расположен дом-коммуна, где счастливо живут многие добрые души, работающие в моей лаборатории... Старина Китаец — мой главный ассистент, помогающий мне проводить химические анализы, — заведует этой коммуной. Он — замечательная душа, вызывающая большую симпатию, одарённая философским талантом».

«А вот ещё одно описание: «Очень сложно рассказывать о работе в духовном мире. Она распределяется между всеми в зависимости от прогресса, достигнутого личностью. Если душа приходит напрямую с Земли или из другого материального мира, то она должна осознать свои прошлые заблуждения для того, чтобы достичь совершенства здесь. Если вы обладали яркими музыкальными или иными способностями, то здесь эти таланты достигнут наивысшего расцвета. Музыка — один из величайших двигателей прогресса в загробном мире, и хотя развитие музыкальных и художественных талантов достигает здесь своего пика, великая работа по самосовершенствованию душ в Вечной Жизни не прекращается.

Здесь существуют школы обучения для детей-духов. Кроме преподавания наук о Вселенной, других мирах и других царствах, принимающих законы Господа, в них дают уроки бескорыстия, истины и чести. Прошедшие обучение в духовной школе дети-духи по свойствам своего характера наилучшим образом подходят для появления в вашем мире.

Те, кто провёл все свои земные годы в физических лабораториях, войдя в этот мир, должны учиться всему заново. Работа — смысл жизни здесь, и те, кто стал учителем душ, познали многое и о своих собственных душах. Души литераторов стали великими ораторами, оне вдохновенно говорят и учат. Есть здесь и книги, но оне значительно отличаются от ваших. Тот, кто изучил ваши законы, может стать учителем правоведения в духовной школе. Солдат, пройдя уроки правды и чести, становится духом-наставником и помогает душам в любой точке планеты бороться за истинную веру в Бога».*

«В домашнем кружке автора дух близкой подруги семьи рассказал о своей загробной жизни в форме вопросов и ответов:

«Чем ты теперь занимаешься?

— Музыкой и детьми, познаю любовь и материнство, и многое другое, что совсем не напоминает те занятия, которыми я была увлечена на мрачной земле. Среди нас не возникает разногласий, и это делает нашу жизнь более полной и счастливой.

Расскажи нам о твоём жилище!

— Оно очень симпатичное. Я никогда не видела ничего подобного на земле, так что не с чем сравнить. Так много цветов! Пёстрый цветной ковёр окружает моё жилище со всех сторон, издавая очень изысканный аромат.

А ты бываешь в других домах?

— Нет, здесь каждый имеет возможность наслаждаться покоем. Некоторые предпочитают общение с природой. Каждый дом — это оазис. Потусторонний мир — это не только живописные пейзажи, но и симпатичные дома, населённые прекрасными, добрыми, красивыми людьми, испытывающими радость и блаженство просто от того, что они живут в

•

^{*} Ibidem, pp. 32-33.

^{*} Thought Lectures. "The Spiritual's Reader", p.53.

таком замечательном месте. Да, это прекрасно! Никакой земной разум не может постичь то чудо, которое дарует нам этот мир. Краски так изысканны, а отношения в обыденной жизни намного теплее».

«Можно, думаю, извинить резкий тон следующего сообщения, поскольку содержащаяся в нём информация вызывает полное доверие тех, кто уже соприкасался с подобными фактами:

«Ради всего святого, остановите неверующих тупиц! Мир так нуждается в этом знании! (т.е. Спиритизме, $-\Pi$. Γ .) Если бы я мог знать об этом на Земле, то это изменило бы полностью мою жизнь. Свет солнца озарял бы мой тернистый путь, если бы я знал, что мне предстоит после смерти.

Здесь нет никаких споров и раздоров, никаких столкновений. Я интересуюсь многими вещами, особенно тем, что касается мира людей: прогрессом человечества и более всего духовным возрождением земного мира. Я один из тех, кто работает в этом направлении рука об руку с вами.

Долой страх! Свет победит тьму, в которую вы погружены. Это случится очень скоро, как только Бог захочет этого. Ничто не остановит прогресса, никакие силы тьмы не могут противостоять Богу: их толпы будут сметены. Познайте нас лучше, и тогда наша сила придёт вам на помощь».

На вопрос: «Где же Вы?» последовал ответ:

«Это очень сложно объяснить Вам с позиций потустороннего жителя. Я там, где мне бы хотелось находиться больше всего, с моими возлюбленными и близкими, там, где я могу быть в тесном соприкосновении со всеми вами, оставленными мною на земле».

Вопрос: Употребляете ли вы пищу?

«Нет, в привычном для вас понимании, но питаемся мы гораздо вкуснее. Здесь такие приятные эссенции, вкусные фрукты и другие вещи, которых нет на земле.

Поразительное существование ожидает вас здесь: красивее и возвышеннее земного, приятнее и светлее. Жизнь на земле — лишь приготовление к жизни в наших сферах. Без подготовки я бы не был способен войти в этот великий и прекрасный мир. Земля — то место, где мы учимся, а этот мир — великая награда нам за учение, наш истинный дом и подлинная жизнь, это — луч солнца после дождя».

XV. Концепция этой философии гораздо более обоснованна, чем какие-либо вероучения, коим человечество следовало до сего дня

«При прочтении многочисленных описаний потусторонней жизни может возникнуть вопрос: насколько можно им доверять? Во многом совпадающие, они даруют нам великое утешение, и это является аргументом в пользу их правдивости. Можно заявить, что эти совпадения объясняются их происхождением из общего земного источника, но такое предположение несостоятельно. Многие описания дошли до нас от тех, кто никоим образом не был знаком со взглядами других людей на ту же проблему, и тем не менее они невероятным образом совпадали в самых мельчайших подробностях. Каждый из фактов в отдельности можно как-то объяснить, но, когда дюжина фактов указывает на одно и то же, есть повод задуматься. Должен же быть какой-то предел совпадениям. В Австралии, например, автор ознакомился с подобными рассказами, написанными людьми, жившими друг от друга на значительном расстоянии, и они были искренне удивлены совпадением своих записей. Одним из таких поразительных случаев можно считать историю мистера Губерта Уэйлза. Этот джентльмен, скептик по природе, прочёл упомянутые автором рассказы о жизни после смерти, затем извлёк собственную рукопись, написанную много лет тому назад, и послал её автору забавы ради. Он писал: «После прочтения Вашей статьи я был поражён, даже напуган тем, что многие подробности в моём описании загробной жизни совпадали с приведёнными Вами фактами, взятыми из разных источников».

«Способна ли эта философия совершить переворот во всеобщем поклонении Пречистому престолу, привычному для всех нас с детства? Как бы там ни было, она отлична от других и более обоснованна; она сулит широкое поле для развития всех дарованных нам свыше возможностей. Ортодоксы утверждают неизменность таких божественных атрибутов, как Престол, венец, арфы и прочая. Но кажется более благоразумным допустить, что некоторые из них имеют право на существование в формах, более соответствующих современным реалиям. Ознакомление с опытом человечества показывает, что античный Элизиум и богатые охотничьи угодья краснокожих индейцев более походят на реальные описания потусторонних миров, чем любые фантастические представления о рае и аде, восторженно излагаемые теологами, выискивающими аналогии в своём воображении».

«Рай, который нам описывают духи, многим представляется таким будничным и домашним, совсем земным, но мы должны помнить, что психическая и духовная эволюция — процесс медленный и постепенный. В данный момент мы находимся на низких ступенях духовного развития и не можем даже мечтать о том, чтобы быстро пройти все промежуточные состояния и достичь границ Божественного. Эта работа затянется на века и на эры. Мы ещё не способны к настоящей духовной жизни. Но когда мы станем совершеннее, когда улучшится среда нашего существования, мы устремимся к Седьмому небу, где наша душа утонет в блеске славы, недоступной человеческому воображению».

«Таков в очень сжатом выражении мир, который открывают нам эти удивительные послания, пришедшие из-за могилы. Можно ли признать то, что мы здесь видим, неразумным? Противостоит ли это в чём-либо нашим понятиям о справедливости? Не будет ли оно, напротив, настолько разумно, что, имея теперь этот ключ, мы можем с предельной ясностью видеть, что это как раз то направление, которому нам лучше всего следовать даже ценой собственной жизни?»

«Природа и эволюция не содействуют внезапным, ничем не подготовленным процессам. Если у человека есть склонность к занятиям техникой, литературой, музыкой и т.д., то они составляют основную часть его характера, и всякая попытка выжить или перейти в иную жизнь без них означала бы утрату своей индивидуальности, своего «я» и превращение в

совершенно другого человека. Стало быть, чтобы личность сохранилась, эти качества должны пережить самоё смерть. Но в сохранении этих качеств не было бы никакого смысла, если они не найдут себе средств выражения, а средства выражения, очевидно, требуют определённых материальных посредников, агентов, а также разбирающихся ценителей, публику».

«Также чувство стыда среди цивилизованных рас стало частью нас самих и требует прикрытия некоторых частей нашей телесной формы, если личность продолжает своё существование. Наши желания и симпатии побудят нас жить с теми, кого мы любим, что повлечёт за собой создание какого-то подобия дома, в то время как человеческая потребность в отдыхе ума и частной жизни повлечёт за собой существование также раздельных комнат. Таким образом, исходя из принципа сохранения личности, можно даже без Откровения из потустороннего мира создать дедуктивным методом вполне аналогичную систему, следуя лишь доводам здравого смысла».

«Что касается самого существования этой страны счастья, то оно, повидимому, гораздо более полно доказано, нежели какая иная известная нам религиозная концепция».

«Можно с полным основанием спросить, до какой степени столь точное описание жизни по ту сторону могилы является лишь моей собственной концепцией и в какой мере его разделяют более великие умы, изучавшие данный предмет? Я бы ответил, что сказанное — это мой собственный вывод, сделанный на основании анализа большого числа наличествующих свидетельств из мира иного, и что основные черты его уже многие годы приняты тем великим множеством молчаливых активных тружеников во всём мире, которые смотрят на это дело со строго религиозной точки зрения. Я полагаю, что имеющиеся данные в достаточной степени служат нам подтверждением этой веры».

«С другой стороны, те, кто подошли к данной теме с холодностью и осторожностью, характерными для научного склада ума, будучи наделены во многих случаях сильнейшим предубеждением против догматических верований прошлого и питая вполне естественные опасения по поводу возможного возобновления теологических распрей, зачастую предпочли не дойти до полного принятия, заявив, что по данному вопросу позитивные доказательства невозможны и что мы можем вводить себя в заблуждение либо отражением наших собственных мыслей, либо получением впечатлений от медиума. Профессор Цолльнер, например, говорит: «Содержание духовных откровений для науки оказывается совершенно бесполезным, наука должна руководствоваться лишь наблюдением фактов и выводами, логически и математически объединяющими их в систему».

«Данное высказывание немецкого учёного целиком разделяет и профессор Рейхель. Такая позиция, по видимости, служит указанием на желание обойти молчанием религиозную сторону вопроса, и это действительно характерно для большинства наших крупнейших сторонников от науки. Такую точку зрения вполне можно понять, и всё же при пристальном рассмотрении подобный подход оказывается не чем иным, как своеобразным расширенным материализмом. Допускать, как то делают эти учёные, что духи возвращаются, чтобы говорить с нами, что они дают все необходимые доказательства тому, что они есть утраченные нами друзья и родные, и всё-таки оставаться глухими к содержанию посланий, которые они направляют нам, значило бы, наверное, доводить научную осторожность до полного абсурда. Зайти так далеко и однако не итти дальше — в подобном положении невозможно оставаться долго».

«Настоящему исследователю психического приходится удерживать равновесие между теми, кто не поверит ничему, и теми, кто готов поверить слишком многому».

«Уверенность в будущей жизни – величайшее из возможных благословений».

XVI. Людская враждебность ко всем спиритическим явлениям

Пора, давным бы давно пора положить конец тому бессовестному, бесстыдному и беспардонному шельмованию спиритизма и научных исследований, проделанных в своё время в данном направлении серьёзными и авторитетными учёными, со стороны всех тех недобросовестных сил, что присвоили себе право наименоваться «учёным сообществом», хотя на самом деле речь идёт здесь всего лишь о сговоре материалистически настроенных умов, находящихся в плену своих весьма ограниченных и примитивных представлений о жизни и обо всём прочем.

Засилье вздорной наукообразности и ложной науки привело к тому, что нынешняя думающая часть человечества охотно и вполне серьёзно изучает такие вопросы, как катары желудка у инфузорий или профилактика перелома ног у тараканов и блох и предпочитает эти «исследования» размышлению о глубоких тайнах души человеческой. В итоге интеллигенция даже не знает, есть ли у человека душа, и склоняется к бездумному утверждению того, что её нет, и потому с достойной последовательностью изучает всякий недостойный вздор и предаётся унизительной глупости.

Кто всего лишь суеверен, тот надменно считает своё невежество высшей мудростью.

А.В. Михеев, современный русский учёный, физик и математик, один из пионеров российской инструментальной транскоммуникации, ввёл в обиход, на наш взгляд, очень удачное выражение и понятие: *труповер, труповерие*. Под ним подразумеваются все те – и учёные, и обыватели, – кто верит, будто человек – это его тело, т.е. конструкция из мяса и костей; будто никакой души нет и что сознание – не более чем функция этой конструкции. Очень мудрёная, надо сказать, философия и крайне незатейливое мироощущение, которое подобные мыслители вполне разделяют с кошками, собаками и воронами, но каковое, по нашему разумению, совершенно неуместно у человека и недостойно его.

Суеверие, предрассудок и невежество — близнецы-братья, препятствующие сегодня признанию и становлению спиритизма как официально признанной науки. Но их, шаг за шагом, оттеснят свет разума и стрелы истины. Это — дело лишь ближайшего будущего, и научный мир вновь вступит в законное владение своим древним наследием. Для этого от нас теперь требуется лишь беспристрастное и точное исследование методов спиритической науки средствами различных других наук. И вовсе не потому, что спиритические истины нуждаются в подтверждении со стороны научных авторитетов, но просто из-за того, что некоторые учёные позволяют себе оспаривать их, не приводя при этом весомых доводов и фактов, не вникая в сам предмет и ничего о нём на самом-то деле толком не зная. Они просто считают этот вопрос раз и навсегда решённым — и для себя, и вообще. Припоминаем, как в 70-х годах прошлого века мы пытались втолковать суть этой науки и миропонимания одному знакомому преподавателю философии и услышали от него такой, с позволения сказать, аргумент, что-де вопрос этот окончательно был решён в своё время Энгельсом и Лениным, которые признали всё это вздором, и наука тоже давно всё это отвергла и сняла с повестки дня. Какое лукавство, и какая умственная ограниченность!

Люди многого не понимают, и более того, не видят нужды в понимании многого. Совсем не одно и то же, когда представления о мире и жизни расширяются или когда они углубляются. Кто идёт в глубину, тот знает самую суть, а кто двигается по поверхности, тот при поверхностных знаниях так и остаётся и не знает ничего существенного, более того, не догадывается о его существовании. Иной говорун (скажем, журналист-забавник Невзоров или интернетный лектор Савельев с его «выносом мозга») в результате постоянного словесного фехтования находится в отменной спортивной форме, что называется «за словом в карман не лезет», но это вовсе не значит, что он всегда прав или что он глубоко мыслит. Скорее наоборот, все эти выпады, пируэты, антраша и вообще весь его «балет» лежат на поверхности

и за ними ничего, кроме мелкости, не скрывается, никакой глубины у него на самом-то деле ведь нет.

Есть люди такого особого склада, которым наука надевает на глаза шоры.

Люди нетворческие, недалёкие при столкновении с неведомым, которое ставит под сомнение утверждения официальной науки, всегда делают только одно: всеми силами пытаются защищать ортодоксальную точку зрения, для чего много ума, понятное дело, не требуется.

Для заурядного учёного критерии к определению истины важнее самой истины, потому что истина для него объект, а критерии – инструмент. Горькая ирония такого подхода в том, что истина, обнаруженная подобными методами, оказывается всего лишь правдой сегодняшнего дня, которая днём завтрашним или послезавтрашним автоматически превращается в ложь.

Материалисты прекрасно понимают, что «духи» и «спиритизм» – это, извините, такая материя, которая властно принуждает их распрощаться с их труповерным мировоззрением. По мысли Конан-Дойля, «просто само собой разумеется, что коль скоро дух может существовать и действовать без материи, то сам принцип материализма рассыпается во прах, повлекая за собой крушение всех вытекающих из него теорий». Поэтому у них по поводу сему остаются только две возможности: первая – упирать на телепатию (что весьма зыбкая для них почва и на самом деле означает всего лишь отсрочку); и вторая – одержимо и упёрто твердить, что все медиумы – шарлатаны, а изучающие провоцируемые медиумами явления и феномены (пусть даже это учёные с мировым именем) все сплошь легковерные глупцы и дураки. Последняя позиция представляется труповерам более сильной, вот они её и придерживаются. Такая у них, с позволения сказать, наука.

Неразбериха самоуверенных мнений – обычный кортеж фактов, не вписывающихся в рамки обыденности.

Барон Карл Дюпрель, в своей книге «Открытие души потайными науками», справедливо указывал: «Доказательства, взятые из трансцендентальной психологии, имеют тот недостаток, что они не могут быть общепризнаны, поскольку феномены этого рода не принадлежат к числу повседневных фактов; люди же в большинстве своём желают верить лишь тому, обо что они повседневно стукаются носом. Большинство людей могут попасть в область истины лишь путём зрения, а не путём мышления, и эта необходимость является главнейшею причиною сомненья».

По мысли Сократа, мнения людей – это такие страшилища, которыми можно пугать детей.

Наши здешние суждения о мире, который нас ждёт после смерти, представляют собой на самом деле такую же ценность, как и суждения о здешнем мире со стороны птенца, ещё не вылупившегося из яйца.

Пошлость и глупость вкупе с имитацией образования и культуры – вот три весьма ярких явления современной жизни. Об этом можно, сколько угодно, сожалеть, но сожалениями делу не поможешь. Помочь может только внимательное наблюдение, глубокое исследование характера, природы и причин названных явлений. Но *глубокое исследование* возможно никак не на основе сухого и беспомощного интеллекта, а единственно на основе *интуштивного* ума.

Беда в том, что учёные, как правило, интуитивный и всякий иной такого рода подход отвергают, признавая лишь то, что может быть доказано «железобетонно», всем и каждому. А зря, ведь надо бы знать, что сознание человека может быть преимущественно повёрнуто

внутрь себя — интравертный тип человека, а может направляться исключительно вовне — экстравертный тип (хотя, конечно, желательна гармония, чтобы успевать и *тим* и *мам*). Соответственно и знание, как и наука, делятся на интравертные и экстравертные. При этом интравертное знание точно так же недоступно экстравертному человеку, как письмена непонятны для неграмотного. Йога — идеальный пример интравертного знания, интравертной науки. Этим и объясняется её непонятность массе граждан, её импонирующая им «таинственность» и попытки вносить в неё (в Йогу) посильные искажения. Последнее достигается с помощью популяризации, массовых занятий и кружковщины, выпуска глянцевых «йоговских» журналов и, не в последнюю очередь, стараниями озабоченных самообогащением многочисленных «учителей» и «мастеров».

Здесь никак не могу отказать себе в удовольствии привести слова Конан-Дойля: «Человек мелкого масштаба всегда использует свои исключительные способности для того, чтобы основать какую-нибудь секту, в которой он становится верховным жрецом, или окружает себя загадочным туманом тайны и магической силы, которые употребляет для личного обогащения».

Технократический уклон современной цивилизации и тоталитаризм вульгарного материализма, насаждавшийся десятилетиями, выработали не только нигилизм к интравертному знанию, но и его воинственное отторжение. Отсюда и главная беда нынешнего человека, будь он хоть великий учёный с мировым именем или полный тупица, неспособный делать простейшие умозаключения. А именно: современные люди, не зная ни психики, ни «Я», думают, что они – всего лишь конструкция из мяса и костей, а их психика – всего только функция этой конструкции. Такое миропонимание и мироощущение вполне уместны у собаки, но никак не у человека, и недостойны его.

Смотреть может всякий, у кого есть глаза, но видеть и всматриваться в состоянии лишь тот, у кого есть не только глаза, но и душа.

Материалистическая наука — крайне догматическое установление. Её основная онтологическая догма — это «неделимость» атома как кирпичика мироздания (άτομος погречески значит *неделимое*). Так было 2000 лет со времён Демокрита и Эпикура. И после того, как наукой же в конце XIX века было раз и навсегда установлено, что «атом» именно *делится* (и чуть ли не до бесконечности), что существование его, как и существование самой материи, условно и иллюзорно, рухнуло главное основание всего материализма, равно как и всех вытекающих из него теорий. И уже тогда настойчивое желание материалистически настроенных учёных (хотя так были настроены совсем и далеко не все) гнуть прежнюю линию, означало, по выражению Карла Дюпреля, всего лишь «упорное желание продолжать работу, уже давно ставшую никому не нужной».

Величайшее бесстыдство всех новейших материалистов — мыслителей, учёных, философов — в том как раз и состоит, что они даже не заметили, более того, *не удосужились* заметить, как почва, на которую они опирались два прошедших тысячелетия, ушла у них изпод ног. Они лицемерно делают вид, будто всё ещё прочно стоят ногами на земле, а не падают с ускорением свободного падения в непроглядную бездну!

Сия странная слепота, неспособность подняться на более высокий уровень мышления, достичь которого позволяет способность к обобщению, и оказаться в состоянии увидеть за домами город, за деревьями – лес, – это общий изъян, коим страдают по-материалистически соображающие и думающие учёные, философы и разные любители поговорить и попереливать из пустого в порожнее.

Важнейшим догматом материалистической науки всегда являлось непризнание объективной реальности за духовным, психическим миром, каковой истолковывался ею только как побочный продукт чрезвычайно удачного стечения обстоятельств в развитии

материального мира. Для полного опровержения этого постулата было бы достаточно одногоединственного твёрдо удостоверенного факта действия мысли на расстоянии. Между тем этот факт был удостоверен (учёными же) не то что единожды, а десятки тысяч раз. Книгами, в которых собраны и проанализированы эти факты, можно заполнить десятки шкафов библиотеки.

Зачем, спрашивается, было не изучать факты и скрывать эти книги? Смысл был только один: всеми силами развивать материалистическую науку. Кто платит деньги, тот, как говорит вульгарное выражение, и заказывает музыку. Кто же здесь платил и заказывал? Силы мракобесия: политические элиты западных государств, стремившиеся к мировому господству и грызущиеся между собой. А каковы были результаты развития такой науки? Их только два, и выглядят они удручающе взаимоисключающим образом: с одной стороны, создание комфорта и, с другой, создание новых, а также совершенствование старых орудий убийства. Комфорта для хозяев и их прислуги, и уничтожения конкурентов и армии непокорных рабов, буде таковая возникнет. Создание оружия массового уничтожения стало вершиной трудов материалистической науки, вот триумфальный итог её деятельности, весь этот «атом для мира».

Настоящая наука не знает границ, не знает рас и национальностей, настоящая наука, как и настоящее искусство, принадлежит всему человечеству. А здесь было не так: создатели оружия массового уничтожения делали своё гнусное дело по большому секрету в закрытых «шарашках», на деньги военно-промышленных комплексов своих государств под руководством «великих» умов госбезопасности. К моменту появления компьютерных технологий материалистическая наука в основном решила проблему комфорта и массового уничтожения и смогла динамично влиться в новую тематику. Апофеозом её деятельности здесь стало создание массовой мобильной связи, благодаря которой удалось свести воедино комфорт и массовое уничтожение. Ибо массовое оглупление сознания, которое в прошлом веке никак не могли довести до полного совершенства с помощью радио и телевидения, благодаря мобильной связи (нам больно об этом говорить!) увенчалось теперь полным успехом. Поголовное же оглупление человечества, по нашему мнению, и есть его полное и массовое уничтожение.

XVII. Небывалый по масштабам и безответственности эксперимент

Находясь внутри процесса, невозможно постичь его истину. Истина о нём видна только тому, кто смотрит на него со стороны. Не побоимся, ввиду его полезности, повторить ранее сказанное: любые общественные существа — и люди, прежде всех прочих, — являются жертвами внутристадного гипноза. А это значит, что вся их философия жизни является плодом этой загипнотизированности. Т.е. они загипнотизированы действительностью, которая в действительности не действительна. А это значит, что вся ткань их мироощущения и миропонимания сплетена из иллюзий, полна странных фобий и пронизана самыми нелепыми предрассудками. Единственное, что реально в их жизни, это — их постоянные, их непрестанные и мучительные усилия, направленные на поддержание подобного существования и на сохранение иллюзий. Таков взгляд со стороны, а не изнутри самого стала.

По мнению йогов и всех, кто глядит на этот процесс непредвзято со стороны, человечество безудержным развитием компьютерных технологий и мобильной связи поставило над собой небывалый по масштабам и безответственности эксперимент (о чём мы говорили раньше в другом месте, а здесь только бегло напоминаем о данном факте), который, собственно, никто не стремится осознать в той мере, какой он заслуживает.

Хотелось бы приветствовать дальнейшее развитие человечества и его продвижение к духовным и культурным высотам. Но, увы, вместо этого приходится с горечью констатировать, что человечество сейчас никуда не продвигается, хуже того, оно нравственно, умственно, культурно и физически вырождается. Грустный факт, горькие слова! Само дальнейшее существование земного человечества стоит теперь под вопросом.

Предельно примитизированный человек, лишённый подлинного образования и культуры, живущий на уровне «оперативной» памяти и мгновенно забывающий всё остальное, легко превращается в придаток машины, в функцию компьютора. Духовная жизнь его выхолощена до непристойности, потребности животно-примитивные, он постоянно занят тем, что «выживает» — в чудовищной нищете или в происшедшей на её фоне позорной роскоши. Но это «выживание» у него всё хуже и хуже получается. Это уже не человек, а существо, на которое жалко и больно смотреть.

В «цивилизации» завтрашнего дня, которую «технари» и политтехнологи созидали вчера и доделывают сегодня, человека не требуется. Там телефоны будут звонить друг другу и вести между собой заложенные программой разговоры, а «говорящие книги» по очереди включаться и читать себя одна другой.

Парадокс сегодняшнего дня — образование угрожающе растёт: учатся и выучиваются все, все школы становятся высшими, высшие школы становятся университетами, университеты — академиями, академии — чем-то космически-олимпийским, а невежество вокруг полное, понимание жизни средневековое, техника превращается в атрибут шаманства, кругом полное безлюдие при чудовищном скоплении народу.

Нелепые междусобойчики абсолютно неинтересных и ничтожных существ, проводимые во всепланетном масштабе на деньги, заработанные паскудством и непотребщиной — такова политическая и культурная жизнь, проводимая в условиях информационных «нана»-технологий.

Вообще-то, взявшись говорить о глупости общественной жизни и культурного времяпрепровождения на этой планете, немыслимо обойти молчанием и как-то проигнорировать столь чудовищно-мрачный и унылый аспект жизни землян как спортивный психоз.

Культ рукомашества и дрыгоножества происходит отнюдь не от большого ума в обществе. Увлечение спортом, проявляющееся в чисто созерцательном отношении к нему, есть верный признак умственной ущербности. Спорт — самое дешёвое и самое надёжное средство массового охмурения. Это хорошо поняли как на Западе, так и здесь. И те, кому нужно, довольно-таки умело средством этим пользуются. Бесконечная круговерть матчей, турниров, поединков, чемпионатов и олимпиад лавиной низвергается на головы обывателей, лишая из способности интересоваться чем-либо ещё. Спорт как «опиум для народа» вполне успешно конкурирует с религией и даже оттесняет её на второй план. Радио, телевидение и всё остальное «освещают» результаты спортивных потасовок как важнейшие новости и события, не уступающие по важности и значению нечистотам «политической жизни».

Спорт – умственная зараза современности, так как, прежде всего, он поражает мозги. Разглядывание спортивных передач – это наиболее общая форма выражения крайней степени мужского слабоумия. Здесь же необходимо добавить: что если человек не играет в карты, презирает спортивные зрелища и не травится алкоголем и никотином, значит жизнь ему интересна, а значит, она удалась. Право слово, спорт – типичное занятие для бездельников, которые не желают употребить избыток своих сил в каком-либо полезном деле, а предпочитают растратить его в бестолковых прыжках, беготне и кривляньях.

Спорт — это проституция изуродованным телом и недоразвитыми мозгами, развитие коих когда-то было искусственно приостановлено ради того, чтобы иметь возможность калечить тело. Как известно, один из смыслов существования спорта состоит в установлении так называемых «рекордов», но парадокс этой нелепой деятельности в том, что все естественные и возможные пределы, отмеренные человеческой природой, здесь давно пройдены и с некоторых пор установление какого-либо мирового рекорда возможно исключительно за счёт применения допингов. Так что все соревнования спортсменов теперь сводятся единственно к состязанию в том, кто из них на приёме допингов попался, а кто пока ещё нет.

Не побоимся повторить эту важную мысль: спорт — заразная болезнь современности, поражающая преимущественно мозги. Её распространению на самом деле не приходится удивляться: идеалом материалистического мира естественно является *человек-животное*, развившее до предела силу своих мышц. Ему охотно и с лихвой прощаются его полнейшее умственное и моральное ничтожество. Спортсмен — герой здешнего мира, его «подвиги» вызывают народные восторги, от вида его прыжков, скачков, бросков и кувырков ликуют и беснуются толпы. Чудеса техники, усилия экономики, движение финансовых потоков и развитие конъюнктуры служат тому, чтобы навязать это плебейское зрелище каждому «гомо сапиенсу», независимо от его пристрастий. Мир, в котором происходит такое, на самом деле пал весьма низко и, по видимости, близок к своему концу.

Человечество постоянно и неустанно живёт в положении, которое можно назвать «предкатастрофическим».

Хочется подойти к Человеку, встряхнуть его и, положа руку ему на плечо, глядя прямо в замутнённые кошмаром глаза, сказать: «Ты спишь уже века, и видишь дурные сны. Проснись!»

На самом же деле, конечно, следует помнить и понимать, что на Земле живёт не только маленькая часть человечества, но и далеко не лучшая его часть.

Не побоимся повториться, ибо мысль эта крайне важна: любопытное обстоятельство о соотношении этого мира и мира иного состоит в том, что мы, живущие сейчас в этом материальном мире, воспринимаем его как нечто серьёзное и существенное, тогда как мир загробный представляется нам, в лучшем случае, чем-то смутным, нереальным и полусонным.

Обитатели же мира тонкого, в том числе и сравнительно недавно перешедшие туда, утверждают, что настоящий мир, мир peanbhocmu — у них mam, а наш плотный мир — мир сна и сновидений. Для них, для обитателей moro мира, для духов — hama semhas жизнь есть <math>hama semhas sem

XVIII. Унылый марш к линии горизонта в тщетной попытке к нему приблизиться

Среди великого множества необычайно глубоких мыслей у Оскара Уайльда («Душа Человека при социализме») есть ещё и такая: «Русский, живущий счастливо при существующей системе правления в России, должен думать, что у человека либо вовсе нет души, либо, если таковая у него и имеется, она не стоит того, чтобы её развивать». Сказано о России 80-90 годов XIX века, но насколько верно и справедливо это в отношении всего, что творилось здесь в продолжении XX века и происходит всё ещё и теперь. Душу и Бога вычеркнули из жизни — и жизнь превратилась в скотство!

Жизнь такова, каковы мы сами. Чем больше среди нас будет хамов и паразитов, тем жизнь будет становиться невыносимее для всех и каждого. Люди настолько погружены в свои дрязги, настолько порабощены *внутристадным гипнозом*, что не замечают ничего вокруг, не понимают, как они в тягость всему остальному миру. Они не в состоянии понять даже такой простой вещи, что быть хамом и паразитом — *невыгодно*!

Жизнь устроена таким образом, что за каждое своё действие, за каждый поступок, более того, за каждый помысел каждому приходится отвечать. Поскольку все мы тесно связаны с миром вокруг нас и связаны между собой, то результаты наших мыслей и дел отражаются на всех окружающих и, в конечном счёте, на нас самих. Каковы наши мысли, такова и наша судьба, а значит, и наша участь.

Наиболее удачно и полно ущербность нынешнего времени и живущего в нём поколения выражают разнузданные вопли рекламы: «Бери от жизни всё, и пусть платят другие!» К несчастью для энергичных последователей столь радикальной философии, жизнь устроена решительно иначе: нельзя брать от неё всё — по крайней мере, безнаказанно; и что всего трагичнее при подобном миропонимании: за всё, в конечном счёте, приходится платить самому, и другие тут совершенно бесполезны.

Современные люди, люди нескольких последних поколений привыкли слепо доверять науке и учёным, как прежде они слепо доверяли религии и попам. И тоже зря. Нынешняя наука, на самом деле, представляет собой крайне догматичное установление, в коем присутствует тщательно маскируемая предвзятость. Наука не знает того, чего не ищет. Но зато в ней имеется масса непроверенных и не поддающихся никакой проверке произвольных допущений, которые учёные выдают доверчивой публике за строго доказанные факты. Так получилось, что поиск истины оказался в конце концов подменён нудной и беспомощной болтовнёй, искажением фактов и их подтасовкой, сползанием в невежество и шарлатанство.

Да и что такое наша наука? Претенциозное скопище догадок, домыслов, предрассудков и откровенной чепухи: мы ухватились за пару первых звеньев в бесконечной цепи закономерностей, но вот уже четвёртое-пятое звенья её ведут в глубину, во тьму, опровергают скоропалительные выводы и выворачивают их наизнанку... Чтобы узнать всё, человеку не хватило бы и вечности!

Есть странные, непостижимые люди, делающие смыслом своей жизни опровержение существования Бога и души. В конечном же счёте их устремления сводятся к обоснованию той глубокомысленной философии, что человек-де — всего лишь кусок недоброкачественного мяса. Но на самом деле, вера в то, будто сознание есть функция конструкции из мяса и костей, наивна, как семь смертных грехов. Она вполне соответствует уровню самосознания собаки, кошки или свиньи, но совершенно неуместна у человека и недостойна его.

Den Theorien der Materialisten entsprechend soll es klingen: der Mensch sei eine Maschine, etwas dreckig organisiert.

Представители материалистической медицины непоколебимо убеждены в том, что, ковыряясь в человеческом дерьме и моче, они могут многое узнать о человеческой природе. Это самое жалкое и низкое заблуждение. Всё равно, как если бы вы, никогда не видя автомобиля и ничего не зная о его облике и назначении, при включённом двигателе сразу бы уткнули нос в его выхлопную трубу и принялись интенсивно дышать глубоким дыханием.

Подобные люди очень гордятся своими познаниями и легко убеждают и переубеждают людей, не искушённых в софистике. Но фактом является то, что такого рода, с позволенья сказать, мыслители, выдающие себя за охранителей разума, поборников логики и научного прогресса, встают на крайне зыбкую почву, когда берутся судить о вещах, выходящих за пределы компетенции наших органов «чувств» или ощущений, на которых единственно и строит свои наблюдения и выводы материалистическая наука. Это особенно касается вопроса о жизни после смерти.

Такого рода учёные обычно с гордостью и апломбом заявляют, что они-де не верят в существование у других и у них самих души или духа, переживающего смерть их тела. Они не в состоянии понять, что метод непосредственного чувственного восприятия, на который они доверчиво опираются, делая свои многочисленные утверждения касательно невозможности жизни после смерти, крайне ограничен, несовершенен и уязвим для непредвзятой критики. Характерно ещё и следующее: коли человек верит в то, будто жизнь происходит из материи, а не из духа, то его значительно меньше заботят вопросы нравственности. И к чему это ведёт? К порче нравов, разумеется. А между тем самые скверные и непоправимые изменения суть те, кои происходят от ухудшения нравов; притом порча их необходимо совершается со всевозможными насильственными потрясениями.

Вопиюще антинаучный подход применяется в отношении одной из самых фундаментальных областей научного поиска — в исследовании природы и происхождения жизни. Чего стоит только теория «первичного бульона»! Эта гипотеза, выданная за истину, пример типичного и бесстыдного надувательства со стороны современных «учёных», потому что наука никак не может доказать эту гипотезу ни теоретически, ни тем более экспериментально. Данная теория фактически опирается на слепую веру учёных в то, что жизнь — порождение неживой материи. Эту веру нынешних учёных не могут поколебать никакие разумные и неопровержимые аргументы, указывающие на её несостоятельность. Дамы и господа! чего ведь проще: возьмите в своих лабораториях химические элементы, из которых, как вы утверждаете, зародилась когда-то жизнь, создайте там те же условия, которые, как вы считаете, были для того необходимы прежде, — и зародите жизнь из своего «бульона» сегодня. Это и будет научный эксперимент, сделанный по всем правилам. Но вы вместо того, со времён появления этой теории, только и знаете, что обещать и грозиться успешно провести сей опыт в каком-то далёком будущем. А это уже не наука и не имеет никакого права называться наукой, это чистое мошенничество.

Подлинная научная методология подразумевает построение теории, наблюдение и эксперимент, и все эти методы в равной мере применимы также в духовной науке, т.е. оккультизме. Так было и с исследованиями и опытами, которые выдающиеся учёные конца XIX века провели, занимаясь изучением спиритизма и блестяще на практике подтвердив истинность его теории, выдвинутой ранее Кардеком. На эту тему учёными (sic!) написаны выдающиеся труды, которые изданы были в своё время на основных европейских языках. Всей этой литературой можно теперь заполнить десятки книжных шкафов библиотеки. Изучайте – и убеждайтесь, как и при изучении любой другой науки – физики, химии и прочая.

Когда один и тот же результат воспроизводится несколькими исследователями, его принимают за научный факт. Вот и утверждающий, что жизнь – результат эволюции неживой материи, дабы не потерять право на звание учёного, *обязан* привести доказательства – провести эксперимент. Пусть он смешает химические вещества и создаст жизнь! Вот это

будет научным доказательством. Без экспериментального же доказательства данная теория имеет всего лишь тот же научный статус, что и теория алхимии, над которой сегодня принято зубоскалить и потешаться, только она гораздо смехотворнее её, ибо берётся судить и рядить о вещах несравненно более важных.

Или взять тщащуюся объяснить происхождение вселенной теорию «большого взрыва», после которого-де галактики вселенной разбегаются одна от другой в разные стороны с умопомрачительной скоростью на протяжении не поддающегося измерению количества времени. Хотя на самом деле в данной гипотезе, пытающейся объяснить возникновение вселенной и, в частности, нашей планеты в результате огромного взрыва, ничуть не более основательности, чем в расчёте на то, будто взрыв типографии произведёт на свет толковый словарь русского языка вкупе с романом «Война и мир». Сия теория — чистейший пример галиматьи на ходулях.

В последние десятилетия наукой приложены неимоверные усилия на создание квазижизни, конструируются карикатурно похожие на человека роботы, и наиболее светлые учёные головы всерьёз задаются нелепым вопросом: может ли машина мыслить? И, наконец, ужасный итог последних десятилетий — так называемые «новые информационные технологии», которые при соблюдении чувства меры могли бы стать значительным благом, но при нынешней деловой разнузданности превратились в мощнейшее средство оглупления и оболванивания человечества.

Техника развивается и совершенствуется, и всё это не имеет ничего общего с улучшением и совершенствованием самого человека: он как был, так и остаётся всё такой же злобной обезьяной, а развитая техника лишь удовлетворяет его жестокие наклонности, более того – поощряет их и доводит до буйного безумия.

У нынешней науки нет сверхзадачи, характер её сугубо прикладной — обслуживание технического «прогресса». Природа же этого «прогресса» двойственна: с одной стороны, это — служение комфорту и его всеохватному расширению (что из области иллюзий), и с другой — выжимание всё больших прибылей из навязанных гомостультусам искусственных и мнимых потребностей (а это уже из области пошлости и подлости).

Учёные давно уже известны пресловутым умением сочетать свои «научные» исследования с личными пристрастиями, убеждениями и амбициями, подгоняя под них любые полученные результаты. Большинство «учёных» давным-давно потеряло право на это своё столь высокое звание, так как превратились в успешных карьеристов, дельцов и преуспевающих мошенников. Наши учёные, академики, эти чиновники и функционеры, что грызутся из-за денежных должностей и доходных мест, обычно суть мнимые авторы «липовых» диссертаций ни о чём.

Вся эта пустыня процветает вместе с благоденствующими в ней паразитами до тех пор, пока государство и общество не скупятся орошать её мощными финансовыми потоками. Не более того. Стоит сим потокам иссякнуть, и большая часть этих докторов и кандидатов вкупе с академиками снова вполне охотно пойдёт работать живодёрами, убойщиками скота, вохровцами и палачами в застенках, благо при такой организации общества нужда в подобных специалистах имеется всегда и труды их щедро оплачиваются. Никакие они на самом деле не учёные, ибо уровень их сознания самый что ни на есть обывательский, *плебейский*.

Для подлинного учёного, для подлинного мыслителя важны не звания и регалии, важно движение науки и мысли вперёд.

Ментальность подлинного учёного – это и логика, и здравый смысл, и широта взглядов, и понимание вынужденной и необходимой ограниченности собственной области исследований и системы взглядов.

Суть всеведения науки в её специализации и разделении знаний и интересов со способностью к последующему их обобщению и синтезу. Без этого наука отнюдь не всеведуща.

На самом деле умному человеку, для того чтобы его слово имело ценность и вес, необязательно быть академиком или доктором наук, а достаточно быть просто самим собой. Глупцу же, как это сплошь и рядом бывает, и звание академика или доктора наук не оказывается в помощь, и сказанное им так и остаётся глупостью или сплетением небылиц.*

Кто интересуется достижениями человеческого разума, тот умеет извлекать из них неожиданные и поразительные выводы, оригинальность и верность которых заслуженно привлечёт внимание значительных и серьёзных умов, составляющих узкий круг избранного человечества.

Любители пустяков, искатели мирских наград, оголтелые крикуны, читатели и писатели газет – вся эта публика с важностью и топотом марширует по тракту смерти. Почему? Зачем? А нужно ли? Не интересуются. Жизнь человечества – это бодрый или унылый марш к линии горизонта в тщетной попытке к нему приблизиться. Так белка бегает до упада в колесе, а умная обезьяна ощупывает и во все стороны вертит в руках бильярдный шар в попытке понять, что у него внутри – нельзя ли, дескать, это съесть? Вся эта суета, переливание из пустого в порожнее, перекладывание с места на место, и двигаться надо всё дольше и всё быстрее... Люди бегают, подобно всё той же белке в колесе, до истощения, но продолжают оставаться всё на том же самом месте. Белка в колесе (для того, кто способен видеть) – это образ современного человека, причём куда более трагический в своей бессмысленности, чем Сизиф со всеми его трудами.

Жизнь в гэджетных условиях совершенно невыносима, абсурдна и омерзительна. Предел и совершенство, к которым она неудержимо стремится, сводится к одному: сделал вдох – плати рубль; сделал выдох – плати два!

Ведь что на самом деле происходит? Человеческой душе в её вечной форме грязные и уродливые руки в неудобосказуемой посудине протягивают смрадное, приторное, ядовитое пойло: «Выпей и умри!» Но этому не бывать! Mы того не допустим.

- 64 -

_

 $^{^*}$ Вот и приходится, чтобы не играть в скучные игры и не участвовать в этой безумной, подлой и уродливой фантасмагории, оставаться всего лишь *приватным учёным*. (Π . Γ .)

XIX. Упрямое желание труповеров продолжать работу, уже давно ставшую никому не нужной

Наивно думать, будто наука, серьёзная и большая наука не может обойтись без материализма и без всех этих, говоря по-русски, любителей ставить телегу впереди лошади. Науке вообще мало дела до философских кривотолков; единственное, что ей нужно, это то, чтобы философия стесняла её как можно меньше, ставила ей как можно менее узкие рамки. Когда-то, в пору средневекового мракобесия, такой философией был материализм, но лет гдето сто пятьдесят назад, после выхода в свет работ Кардека, а затем Мейерса, Крукса, Дени, Деланна, Конан-Дойля и остальных, его с полным основанием стал вытеснять спиритизм, хотя, правда, вскоре этот последний - в связи с революцией в России и двумя мировыми войнами – был задавлен твердолобым и теперь уже реакционным материализмом, который сегодня для науки является таким же тюремщиком и палачом, каким ей в средние века был католицизм. Сегодняшняя наука задыхается в материалистических тисках, как задыхался бы человек в не по размеру узком и усеянном внутри иглами и шипами панцире, в который его насильно засунули инквизиторы. Но всё это не имеет значения, ибо чуть раньше или чуть позже истина всё равно восторжествует, и спиритизм займёт по праву принадлежащее ему место, пока что узурпированное узколобыми матерьяльщиками и труповерами. По словам Дюпреля, «когда какой-то определённый ключ не подходит к данному замку, всегда вполне разумно попытаться подобрать другой. Однако наши горе-учёные, вместо того чтобы воспользоваться тем, что предлагает им трансцендентальная психология, всё продолжают навязывать физиологическое объяснение феномену человека, что равнозначно упрямому желанию продолжать работу, уже давно ставшую никому не нужной».

Реальность спиритических феноменов не вызывает ни малейшего сомнения у открытых и непредвзято мыслящих умов, пожелавших потратить некоторое время на изучение сути вопроса. Необходимо подчеркнуть, что в ту пору, когда явления эти действительно серьёзно изучались учёными (конец XIX-го века – начало XX-го), вопрос о неподложности, а зачастую и о невозможности подлога спиритических явлений, был многократно в положительном смысле решён авторитетными учёными и целыми учёными комиссиями - в Англии, во Франции, в Германии, в Италии, в Испании, в Соединённых Штатах и, не в последнюю очередь, в России. Не станем перечислять имена всех учёных, подтвердивших свою приверженность спиритизму (в ту пору его нередко называли «психизмом» и «спиритуализмом»), подписавших протоколы сеансов и издавших специальные сочинения, посвящённые данному вопросу. Ограничимся лишь первыми, кто приходит в голову: Крукс, Рассел-Уоллес, Лодж, Флетчер-Баррет, Фламмарион, Жэле, Рише, Жибье, Гелленбах, Цолльнер, Дюпрель, Шренк-Нотцинг, Скиапарелли, Боццано, Ломброзо, Милези, Брофферио, А.М. Бутлеров, Н.П. Вагнер, Й. Веленовский, В.М. Запорожец... Среди них есть физики, химики, математики, астрономы, медики, психологи, биологи и так далее. Разумеется, их специальность, которая принесла им заслуженную славу и известность в их научной области, не давала им никаких реальных преимуществ перед теми, кто занимался конкретно данным направлением исследований, поскольку и те, и другие начинали равно с нуля. Но просто сам факт, что столь серьёзные умы заинтересовались данным предметом, уделили ему массу времени и дали ему своё подтверждение, говорит о многом. И заметьте: вникнув в дело, они не побоялись дать своё подтверждение, не взирая на неудовольствие и улюлюканье учёных коллег, не удосужившихся хотя бы ознакомиться с предметом.

При изучении этой проблемы следует учитывать то обстоятельство, что все учёные экспериментаторы, принимаясь за спиритические опыты, исходят из недоверия к медиуму, они, как правило, видят в нём замаскированного обманщика и считают, что причиной феноменов является его искусное фокусничество. Это их изначальная умственная установка. И именно поэтому, поскольку такая подозрительность ведёт их к принятию всех возможных мер предосторожности, ни у одного здравомыслящего человека нет причин сомневаться в верности результатов их опытов и в справедливости тех выводов, к которым эти

исследователи на основании своих опытов приходят, особенно в тех случаях, когда скептичные исследователи начинают высказываться в пользу спиритизма и из его противников, гонителей делаются его сторонниками и поборниками.

Тем более на таком фоне забавна незатейливая «логика» врагов спиритизма: они полагают, что когда исследователи-практики не приходят в своих опытах ни к каким результатам и делают на этом основании лишь отрицательные выводы, то они, оказывается, всегда правы и, стало быть, им можно верить; когда же они приходят к подтверждению феноменов, то тогда они всегда ошибаются и результаты их не внушают никакого доверия. То есть, если опыты не подтверждают того, что солнце вращается вокруг земли, как то говорят нам глаза наши, но, напротив того, утверждают, что Земля вращается вокруг Солнца и вокруг собственной оси, то, стало быть, и долой эти опыты, то, стало быть, им нельзя оказывать никакого доверия. И это на полном серьёзе! И это называется «наукой». Барон Рейхенбах оставил в этой связи весьма назидательную сентенцию: «Скептицизм иного учёного в своей глупости превзойдёт и тупость невежды».

Профессор В. Флетчер-Баррет в той же связи писал: «Скептицизм, в высокомерии своём отказывающийся признать существование множества фактов, происходящих у него перед глазами, никак не может претендовать на звание здорового. Такой скептицизм нуждается во вмешательстве врача».

Лорд Рейли говорит: «Я не думаю, чтобы учёный имел больше прав считать себя пророком, чем другие образованные люди. В глубине души он знает, что под построенными им теориями лежат противоречия, которых он не в силах разрешить. Высшие загадки бытия, если оне вообще постижимы для человеческого ума, требуют иного вооружения, чем только расчёт и эксперимент».

А. Каррел пишет: «В конце концов, учёные — это только люди. Они охотно верят, что факты, которые не могут быть объяснены теориями настоящего времени, не существуют. В настоящее время те учёные, которые занимались чисто физическими, химическими и физико-химическими аспектами физиологических процессов, всё ещё смотрят на телепатию и другие метафизические феномены как на иллюзию. Очевидные факты, если они выглядят неортодоксально, не признаются».

Русский химик А.М. Бутлеров, в одной из своих «спиритических» монографий писал: «Совершенно справедливо сказано кем-то, что привычка к мнению порождает убеждение в его непогрешимости. Вот эта-то привычка к известному мнению – составляющая в сущности ни что другое, как слепое верование – и лежит нередко в основе иных убеждений, из слывущих за научные. Побеждать такие убеждения (в сущности – предубеждения) трудно не только здравому умозрению, но и фактам; глаза и уши открываются тут и для фактов лишь исподволь, понемногу. Неослеплённому наблюдателю крайне интересно тогда следить за этим процессом невольного и многообещающего прозрения. Такой процесс ныне на полном ходу на глазах наших».

В самом деле, каждой личности, независимо от степени её способностей, приходится начинать сознательную жизнь с массы мелких ходячих понятий, составляющих необходимый багаж каждого. Когда-то это были религиозные догмы, сегодня это — догмы атеистические и материалистические, воспринимаемые каждым с пелёнок как нечто неоспоримое и само собою разумеющееся, хотя малейшее напряжение мысли, устремлённой в указанном уже направлении, способно сокрушить их с той же лёгкостью, с какой бы горный обвал сокрушил карточные домики, стоящие на его пути.

Сэр Вильям Крукс, великий английский физик и химик, открывший посредством спектрального анализа химический элемент таллий, много занимавшийся изучением физических явлений при прохождении электрического тока через разрежённые газы,

открывший радиометрические силы и построивший измерительный прибор — радиометр, сконструировавший спинтарископ — прибор, позволяющий обнаружить присутствие отдельных альфа-частиц, работавший также в области астрономии, аналитической химии, свёклосахарного производства, крашения тканей и многого-многого другого, посвятил долгие годы своей исследовательской деятельности изучению спиритических явлений.

Для того, чтобы строго по-научному проконтролировать последние, он сконструировал особые приборы небывалой чувствительности и неслыханной точности. Ассистируемый замечательным медиумом мисс Флоренс Кук и другими учёными, столь же строго методичными, как и он сам, он проводил эти исследования в своей лаборатории в окружении специальной аппаратуры, которая делала невозможной всякую попытку мошенничества и подлога, о которых так любят твердить наши оппоненты. Сэр Вильям Крукс писал по поводу спиритических фактов: «После того, как я убедился в реальности спиритических феноменов, с моей стороны было бы малодушием и низостью отказать им в своём свидетельстве».

Мнение о спиритизме сэра Оливера Лоджа, другого крупнейшего английского физика, работы которого в области электричества, в частности теория ионов, известны во всём мире: «Что касается меня, то со всем чувством ответственности я должен заявить следующее: в результате своих исследований в психизме, я давно и совершенно постепенно приобрёл убеждение в том, что не только сохранение индивидуального существования есть факт, но и в том, что некоторые сообщения, пусть случайно, с трудом и при определённых условиях, могут всё же дойти до нас сквозь пространство. Предмет этот не из тех, что позволяют делать быстрые и лёгкие выводы; доказательства могут быть получены лишь теми, кто посвящает ему время и серьёзные исследования». И далее: «Я был лично приведён к уверенности в будущем существовании доказательствами, покоящимися на чисто научной основе». Продолжая свои исследования, этот же учёный, бывший также ректором Бирмингемского Университета и членом Королевской Академии, писал ещё: «Я признаю себя спиритом, поскольку я должен принять спиритические феномены как реальный факт».

Фредерик Мейерс, профессор из Кембриджа, которого международный Спиритический Конгресс 1900-го года в Париже избрал почётным председателем, в своём фундаментальном исследовании «Человеческая личность и её сохранение после смерти тела» ("Human Personality and its Survival of Bodily Death") приходит к выводу, что из потустороннего мира до нас могут доходить голоса и послания. Говоря о медиуме миссис Томпсон, он пишет: «Я считаю, что бо́льшая часть этих посланий приходит от духов, которые временно пользуются организмом медиумов, для того чтобы передать их нам». Профессор Ф. Флурнуа из Женевского Университета, известный в своё время скептик по такого рода вопросам, о важности данного сочинения высказался в следующих выражениях: «Доказательства и рассуждения, выдвинутые Мейерсом в пользу сверхъестественных психических феноменов, представляют собой, по своей численности и весомости, слишком объёмное досье для того, чтобы теперь можно было его игнорировать, если только нарочно не закрывать на него глаза; и было бы явным сумасбродством пытаться ныне отрицать его всё целиком под тем фальшивым предлогом, будто подобный предмет не заслуживает внимания науки».

XX. Отрицать и высмеивать Спиритизм – всего лишь предъявлять своё непроходимое и непролазное невежество в одном из важнейших вопросов жизни

«Нельзя отрицать пользы критического подхода. Однако весьма странным кажется то, что гипотеза, сулящая, окажись она верной, такие замечательные возможности, как приоткрытие завесы, окутывающей тайну смерти, и непосредственное общение со святыми, вызвала не столько трезвую критику, тоже, впрочем, имевшую место, сколько бурю непростительных ни при каких обстоятельствах оскорблений и ругани. Причина, повидимому, в том, что невозможно ожидать объективности от толпы, погрязшей в невежестве. Разум среднего гражданина занят исключительно сиюминутными проблемами, в нём нет места для размышлений о серьёзных предметах и глубоких истинах.

Представьте себе дилетанта-астронома, не имеющего даже подзорной трубы, который насмешливо и высокомерно оспаривает выводы учёных, работающих с телескопом, — и вы поймёте, кому подобны люди, не обладающие собственным опытом в области психических явлений, но тем не менее высказывающие критические суждения по этому вопросу».

«Людская враждебность ко всем спиритическим явлениям была столь велика, что поневоле сделаешь вывод о вмешательстве тёмных сил. Касаясь этого аспекта проблемы, мистер П.Б.Рэндалл говорит:

«В сознании некоторых людей таится хроническая антипатия, даже ненависть по отношению ко всему спиритическому. Как будто воздух насыщен некими испарениями — неким подобием ментальных спор, вдыхаемых огромным большинством человечества. Они воспламеняют сильнейший ядовитый огонь, стремящийся сжечь тех, чья миссия — принести мир на нашу землю и добрые побуждения в сердца людей. Люди будущего очень удивятся, прочитав, что Дэвенпорты и другие медиумы были вынуждены терпеть самую непримиримую враждебность со стороны современников; что они, и среди них пишущий эти строки, пережили неописуемые ужасы — всего лишь за намерение убедить современников в том, что человек — это не зверь, лишённый души, которому суждено погибнуть, не оставив после себя ничего, что он — бессмертная, вечная душа, которая переживёт распад своего тела. Кроме медиумов, никто не может продемонстрировать реальность факта загробного существования, однако (странное противоречие!) они подвергаются преследованиям именно со стороны тех, чья обязанность — убеждать других в бессмертии души».

«В наши дни психические явления знакомы каждому, кто не упорствует в собственном невежестве. Мы достигли теперь такой точки, когда дальнейшие доказательства становятся излишними и когда вся тяжесть сомнений и опровержений целиком ложится на тех, кто отрицает существование этих явлений. Но как раз те люди, которые требуют доказательств, как правило, никогда не дают себе труда ознакомиться с теми многочисленными доказательствами, которые уже есть. Похоже, каждый считает, будто весь предмет должен быть пересмотрен заново только потому, что лично ему требуются какие-то сведения».

«Метод наших оппонентов состоит в том, что они накидываются на того, кто последним подал голос, и затем обращаются с ним так, как будто он выступил с какими-то совершенно новыми взглядами, коих единственным поборником он является, нисколько не считаясь с тем, что ещё и прежде так много самостоятельных тружеников дало им своё подтверждение. Это не честная манера критики, ибо в каждом деле согласование независимых свидетельств — самый лучший способ убеждения. Однако у нас имеется множество свидетельств, которые не нуждаются и в таком согласовании, поскольку даже нескольких отдельных фактов вполне достаточно для того, чтобы раз и навсегда решить для себя этот вопрос. Если б, например, наше знание о неведомых силах основывалось только на исследованиях доктора Кроуфорда из Белфаста, который посадил испытуемого медиума на стул-весы таким образом, чтобы ноги её не соприкасались с полом, и смог зарегистрировать в связи с происходящими психическими

феноменами разницу в весе порядка нескольких фунтов, проверив результаты и записав ход опыта с истинно научным знанием дела, то я не вижу, как его можно было бы опровергнуть. Феномены эти существуют и давным-давно были твёрдо установлены для всех людей с открытым, непредвзятым умом. Сейчас можно лишь сказать, что время научных исследований прошло и наступила пора религиозного строительства».

«Среди всех бесчисленных поколений человечества именно нам было уготовано судьбой столкнуться лицом к лицу с самым страшным бедствием, когда-либо случавшимся в мире.* Есть основной факт, который нельзя отрицать и недооценивать. Потому что из него немедленно следует наиважнейший вывод. И вывод этот в том, что мы, вынесшие все страдания мировой войны, должны также понять урок, ради которого они, собственно, и выпали на нашу долю. Если мы и теперь ничему не научимся и не заявим громко о приобретённом знании, то когда ещё в человеческой истории оно сможет быть постигнуто и провозглашено, когда ещё будет проведена такая подготовка духовной почвы для воспринятия духовного семени? Если в наших душах, измотанных и измученных в течение этих страшных пяти лет самопожертвования и терзаний, не произошло коренных перемен, которые бы оне были в состоянии явить миру, то какие ещё души когда-либо смогут откликнуться на столь явный призыв небесного вдохновения? В таком случае состояние человеческого рода окажется поистине безнадёжным, и в грядущих столетиях так и не откроется никаких перспектив улучшения».

*

 $^{^*}$ Имеется в виду Первая мировая война. (П.Г.)

XXI. Новое Откровение заменит собою все старые религиозные представления

«С какой целью человечество было проведено через горнило столь тяжкого испытания, как мировая война? Разумеется, только поверхностный наблюдатель может полагать, будто великий Создатель всего и вся привёл всю планету в возбуждение, заставил каждый народ напрячь все силы и всё только для того, чтобы слегка сдвинуть ту или иную границу или составить какое-нибудь свежее сочетание в калейдоскопе наций. Нет, причины этой мировой судороги и цели, ради которых она произошла, куда более глубоки. И оне имеют главным образом религиозный характер, а не политический. Оне лежат гораздо глубже пустяковых ссор, занимающих народы сегодняшнего дня. Через тысячу лет национальные последствия этой войны не будут иметь значения, тогда как последствия религиозные станут править миром. И эти религиозные последствия состоят в реформировании сегодняшнего декадентствующего христианства, в его упрощении, в его очищении и усилении за счёт новейших фактов общения с душами умерших и ясного знания о том, что лежит за дверью смерти, через которую мы выходим, оставляя эту жизнь позади. Потрясение, вызванное войной, имело целью возвысить нас до умственной и моральной серьёзности, дать нам мужество покончить с ханжеством, заставить человечество осознать Новое Откровение и воспользоваться его плодами. Причём для всех, кто с открытым умом изучит факты и доказательства, само существование этого Нового Откровения окажется недвусмысленно удостоверенным и с избытком доказанным».

«Моё мнение таково, что психические явления, существование которых было вполне и всецело доказано с точки зрения всех, кто дал себе немного труда ознакомиться с действительными фактами, сами по себе не имеют никакого значения и что их действительная ценность заключается лишь в том, что они поддерживают собой и придают объективную реальность огромному множеству знаний, которые призваны глубоко изменить наши старые религиозные взгляды и которые должны, при верном понимании и усвоении, превратить религию в явление в высшей степени действенное, каковое более не будет иметь предметом своим веру, но действительный опыт и истину».

«Люди, ко мнению которых я питаю глубокое уважение, и в частности сэр Вильям Баррэт, утверждали, что психические исследования совершенно отличны от религии. Это не подлежит сомнению в том смысле, что можно быть хорошим наблюдателем психических явлений и оставаться при этом недостойным человеком. Но сами результаты психических исследований, выводы, которые мы из них извлекаем, и уроки, которые они могут нам дать, учат тому, что жизнь души продолжается и после смерти. Эти результаты объясняют нам, каковы характер и природа этой новой жизни и какое влияние оказывает на неё наше поведение здесь. Если в этом заключается различие с религией, то я должен признать, что не очень-то разумею, в чём оно заключается. Для меня это и есть религия – самая её суть. Но это вовсе не значит, что из этой сути со временем необходимо выкристаллизуется какая-то новая религия. Лично я не хотел бы, чтоб оно вышло так. Не правда ли, мы уже и так достаточно разъединены в своих религиозных воззрениях? Я бы предпочёл увидеть в этом основополагающем принципе Спиритизма великую объединяющую силу, ибо в любой религии, христианской или другой, только он один и основан на доказанных фактах. Пусть он составит прочный фундамент, на котором каждая религия будет строить (если возникнет нужда в таком строительстве) свою собственную систему, ориентированную на различные типы человеческого мышления. Ведь всегда южные расы будут желать, по сравнению с расами северными, меньшего аскетизма, а западные расы всегда будут более критичны, чем восточные. Невозможно привести всех к единому знаменателю. Но если будут приняты общие предпосылки, истинность которых гарантируется этим Учением из потустороннего мира, то человечество тогда сделает огромный шаг к религиозному миру и единству».

«Тогда встаёт вопрос: «Каким же образом спиритическое Учение заменит собою

устоявшиеся старые религии и различные философские системы, которые оказывали столь сильное влияние на поведение людей?» На это ответим прежде всего тем, что Новое Откровение будет фатальным лишь для одной из этих религий, или, если угодно, философских систем: для материализма. Я говорю это вовсе не потому, что питаю какие-то враждебные чувства к материалистам, которые, на мой взгляд, как организованная группа, серьёзны и моральны, быть может, как никакая другая; но просто само собой разумеется, что коль скоро дух может существовать и действовать без материи, то сам принцип материализма рассыпается во прах, повлекая за собой крушение всех вытекающих из него теорий».

ХХІІ. Как Новое Откровение преобразит Христианство

«Теперь давайте обратимся к пунктам, в которых это Новое Откровение должно преобразовать христианство. Прежде всего я должен высказать истину, которая и так должна быть слишком очевидной для многих, как бы она ни осуждалась некоторыми: христианство должно измениться или погибнуть. Таков закон жизни: вещи и явления либо приспосабливаются, либо погибают. Христианство и без того уже слишком долго медлило с переменами, оно медлило до той поры, пока церкви его наполовину не опустели, пока главной опорой его не сделались исключительно женщины и пока образованная часть общества, с одной стороны, и самый бедный класс его, с другой, — как в городе, так и в деревне — не отвратились от него. Давайте попытаемся обрисовать причину происходящего, ведь последствия налицо во всех ветвях христианства и происходят из одного глубоко лежащего корня».

«Люди отходят от Церкви, потому что они не могут искренно верить в те факты, которые представляют им в качестве истинных. Их разум и чувство справедливости оказываются одинаково уязвлены. Нельзя увидеть справедливости в искупающей силе жертвоприношения, ни в Боге, который может быть умилостивлен подобными средствами. Помимо того, многим непонятны такие выражения, как «отпущение грехов», «очищенье кровью Агнца» и прочее в том же роде. Пока ещё мог стоять вопрос о «падении человека», подобным фразам могло быть какое-то объяснение, но когда стало вполне ясным, что человек никогда не «падал», когда благодаря своему теперешнему более полному знанию мы смогли шаг за шагом проследить развитие человеческого рода, пройдя от пещерного и кочевого человека назад, вглубь незапамятных времён, в которые человекообразная обезьяна медленно развивалась в обезьяноподобного человека, мы, оглядываясь назад на эту бесконечную вереницу жизней, знаем теперь, что человечество всё время именно поднималось, совершенствуясь от одного поколения к другому. И в его истории нет никаких следов падения. Но если не было «падения», что остаётся тогда от искупления, воздаяния, первородного греха, от большей части мистической христианской философии? Если прежде она даже и выглядела настолько разумной, насколько неразумной предстаёт сейчас, то всё равно она совершенно расходится с фактами».

«Опять же, слишком большое значение было придано смерти Христа. Не такая уж это и редкость – умереть за идею. Каждая религия равным образом имела своих мучеников. Люди постоянно умирают за свои убеждения. Тысячи наших молодых людей делают это в настоящее время во Франции. Поэтому смерть Христа, сколь бы возвышенной она ни была в изложении «Евангелия», приобрела, повидимому, неоправданную значимость, как если бы это был какой-то уникальный в человеческой истории феномен – умереть, совершая реформу. По моему мнению, слишком много внимания уделено смерти Христа и слишком мало - его жизни, ибо именно в этой последней заключается истинное величие и настоящий урок. Это была жизнь, которая даже в тех ограниченных воспоминаниях, что дошли до нас, не содержит в себе ни единой черты, которая не была бы прекрасной; жизнь, полная естественной терпимости к другим, всеохватывающего милосердия, умеренности, обусловленной широтой ума, и благородной отваги; жизнь, устремлённая всегда вперёд и вверх, открытая новым идеям и всё же никогда не питающая горечи в отношении тех идей, которые она пришла упразднить, хотя порой даже и Христос теряет терпение из-за узости ума и фанатизма их защитников. Особенно привлекает его способность постичь дух религии, отметая в сторону тексты и формулы. Больше ни у кого и никогда не было такого могучего здравого смысла или такого сострадания слабому. Именно эта восхитительная и необычная жизнь является истинным центром христианской религии».

«Вообще говоря, человеческая неразборчивость, путающая Творца вселенной с кротким

^{*} Снова имеется в виду мировая война. (Π . Γ .)

иудейским философом, прямо-таки поразительна. Но я хотел бы привлечь внимание ещё и к другому факту. Ведь если бы Христос был всего лишь хрупким смертным, вроде нас, то его жизнь была бы исполнена для нас гораздо более глубокого смысла. Она тогда бы могла служить идеалом, достичь которого мы бы стремились. А если, с другой стороны, его природа была столь принципиально отлична от нашей, что он и мы находимся на качественно несовместимых уровнях, то его существование теряет для нас всю свою «соль». Для меня совершенно очевидно, что при таком взгляде на вещи, его жизнь уграчивает для нас всю свою красоту и не содержит никакого нравственного урока. Если он был Богом, тогда он не мог грешить, и больше здесь говорить не о чем. Потому что обычному человеку, который не Бог и не Божий сын, который грешит по своей природе, совершенно нечему научиться на примере жизни, подобной этой. Нам говорят, что он победил грех – теологи обыкновенно считают, что повторение цитаты или фразы может служить аргументом. Лёгкая же победа! – скажем на это мы. Римские императоры, как известно, в боевом облачении и в полном вооружении спускались иногда на цирковую арену и бились с каким-нибудь несчастным гладиатором, обряженным в свинцовую фольгу, проткнуть которую не составляло ни малейшего труда. Согласно расхожим понятиям о жизни нашего Учителя, он противостоял искушениям мира сего с таким преимуществом, что те оказывались для него всего лишь бессильной бронёю из свинцовой фольги, а не теми грозными противниками, каковыми они являются для нас. Признаюсь, что лично я больше симпатизирую слабостям Христа, нежели его добродетели и мудрости, так как оне, полагаю, гораздо ближе мне, принимая во внимание мою собственную слабость. Может быть, «слабость» - не совсем подходящее слово, и лучше сказать «наиболее человечные черты». И это – его упрёк сибаритам. Разгон, который он учинил торговцам в храме. Вспышки его негодования и гнева в адрес фарисеев. Его довольно неразумное раздражение против смоковницы за то, что она не приносит плодов зимой. Его вполне человеческое недовольство женщиной, которая суетится, когда он говорит. Его согласие с тем, что благовоние лучше было использовать на него, чем употребить деньги, коих оно стоило, на оказание помощи бедным. Его сомнения в себе накануне перелома – всё это позволяет мне увидеть и любить в нём именно *человека*».

«Жизнь Христа в этом мире, насколько можно судить, составила 33 года, тогда как с момента его ареста и вплоть до воскресения прошло менее недели. И тем не менее вся христианская система предпочла вращаться вокруг его смерти, уделяя лишь второстепенное внимание прекрасному уроку его жизни. Слишком большой вес был придан одной и слишком мало внимания уделено другой, ибо его смерть, сколь бы прекрасна и возвышенна она ни была, ни в чём не превосходит смерть десятков тысяч людей, которые умерли за идею, тогда как его жизнь, в которой постоянно присутствуют милосердие, широта ума, бескорыстие, мужество, разум и устремлённость в будущее, абсолютно уникальна и сверхчеловечна. Даже по тем отрывочным дошедшим до нас, много раз переведённым с языка на язык записям из вторых рук у нас возникает впечатление, которого не может вызвать ничья другая жизнь. Это впечатление наполняет нас чувством крайнего благоговения. Наполеон, незаурядный знаток человеческой природы, сказал о нём: «Христос стоит совершенно особняком. Всё связанное с Ним поражает меня. Его ум изумляет меня, Его воля парализует меня. Невозможно делать сравнения между Ним и кем-либо из людей. Поистине Он не от мира сего. Чем ближе я к Нему приближаюсь и чем пристальнее в Него всматриваюсь, тем сильнее всё, с Ним связанное, оказывается выше моего разумения».

«Именно эта чудесная жизнь, её пример и влияние были действительной целью схождения столь высокого духа на нашу планету. Если бы род людской серьёзно сосредоточился на жизни Христа вместо того, чтобы теряться в тщетных мечтах об искупительных жертвах и вымышленных падениях со всей их мистической и сомнительной философией, то как сильно бы сегодня отличался уровень человеческой культуры и счастья от того, что мы имеем сейчас! Эти теории из-за их неразумности и безнравственности оказались главной причиной того, почему лучшие умы так часто отворачивались от христианской системы и провозглашали себя материалистами. Они, замыкаясь на том, что в этой системе оскорбляло их стремление к истине, отбрасывали с ним вместе и то, чтобы было

одновременно и истинно, и прекрасно. Смерть Христа была достойным венцом его жизненного пути, но именно свою жизнь он оставил нам в качестве основания для постоянной религии человечества. Все религиозные войны, непрерывная, длительная вражда между частными лицами и бесчисленные беды сектантских раздоров по крайней мере свелись бы к минимуму, а то и вовсе бы избежались, если бы неприукрашенный пример жизни Христа был взят в качестве эталона религии и человеческого поведения».

Учение о перевоплощении души — один из краеугольных камней в здании Христового учения — оказалось изгнанным из христианства. Это был первый сильный удар, нанесённый христианству «тёмными» силами. Второй удар (практическое умерщвление Христового учения в сознании людей) — это появление грубых и варварских, средневековых представлений о рае и аде, персонификация Духа Зла, возникновение лжеучения об иерархии тёмных сил; субтильности амартологии и сатанизма; демономания, инквизиция, охота на «ведьм» как формы средневекового геноцида. Учение христианских богословов о личности Сатаны и иерархии тёмных сил — величайшая религиозная мистификация в человеческой истории, жертвой которой, прямо или косвенно, сделалось всё земное человечество.

Думаю, о законе реинкарнации и необходимости перевоплощения наиболее удачно сказал сэр Г. Райдер-Хаггард в одном из своих романов (даю в моём переводе):

«Учение о перевоплощении, признанное четвертью обитателей Земного шара, не так-то легко отбросить в сторону, особенно если учесть, что оно даёт человеку надежду. Оно в самом деле вполне достойно того, чтоб его рассмотрели внимательнее. Если мудрецы, проповедовавшие его, начиная от Платона, а в действительности – бесчисленные века прежде него, ибо он несомненно позаимствовал его в учениях Востока, если только мудрецы эти правы, то мы, бедные человеки, по крайней мере не появляемся на свет и не исчезаем, словно мошкара летним вечером, но переходим при этой кажущейся смерти к вечно обновлённой жизни. Это как бы верёвочная лестница Иакова, устремлённая в небо, по которой мы мучительно взбираемся вверх. Правда, каждая перекладина её, едва только нога наша от неё отрывается, исчезает без следа. Внизу под нами - мрак и вся бездна Времени, а вверху также темнота и мы не ведаем что ещё. И всё же руки наши держатся за верёвки, а ноги твёрдо стоят на перекладине, и мы знаем, что не падаем, но поднимаемся, равно как и то, что по природе вещей всякая лестница должна быть к чему-то прикреплена и должна вести куда-то. Невесёлое же занятие, могут сказать на это, особенно когда одна перекладина так похожа на другую, а всех их так много. И всё же, разве не лучше это, чем просто мыльный пузырь, который хотя и красив, но вот лопнул - и его нет? Право же, жизнь лучше небытия, особенно если это возрастающая, всё более полная жизнь, и если в конце концов она должна привести к некой невообразимой радости, к божественному свету, в котором нам станет виден весь пройденный нами путь и вместе с ним - глубокие основания Жизни и Бытия, к которым лестница наша прикреплена, и врата Вечного Блаженства, в которые она ведёт». (H.R.Haggard, "Allan and the Ice Gods").

Остаётся только скорбеть об официальных формах христианства, игнорирующих закон перевоплощения (реинкарнации), ибо именно это игнорирование ввергает их в бездны амартологии и сатанизма. В самом деле, ужасно всю жизнь искренно считать себя низкой, греховной тварью, являющейся к тому же что ни миг жертвою дьявольских козней. К чему путному может привести такое мироощущение?

Человек вовсе не недостойная тварь, и первородный грех — лишь вздорно расшифрованный символ. Ведь младенец при рождении своём уже является, как правило, существом духовно чистым, невинным, на нём не лежит печать прошлой греховности, именно для этого у рядовых смертных напрочь и отключена память о ранее прожитых жизнях. И это временное отключение от прошлых ошибок и преступлений, эта вновь обретённая невинность позволяют духу начать всё с начала, частично или полностью искупить и исправить ранее содеянное, для чего, собственно, он и приходит в этот мир. Задача же родителей и окружающих помочь ему в этом, дав достойное воспитание и указав верный путь, и нет

первоначальной вины его в том, если родители и все окружающие вместо этого лишь развращают его и препятствуют исполнению его жизненного замысла: тому уже виной их невежество, порочность и глупость – невежество, порочность и глупость психического мира, который люди сами себе создали и не перестают поддерживать всеми возможными неправдами.

Нет ничего недостойного так же и в том, как человек рождается в этом мире — по данному поводу полезно было бы помнить о йоге, которая не видит ни в одной из функций тела ничего низменного и постыдного, и о буддизме: в «Тибетской Книге Мёртвых» к духу покойника постоянно обращаются не иначе, как «О, благороднорождённый!»

О Дьяволе же вновь и вновь говорить не представляется заслуживающим такой чести. Просто люди обожают «политику страуса»: голова в песке — и тут же ощущение полной безопасности! По собственному невежеству и мысленной нечистоплотности они населяют окружающее пространство гнусными мыслеобразами, и вместо того, чтобы изживать в себе и в окружающих всё недостойное и мерзкое, человек предпочитает делать проекцию со всего этого во вне человечества, создавать в собственном воображении своего главнейшего объективного врага и имеет нечестие приписывать действительное создание этой иллюзорно-аллегорической и балаганной фигуры самому Творцу! Сколько низости, малодушия и дури в подобной позе! Воистину надо быть Вечным и Всеблагим, чтобы сносить от вздорных людишек ещё и такое.

Человек, будучи воспитан в рамках той или иной культуры, невольно вынужден проецировать собственные предубеждения вовне, в само мироздание.

Будемте помнить Бога и да не захотим огорчить Его!

Есть истина мнимая, истина отвлечённая, истина холодного, бесстрастного ума, истина необходимости и послушания, истина отрицания смысла и грубой силы, истина тьмы и небытия, и есть, с другой стороны, сама Истина – живая, творчественная, Истина сердца, Истина свободы и любви, Истина смыслсозидающая, Истина света и бытия, и эта истина – Абсолютный Человек.

В движении вперёд нет необходимости. В этом движении – лишь свободная воля тех, кто выбирает лучшее.

Лишь тот, кто понял эволюцию как творчество, способен устремиться к Высшему. Для кого эволюция – необходимость, тот – не друг Нам.

«Там, где нет богов, говорит Φ . Φ . Зелинский, там реют привидения». А я скажу: там, где реют привидения, там есть и боги.

Тот, чьё религиозное чувство не искажено, способен понять истинность Спиритизма.

XXIII. Наша новая религия есть именно то, чему двадцать веков назад учил людей Христос

«Но есть и некоторые другие соображения, которые следует учесть, изучая жизнь Иисуса и её силу в качестве образца [поведения]. Одно из них в том, что самым существенным в его жизни было критическое отношение к современной ему религии. Свой могучий здравый смысл и мужество Христос употреблял на то, чтобы разоблачать ханжество и указывать лучший путь. Именно по этим чертам можно узнать подлинного последователя Христа, и ничто так не далеко от него, как молчаливое принятие учений, которые даже по наружности своей насквозь лживы и порочны, потому что являются нам облечёнными признаками власти».

«Сила иудейских книг для тогдашних евреев оказывалась столь подавляющей, что святость их не могли поколебать даже описки и орфографические ошибки, внесённые в них при переписывании скрибами и оберегавшиеся после этого с величайшим тщанием. Какой иной авторитет имеем мы теперь, кроме жизни Христа, способный для нас сравниться с теми священными книгами иудеев? Если бы Христос был иудейским ортодоксом и обладал тем качеством, которое перед нами зачастую превозносят как «наивную детскую веру», то само христианство не могло бы возникнуть — это простой, очевидный факт».

«Пусть же реформаторы, которые любят Христа, мужаются, когда полагают, что действительно следуют по пути Учителя, ибо Христос ни разу не сказал, будто Откровение, которое он дал миру и которое столь несовершенно было применено к делу его последователями, будет последним Откровением, которое получит человечество на этой планете. В наши дни столь же великое Откровение было явлено из Центра всякой истины, и оно окажет такое же глубокое влияние на человеческий род, как и христианство, хотя до сей поры и не появилось никакой главенствующей фигуры, чтобы придать веса его наставлениям.* Подобная фигура уже появилась однажды, когда пришло время, и я нисколько не сомневаюсь, что это может случиться и ещё раз».

«Спириты рассматривают земную жизнь Христа и его смерть скорее как пример, нежели как искупление. Каждый человек отвечает за свои собственные грехи, и никто не может сложить с себя ответственность за их искупление, надеясь, что кто-то другой ответит за них. Ни тираны, ни преступники не могут изменить свою участь, даже прибегнув к какому-либо моральному трюку или к так называемому раскаянию. Хоть искреннее раскаяние и может помочь им, но они всё равно платят за содеянное по полному счёту. В то же время милосердие Бога более велико, чем может представить себе человек, и каждое возможное смягчающее обстоятельство — искушение, наследственность или влияние окружения принимаются во внимание до того, как наступит час наказания. Такова позиция спиритических Церквей».

«Спиритов как в Великобритании, так и в других странах можно разделить на тех, кто до сих пор испытывает глубокий пиетет к ортодоксальной Церкви, и тех, кто образовал свои собственные церкви. У последних в Великобритании насчитывается более 400 мест для собраний, проходящих под эгидой Национального союза спиритов. Спиритическая догма весьма гибка: в то время как большинство спиритических Церквей — унитарные, наиболее показательное меньшинство придерживается всё-таки христианских взглядов. На первый взгляд, позиции этих Церквей совпадают по крайней мере по семи основополагающим принципам:

 $^{^*}$ Это не совсем так. Такая фигура (как то и было обещано Христом — «Еванг. от Иоанна», гл.XIV, ст.15, 16, 17, 26; гл.XVI, ст.7, 8, 12, 13, 14) появилась в своё время: то был \mathcal{L} ух Истины, слова которого явлены миру в книгах Аллана Кардека. Сказанного в них достаточно, чтобы преобразовать не только наши религиозные воззрения, но и наполнить всю нашу жизнь на земле новым смыслом. (Π . Γ .)

Spiritualist's National Union.

- 1. признание Бога-Отца;
- 2. признание братства всех людей;
- 3. общение со святыми и с ангелами-хранителями;
- 4. продолжение жизни человека после физической смерти;
- 5. личная ответственность человека;
- 6. воздаяние как за грехи, так и за благие дела;
- 7. совершенствование, к которому стремится душа.

И все они, за исключением пятого, сочетаются с привычными воззрениями на христианскую мораль».

«Некоторые наши оппоненты озабочены желанием узнать, что есть наша «новая религия»? Полагаю, они найдут нечто очень похожее, если обратятся на девятнадцать веков назад и изучат христианство от Христа. Там они прочтут о точно таких же знаках и чудесах, которые мы называем сегодня «явлениями» или «феноменами»; там они прочтут о «различении духов», каковое мы называем «ясновидением», и там же узнают о множестве нелепостей и искажений, которые, однако, не смогли помешать новому движению завоевать мир, и именно это, будучи преемником христианства, должен сделать Спиритизм. Однако на сей раз мы должны следить за тем, чтобы священный огонь не загасили формализм и вмешательство материализма».

«На своём веку мы стали очевидцами ряда ужасных этапов человеческой истории. В то же время я уверен, во всей мировой истории не было ничего, что можно сравнить с бескорыстием и благородством поведения Британской империи в целом и всех британцев в отдельности — я говорю о том бескорыстии и благородстве, которые мы выказали в течение пяти лет этой страшной мировой войны. Правда, что наше настоящее и будущее могут не соответствовать столь высокому уровню, но по крайней мере в военное время нация поднялась вся, без исключения, до необычайной степени духовного величия. Сам я вовсе не разделяю той точки зрения, будто Христос был бы способен стоять в стороне и наблюдать жестокость или насилие, не вмешиваясь. Вместо этого я предпочитаю верить, что он был среди нас, что он стал бы первым, кто пошёл на риск принять второе мученичество в защиту справедливости и свободы. Он внёс бы свой вклад в дело изгнания немцев из Бельгии с тою беззаветностью, с какой изгнал торговцев из Храма. Не могу принять бесцветного, бесчувственного, беспомощного прочтения его характера, предлагаемого некоторыми».

«Христос не дал своего послания от первого лица. Поступи он так, наша позиция была бы куда сильнее. Послание его дошло до нас в форме пересказов и сообщений, сделанных хотя и серьёзными, но малограмотными людьми. Но, разумеется, сам факт, что рыбаки, мытари и все прочие умели хотя бы читать и писать, говорит очень многое в пользу уровня образования в римской провинции Иудея. Лука и Павел, правда, принадлежали к более культурному классу, но сведения свои они черпали у своих не столь образованных предшественников. Их отчёт в высшей степени удовлетворителен в том, что касается единства производимого им общего впечатления и ясности, с которой обрисованы учение и характер Учителя. В то же время их рассказы изобилуют несоответствиями и противоречиями по фактам нематериальной природы. Например, все четыре описания воскресения разнятся в подробностях, и ни один ортодоксальный богослов, занимаясь чтением проповедей, не может в полной мере принять все четыре версии Воскресения, не ставя себя под удар критики, готовой уличить его в непоследовательности и искажении фактов. Но как раз эти подробности и не имеют непосредственного отношения к духу послания Христова. Простой здравый смысл не обязывает нас считать, будто каждый пункт изложения его жизни исполнен вдохновения свыше или что мы не должны делать скидки на несовершенство передачи, индивидуальные убеждения рассказчика, цветистость восточной фразеологии или ошибки в переводах. В новых версиях «Евангелия» действительно допущена такая возможность. Знаменитое выражение Христа о букве и духе почти позволяет нам верить, что он предвидел, каким бедствием станут для нас священные тексты. Он скорее всего знал, что мы пострадаем от них так же, как он сам пострадал от рук современных ему богословов – людей, которые тогда, как и сегодня, являются всемирным бедствием. Повидимому, он считал, что мы будем пользоваться своим умом и мозгами, приспосабливая его учение к изменяющимся условиям нашей жизни и времени».

«Очень многое из сказанного им обусловлено обществом и способом выражения, характерным для эпохи, в которую он жил. Помыслить в те дни, будто человек готов буквально всё отдать бедному, или что сегодня голодный английский военнопленный должен буквально возлюбить своего врага — германского кайзера, или что поскольку Христос протестовал против непрочности брака в то время, то поэтому двое супругов в наши дни, не любящие друг друга, должны на всю жизнь быть связаны узами рабства и мученичества — все подобные утверждения являются карикатурою на учение Христа и отнимают у него столь сильную его сторону, как здравый смысл, который является одной из главных его характеристик. Требовать невозможного от человеческой природы — значит ослаблять силу ваших доводов даже в тех случаях, когда они разумны».

«Многие утверждают, что евангельское учение должно применяться и к войне, но это ложь. Христос никогда не благословлял кровопролития. Я видел, как один англиканский священник благословлял только что отлитую пушку, а другой освящал военное судно, только что спущенное на воду. Можно ли благословлять оружие, предназначенное для истребления людей? Говорят, будто тут благословляется не разрушение, не кровопролитие, а защита отечества и своих близких. Но всегда ли эти утверждения искренни? Нет, сильно мы отдалились от Христова учения. Духовные сановники живут во дворцах и ездят в каретах, и нужно ли удивляться тому, что они, привязавшись к земным благам, перестали понимать Христово учение?»

«Война — это ужасное дело. Не думайте о блестящих эскадронах, о возбуждающих звуках военных труб. Люди обманывают себя и дурачат, упиваясь военной славой. Они тешат себя блестящим оружием, горячими конями, расшитыми чепраками. Они толкуют о чести и славе, но всё это внешнее исчезает, и наружу выступает истинный леденящий душу ужас проклятия. Люди должны или оставить войну, или признать, что слова Искупителя слишком возвышенны для них».

«У чудовищного утверждения о том, будто Бог поддерживает одну группу человечества против другой, нет никаких оснований. Учение духов всегда утверждало, что убеждения и вера — это мелкие вещи, стоящие за характером и поведением, что именно последние определяют место души в потустороннем мире. У каждой религии, христианской и нехристианской, есть свои святые и грешники, и, если человек добр и кроток, за него нечего бояться в потусторонем мире, независимо от того, является он членом любой из признанных на земле Церквей или нет».

XXIV. Теология, застывшая где-то в раннем плиоцене

«Отец Л. представляется мне идеалом священника – готовность к самопожертвованию и чистота мыслей, здравый смысл и природное чувство юмора. Но он обладает не только добродетелями, но и пороками своего сословия: его взгляды крайне реакционны. Мы с жаром обсуждали религиозные проблемы, но теология, которую он отстаивал, застыла где-то в раннем плиоцене. По сути дела, он вполне мог бы обсуждать свои взгляды с духовником при дворе Карла Великого, и после каждого утверждения они наверняка обменивались бы рукопожатиями. Он вполне готов признать сей факт, да ещё усматривает в нём несомненное достоинство. Он называет это постоянством. Интересно, отличайся наши астрономы, инженеры и законодатели таким же постоянством, где бы тогда оказалась наша современная цивилизация? Неужели религия является единственной областью мысли, у которой нет никакой нужды в развитии, где веки вечные следует соотноситься со стандартом, установленным две тысячи лет назад? Неужели теологи не видят, что человеческий мозг, развиваясь, должен иметь и больший кругозор? Недоразвитый ум создаёт недоразвитого Бога, и кто дерзнёт заявить, будто наш ум достиг уже хотя бы средней степени своего развития? Истинно вдохновенный теолог, будь то мужчина или женщина, прежде всего - человек большого ума. Не лысина, выбритая на макушке; не волосы, достигающие до плеч или собранные в косицу, а лишь культурный, сформированный ум понастоящему возводит человека в разряд избранников».

«Всё возможно для Бога, и мы только пылинки в Его руках, но Бог дал нам разум для того, чтобы мы могли избирать лучшие пути, и если мы будем пренебрегать этим даром Божиим, то можем поплатиться за наше безумие».

«Люди, одарённые мудростью или красноречием, могут объяснять Писание своим ближним, но это не даёт этим проповедникам каких-либо прав и преимуществ. Тем более они не имеют права объединяться в особый класс и называть себя священниками и епископами, требуя от своих ближних послушания. Такой порядок нехороший и унизительный. Не может простой человек быть посредником между человеком и Творцом».

«Зачем священники? Все люди равны в очах Всевышнего. Дело веры таково, что никто не имеет права ставить себя выше своего ближнего. Священные книги были написаны для всех, и, стало быть, все имеют одинаковую способность читать и разуметь их. Дух Святый просвещает всякий стремящийся к истине ум. Помимо того, высшие иерархи — самое уязвимое звено любой Церкви. Священники смотрят сквозь пальцы на пороки своего начальства, которое за то делится с ними своими объедками. Ради сытных пирогов и бутылок с вином эти священники забывают Бога».

«Господь Бог начертал Свои законы на всём, что нас окружает, если бы только наш тусклый взгляд, и ещё более тусклая душа были способны прочесть Его письмена».

«Благо человеку, которому Бог открыл глаза на истинный смысл бытия. Плоть наша немощна, страшны дни сомнения и опасности, но все эти препятствия просветлённая Богом душа преодолевает успешно».

«Каждая молитва, повидимому, основана на идее, что Бог – просто очень большой человек, что Его нужно просить, хвалить и благодарить. Но разве скрип колеса – это похвала Инженеру? Пусть оно лучше вращается побыстрее и скрипит поменьше».*

^{*} Станислав Лем в «Звёдных дневниках Ийона Тихого» по аналогичному поводу замечает: «Ребячеством было бы думать, будто Творец творил для того, чтобы творение с утра до вечера заискивало перед Ним, чтобы Его авансом обожали за то, что будет *там*, коли не по сердцу то, что делается *здесь*, — словно Он виртуоз, который взамен за истовое бисирование молитв готовит вечное бисирование жития после земного спектакля, словно свой лучший номер Он приберёг на потом, когда

«Все препирательства и споры о религии не захватывают сущности, скользя только по поверхности. Что человек, то норов. Каждый старается объяснить себе религию по-своему, так, чтобы объяснение соответствовало направлению его ума. Но, однако, в каждом христианском учении, как бы оно ни было затемнено этими толкованиями, лежит здравая, общая всем христианским религиям сердцевина. Если бы вы жили во времена древности, в греко-римском языческом мире, вы поняли бы, какой переворот совершило христианство в человеческой жизни. Люди спорят и горячатся из-за того, как надо понимать то или иное слово, но все эти споры имеют временный характер. Главное значение христианства заключается в том, что оно объясняет нам божественное значение человека и понуждает его к простому и безгрешному существованию. Вот что нам дала христианская вера».

XXV. Такое ли уж достоинство быть добродетельным из страха?

«Я не желал бы быть добродетельным из страха. Впрочем, долгий опыт жизни открыл мне, что ни один грех в этой земной жизни — не говоря уже о будущей — не остаётся ненаказанным. За каждое дурное дело человек платится или расстройством здоровья, или ухудшением материального положения, или же утратой душевного мира. Наказания эти постигают как отдельные личности, так и целые народы. Исторические книги в этом смысле представляют собой сборники проповедей. Вспомните, например, как любившие роскошь вавилоняне были побеждены трезвыми и скромными персами, а этих последних, когда они, оставив добродетели, ударились в роскошь и пороки, предали мечу греки. А затем и греки, предавшиеся чувственности, были покорены сильными и смелыми римлянами. Последние тоже были, в свою очередь, побеждены народами севера, и случилось это потому, что римляне утратили свои воинские добродетели. Порок и гибель всегда шли рука об руку».

«Мало того, Провидение пользовалось пороком как орудием для кары других безумствующих народов. Не думайте, что история – дело случая. В мире царствует единая великая система, которой подчинена и жизнь каждого из нас. Чем дольше ты живёшь, тем яснее постигаешь, что грех и несчастие идут рядом и что истинное счастье немыслимо без добродетели».

«Чрезмерное благочестие неутомимых пастырей принесло больше вреда, чем легкомыслие и дурные наклонности. Даже у людей добрых и милосердных сердца превращаются в камень, когда благодать веры уступает место проклятию фанатизма».

«Так же, как белый хлопок – самая безвредная субстанция на свете – делается весьма опасным, если его пропитать азотной кислотой, так и самый милейший из смертных становится опасен для окружающих, если он хоть раз проникся идеями сектантской религии. Коли в характере его есть какая-то затаённая злость и суровость, то религиозная узость, сектантство сделают их явными для всех».

«Сектант — это человек, не только свободу своей собственной совести защищающий — на это он имеет право, — но и старающийся силой навязать свои убеждения другим. В этом отношении сектанты заблуждаются, впадая в тот же самый грех, против которого они борются. Что же касается безбожников, не верующих в Бога, то они хуже лесных животных, ибо последние не лишены самоуважения и смирения, каковых качеств в безбожниках нет. И сектанты, и безбожники — это две крайности; послушайте моего совета: избегайте и тех, и других».

«Правда должна быть такой же широкой, как Вселенная, которой она даёт объяснение, и во всяком случае гораздо шире всего, что в состоянии вместить человеческий ум. Протест против узкой, сектантской мысли всегда выражает стремление к истине. Кто смеет заявлять, будто он имеет монополию на Всевышнего? Это было бы наглостью со стороны Солнечной системы, поступи она так, и всё же сотни мелких шаек торговцев тайною ежедневно тем только и занимаются, что во всю декларируют свою мнимую монополию. Вот в чём состоит истинное богохульство и безбожие».

«Примечательно, что неверующий может быть таким же фанатиком, как и любой верующий, и что в своём противоборстве с догмой человек может быть весьма догматичен. Но, следует иметь в виду, что именно такие люди являются настоящими врагами свободомыслия. И если что и способно повредить последнему, так это именно богохульные и глупые карикатуры, кои так часто в ходу в некоторых атеистических изданиях».

«У каждого движения имеется своя толпа последователей, бредущих кто в лес, кто по дрова. Мы словно комета, яркая в голове, но рассеивающаяся разрежёнными газами в хвосте.

Однако каждый человек может говорить за себя, и я не чувствую, что такое обвинение меня касается. Я фанатичен лишь в отрицании фанатизма, и оно представляется мне столь же правомерным, как насилие применительно к самому насильнику. Если только учесть, какое действие искажение религиозного чувства оказывало в ходе мировой истории (вспомните ожесточённые войны христиан и мусульман, католиков и протестантов; преследования, пытки, домашнюю вражду, мелочную злобу, при этом каждая вера повинна в пролитии крови), то останется только изумляться, что человечество не поместило единогласно фанатизм в разряд первейшего из смертных грехов. И, без сомнения, утверждение о том, что ни чума, ни оспа не принесли человечеству столько несчастья и горя, как фанатизм, звучит вполне банально».

«Меня нельзя обвинить в фанатизме, потому что я от всего сердца уважаю каждого доброго католика и каждого доброго протестанта, а также потому, что я охотно готов признать: каждая из этих форм веры была могучим орудием в руках непостижимого нам Провидения, управляющего всем и вся. Так же, как в ходе истории подчас обнаруживалось, что самые далеко идущие и восхитительные последствия могут проистекать от преступления, так оказывается оно и в религии: хотя вера основана на совершенно нелепом представлении о Создателе и Его путях, всё же она может оказаться весьма полезной для людей принявшей её эпохи. Но если она правильна для тех, чьим интеллектуальным запросам она удовлетворяет, то со стороны тех, чьи запросы она удовлетворить не в силах, справедливо протестовать против неё; в результате именно этого процесса вся масса человечества постепенно приходит в брожение, а затем делает ещё один шаг вперёд в своём духовном восхождении».

«Католицизм отличается большей проработанностью деталей, но протестантство более рационально. Протестантство приспосабливается к современной цивилизации, католицизм же рассчитывает на то, что цивилизация приспособится к нему. А народ перепрыгивает с одной большой ветки на другую и воображает, будто совершил великолепную перемену, в то время как ствол самого дерева треснул под тяжестью прыгунов и обе ветви в их нынешнем обличии раньше или позже обречены на общую гибель. Движение человеческой мысли, при всей его медлительности, неуклонно продолжается в сторону истины, и всевозможные формы религии, каждая из которых, повторяю, достойна восхищения в своё время, но которые человек отбрасывает по мере того, как продвигается, подобны буйкам, сбрасываемым с борта корабля, чтобы служить для указания скорости и направления его движения».

«Римская вера подходит только для тех народов, которые не привыкли к самостоятельному мышлению. Люди малоразвитые не интересуются религиозными вопросами и верят в обычай, в то, во что им приказывают верить; Англия успела выйти из этих католических пелёнок».

«Положение вольнодумца в обычном обществе имеет то неудобство, что любая его попытка выразить своё мнение, отличающееся от общепринятого, рассматривается окружающими как проявление дурного тона; противники же его нисколько не скованы подобными ограничениями. Было время, когда требовалось мужество, чтобы быть христианином. Теперь же наступило время, когда мужество необходимо для того, чтобы не быть христианином».

«Я не являюсь последователем Римской католической церкви; более того, не был им со школьной скамьи. Мои давние связи с Католической церковью не оставили во мне никаких горьких чувств по отношению к этому глубокоуважаемому институту, в рядах которого состоят самые благочестивые люди из тех, что встречались мне на жизненном пути. Но каждый человек несёт в себе собственные душу и разум; руководствуясь их зовом, он и должен итти вперёд. Этот прямой путь открылся передо мной с той поры, как я оставил позади детские годы».

«Католики и протестанты попрежнему грызутся. Поистине все эти люди живут по

суровым заповедям Моисея и забыли об учении Христа. Римская Церковь навязывает узкое, упрощённое толкование многосложного мира. На религию же надо глядеть широко, ибо истина шире всех тех представлений и понятий, которые могут быть составлены о ней отдельными людьми».

«Существование стола свидетельствует о существовании столяра. Таким образом, существование Вселенной говорит о том, что есть Творец вселенной, называйте Творца как хотите. Рассуждая таким образом, мы стоим на твёрдой почве разума. Для того, чтобы познать Творца, нам не нужно ни вдохновения свыше, ни учителей, ни посторонней помощи. Итак, Творец вселенной существует, и нам ничего не остаётся, как познавать Его по Его делам. Мы смотрим на великолепный небосвод, простирающийся над нами в своей красоте и бесконечности, мы созерцаем Божественную премудрость в растениях и животных. На что бы мы ни смотрели, везде мы видим великую мудрость Творца и Его могущество. Стало быть, Творец вселенной всемогущ и мудр. Заметьте, что к этому мы пришли логически, а не путём догадок и вдохновения. Вот что мы знаем наверное».

XXVI. Наибольшее зло миру от полуправд

Человеку, чтобы вступить в бессмертье ещё при этой жизни, необходимо научиться видеть себя не в изменчивом теле, но в нетленном духе, необходимо перестать отожествлять себя с телом, но отожествлять себя единственно с духом; ему необходимо каждую минуту своего существования понимать и помнить то, что тело его, со всеми его органами, есть не он сам, а всего лишь его орудие, которым он пользуется, пока оно в исправном состоянии, и которое он, по мере своих сил, поддерживает в этом исправном состоянии, но которое он оставит после того, как оно не сможет больше служить ему орудием. Пониманье всего этого жизненно важно для человека, оно обеспечивает его действительный прогресс в жизни этой и подводит его к жизни иной, совершенно к ней подготовленным.

Духоведение даёт практические правила, претворение коих на деле влечёт к открытию в себе богатой внутренней жизни, а открытие и развитие богатой внутренней жизни — самый верный путь к духовному посвящению.

Веселье – довольно ненадёжный и сомнительный признак счастья. Скорее, оно указание, что тот, кому слишком уж плохо, пытается развеяться, тщится переключить своё внимание на вещи, которым следовало бы отвлечь его от скорби. Но скорбь, в отличие от печали, чувство непреодолимое, как и любовь.

Человек начинает жить в полную меру и становится полноценным человеком лишь тогда, когда он отказывается от иллюзий плотских наслаждений, когда он помещает душу свою в высокую сферу, а судьбу свою вручает силе, распоряжающейся всем наилучшим образом, т.е. Богу и уповает на Его любовь к себе.

«Ближний» — это не тот, кто рядом, но тот, кто живёт в духе и истине; все прочие же — $noka \ umo \ «дальние».$

Карденизм — философия такого свойства, что каждый может понять в ней ровно столько, сколько он сам сто́ит: естественно поэтому, что понравиться она может лишь немногим.

С середины XIX века по первую четверть XX земное человечество было свидетелем третьего, после Моисея и Христа, Откровения, пришедшего к нам из Высших Сфер. И христиане разных толков и всех направлений, непрерывно грызущиеся между собою по пустякам, на все лады перевирающие «Евангелие» и не желающие признать это третье Откровение, данное нам Высшими Духами, всего более походят на древних евреев, ведших схоластические споры, косневших в пороке и чтивших, якобы, «Ветхий Завет», когда Живая Истина ходила по улицам среди них и была явна всякому, кто был способен исполниться доброй воли и чьи глаза и уши не были засыпаны сором.

Церковь, запрещая вызывание духов, осуждая Спиритизм, формально опирается на запрет Моисея. Но этот запрет у него находится в той части его законов, каковые имеют временный, т.е. переходный и исторически-обусловленный характер, и связан с конкретной исторической обстановкой, в какой жили руководимые им евреи. В самом же «Евангелии», созданном в совершенно иных исторических условиях, нет не только ни одного запрета на всё это или хотя бы какого намёка на запрет, но и недвусмысленно указывается на важность этого дела, и вся последующая деятельность апостолов и святых, как ясно всякому знающему предмет, связана с применением Спиритизма, о чём они сами недвусмысленно и говорят в оставленных ими сочинениях. И, подводя итог сказанному об этом запрете, можно спросить, неужели Церковь ставит закон Моисеев выше закона Евангелического, т.е., иными словами, неужели же Церковь православных, католиков и протестантов есть Церковь более иудейская, нежели христианская?

Господа церковники, ничтоже сумняшеся, признают оккультно-мистические факты, лишь когда они датированы первыми веками христианства, и считают такую мистику белой, т.е. идущей от светлых сил; аналогичные же факты дней нынешних или недавних у них причисляются к мистике исключительно чёрной, т.е. идущей от злых сил, словно бы Бог заботился об этом мире только в первые века новой эры, а после целиком предоставил его в распоряжение дьявола — точка зрения, напрочь лишённая логики.

В церквах не учили почти ничему дурному: там лишь очень дурно учили хорошему.

Поскольку религий несколько, то мы вольны видеть в этом указание на то, что ни одна из них не является истинной.

Отказываться от религии вообще потому только, что современные формы её, как например, христианство или ислам, зашли в тупик и претерпели вырождение, так же глупо, как отказываться есть яйца вообще только потому, что яйцо, попавшееся вам сегодня за завтраком, оказалось тухлым.

Книги Артура Конан-Дойля отличаются антибиблейской направленностью, каковую считаю полезным усугубить соответствующими комментариями. Думается, что умное слово на эту тему полезно особенно сейчас — в пору разгула у нас православного клерикализма и заморского баптизма. Неплохо было бы, если б ныне и в Америке вспомнили, что многие выдающиеся умы в Англии и Соединённых Штатах были от «Святой Библии» отнюдь не в восторге.

«Библия» представляет собой сумбурное собрание медиумических записей. И только безнадёжно наивные, доверчивые и легкомысленные люди могут поверить, будто этот свод противоречивых, нелепых и часто мерзостных россказней продиктован «Духом Святым».

Двести лет назад великий духовидец и философ Сведенборг также состоял в общении с миром духов. И один из постоянных его собеседников представился ему Господом Богом (что, надо сказать, не редкость в подобных случаях). Он продиктовал доверчиво внимавшему Сведенборгу множество хороших вещей, но также немало и небылиц, достойных не Всезнающего Бога, но духа, не очень высоко взошедшего в Духовной Иерархии. И хотя в писаниях Сведенборга нет глупостей и гнусностей, которыми так богата «святая» Библия, никому тем не менее не пришло тогда в голову признать его откровение за Божественное. Так случилось по той простой причине, что в умах тогдашних европейцев это место было безраздельно занято «Библией».

Эта книга, уже имевшая достойных критиков со стороны житейского здравого смысла в лице Болингброка, Вульстона, Вольтера, Гольбаха, Таксиля и других, ещё дожидается своего критика со стороны здравого спиритуализма. Основу этой критики уже заложил Аллан Кардек.

«Мой взгляд на «Библию», – говорит Конан-Дойль, – равно как и на все иные святые книги, состоит в том, что оне представляют собой золото, лежащее в глине, и что нашему уму предоставлено право отделять одно от другой. При этом в «Ветхом Завете» более глины, чем золота. В «Новом» же значительно более золота, нежели глины».

По части мерзостей и жестокостей, в ней собранных, эта книга может состязаться только с сочинениями маркиза де Сада и перечнем преступлений против человечности, совершённых германскими нацистами. Что же до глупостей, несоответствий и противоречий, вписанных в её строки, то здесь она и вовсе не знает равных.

И всё-таки главная гнусность этой книги не в том и не в этом, а в том, что она *клевещем* на Бога, наделив Его самыми скверными человеческими несовершенствами.

Не спорим, есть на этих страницах золотые истины, но оне нисколько не выигрывают от

того, что окружены ветхозаветными мерзостями. В высшей степени небесполезной работой было бы собрать эти истины в одной небольшой книге, а всё прочее предать забвению. Пусть эту отверженную часть читают только специалисты.

Лорд Болингброк говорит о «Библии»: «Было бы хулой Богу и обидой людям серьёзно смотреть на это жалкое сплетение небылиц, в которых каждое слово есть или верх смешного, или верх ужасного».

Со стороны того, кто умело опровергает предрассудки и суеверия, старательно накопленные народным невежеством, наивно полагать, будто он тем самым опровергает и религию. Истинная религия одобряет его работу, поскольку он очищает ей место, с корнем вырывая плевелы тёмной фантазии.

Верующих вполне устраивает бог-самодур, которому они поклоняются, не принимая его особенно всерьёз.

Наибольшее зло миру от полуправд. Священные писания всех религий, взятые в отдельности, также суть такие полуправды, ибо они обусловлены национально и исторически. Чтобы писания эти и религии поднялись до истины, необходимо соединить их вместе и дополнить без боязни и лицемерия, решительно исключив все прежние — произвольные и ложные — толкования символов. Только так человечество достигнет блага. Всё это и является непосредственной обязанностью Спиритизма и только ему одному это под силу.

В вопросах религии всё безнадёжно запутано. Так, например, сама религия определяется как «вера в бога». Но тут, прежде всего, необходимо оговориться, что слово «вера» в данном случае мало уместно, и атеизм, который претендует на роль какого-то особого, нерелигиозного состояния сознанья, в действительности есть не что иное, как одна из форм религии! При этом он упирает на свою «научность», т.е. желает исходить из знания. Но, повторяю, в этом вопросе всё настолько запутано, что никто из сторонних и свободных мыслителей даже не удосужился увидеть, что те, кто пытаются исходить из веры в Бога, в действительности просто знаюм, что Бог есть, а все безбожники, претендующие на знание того, что Бога нет, на самом деле всего лишь верям, что Его нет.

И теист, и атеист — оба верующие. Разница между ними та только, что один верит в существование высших сил, а другой верит в их несуществование, но ни тот, ни этот тезис свой доказать не может. Это под силу лишь тому, кто *знает*, а не верует; но тот, кто знает, никогда не стоит по ту или иную сторону болтливой баррикады.

XXVII. Атеизм – на самом деле лишь ещё одна попытка понять Бога

Чего добьётесь вы, если детям, глупым и непослушным, будете говорить о красоте и любви? Чего добьётесь вы, если людям, пустым и недалёким, будете говорить о Боге?

Некто безбожник и ещё имеет дерзость гордиться этим. Он поступает крайне глупо, ибо весьма походит на человека, который, сомневаясь бы в том, что дважды два равно четырём, стал бы обращаться к тем, кто занимаются высшей математикой, чтобы они доказали ему сию интересную теорему. Но естественно, что эти последние — просто в силу того, что они занимаются уже именно высшею математикою, — совершенно равнодушны к скептику и его проблемам, ведь их-то самих азы более не занимают. И в итоге скептик и безбожник умудряются стать ещё глупее, так как теряют интерес к этим азам, которые, по их убеждению, им никто преподать не может. «Я в это не верю!» или «Для меня это не убедительно, и потому всё это вздор!» — одержимо твердят они, священнодействуя в своём храме невежества.

«Как можете вы требовать, чтоб я допустил в качестве причины того, чего я не понимаю, нечто такое, что я понимаю ещё меньше?» — вопрошает благоразумный безбожник и воображает, будто сказал что-то мудрое и глубокомысленное, как если бы мироздание и его причина должны быть доступны его пониманию для того, чтоб иметь право на существование. Высказывать такие сентенции значит воображать, будто часть больше целого.

Когда-то свободомыслие состояло в безбожии, сегодня же оно заключается в богопознании.

Малая толика диалектики уводит от Бога, но большая – возвращает к Нему.

Жалкие же вы философы, если не можете положительно решить вопрос о Боге и бессмертии!

Самое забавное во всей философии — это то, что те же самые доводы, которые материалисты приводят для доказательства того, что Бога нет, идеалисты приводят для доказательства того, что Он именно есть. Например, бесконечность вселенной и множественность миров. К ней равно взывают все материалисты, с одной стороны, и Лабрюйер и спириты, с другой. Внимательно и беспристрастно выслушав тех и других, нельзя не присоединиться к мнению последних.

Начало и конец – категории времени и пространства. Бог – вне времени и пространства, истинный Космос – также вне их. Поэтому говорить о начале и конце Вселенной, будь то в смысле пространственном или временном, просто глупо.

Говорить, наблюдая и изучая вселенную, наш земной мир, будто Бога нет, это значит за деревьями не видеть леса, за домами не видеть города.

Бог – это душа, воля, информация и музыка Вселенной. Но это не определение, это всего лишь попытка к пониманию: Бога нельзя определить: Он безграничен.

Пантеизм — это панматериализм. Материалист признаёт тело человека за самого человека, но отнюдь не душу его, его «я», лежащее вне этого тела. Точно так же пантеист признаёт Вселенную Богом, или телом Бога; он даже, более того, готов признать Бога душою Вселенной. Пусть некоторые из них идут и ещё дальше, утверждая, что в действительности Бог пребывает не только и не столько внутри Вселенной, сколько вовне её; как дух человека не есть тело, так и Бог, т.е. Мировой Дух, не есть Вселенная. Это, конечно же, уже большой шаг вперёд в сравнении с предыдущими взглядами, но и этого мало, ибо всё смешение, то полнейшее бестолковое смешение Бога со Вселенною, остаётся.

Матерьялизм оказывается преодолён лишь тогда, когда мыслящее сознание начинает понимать, что Вселенная не есть какая-то часть Божества — матерьяльная или духовная, но есть нечто, лежащее вне Его, ибо она не более, чем Его произведение, Его создание, творение, *шедевр*, если угодно, или, попросту говоря, вещь, сделанная Им. Полностью же отожествлять Бога со Вселенною не более разумно, чем, в меньших масштабах, отожествлять Страдивари со скрипкою, которую он сделал и на которой играет. Разумеется, мастер влагает много своего «я» в своё творение, оно, до известных пределов, как бы становятся частью его самого, но только «как бы», не более этого; нелепо понимать проникновение его в вещь слишком буквально и сугубо матерьяльно, оно именно духовно, т.е. трансцендентно. В конечном же счёте важно то, что скрипка создана мастером и живёт и имеет смысл быть лишь тогда, когда на ней играет сам мастер или какой иной виртуоз, которому он передал её во владение, иначе, без этого, скрипка мертва.

Причина, приведшая столь многих от веры к атеизму, состоит в том, что они, видя зло этого человеческого мира, отказываются понимать, как бы Бог, благой и всемогущий, мог допустить всё это. Их рассуждение таково, что раз Он допускает это, будучи благ, то Он тогда не всемогущ, а стало быть, и не Бог вовсе; либо, коль Он допускает это, будучи всемогущ, то Он вовсе не благ, а чудовищно зол, и тогда имя ему — Сатана. И в том, и в другом случае бога не оказывается. Но на самом деле, проблема в том, что, дабы получить умный ответ, надо задать умный вопрос. Здесь же вопрос принципиально неверно поставлен. Всеблагость и всемогущество Господа суть свойства, стоящие за пределами всяких сомнений. Зло же этого мира не от Бога и не от несуществующего дьявола, а единственно от свободы человеческой воли. Всемогущий всегда бы мог свободу эту упразднить, но не делает Он этого именно потому, что свобода сия — сокровенная тайна разумной жизни. Всё зло этого мира, но и всё добро — от неё, вся абсолютность добра в мире высшем опять-таки от неё. Лишить человека этой свободы, запрограммировав его вести себя пусть бы даже наилучшим образом, значило б лишить его жизни и самого её смысла, ибо тогда он стал бы неодушевлённым автоматом.

Атеизм – это слепота человека, который за деревьями не видит леса.

Жизнь без мысли о Боге – это не жизнь человека, а скотство.

В Бога верить нельзя, также как нельзя верить в существование души и её бессмертие. Верить можно только во что-то нелепое, но бытие Бога, существование души и бессмертие её — это не нелепость, поскольку принципы эти доказываются строгой логикой мысли (изучайте «Книгу Духов» Аллана Кардека), а стало быть, они и не предмет веры, а предмет знания. Напротив, само по себе допущение о самостоятельности материи, о её способности порождать сознание, допущение о порождении живого неживым и тому подобное — является логической нелепостью, и поскольку это абсурд, то это допущение и требует веры.

Само по себе незнание о существовании Бога, о существовании души и её бессмертии если и не свидетельствует о примитивности мышления, то уж во всяком случае является признаком его недостаточности.

Сейчас слово «бог» стало модным без разбору и толку писать с заглавной буквы. Мы так не поступаем, поскольку писать его с заглавной буквы в переосмысленных словосочетаниях типа «бог с ним!», имеющих откровенно уничижительный оттенок (в данном случае «ну его!», «пусть себе!») значит совершать богохульство.

Атеисты полагают, что они опровергают Бога. В действительности же они опровергают лишь свои примитивные о Нём представления. И примитивные-то свои представления они опровергают опять-таки примитивно. Истинная идея о Боге не может быть опровергнута, ибо она безгранична и не скована определениями. В самом деле, как было бы можно опровергнуть то, чему нет и не может быть конечного определения, что бесконечно, безгранично,

беспредельно, безмежно, в отношении чего любое самое смелое определение — лишь ещё одна попытка понимания, не способная исчерпать то, что не может быть постигнуто и определено? Поэтому правы атеисты, когда они пишут о своём боге, достойном всяческого осмеяния, со строчной буквы, и правы мы и все те, кто исповедуют взгляды Беспредельности, когда мы говорим о *Боге* с буквы заглавной. Но все эти нюансы — лишь наши человеческие игры, Богу на самом деле нет до них никакого дела.

Большинство верующих держит столь гнусное понятие о Боге и настолько противится всяким попыткам исправления своих прискорбных заблуждений, что дело атеизма простонапросто оказывается свято: он выпалывает сорняки, удобряет почву и расчищает место для строительства новой Церкви. До атеизма люди самодостаточны в своей мерзости, после него у них появляется глад души и они оказываются готовы к принятию духовных истин.

Всё сущее существует лишь потому, что так оно было вышним силам угодно. Стало быть, раз и существует атеизм, то лишь потому, что им это было угодно. В чём причина этого парадоксального явления? Быть может, в том, что силам этим стало более невозможно слышать пустые и лицемерные хвалы, коими тысячелетия напролёт их забрасывали жрецы и попы всех варварских религий, и — что возможно ещё хуже — выслушивать вздорные и недостойные молитвочки недоразвитых людишек, молящихся об исполнении их младенческих желаний и боящихся, как бы с ними не случилось того, что должно с ними случиться. В самом деле, мыслимо ли было далее терпеть такое загрязненье астрального эфира? Необходимо было всё это отместь, сломать всё старое, расчистить место, на котором впоследствии стало бы возможно возвести здание истинной и единственной религии. Таково было подлинное назначение атеизма. Однако ныне, когда мысль человеческая уже давно заложила фундамент этого здания и возводит его стены, атеизм является орудием мракобесия, слабоумия и духовной немощи.

Справедливости ради следует заметить, что пресловутая формула «Нет Бога, кроме Аллаха» представляет собой измышление, в основе которого лежит некорректный перевод. Утверждать, будто магометане верят в Аллаха, это такая же глупость, как говорить, что католики верят в Деуса, а протестанты — в Года/Готта. Иными словами, это так же нелепо, как если бы французы говорили о нас: «Les Russes croient en Bogue», или если бы кто-то стал заверять, что на американских деньгах написано: «In Bog we trust».

Глупый и невежественный атеизм, правивший у нас бал на протяжении 70 лет, в конечном счёте принёс огромный вред: часть русского общества теперь на полном серьёзе впадает в экстаз перед варварской средневековой теологией, которая, запутавшись в глупостях и противоречиях, окончательно изжила себя ещё в середине XIX века. Другая же часть общества безогляднее прежнего продолжает коснеть в атеизме и распутстве. Между этими двумя крайностями, являясь их логичным порождением, пресмыкаются в гнусности недоумки, поклоняющиеся Сатане или каким-то иным мерзким вымыслам.

Положительное в господстве материалистов — это то, что они отменили дьявола и преисподнюю. Отрицательное — то, что они отменили бога, душу и бессмертие. Но они напрасно обольщаются: отменить Бога (Бога с прописной буквы) — не в их амёбных силах. Малейшее дуновение вечности снесёт и всю их иллюзорно-инфузорную цивилизацию.

Вера — это незнание, основанное на доверии; но поскольку сегодня люди, когда не знают, сомневаются, то и вера не имеет места.

XXVIII. Религиозный ум

Не буквальное, а переносное понимание духовности — это бессмыслица, которая ничего не даёт и ни к чему не ведёт.

Религия – рептилия средневековья и постоянно возрождающий его реликт.

Свои навязчивые страхи люди обычно пытаются преодолевать при помощи неких ритуальных действий. И это путь в никуда.

Слепая вера вбивается и вколачивается силой, поэтому принять и признать её может только трусливый и ленивый ум.

У меня совершенно нерелигиозный склад ума, и я бесконечно счастлив данным обстоятельством. Ведь религиозный ум на каждом шагу встречает предсказания и указания и во всём происходящем усматривает наказания и награды. Такое руководство, к тому же мнимое, выдержать не каждому под силу.

Верующий остаётся верующим не потому, что он знает что-то такое особенное, а потому, что он не знает элементарного.

Вера — это всегда нежелание понять, это стремление упростить, это отказ «включить мозги», это оргазм отдания себя во власть растительно-животным инстинктам.

Вера – всего лишь суррогат понимания.

Верующие умеют не замечать аргументы, а заметив, не ставить их ни в грош.

 Γ де вера, там и праздное умствование. Праздное умствование вместо знания. А отсюда и суесловие, отсюда и лицемерие.

Слепая вера не производит ничего, кроме слепоты и беспомощности. Она верная союзница глупости, предрассудка и злонамеренности.

Верующего захлёствывают эмоции. Он может с лёгкостью кинуться на амбразуру с пулемётом, но у него нет понимания бессмысленности такого поступка и своей обречённости.

Терпимость обыкновенно проистекает из большей свободы мышления и связанной с ней широты взглядов.

Оккультисту нет никакой нужды в религии, церкви, поповском сословии и теологии с её нелепым сплетением логических ошибок, небылиц и предрассудков. К своему понятию о Боге он приходит, изучая природу, наблюдая, делая выводы и сопоставления, т.е. стоя на основах, которые дают наука, логика и философия. Для него вполне приемлемой точкой старта оказывается и ступень философского материализма и честного атеизма, коль скоро он готов и в состоянии подняться с неё выше и дальше, причём достижения последних он никогда не отметает напрочь, а дополняет познаниями последующих ступеней.

Когда люди не интересуются вещами духовного порядка или довольствуются по сему поводу нелепыми расхожими мнениями, источником каковых являются бытующие религиозные культы, то жизнь людей в этом мире становится скотской, и это справедливо, потому что они недостойны лучшего, потому что такой человеческий мир нуждается в чистилище, а то и в сносном подобии ада.

Мы должны всеми силами добиваться гармонии, потому что без гармонии эта жизнь представляет собою ни больше, ни меньше как адское бремя.

Влачить за собою, в силу своего неразумия, адское бремя – в этом нет никакого достоинства и никакой заслуги. Мы должны всеми силами добиваться гармонии, потому что без этого грош нам цена.

Религия одним лечит душу, другим калечит голову.

Люди, у которых нет своей настоящей жизни, вполне охотно подпадают под власть всевозможных ритуалов. Этими шаблонами, как им кажется, легко скрыть собственную пустоту – как от других, так и от себя. Но они заблуждаются: само их следование внешним ритуалам служит неоспоримым свидетельством их внутренней пустоты и никчёмности их жизни.

Человек, будучи воспитан в рамках той или иной культуры, невольно вынужден проецировать собственные предубеждения вовне, в само мироздание.

Желание во всём и на каждом шагу видеть наказание и, прежде всего, божеское наказание есть несомненный признак ущербности мышления и психики.

Чем больше люди молятся своим богам, тем реальнее те для них становятся. Но при взгляде со стороны всё это – бормотание сумасшедшего.

Поп-исповедник – достойный предок психоаналитика.

Для того, чтобы любить Бога, вовсе необязательно любить ещё и попа. Более того, это не только необязательно, но и вредит делу: поп, встав между Богом и вами, легко отвлекает бо́льшую часть вашей любви на себя, оставляя Бога ни с чем. Бог терпелив, Он ждёт, когда же вы наконец это поймёте и перестанете своими трудом и любовью кормить всевозможных паразитов, сводящих все ваши благие усилия к нулю.

Преследование колдунов и чернокнижников ведёт всегда к тому, что первым делом арестовывают и истребляют всех образованных людей. Потому что, видя где-либо большую умственную мощь, толпа всегда приписывает её союзу с дьяволом, и великие умы неизменно слывут чародеями, служителями дьявола и чернокнижниками. Вот почему на любителей книг и обладателей больших библиотек смотрят порой с недоверием и подозрительно.

Там, где насаждается культ посредственности, быть образованным, культурным человеком считается неприличным, а слово «интеллигент» превращается в ругательство.

Интеллигенция – это слово, по сути и по происхождению, означает «те, кто обладает пониманием».

Любой верующий в качестве последнего, верховного аргумента своей правоты выставляет вам свою глупость.

Скверно, если молодой человек вместо здоровой пищи – поэзии и приключений – набивает себе голову разной гнилью – сочинениями угрюмых и затхлых святош, высказывания которых для него настоящая отрава.

Весьма нередко, более того, очень часто убеждаешься, что вера в Бога — это очень хорошо, а конкретные священнослужители — это очень плохо.

Религиозное ханжество – самая заурядная личина алчности и непроходимого

невежества.

От реального поклонения «святым мощам» полшага до ритуального трупоедения.

У «верующих» их религиозное ханжество каким-то невероятным образом переплетается с их подавленной сексуальностью, и это даёт самые безобразные, самые ядовитые и омерзительные плоды.

Если отказываешься верить в то, чего не может понять ум, в то, что он решительно отвергает как абсурд и нелепицу, то автоматически отпадаешь от христианской религии, к какой бы секте её ты ни принадлежал. Стало быть, религии может быть привержен только тот, кто ценит ум весьма невысоко, кто ставит глупость выше ума по той простой причине, что у него самого его нет.

Предметом веры является абсурд, и это закономерно.

Проявляю нечеловеческое терпение: читаю все эти апокрифические «Евангелия» и прочие полусвятые тексты. Какое чудовищное скопление несказуемых глупостей, жалких небылиц и каких-то первобытных непристойностей! Ни одного не то что умного, а здравого слова.

Жалкое и безвкусное сплетение глупостей, небылиц и непристойностей, писанное во II-IV веках – вот что лежит в основании христианской религии и церкви, все эти «евангелия» и «первоевангелия» от Петра, от Фомы, от Иакова, от Псевдо-Матфея и иже с ними, пусть некоторые из этих памятников неумности и нездоровой фантазии впоследствии и были отбракованы как «ереси». Ведь всё равно учение самого Пророка, выраженное не вполне ясно только в существующей версии «Нагорной проповеди», тоже по сути дела было отложено в сторону, ибо никогда ему не уделялось должного внимания. Зато это последнее было и остаётся целиком и полностью сосредоточено на несуразных подробностях его вымышленной биографии. И это тогда, как реальные факты жизни Пророка на самом деле не только малоизвестны, но и давным-давно преданы полному забвению и небрежению. Вместо них предлагается смаковать восточные сказочные небылицы, бесконечно уступающие красотам и занимательности «Тысяча и одной ночи». Такова реальная христианская религия во всех трёх своих ипостасях: православии, католичестве и бесконечных ветвях и ответвлениях протестантства.

Ведь в конце концов дело до чего дошло: поповская глупость сделала из Сына Человеческого – сына голубя!

В каждую эпоху те верующие, которых она заслуживает.

Когда о Боге говорят, что он, дескать, отец или сын, т.е. мужчина, или же грубо называют его не мужчиной, а женщиной, как то делает Расул наш Гамзатов, то это всё вздор: Бог беспол, ибо у него нет надобности размножаться, а, стало быть, Он не мужчина и не женщина, и тем более не сын и не мать.

Сэр Конан-Дойль говорит: «Обсуждение полового вопроса в применении к Богу кажется неуместным и даже неприятным».

«Матерь Божья», «Сын Божий», «Бог-Отец» и прочие титулы в том же роде – всё это чистая антропология.

Антропология – весьма жалкое и неуместное чувство, если применять его касательно Бога.

Нелепость не может быть страшной. Она вызываем усмешку и – в конечном итоге – чувство брезгливости. Величайшая нелепость, измышленная людьми, – религиозный ад.

Быть верующим значит иметь очень узкие понятия о мудрости и могуществе Бога.

Кто верит в бога, тот верит и в Дьявола. Но кто знает Бога, тот не знает дьявола.

Не следует забывать, что первые христиане были и последними. Все последующие – лишь самозванцы, в самом буквальном смысле этого слова.

Учение о перевоплощении — это и есть тот камень, который строители христианской церкви отбросили, а он — краеугольный камень. Без него всё здание шатко и обречено рухнуть.

Что у вашего иудейского бога или у вашего христианского, либо у вашего мусульманского общего с реальным Богом? Меньше, чем ничего.

Наличие атеизма не является гарантией отсутствия Бога.

Верите ли вы в Бога? – Тут, собственно, возможны три варианта. Либо вы знаете, что Бог *есть*, и тогда вы просто *знаете*. Либо не знаете. И тогда вы *либо верите*, *либо нет*. Между знанием и «верой в» в этом случае есть та существенная разница, что в первом случае вы осторожны, умеренны и сдержанны в своих суждениях, несклонны давать волю вашей фантазии; во втором – вы назойливы, импульсивны и склонны впадать в разного рода кликушество.

Существование Бога не перечёркивает существование атеизма, ибо тот совершает свою полезную работу в сфере религии.

Никоим образом не будучи атеистом, всегда стою на атеистических позициях, когда речь идёт о конкретных религиях. Это не слабость, наоборот. Природа самих вещей вынуждает ходить по острию ножа: не переходить за тонкую грань — занятие далеко не для всех и каждого.

В железных рассуждениях того или иного воинствующего атеиста стальная цепь логики обычно содержит одно звено не металлическое, а как бы «бублик с маком».

Бог – это гипотеза и умозаключение, но далеко не каждый ум *в состоянии* сделать такое заключение, а стало быть, склонять его к подобным медитациям – пустая затея.

Для человека, ввергнутого в этот мир, Бог – не реальность, а гипотеза, собственное умозаключение, если ум его простирается далеко; но *любить* умозаключение невозможно.

Вот ведь забавно: почему-то ни одному христианскому или иудейскому богослову ни их оппонентам ни разу за истекшие тысячелетия не пришла в голову вполне очевидная мысль о «семи днях творения»: в «Библии», коли читать внимательно, речь идёт вовсе не о сотворении мира сего, т.е. мира, в котором мы, земное человечество, сейчас живём и прежде жили. Речь идёт о сотворении света, земли и воды, птиц небесных и животных, растений и камней, наконец, Адама и Евы в том мире, в котором эти последние жили, покуда не были из него изгнаны — т.е. в раю. Когда же сия благоразумная чета очутилась на Земле, то она попала в мир, о сотворении коего в «священном писании» ни слова не сказано. Авторам святой книги вообще неведомо, откуда взялась материальная вселенная и кто её создал, библейский бог этим у них во всяком случае не занимался. Рассуждения о том, что бог сотворил мир и вселенную — это уже позднейшие домыслы и фантазии, к святому тексту отношения не имеющие. Такая вот божественная «вдухновенность».

Успехи борьбы садовника с муравьями – врагами сада, – подобно борьбе беспомощного библейского бога с человечеством, имеют отъявленно временный характер: и муравьи, и человечество превозмогают насылаемые на них бедствия, и садовнику, как и библейскому богу, приходится возобновлять свои усилия.

Разница между иудеем и мусульманином весьма существенная: для еврея всё настоящее 3decb и ceйчac, для араба и его единоверцев — mam и nomom. Поэтому еврей очень дорожит своей жизнью и старается выжать из неё как можно больше, взять bce и menepb; магометанин же не ставит её ни в грош, поскольку всё относит на nomom, и готов охотно принести её в жертву, дабы нагруженным заслугою (мнимою!) поскорее попасть myda. И та и другая крайность зловредны и опасны для человечества в земном его состоянии.

Ислам – чудовищное унижение женщины и не менее чудовищная перверсия мужчины.

Ни во что не верить – отсюда меньше шага до самого пустого легковерия и готовности поверить во что угодно.

Если вы из числа тех, кого утешает изречение о птицах, имеющих пропитание, то вам в самый раз присоединиться к какой-нибудь христианской секте: православным, баптистам, католикам и прочая.

Во всём сомневаться не такая удобная позиция, как всему верить, ибо подобную позицию приходится постоянно утверждать и отстаивать.

С точки зрения мыслителя, сильно ограниченного в своих познавательных возможностях (а это относится к нам ко всем), Бог есть гипотеза, скорее всего, более разумная, чем какая-либо другая, но не у каждого гомо сапиенса может быть потребность вникать в её смысл и тем более приходить от неё в умиление и восторг.

По отношению к Богу, Создателю нематериальной и материальной вселенной, каждый из нас представляет собою дробь, незначительной малостью своей уходящую в бесконечность.

Тяжкий грех церковников всех мастей в том, что они упорно делают из бога пустую вывеску, и поэтому об их боге можно говорить и писать лишь со строчной буквы.

Коль ты сумел разозлить иудеев, мусульман, православных и атеистов, значит, ты действуешь правильно.

Предопределённость произошедших событий — это иллюзия, которая возникает у нас, когда мы оглядываемся назад в попытке объять умственным взором произошедшее. Случайность происходящих событий — это иллюзия, которая возникает у нас, когда мы пытаемся заглянуть вперёд и силой воображения разглядеть грядущее. Неоднозначность и многовариантность происходящих событий — единственное спасение от этих иллюзий.

Если ты веришь со знанием и если ты знаешь без веры, то итог получается разный. Вера со знанием и знание с верой дают тот же итог, и он прекрасен. Знание без веры и вера без знания дают тот же итог, и он – совершенно ужасен.

Многие несчастны «от ума». Это, правда, не значит, что они очень умны. Они просто не могут достичь той степени ума, которая избавляет от несчастий. Идя по линии наименьшего сопротивления, у них есть только одно средство избавиться от своих бед: сильно поглупеть. Что многие и делают, обратившись к услугам религии, каковая является веками проверенным орудием такого рода поглупления. В результате подобные умники обязательно становятся «счастливы», причём настолько, что всем и каждому готовы объяснять, какая на них снизошла благодать, и заклинают следовать их спасительному примеру.

Как бы мы ни смотрели на вещи — с православной, католической, атеистической, мусульманской, буддистской (и так далее) точки зрения — сами вещи от этого нисколько не меняются. Поэтому важно только одно: не заниматься выдумками и научиться видеть то, что на самом деле есть, m.e. видеть вещи такими, каковы оне суть, а не такими, какими кажутся нам или какими бы мы хотели или считали должным их видеть. Это очень трудно, но это единственно правильно.

Можно знать и не верить. Это мёртвое знание. Так люди знают наиважнейшие истины.

XXIX. Реформация, когда мир созреет для неё, совершится в свой час

«Теперь спросим себя: для чего сотворён мир и люди? Всмотритесь в жизнь Вселенной – вы увидите, что всё в мире непрестанно совершенствуется, растёт, увеличивается в своём качестве познаний и мудрости. Природа – это молчаливый проповедник, и проповедует он непрестанно, не только в праздники, но и в будничные дни. Мы видим, как жёлудь превращается в дуб, как из яйца вырастает птица и как из гусеницы развивается бабочка. Можем ли мы сомневаться в том, что по этому закону непрерывного совершенствования живёт и лучшее из творений – душа человеческая? А как может совершенствоваться душа? Только развивая свои добродетели и подчиняя страсти разуму. Иного пути совершенствования нет. Итак, мы можем сказать с уверенностью, что сотворены для того, чтобы обогащаться в добродетелях и познании».

«Это положение лежит в основе всех религий, и для того чтобы признать справедливость этого положения, никакой веры не требуется. Это положение так же ясно и неопровержимо, как те теоремы Эвклида, которые все из нас проходили. Но на этом общем для всех фундаменте люди строили разные дома. Христианство, магометанство, веры далёкого Востока — во всех религиях основание одинаково. Разница в формах и подробностях. Будем лучше всего держаться христианской веры. Это великое учение любви, к сожалению, редко исполняется. Будем христианами, но не будем презирать и других людей, ибо всё человечество так или иначе причастно религиозной истине».

«Теперь давайте посмотрим, какой свет наши духовные наставники проливают на вопрос о христианстве. Мнения в том мире однородны не более, чем и в этом. Но всё же, прочитав некоторое количество посланий по этому предмету, можно сказать, что все они сводятся к следующему: над духами недавно усопших землян имеется множество других духов, их превосходящих; духи эти бывают самого разного рода; назовите их «ангелами», если вы желаете говорить языком старой религии. Но и надо всеми этими верховными духами находится самый Высший Дух, знание о котором оказалось доступно нашим соплеменникам не Бог, поскольку Бог столь бесконечен, что недосягаем для них, - но тот, который ближе других к Богу и который, до известной степени, представляет самого Бога: это Дух Христа. Целью и предметом его заступничества является планета Земля. Он спустился к нам и жил среди нас в пору великой земной извращённости, в пору, когда мир был столь же злополучен, как и сейчас, – для того чтоб преподать нам пример идеальной жизни. Затем он возвратился в своё небесное обиталище, оставив нам учение, которому некоторые из нас следуют и поныне. Такова история Христа, в том виде, в каком нам рассказывают её духи; в ней нет и речи о первородном грехе или об искуплении; но она, на мой взгляд, содержит систему вполне совершенную и разумную».

«Если бы такой взгляд на христианство стал общепринятым, а его поддерживают авторитет и доводы Нового Откровения, идущего к нам из мира загробного, тогда бы мы получили такую религию, которая была бы способна объединить все Церкви, религию, которая бы примирилась с наукой, которая смогла бы противостоять любым нападкам и утвердила бы Христианскую Веру на неопределённо долгие времена. Наконец-то бы прекратилась война Разума и Веры, наконец-то из мыслей наших был бы изгнан кошмарный бред, а в уме нашем установился бы духовный мир. Я не вижу, как бы такие результаты могли быть достигнуты быстрым захватом власти в какой-либо стране или насильственной революцией. Скорее, это придёт как мирное проникновение, наподобие того как сейчас разные грубые идеи, вроде идеи о вечном аде, постепенно отмирают на глазах наших, уступая место более тонким и правдоподобным.* Тогда именно, когда душа человеческая переживает

^{*} Об этом смотрите особо: Аллан Кардек, «Небо и Преисподняя. Рай и Ад, или Божественная Справедливость в разъяснениях Спиритизма и с конкретными примерами», перевод под редакцией

муки и разрывается от страдания, в неё могут быть заронены семена добра и правды, поэтому некий духовный урожай определённо сможет быть собран в будущем из посева дней нынешней нашей жизни».

«Я не могу понять состояние ума тех, кто считает доказательства жизни после смерти, приведённые в «Библии», абсолютно истинными, и всё-таки отворачиваются от тех же доказательств, когда они предстают у них перед глазами. Я верю, что свидетельства Священного Писания, там, где они не искажены неточным переводом, дописками и подделками, истинны. Но как может честный исследователь принимать к сведению тексты, находящиеся на грани наших представлений о вероятном и отбрасывать несравнимо более очевидные явления, указывающие нам, какое будущее ожидает наши души? Тому есть тысячи свидетелей, среди них — люди, заслуживающие высочайшего доверия, и многие из них письменно зафиксировали свои опыты, так что они доступны для изучения и любых возражений. Однако мы живём в век науки и желаем знать, как и почему. И теперь, при обилии накопленного материала, такие изыскания вполне осуществимы».

«Мне говорят, что критицизм, подобный моему, исполнен одной лишь страстью разрушения и ничего не в состоянии предложить взамен тому, что он упраздняет. Это не совсем так. Думаю, есть некоторые изначальные, доступные нам истины, не требующие от нас веры для их принятия. И этих истин вполне довольно, чтобы дать нам *практическую* религию, разумную в своей сути до такой степени, что она будет привлекать к себе думающих людей вместо того, чтобы отвращать их, как то было прежде.

Когда все мы вернёмся к этим немногим изначальным и неопровержимым фактам, появится наконец надежда, что можно положить конец мелким разногласиям и распрям между различными религиями, и тогда единая человеческая семья сможет влиться в единую обстоятельную систему мысли».

«Когда я впервые вышел из пределов веры, в которой оказался воспитан, у меня какоето время было такое чувство, что почва ушла у меня из-под ног. Не стану преувеличивать и говорить, будто ощущал свою никчёмность и погрузился в беспросветный мрак духовный. Нет, молодость от этого оберегается жаждой деятельности. Но я испытывал какое-то смутное, непрестанное беспокойство, какую-то мучительную пустоту и бесприютность, которых прежде в жизни не замечал. Я настолько, оказывается, отождествил религию с «Библией», что не мог помыслить их раздельно. Когда выяснилось, что фундамент ложен, то и всё здание моей религии с грохотом рассыпалось у меня на глазах. И тогда на помощь мне пришёл добрый старина Карлейль, с его-то помощью и трудами собственных раздумий я воздвиг свой маленький домишко, в коем с той поры укрываюсь от религиозной непогоды сам и в котором, помимо того, могу приютить одного-двух своих друзей».

«Самое первое и главное, что следует усвоить, так это то, что существование Создателя и указание на Его свойства ни в коей мере не зависят от слов древнееврейских поэтов, ни от изготовленной людьми бумаги и типографской краски. Напротив того, все подобные попытки осознать Его неизбежно умаляют и принижают Его, заключая Беспредельность в узкие рамки человеческих понятий, причём сделано это было в ту эпоху, когда эти понятия в основном были гораздо менее духовны, чем ныне. Ведь даже самый материалистичный из современных умов покоробит утверждение, будто Божество требует от нас массовых казней, а пленных царей приказывает изрубить в куски на жертвенном камне».

«Подготовив таким образом свой ум к принятию более высокой (хотя, быть может, и менее ясной) идеи Божества, начинайте изучать Его в Его делах, неподдельных и нерукотворных. Природа является истинным откровением Божества человеку. Ближайший зелёный луг — это вдохновенная страница, на которой вы прочтёте всё, что вам необходимо знать».

Йога Раманантаты, Нижний Новгород, Издатель Москвичёв А.Г., 2019 г. (П.Г.)

^{*} Томас Карлейль (1795-1881) — английский философ, историк и публицист. (Π . Γ .)

«Признаюсь, я никогда не был в состоянии понять позицию атеиста. В конечном счёте я пришёл к тому, что вообще не верю в его существование и рассматриваю это слово лишь как форму упрёка со стороны теологов. Под атеизмом можно понимать лишь переходное состояние, временную фазу умственного развития, отрицательную реакцию на человекоподобные представления о Боге. Но я не могу себе и представить, будто человек, пристально изучающий Природу, станет отрицать, что законы, действующие в ней, указывают на существование ума и силы, давших им рождение. Само существование Вселенной является неопровержимым доказательством наличия её Творца так же, как существование стола автоматически указывает на предварительное наличие столяра. Таким образом, об этом Творце можно составить то или иное понятие, но невозможно быть атеистом».

«Мудрость, сила и средства, направленные к достижению цели, — всё вписано в дивную систему Природы. Какие же ещё доказательства может нам дать после этого книга? Если человек, взирая на мириады звёзд, воображает, будто оне и их неисчислимые спутники движутся с безмятежным достоинством в пространстве, избегая пересекать орбиты друг друга; если, говорю я, взирая на всё это, человек не может осознать свойств Творца без помощи книги Иова, то его склад ума являет собой величайший абсурд во Вселенной. Но ведь не только в большом мы видим постоянно присутствующую заботливость некой разумной силы. Самая малая малость не оказывается оставлена ею без попечения. Мы видим, что мельчайшие хоботки насекомых идеально приспособлены для чашечки цветка; что микроскопический волосок и клетка служат в теле определённой цели во благо целого. И какая разница, происходит ли это в результате особого акта Творения или в результате эволюции? Ну, мы знаем, что фактически это произошло в результате эволюции, но ведь сама эта эволюция служит лишь указанием на действие определённых законов. Она указывает на них, но их не объясняет».

«И если эта сила позаботилась о пчеле, снабдив её собирательным аппаратом и хоботком, позаботилась о невзрачном семени, наделив его множеством приспособлений, благодаря которым оно достигает наиболее подходящей для него почвы, то мыслимо ли, чтобы мы — высочайшее из всех Её творений — оказались обделёнными? Такое немыслимо. Сама эта идея несовместима с системой Творения в том виде, как оно предстаёт перед нами. И я ещё раз повторяю: чтобы достичь уверенности в существовании мудрого Провидения, нам не нужно никакой веры».

«А вместе с этой уверенностью мы уже имеем всё необходимое для основополагающей религии. Что бы ни происходило после смерти, наш долг и обязанности в нынешней жизни вполне ясно очерчены перед нами. И этические нормы всех религий до такой степени совпадают, что никакого разногласия мнений по этому поводу быть не может. Последняя Реформация упростила католицизм. Грядущая же упростит протестантизм. И ещё одна реформация, когда мир созреет для неё, совершится в свой час. Постоянно совершенствующийся ум будет открывать перед нами всё более широкую религию. Разве не восхитительно думать, что эволюция продолжает жить и что дело её совершается, и что если предком своим мы имеем человекообразную обезьяну, то потомками нашими в конце концов окажутся архангелы?»

ХХХ. Иерархия кульминирует на высотах Беспредельности

«Следует повторить, что если Новое Откровение и представляется разрушительным в глазах исповедывающих христианские догмы с чрезвычайной непреклонностью, то на самом деле оно имеет совершенно противоположное влияние на ум, который, подобно столь многим нынешним умам, в конце концов пришёл ко взиранию на всю христианскую систему как на сплошное заблуждение и огромный обман. Ясно показано, что Старое Откровение имеет большое сходство с нынешним; хотя время, злоупотребления людей и материализм сильно обезобразили его и исказили, всё же в нём ещё просматривается тот же общий замысел, то же направление мысли, так что невозможно усомниться в том, что оба они исходят из одного источника».

«Если Старое Откровение говорит нам о жизни после смерти, о высших и низших духах, о зависимости нашего счастья от собственного нашего поведения, об искуплении страданием, о духах-заступниках (ангелах-хранителях), о высоких Учителях, о единой верховной власти во Вселенной, об Иерархии духовных сил, со ступени на ступень всё выше возносящей нас пред ликом Божьим, то все эти идеи и концепции появляются ещё раз и в Новом Откровении и подтверждены в нём множеством свидетельств. Только лишь притязания на непогрешимость и монополию, фанатизм и педантство теологов, равно как и созданные человеком обряды и ритуалы, изгоняют жизненную силу и самую жизнь из дарованных Богом мыслей — единственно это исказило истину».

«Принятие учения, принесённого нам из мира иного, должно глубоко изменить религию, условно именуемую сейчас христианством. Но эти изменения произойдут более в смысле разъяснения и развития, нежели опровержения. Оно устранит серьёзные недоумения, всегда оскорблявшие чувства всякого мыслящего человека; оно также подтвердит и сделает абсолютно определённым факт продолжения жизни после смерти, факт, лежащий в основании всякой религии. Оно подтвердит несчастливые последствия греха, хотя и покажет, что последствия эти никоим образом не определены на целую вечность. Оно подтвердит наличие существ более высоких, каковых мы назвали «ангелами», а также существование надстоящей нам Иерархии, устремлённой вверх и в которой дух Христа занимает своё особое место; оно покажет, что Иерархия эта кульминирует на высотах Беспредельности, с каковой мы связываем идею о Всемогущем Творце, или о Боге. Оно подтвердит идею о рае и временном состоянии искупления, которое соответствует более понятию чистилища, нежели ада. Таким образом, это Новое Откровение в самых жизненно важных своих точках никак не разрушает все прежние верования, и действительно серьёзными людьми, какой бы веры они ни придерживались, оно должно быть встречено как исключительно могучий союзник, а не опасный недруг, порождение дьявола».

«Изучая Иерархию высочайших духовных существ, стоящих над ним, спирит понимает, что тот или иной архангел может время от времени посещать человечество с некой просветительской миссией, дабы вселить в него надежду. Даже смиренную Кэти Кинг с её сообщением о бессмертии, полученным от великого учёного, можно расценивать как «ангела во плоти». Франциск Ассизский, Жанна д'Арк, Лютер, Магомет, Баб-эд-Дин и другие реальные исторические персонажи и религиозные лидеры были среди этих «евангелистов». И первейший из них — согласно верованиям Запада — Иисус, сын еврейского плотника, именуемый нами Христос. Наш разум, далеко не вселенский, не может позволить себе размышлений о степени святости самого Христа; единственное, что мы можем сказать с уверенностью, — это то, что Христос был гораздо ближе к понятию святости, чем все мы вместе взятые. Его учение, по которому до сих пор пытается жить мир, наиболее бескорыстное, милосердное и прекрасное. С ним может сравниться только Будда, который также был посланником Господа, но эта вера более близка восточному, нежели западному складу ума».

«Когда же мы обращаемся назад, к миссии нашего вдохновенного Учителя, то находим лишь частичное соответствие между его наставлениями и действиями его современных последователей. Мы отмечаем также, что многое из его учения оказалось безвозвратно утраченным. Чтобы восполнить потери, не нашедшие отражения в «Евангелии», необходимо вернуться к практике ранней Церкви, которой управляли те, кто был действительно связан с Господом. Подобные изыскания показывают, что всё то, что мы называем современным Спиритизмом, по всей видимости, было знакомо окружению Христа. В частности, те же способности, которыми духи наделили Св.Павла, сегодня проявляют современные медиумы, и те чудеса, которые подвигли людей прежних эпох к признанию существования загробного мира, могут случаться и сегодня. Человек не прекратил обращаться за помощью к загробному миру. Этот предмет обсуждался во множестве трудов. Резюмировать всё сказанное в них можно следующим образом: вместо того, чтобы плутать в лабиринтах ортодоксальной веры, разумнее поверить в то, что простой, смиренный спирит, свободный от догм, напрямую общающийся с духами и святыми и приемлющий учение о Святом Духе, стоит гораздо ближе к раннему христианству, чем любая ныне существующая секта».

«Здесь, пожалуй, требуется несколько слов для разъяснения ситуации. «Неужели мы вернулись в век чудес?» – воскликнет читатель. Между тем никаких чудес тут нет – в нашем мире не может быть ничего сверхъестественного. То, что мы видим в наше время и о чём читаем в книгах прошлых веков, является всего лишь проявлением законов, ещё не изученных и не получивших определения. Мы пока установили кое-какие из его проявлений и ограничений, которые по-своему настолько же точны, насколько и любой чисто физический закон. Нам следует соблюдать равновесие между теми, кто не верит ничему, и теми, кто готов верить всему без разбора. Постепенно туман рассеется, и мы сможем составить карту новой страны. Когда стрелка компаса впервые сместилась под воздействием магнита, это не было нарушением законов тяготения. Это было результатом воздействия другого, более сильно действующего фактора. Точно то же самое происходит, когда духовные силы действуют в материальном плане. Если бы Хоум вдруг усомнился в этих силах или если бы его наблюдателей кто-то резко потревожил, он непременно упал бы на землю. Когда-то апостол Пётр утратив веру погрузился в волны и не смог по ним пройти. На протяжении столетий одна и те же причина вызывала одни и те же следствия. Духовная сила всегда с нами, если только мы не отворачиваемся от неё. и всё то, что происходило в древней Иудее, вполне может случиться и в нынешней Англии».

«Любое вмешательство Провидения подчинено законам природы, и всё необъяснимое и чудесное кажется таковым лишь по той причине, что ещё не понят соответствующий закон. Все чудеса подчинены определённому закону, только закон этот, как и все остальные законы природы, сам по себе божественен и чудесен».

«Поражает то, что в ранних церковных документах, особенно в записях Отцов Церкви, повсюду встречаются сообщения о психическом учении, которое было весьма распространено в то время, и его практическом воплощении. Ранние христиане жили в тесном контакте с миром духов. Их абсолютная вера в новое учение и преданность ему основывались на позитивных знаниях каждого из них. Они считали не подлежащим обсуждению тот факт, что смерть — это всего лишь переход к другой, бесконечной и содержательной жизни, который можно было бы более точно определить словом «рождение». Поэтому они не страшились смерти и желали её гораздо больше, чем доктор Ходсон, когда тот воскликнул: «О, я жду этого с нетерпением!» Подобное отношение к смерти никак не влияло на их земную жизнь, что отмечали неоднократно даже их враги. Если мысленно отправиться в отдалённые уголки Земли, то можно с грустью констатировать, что после принятия христианства и вплоть до наших дней многое там изменилось не в лучшую сторону, потому что христианство, которое они приняли, утратило свой непререкаемый авторитет и убедительность, составлявшие его славу в прежние дни».

ХХХІ. Древние христианские свидетельства спиритической истины

«Кроме свидетельств ранних Отцов Церкви мы располагаем сентиментальным наследием ранних христиан, которое они оставили на надгробиях в римских катакомбах. Интересная книга об останках ранних христиан, захоронённых в Риме, принадлежит перу преподобного Спенса Джонса, настоятеля собора в Глостере, которому пришлось заниматься этими удивительными по своей патетичности надписями. Оне имеют неоспоримое преимущество перед всеми другими документальными свидетельствами той эпохи, поскольку подлинность их очевидна. Доктор Джонс, изучивший сотни их, говорит: «Ранние христиане говорят о мёртвых так, будто они живы. Они продолжают общаться с усопшими». Это совпадает с точкой зрения современных спиритов, но Церковь отказалась от неё давнымлавно».

«Могилы ранних христиан, захоронённых в катакомбах, представляют странный контраст с могилами язычников, соседствующих с ними. Последние всегда говорят о смерти, как о свершившемся и окончательном факте, ужасном и бесповоротном событии. «Прощай навсегда!» — вот что является итогом их жизни. Христиане же, наоборот, убеждены в счастливом продолжении жизни. «Эгип, ты будешь жить вечно», «Виктория, покойся с миром и с Христом», «Пусть Господь укрепит твой дух», «Твоя жизнь — в Боге» — эти надписи достаточно убедительно доказывают, что новый и бесконечно утешительный взгляд на смерть снизошёл на человечество».

«Можно отметить, что захоронения в катакомбах доказывают простоту и доступность раннего христианства. Эти качества были характерны до той поры, пока эта вера не «обросла» разнообразными сложными имкиткноп И абстрактными терминами, которые распространились из Греции и Византии. Они не принесли миру ничего, кроме вреда. Символ, доминирующий в катакомбах, - Пастырь Божий, заботящийся о бедных и беззащитных своих овцах (идея, близкая сердцу человечества во все времена). Усыпальницы первого века нашей эры не содержат ни одного упоминания о кровавом жертвоприношении или девственном рождении. Вы найдёте там лишь атрибуты доброго Пастыря, якорь надежды, ладонь мученика и рыбу - словом, все те «шарады и ребусы», которые олицетворяли имя Христа. Всё это недвусмыленно указывает, каков был первоначальный характер религии. Христианство находилось в расцвете, пока оно было религией бедных, простых людей. Именно богатые, властные и сильные мира сего привели христианство в упадок, усложнили и разрушили его».

«Изучение надписей на гробницах, однако, не позволяет сделать каких-либо заключений об их спиритическом характере. Для этого нам придётся обратиться к Отцам доникейской поры, и здесь мы находим такое множество сведений, что из них можно составить целую книгу. Проникновение в смысл этих сообщений потребует соответствующей перестройки нашего мышления и усвоения непривычной лексики: например, «пророчество» следует понимать как медиумизм, а «ангел» в нашем представлении — Высший Дух, или направник. Теперь проанализируем несколько типичных цитат из великого множества сообщений».

«Блаженный Августин в своём труде «De cura pro Mortuis» говорит: «Духи умерших могут быть ниспосланы живым, они могут раскрыть им будущее, которое они узнали от других духов, или от ангелов (духовных наставников, -A.K.Д.), или посредством святого Откровения». По современным понятиям речь идёт о Спиритизме. Августин не мог выразиться точнее, так как, видимо, не был достаточно знаком со Спиритизмом, но мы не находим в его словах ни малейшего намёка на недозволенность последнего».

«Блаженный Августин вновь обращается к этому вопросу в своём труде «О Граде Божьем», где говорит о практике, которая позволяла эфирному (неземному) телу человека общаться с духами и высшими направниками посредством видений. Сегодня мы называем

таких людей медиумами — это название определяет их посредническую роль между телесными и бестелесными существами».

«Св.Климент Александрийский делает сходные намёки, и Бл.Иероним в своей полемике с Вигилантиусом Галльским также оставил похожие упоминания. Это, однако, происходило в более поздний период – после Никейских соборов».

«Автором книги «Пастырь» считается Γ ерма — личность до конца не установленная. По некоторым сведениям, он был другом Св. Павла и прямым учеником апостолов. Впрочем, точное установление авторства не имеет большого значения; книга определённо написана кем-то из ранних христиан и отражает идеи, которые превалировали в то время. В ней говорится: «Дух не отвечает всем, кто его испрашивает, не отвечает он и обычным людям. Дух, который был послан Богом, должен говорить не по желанию человека, а по дозволению Господа. Когда человек, которому явился дух от Господа (т.е. дух-наставник, — $A.K.\mathcal{A}$.), после произнесения молитвы входит в общество истинно верующих, то дух наполняет этого человека и он начинает вешать согласно воле Божией».

«Это в точности совпадает с нашим личным психическим опытом, с тем, что мы испытываем во время удавшихся сеансов. Мы не призываем духов, как говорят невежественные критики, мы не знаем, что нас ждёт, но мы молимся, читаем «Отче наш» и ожидаем развития событий. Затем избранный с позволения Господа дух приходит к нам и говорит или пишет через медиума. Герма, как и Августин, не приводит никаких подробностей, позволяющих сделать вывод, будто он имел личный опыт в проведении спиритических сеансов».

«Толкования Оригена также во многом напоминают психическое Учение. Мы могли бы продолжить наши ссылки, но остановимся, пожалуй, на краткой цитате, взятой из его дискуссии с Цельсом: «Многие люди вошли в лоно христианства благодаря тому, что их души неожиданно чувствуют перемену в себе после общения с неким духом, снизошедшим к ним во сне или наяву». Именно таким путём лидеры материализма (и среди них доктор Эллиотсон) возвратились к вере в жизнь после смерти и определили своё отношение к этой жизни через изучение доказательств спиритического свойства».

«Именно ранние Отцы Церкви наиболее определённо высказались по поводу этой проблемы и были ближе всего к её психическому источнику. Так, Иреней и Тертуллиан, жившие в конце II столетия, писали о психических явлениях, хотя Евсевий позже скорбел о том, что они не приемлемы для Церкви. Иреней писал: «Мы слышали о многих собратьях по церкви, обладающих пророческими (медиумическими, -A.K.Д.) дарами: говорящих посредством духа на всех языках, проливающих свет на общие достижения скрытых достоинств человеческих, излагающих таинства Господни». Что лучше этого отрывка может описать функции медиума высокого класса?»

«Когда Тертуллиан выступил с опровержением взглядов Марциона, он использовал спиритические возможности для проверки истинности аргументов спорящих сторон. Он утверждал, что подобные таланты проявятся в великом изобилии и упомянул о трансречевых сообщениях, о пророчествах и откровениях, проливающих свет на скрытую от глаз истину. Сегодня всё это вызывает насмешки и осуждается современными священнослужителями, а в 200-м году подобные способности поощрялись христианством. Тертуллиан в своём труде «De Anima» («О Душе») сообщает: «Среди нас сегодня находится сестра, обладающая природным даром Откровения. Она получила его от духа в церкви во время службы во славу Воскресения Господня, во время которого она испытала экстаз. Она разговаривала с ангелами (так он называет Высших Духов, $-A.K.\mathcal{A}$.), постигая тайны, читая в сердцах некоторых людей и принося исцеление тому, кто просил её об этом. «Среди прочих, – сказала она, – мне явилась душа, принявшая форму тела, похожая на духа, но не пустая. Казалось, что можно осязать её: она была мягкой, прозрачной и имела очертания человеческой фигуры, которую можно было

разглядеть во всех подробностях».

«Ещё одним источником информации об устройстве ранней христианской Церкви являются «Апостольские постановления». В действительности они не принадлежат перу апостолов, но такие исследователи, как Уистон, Краббе и Бунзен, утверждают, что по крайней мере семь из восьми книг подлинные и относятся к доникейскому периоду, а именно к началу III столетия. Изучение их привело к открытию малоизвестных фактов. Во время церковной службы использовались ладан и кадильница, которые присутствуют и в современном католическом и православном богослужении. Священники и епископы были женатыми людьми. Существовала система негласного бойкота тех, кто нарушил церковные правила. Если кто-либо из священников продвигался по церковной лестнице, используя мирские связи, то его лишали сана. Верховенство епископа или Папы принималось безоговорочно. Вегетарианство и полный отказ от вина не одобрялись и даже наказывались. Последнее особенно удивительно: возможно, такие установления были направлены против ересей, связанных с этими привычками. Священник, которого заставали в таверне, временно отстранялся от службы. Всем священнослужителям - согласно иудейской традиции разрешалось есть только бескровное мясо. Пост соблюдался строго: один день в неделю (как правило, по четвергам) и 40 дней в Великий пост».

«Все эти древние документы пролили свет на споры о «даре», то есть о разных формах медиумизма, и на его психические корни. Тогда, как и ныне, медиумизм облекался в разные формы, как-то: речь, исцеление, предсказания и тому подобное. Адольф фон Гарнак, немецкий историк церкви и теолог, пишет, что при каждой христианской церкви раннего периода числились три женщины: одна — для исцеления и две — для предсказаний. Этот вопрос подробно рассмотрен в «Апостольских постановлениях». Во избежание их самовозвеличивания над теми, кто не обладал подобным даром, оне не получали никаких привилегий, ибо талант и добродетель не всегда совпадали».

«Сами эти явления, как и в современном Спиритизме, способствовали обращению неверующих. «Их целью, – говорит фон Гарнак, – было не дарование преимуществ тем, кто обладает подобными способностями, но убеждение неверующих, тех, кого слово не может убедить в силе знамения. Кого-то могут смутить подобные знамения, но не нас – верующих, а скорее неверующих, иудеев и язычников».

«Далее у него следует описание этих разнообразных талантов, которые при внимательном рассмотрении похожи на современные формы медиумизма: «Не каждый из тех, кто подаёт эти знамения и совершает чудеса, может судить тех верящих, кто не удостоился того же дара. Дары Божии, которые Он передал через Христа, различны: этот человек получает один дар, а тот — другой. Некоторые могут обладать словом мудрости (речь в трансе, — $A.K.\mathcal{A}$.), другие словом знания (наитие, — $A.K.\mathcal{A}$.), третьи — духовной проницательностью (ясновидение, — $A.K.\mathcal{A}$.), иные — предвидением грядущего, словом веры (обращение к духам, — $A.K.\mathcal{A}$.), а иные — долготерпением». Все наши медиумы, несомненно, замечу я, особенно нуждаются в этом последнем даре».

«Те, кто не состоит в рядах спиритов, могут поинтересоваться, обнаружены ли упоминания о подобных духовных проявлениях в других Церквах, происшедших от одного раннехристианского корня? Да, присутствие высшего духовного начала признавалось всегда. Так, в «Рукоположении в сан епископа» мы находим следующие слова: «Святой Дух всегда с нами, так же как и духи праведников и духи-хранители». В целом, насколько я могу судить, мы сегодня более близки к полному пониманию психических явлений, чем авторы «Постановлений», которые, возможно, уже отошли от непосредственного общения со святыми, характерного для I века. Есть основание поверить в то, что психическая сила неизменна, что она набегает как волна прилива, но мы не знаем, насколько долго она сохраняет свою мощь».

«Некоторые могут заметить, что поскольку наши знания о событиях, связанных с историей ранней Церкви, очень ограниченны, возможно, полезно было бы вступить в связь с некими высшими духовными умами, которые принимали участие в тех событиях и могли бы обогатить наши знания, предоставив нам новую информацию. На самом деле такая информация уже содержится во многих вдохновенных рукописях, и даже если доказательства, приведённые мною, подвергнутся уточнению, всё равно они дают возможность проследить историю вопроса и показать всему миру, насколько тесна связь между сообщениями из потустороннего мира и религией».

«Не так давно были обнародованы две пространные рукописи, написанные рукой ледимедиума мисс Камминз, находившейся в полубессознательном состоянии и писавшей при этом со скоростью 2000 слов в час. Одна рукопись представляла собой описание миссии Христа Филиппом Евангелистом, а вторая — дополнения к «Деяниям апостолов», принадлежавшие, как утверждалось, руке Клеопы, который трапезничал с воскресшим Христом в Эммаусе. Первая из рукописей была опубликована, вторая скоро выйдет в свет».

«Насколько мне известно, никто из критиков Спиритизма не изучал рукопись, написанную от имени Филиппа, но её внимательное прочтение убеждает в безусловных достоинствах этого документа. Рукопись ясно и последовательно объясняет многие факты, приводившие в недоумение исследователей. История с рукописью Клеопы, однако, более примечательна, и я склонен признать её наиболее значительным документом во всей истории движения, имеющим сверхъестественное происхождение. Она была передана доктору Остерлею - капеллану епископа Лондонского - одному из выдающихся авторитетов церковных традиций и истории. Доктор утверждал, что рукопись несёт все признаки принадлежности её руке современника эпохи, тесно связанного с кругом апостолов. Многое указывало на высокую эрудицию автора: например, использование имени первосвященника иудея Ханаана, известного англоязычным читателям под именем Анания; это обстоятельство служило также доказательством подлинности рукописи. Среди прочих интересных фактов Клеопа описывает Пятидесятницу [50-й день Пасхи – день, празднуемый в память сошествия Св.Духа на апостолов, $-\Pi.\Gamma$] и утверждает, что апостолы сидели по кругу, взявшись за руки, в то время как Учитель наставлял их. Эта рукопись может стать чрезвычайно ценным свидетельством, проливающим свет на историю раннего христианства. Обе рукописи, по моему мнению, представляют собой неоспоримое подтверждение реального общения ранних христиан с духами, и отрицать это невозможно».

XXXII. Упрямая вера в пустоту, в *небытие*, в *ничто* – неужели же это лучше веры в *жизнь вечную*?

Всё живое и истинное вырывается на волю – его не удержать в клетке. Что ни говорите, поразительно и восхитительно: на протяжении своей истории изначально и поэтапно, а после того по нарастающей и уже навсегда земное человечество имело следующие способы взаимодействия с тонким миром, и они же неопровержимые свидетельства и доказательства его существования:

- 1) откровения (пророки) и вдохновения (художники, учёные, философы);
- 2) оккультисты, маги и йоги;
- 3) **некромантия** (архаичный спиритизм античности, средневековья и нецивилизованных народов и рас);
- 4) **медиумизм** (с середины XIX века: типтология, левитация, аппорты... и что гораздо важнее: автоматическое писание, прямой голос, трансфигурация и инкорпорация);
 - 5) неоспиритизм (учение Высших Духов через Аллана Кардека и его медиумов);
- 6) регрессия памяти (как доказательство закона реинкарнации и множественности существований);
 - 7) реаниматология (свидетельства умиравших и неумерших);
 - и наконец:
- 8) **инструментальная транскоммуникация** (информационный обмен между обитателями плотного и тонкого миров с использованием технических средств компьютеров, «айфонов» и прочих «гэджетов», на более ранних этапах радиоприёмников, магнитофонов и т.п.).

В совокупности взятое всё это называется одним словом – *спиритизм*. Все эти явления изучались и сегодня изучаются серьёзными учёными. И пренебрегать показаниями людей, знающих толк в точных наблюдениях, по меньшей мере, безрассудно.

Всё просто и ясно, всё это работает как совместно, так и в отдельности, но загипнотизированным обитателям сансарного мира этого попрежнему мало, человечеству это неубедительно и не вызывает у него никакого интереса. Зато где-то рядом и сбоку, по принципу «слышал звон да не знаю, где он», как паразиты и ядовитые грибы, появляются «ведьмаки», колдуны, церкви, конфессии, «духовные» институции. И это-то и завладевает вниманием человечества, которое кормится сими ядовитыми грибами, и в результате у него начинаются галлюцинации, иллюзии и бред. Такова наша земная действительность — беспросветное результирующее внутристадного гипноза.

Кто не верит, что называется, «ни в бога, ни в чорта», тот тем самым верит в пустому, в небытие, в ничто. И он пребывает в постоянном ужасе от этой собственной своей веры. Поистине кошмарная религия! Напоследок он судорожно цепляется за жизнь, за её жалкие остатки и крохи, в конце концов, проскальзывающие у него между пальцами. Он стремится «быть живу» любой ценой. Ради этого он готов на любую подлость, любую низость! Он проклинает всех и вся, скулит и сквернословит, он готов сидеть или лежать на раскалённых угольях, сколько угодно плавать в собственных и чужих фекалиях и отплёвываться от них, лишь бы жизнь его продолжалась хотя бы в таком виде! Он живёт на уровне сознания не человека, а животного, охваченного ужасом, для которого смерть – конец всего и всему. У него нет и не может быть чувства собственного достоинства и уважения к себе (не говоря уж о других).

А между тем всё так просто: бытие есть, небытия же нет, а есть лишь переход из одного состояния в другое, также временное. Жизнь – совсем не бездушная круговерть атомов, не бессмысленное бедствие, завершающееся могилой. Вся Вселенная – живая, не мёртвая, потому что она одухотворена, т.е. за её физическими проявлениями стоит живая духовная реальность, как за нашим физическим телом – наша живая, реальная душа. Проблема единственно в том, что наука, выхолощенная материалистическая наука, опирающаяся

исключительно на свидетельство наших весьма мало совершенных органов восприятия (или как их безграмотно называют «органов чувств»), такие, в общем-то, простые истины, понять которые может и ребёнок, признавать никак не желает.

Уже во всём мире есть группы энтузиастов, которые без всякой поддержки государства и официозных «научных» структур лишь на собственные средства создают и опробывают соответствующую аппаратуру для установления контактов и общения с тонким миром и его обитателями — мы говорим об инструментальной транскоммуникации. Насколько мы понимаем, амбиции современных транскоммуникаторов сводятся к тому, чтобы суметь создать такую разновидность телефона, который будет звонить с «этого» света на «тот» и с «того» на «этот». В существующих на сегодняшний день разработках энтузиастов есть уже нечто, позволяющее надеяться на подобный поворот дел. Тем более, что и с «той стороны» тоже ищут технические пути решения этой проблемы.

О, если хотя бы сотая, да что там! – десятитысячная часть того времени и тех денег, что сейчас вкладываются и тратятся на развитие военной «промышленности», бесконечную софистикацию мобильной связи, на насаждение и пестование спорта и прочей чуши и ахинеи, была направлена на создание соответствующих приборов и установление контакта с так называемыми «умершими», то проблема эта была бы давным-давно уже решена и земной человек точно так же бы знал о принципиальном бессмертии своей природы, как сегодня он знает о том, что Земля круглая и что она вращается в космическом пространстве вокруг Солнца. Пока что же, если продолжить образ, солнце вращается у нас вокруг плоской и неподвижной земли, которая стоит, по мнению одних, на четырёх слонах, тогда как, по убеждению других – опирается на четырёх китов, и именно об этом сейчас и идут все споры в научной, религиозной и политической сферах жизни нынешнего человечества. О, суета сует! О, добровольное самоослепленье!

XXXIII. Разменная монета на торжище человеческой валюты

Все мелкие и крупные проблемы нашей жизни в конечном счёте сводятся к одной-единственной великой проблеме: незнанию себя.

Сводить человеческую природу к механическим принципам — это ли не преступление перед истинной нравственностью?! Как оправдаются государственные деятели, вступая в *царство духов*, за то, что они умело использовали выпотрошенные оболочки людские, после того как умерщвляли их дух?

Жизнь после смерти, жизнь вечная. Нам, так называемым «живым» людям, как бы поражённым неизлечимою болезнью, обрекающей нас на скорую смерть, и знающим это, говорят: «Не думайте об этом!»

Даже познавательная сторона нашей жизни настолько извращена, что мы достигаем чего-то стоящего, становимся чем-то и, в конечном счёте, делаемся самими собой не *благодаря*, а *вопреки*.

«Неведение добра и зла, — говорит Марк Аврелий, — уродство не меньшее, нежели неспособность различать белое и чёрное». И это значит, что человек может и не знать, *что* есть добро и *что* есть зло, но различать их он обязан, не нуждаясь в каких-то мудрствованиях, точно так же, как без нужды в них различает он чёрное и белое.

Человек, который обладает на склоне лет жизненным опытом, т.е. знает все ходы, выходы и лазейки в жизни общества, и потому уже считает себя человеком мудрым, но который в то же время не подозревает ничего о высоком назначении жизни и высших духовных началах, подобен всего лишь искусному футболисту, который вздумал бы почитать себя тонким знатоком всех изящных искусств (музыки, литературы, живописи) потому только, что он умеет изящно и искусно послать мяч в ворота.

Из-за того, что людям так привычно лгать, у них извращена способность различать правду и ложь, истину и заблуждение, добро и зло.

Следует помнить, что человек представляет собою дробь, т.е. математический символ, состоящий из числителя и знаменателя, и что величина этой дроби определяется соотношением между числителем (головой) и знаменателем (тем, что ниже пояса), — соотношением, происходящим в полном согласии с законами математики.

Ценность каждого определяется величиной двух его способностей: постигающей и творческой. Глупец и потребитель — самая разменная монета на торжище человеческой валюты.

Необходимо не только постоянно стремиться ко всё новым достижениям и вершинам, но и неустанно следить за тем, чтобы не начать скатываться, опускаться, но удерживаться на достигнутой высоте. Это очень трудно. Примеры многих великих говорят о том, что это неимоверно трудно, почти невозможно. Быть может, это же говорит о том, что это так важно.

Только аристократ способен обучаться в школе духа. Аристократизм мысли и вкуса – качество врождённое, оно – итог прошлых свершений и накоплений, оно – проба в верности выбранного пути и подвижения по нему.

Цветаева говорит: «Аристократизм – враг избытка: всегда немножко меньше, чем нужно. Некое – не додать».

Один, будучи самого невысокого мнения о человечестве, о людях разных и многих, почти что в каждом конкретном случае всё же делает благородное исключение и слишком часто попадает из-за этого впросак; другой, имея о человечестве и людях слова самые трескучие и торжественные, на деле всякий раз показывает, что о конкретно-данном человеке он мнения самого низкого, и тоже тем не менее часто ошибается. Такова разница между аристократическим и плебейским подходом к людям и человеку.

Плебей по духу всегда плебей, в какие одежды его ни наряди, каким наукам ни обучи, какие званья и титулы ему ни дай: ничтожество всё равно останется ничтожеством.

Это естественно, что у плебея по духу и манера выражаться плебейская. Аристократизм духа всегда выражает себя благородно и просто, как сама природа.

Мат — это язык, на котором изъясняются плебеи духа. Кто оскверняет уста свои ругательствами и оскорблениями, оскорбляет никак не того, оскорбить кого бы ему хотелось, а единственно самого себя. Это речь варвара. Паршивая овца, и та, достойней блеет.

Непочтительность, неблагодарность, небережность к Учителю и к Художнику – вот качества, по которым безошибочно узнаётся плебей духа.

Плебей, изучая духовную науку, впадает в слабоумное ячество и начинает отрицать и разрушать ценности духа. Аристократ становится сотрудником и готовится к подвигу.

Если ты печёшься о деньгах, значит ты действительно беден. Если ты можешь исчислить сокровища своей души, значит ты воистину нищ духом.

Цель этой жизни не счастье, но совершенствование, ибо, лишь будучи совершенным, можно вкушать блаженство в жизни *иной*, да и в этой, не взирая на несчастные декорации, коими здесь это истинное, т.е. духовное блаженство обставлено. Но человек несовершенный, и здесь и *там*, сам для себя наказание.

Смерть – не наказание, а закон природы.

XXXIV. Под руководством философии материализма человечество движется по ложному пути

«Не презирайте скромных начал, которыми явились «пляшущие столы» или «летающие бубны», каким бы злоупотреблениям и имитациям эти явления ни подвергались, но помните, что падение яблока позволило открыть закон всемирного тяготения, котёл с кипящей в нём водой дал человечеству паровую машину, а подёргивание лягушачьей лапки направило исследовательскую мысль по новому пути, приведшему нас к открытию электричества. Точно так же и явления невысокого порядка, имевшие место в Гайдсвилле, принесли свои плоды, ибо, привлекши к себе на двадцать лет внимание лучших умов той страны, они оказались началом такой работы, которая, по моему мнению, предназначена оказать на прогресс человечества куда большее влияние, чем всё сделанное доныне».

«Можно возразить, и многие так и делали — как скептики, так и сами спириты, — что столь эксцентричные физические эффекты бесполезны и несерьёзны. Есть много сторонников этого мнения, однако есть и много других, чьи мысли созвучны словам мистера П.Б.Рэндалла:

«Виноваты не бессмертные, а мы сами, ибо каков спрос — таково и предложение. Если до нас не достучаться одним способом, то прибегают — и успешно — к другому: мир вечной мудрости показывает племени слепцов столько, сколько оно способно воспринять, и не больше. Если в интеллектуальном плане мы — младенцы, то должны довольствоваться ментальным пюре до тех пор, пока не станем способны к принятию более твёрдой пищи. И раз убедить людей в истинности вечной жизни способны лишь спиритические трюки и фокусы, то они и оказываются явлены людям. Зрелище радужной руки, появившейся в присутствии трёх тысяч человек, способно за десять минут взволновать больше сердец, глубоко впечатлить и дать веру в загробную жизнь большему количеству людей, чем это под силу целому полку священников, который бы трудился пять лет».

«Наши оппоненты утверждают, будто стуки в Гайдсвилле не открыли ничего чудесного. Я же полагаю, что, открыв наличие разума, существующего отдельно от обычной материи, они уже открыли кое-что чудесное — воистину самое чудесное и удивительное из того, что удалось узнать нашему веку. Я согласен с тем, что многие проявления кажутся ребяческими, но если взглянуть на силу, стоящую за ними, их вызывающую и производящую, то они тогда перестают быть таковыми и становятся вместо этого отправной точкой важнейших размышлений и экспериментов. Обращение было сделано к невежественному и материалистическому поколению, и, чтобы вывести людей из их ограниченного самодовольства, потребны были именно такие грубые и примитивные явления. Нам бы показалось лучшим, если бы некий архангел появился на Трафальгар-сквер и сделал соответствующие заявления, но я подозреваю, что проблема была намеренно затемнена, дабы нам иметь заслугу в применении своих умственных сил и терпения».

«Во всех случаях следует помнить, что благоприятственные условия – редкость, и дух возвращается не тогда, когда хочет, а когда может. Закон, безжалостный закон, попрежнему правит каждой крупицей, которую мы добавляем к своему знанию, и только определив и распознав его пределы, мы получим хотя бы смутное представление об ожидающей нас жизни и её связи с жизнью настоящей».

«Странность, характеризующая как дух той эпохи, так и нынешней, состоит в том, что участники сеансов редко задумывались о религиозном смысле этого явления: в своих вопросах они чаще всего просили назвать второе имя своей бабушки или сообщить точное число своих дядьёв. Даже самые серьёзные люди задавали совершенно никчёмные вопросы, и никому не приходило в голову, какие перед ними открываются возможности для серьёзного обоснования религиозных верований».

«С тех пор мир сильно изменился: добывается больше угля и железа, развивается

промышленность, изобретены страшные орудия войны. Но можем ли мы сказать, что мир в такой же степени продвинулся в спиритическом Учении и стал более почтительно относиться к тайнам невидимого мира? Под руководством философии материализма человечество движется по ложному пути. Чем дальше, тем всё более и более ясно, что путь этот — путь страданий, и человечество должно приступить к постижению этих тайн или погибнуть».

XXXV. Ключ для отмыкания антропологической тайны

Знание правды о смерти неизбежно и естественно даёт ключи к пониманию и раскрытию всех тайн и загадок жизни.

Ключом для отмыкания антропологической тайны является Спиритизм. Учение Духов служит стержнем, к которому должна прирастать ткань и плоть всех антропологических знаний. Спиритизм — единственно верная, истинная точка отсчёта, идя от которой мы можем решить все антропологические проблемы и, как минимум, недвусмысленно уразуметь, *что* такое человек, в чём его смысл и цель.

Примирить все противоречия — это и есть высшая мудрость, поскольку только ей, ведающей истину, под силу такое великое дело.

Спиритизм — это совсем не то, что люди в наивности своей полагают. Это не «верчение» блюдечек или столов, и даже не способ общения с умершими и приблизительно идентифицированными собеседниками. Отнюдь не то и не это. Спиритизм — это *одновременно* философия, религия и наука, их сложный *комплекс*, в котором — и это важно! — примиряется извечная вражда последних двух и начинается их плодотворное сотрудничество. Спиритизм — это учение о человеке, о его истинной природе (которая духовна), о законах и движущих силах Вселенной, о бессмертии и космической беспредельности. Это мировоззрение, которое объемлет собою всё и в котором всё находит себе логичное обоснование. Но, прежде всего, это учение нравственное, имеющее задачей духовное совершенствование человечества.

Неопровержимым доводам и аргументам в пользу посмертного существования глупцу нечего противопоставить, кроме полного непонимания и собственной неспособности. Зато после этого он может преспокойно эти доводы игнорировать и жить как ни в чём не бывало прежней никчёмной жизнью. Что он с успехом и делает.

Есть знания, которые надо ещё заслужить, до понимания природы которых ещё надо дорасти. В первую очередь это относится к знанию о духовной природе человека и индивидуальном бессмертии.

Тот, кто желает серьёзно изучать факты и истины спиритической науки и сделать их достоянием мира, неизбежно должен перешагнуть и после ещё многократно перешагивать через насмешки и придирки глупцов, каковые совершенно неизбежны.

Профессор А. фон Шренк-Нотцинг, выдающийся немецкий медик, пионер в области психотерапии и парапсихологии писал: «Не позволяйте себе пасть духом на пути к открытию новой отрасли науки из-за нападок глупцов, клеветы трусов, намеренного искажения фактов, ярости недоброжелателей; никому не позволяйте запугать себя. Продолжайте идти вперёд по избранному, открытому вами пути и помните слова Фарадея: «Даже самое невероятное может оказаться истинным».

Очень важно понимать, что карденистская форма спиритической гипотезы, учитывая определённые постулаты, объясняет практически всё.

Что мешает распространению и торжеству Спиритизма? Что не позволяет ему переделать этот лживый мир людской и перестроить человеческое сознание? Только одно: он оказался заложником человеческой подлости. В результате страдает само человечество, и никто, кроме него.

Каждый, кто понимает природу и назначение Спиритизма, тем самым становится обязан просвещать и воспитывать людей, открывая им глаза на самих себя и на мир, в котором они

живут, потому что не знать истин, которые мы познаём благодаря этому учению, значит всегда быть детьми.

Всякий разговор о спиритизме, где нет благодарного упоминанья имён Аллана Кардека и Леона Дени, представляет собой некомпетентную, дилетантскую болтовню.

«Спиритизм» по-русски значит «духовное учение», а также – «ученье духов», «учение о духах», либо же, одним словом, – «духоведение» или «духовничество».

Поскольку, с одной стороны, два последних слова, будучи словами чисто русскими, как оно всегда и бывает в русском языке, в обиходе не прижились, и поскольку, с другой, приходится, до известной степени, считаться с тем, что слово «спиритизм» — хотя оно и напоминает прекрасно и быстро о сути предмета всякому, кто знаком с латынью — оказалось настолько скомпрометировано всевозможными невеждами и исказителями, что вызывает совершенно неуместные и ложные ассоциации, с которыми человек сторонний, пусть даже непредубеждённый, совладать не в силах, то я предлагаю ещё и новый термин — карденизм, составленный на слиянии фамилий основателей учения — Аллана Кардека и Леона Дени.

Таким образом, все четыре слова — «карденизм», «духоведение», «духовничество» и «спиритизм», а также словосочетания — «духовное учение», «учение духов» и «учение о духах» — являются синонимами и употребляются равнозначно.

Большинство людей, прочитав «Книгу Духов», если судить по их реакции, мало что понимает в прочитанном. О чём она? Какой весьма важный подарок она нам делает? Всё это выпадает из их разумения. *

Существенная беда человека в том, что он имеет обыкновение ценить выпавшие ему на долю сокровища не по их реальной значимости или стоимости, а исходя из того, сколь дорого он за них заплатил — деньгами ли, временем иль стараньями. По этой причине величайшее сокровище, доставшееся ему даром, особой ценности и интереса для него не представляет. Он не очень-то склонен его ценить и как-то о нём заботиться. Никогда не стоит забывать эту аксиому. Помните об этом и вы, любители делать дорогие подарки!

Сочинения по философии не такого свойства, чтобы их можно было читать как романы. Эти книги не читают, а *изучают*. Здесь необходимо многократное, вдумчивое прочтение, лишь после этого можно понять многое. Не скрою, я и до сих пор, читая иные из них (особенно «Книгу Духов» Аллана Кардека), открываю для себя что-то новое, что живёт «меж строк».

В наш век всеобщей самонадеянности кто-нибудь, пожалуй, ещё решит, будто ему вполне под силу в одиночку написать книгу, всё объясняющую и примиряющую. Но, право, такое напряженье сил не стоило бы труда: к чему заново изобретать барабан или вынашивать идею велосипеда? На мой взгляд, книга такая уже давно написана: это детище Аллана Кардека, его «Книга Духов», созданная им в содружестве с высокими Духовными Иерархами. Достаточно просто вынести её из тени забвения — это раз; перевести её русскою речью — это два; и приложить к полученному наиболее интересные места из Леона Дени и других подобных авторов — это три, подкрепив всё это фактами для убеждения умов юридического склада и гносеологическими размышлениями для умов философских. Таким мне видится реальное разрешение всех трудностей философии.

Кто проникся величием и могуществом жизни, уже никогда не сможет поверить в существование смерти.

 $^{^*}$ Аллан Кардек, «Книга Духов» , перевод с франц. Йога Раманантаты, вторая редакция, Нижний Новгород, *Издатель Москвичёв А.Г.*, 2017 г. (П.Г.)

Жизнь не покоряется смерти, поскольку самая смерть есть всего лишь одно из проявлений жизни.

У жизни нет противоположности, она безотносительна и абсолютна: смерть противостоит не жизни, а всего лишь рождению.

Неправ Спиноза: человек, свободный и мудрый, ни о чём так много не думает, как о смерти. И мудрость его состоит в сопоставлении жизни и смерти и в уразумении того, что это одно, т.е. ни то ни другое, но нечто *третье*.

Иной старается прожить жизнь, не думая о смерти, да и мудрено задуматься о смерти мертвецу! Живой же думает, мыслью разгоняет туман смертной иллюзии и утверждается в бессмертии.

Единственный способ стать в этой жизни счастливым – это мыслить о смерти, ибо верная мысль о смерти есть мысль о вечной жизни.

Старость, как и смерть, довлеет над телом, а не над душой. Душа слишком молода, чтобы стариться, и слишком стара, чтобы быть молодой, ведь она же бессмертна, а стало быть, вечна.

Человек никогда не умирает, он лишь покидает эту землю.

Если бы только, *хоть на мгновенье*, наши зрение, слух и осязание сделались несравненно более совершенными, то мы убедились бы, что смерть не уничтожает человека, но лишь делает его, для нас, невидимым, неслышимым и неосязаемым.

Один современный писатель утверждает, будто духовное величие человека в том, что он, зная, что он смертен и что смертны все остальные люди, живёт так, словно он и все вокруг него бессмертны. Утверждаю прямо обратное: человек, не понимая и не зная, что он бессмертен и что все вокруг него бессмертны, живёт так, словно он и все остальные люди смертны. В этом его духовное ничтожество.

Смерти, в вульгарном смысле этого слова, для душ разумных существ нет. Смерть – всего лишь видимость и условность. На самом же деле она означает переход мыслящего сознания от низшей стадии существования, существования примитивно-изначального, в более высокую его стадию. Дух как бы зарождается в мире материи и начинает здесь своё развитие – материя и вся материальная вселенная для этого, собственно, и существуют, – а затем, после смерти, переходит на чисто духовный план. На этом, уже духовном, уровне он также развивается, переходя из одной стадии существования в другую, и поднимается всё выше по Лестнице Жизни к вершинам Абсолютной Истины. Таково моё спиритическое кредо.

Мы не рождаемся с жизнью и не умираем со смертью: мы есть сейчас, мы были до одного и будем после другого. Мы – беспредельная вечность, сущая по воле Создателя.

XXXVI. Никогда не упускайте из виду первородство души

Не столько обогащать подсознание, сколько расширять своё сознание истинная задача наша в этой жизни.

Жизнь длинна, но она всего лишь мгновение нашей вечности.

Куда как интересно устроены люди! Они считают принадлежащими себе самые различные предметы материального мира и при этом нисколько не сомневаются в том, что им принадлежит то, что на самом деле им не принадлежит. И в то же время, они не верят или даже не подозревают о существовании того, что действительно принадлежит им, т.е. о существовании души, о её моральных и интеллектуальных достоинствах или недостатках.

Даже тело не принадлежит человеку, поскольку тело не есть сам человек. Кроме души, у человека нет ничего, но ведь душа — это целый мир!

Тело не есть сам человек, но лишь вещь, вверенная ему во временное пользование, а потому отожествлять человека с телом — самое непролазное невежество.

Утверждать, что человек есть не душа, а тело, это всё равно, что утверждать, будто тело его не есть тело, но покрывающая его одежда.

Человек не более тело, чем музыка – ноты, на которых она написана.

Не душа для тела, но тело для души создаётся. Никогда не следует упускать из виду первородство души.

Наша душа — это мы сами, это наше прошлое, настоящее и наше будущее, это всё, что мы сделали, и всё то, что мы ещё создадим. Но главное не это, и не то, что она имеет, но то, что она есть. Потому что ей суждено не только иметь всё, но и стать всем.

Ничем непоколебимая уверенность большинства людей в том, что человек есть тело, нелепа и наивна, как семь смертных грехов. Она вполне соответствует уровню самосознания животных, но совершенно неуместна у человека и недостойна его.

Самоотожествление с материей у несовершенного духа может идти очень далеко: от отожествления себя со своим телом до отожествления себя с сундуками, наполненными золотом или иным скарбом.

Эгоизм всегда животен и связан с телом. Дух не может быть эгоистичен, но, отождествляя себя с телом в состоянии крайнего своего огрубения, он смещается с точки опоры и равновесия, оказывается опрокинутым и падает; он не упадёт, но он *падает*. Когда же, в конце концов, такой дух оказывается вне тела, то он предельно изумляется и впадает в длительное замешательство и оцепенение.

Люди невежественно именуют «оккультизмом» всё в истолковании сущего, что выходит за пределы их узко-механического понимания. Истина, призванная быть путеводной звездой в каждой минуте жизни, оказывается в небрежении и заслоняется от внимания всякими глупыми названьями.

Не надо смешивать суеверия с мистикой: се суть две вещи совершенно различных.

Люди не понимают и не признают того, что неудачно называется «мистикой» и «оккультизмом», потому, что они хотят жить долго, но не желают жить вечно. Понятие

вечности совершенно чуждо пониманию человека.

Нам настолько мило наше прозябание в теле, что если бы мы не старились и не были бы насильно принуждаемы с ним расстаться, то мы согласились бы сидеть в нём целую вечность. Ничто более убедительно не говорит о нашем непроходимом невежестве. И потому мудр порядок вещей, не испрашивающий нашего соизволения и избавляющий нас от пут матерьяльной жизни тогда, когда для этого наступает наиболее подходящее время.

Что значит заниматься собою? Поскольку человек есть душа, то для него заниматься собою означает заниматься душою своею; заниматься же телом, поскольку тело не есть сам человек, а всего лишь его орудие, значит для него заниматься не собою, а своею принадлежностью, что есть дело второстепенное; заниматься же деньгами, имуществом, хозяйством и прочими вещами значит для человека заниматься принадлежностями его принадлежности, а это уж есть дело и вовсе третьестепенное.

Необходимо верить в своё «Я», которое не только создаёт и укрепляет наше тело независимо от нашего земного сознания, но и ведёт нас по жизни к намеченной нами на данное воплошение цели.

Опыт прошлых воплощений является главным богатством и смутно сознаваемой, но реальной основой нашей теперешней личности.

Тело — это орудие духа, с помощью которого тот проявляет себя в этом мире и через которое мир этот для него существует. Стоит этому орудию придти в полную негодность — и дух уже не может проявить себя в этом мире, и одновременно мир этот перестаёт для него существовать. В этом смысле дух подобен затворнику, живущему в каком-то недоступном и отрезанном от всего на свете месте и имеющему для связи со всем человеческим миром один только телефон. Пока телефон работает исправно — затворник этот проявляется в мире людском и мир этот существует для него; но вот, по своей небрежности, он разбивает телефонный аппарат, будучи совершенным профаном в деле телепроводной связи, — и тем самым он уходит из мира людей, и одновременно сам мир этот перестаёт для него существовать.

В конце концов, когда человек последует совету Дельфийского оракула и действительно познает самого себя, то он, в частности, перестанет смотреть на себя как на тело, ибо поймёт, что он — дух. Но постарайтесь и сегодня усвоить простую и ясную мысль, как выражена она у Прокла: «Ното est anima utens corpore tanquam instrumento». — «Человек есть душа, пользующаяся телом как орудием». Больше думайте о Вечном.

XXXVII. Засилье вздорной наукообразности и ложной науки

Огульно высмеивать, отрицать факты мистики, оккультизма и в более широком смысле – спиритизма – отнюдь не значит, как то многие почему-то полагают, утверждать тем свой здравый смысл и проницательность, но всего лишь – демонстрировать своё невежество и близорукость. Увы, в основе наиболее воинствующего скептицизма лежит обыкновенно самая наивная доверчивость.

Из мистических феноменов без труда выводится существенность души; и поэтому-то материалисты, с логическим чутьём, отрицают всякую мистику. «Они чувствуют, говорит Карл Дюпрель, что если б даже был установлен хотя бы один факт видения на расстоянии, то вся система их оказалась бы опрокинутой. Поэтому им ничего иного не остаётся, как отвергать всю мистику скопом». Конан-Дойль уточняет: «Просто само собой разумеется, что коль скоро дух может существовать и действовать без материи, то сам принцип материализма рассыпается во прах, повлекая за собой крушение всех вытекающих из него теорий».

Борьбы со скептицизмом я вести не могу, поскольку сам скептик. Я считаю себя учёным, а скептицизм — один из инструментов познания, коим пользуется наука (кстати, именно потому, что я скептик и, в известном смысле, циник, доверчивостью я не отличаюсь). Я веду борьбу не со скептицизмом, а с человеческой глупостью (ибо от неё, по моему разумению, все беды) и с туманом в человеческих головах. Потому всегда изъясняюсь и пишу недвусмысленно и ясно, апеллируя прежде всего к рассудку и здравому смыслу читателя или слушателя. Я вполне согласен с Шопенгауэром в том, что тот, кто ясно мыслит, ясно и излагает. Частным случаем этой моей борьбы с глупостью является борьба с безбожием и бездуховностью.

То, чем занимается сегодняшняя гуманитарная «наука», и те, кто остепеняются в ней, меня, мягко говоря, не интересует, потому что всё это – проституция мозгов.

Я даже не могу называться учёным, поскольку официальная наука в своё время отказалась от этого направления исследований и в результате, сбившись с пути познания истины, ушла в дебри материализма, безбожия и мракобесия, хотя именно у учёных был шанс вдохнуть жизнь в мировые религии, претерпевшие глубокое вырождение.

Жалкая материалистическая наука с её позорными результатами давно превратилась в инструмент человеческой деградации.

Ещё Шопенгауэр писал, что философские системы — хищные животные неуживчивой натуры, пауки, истребляющие друг друга. Поэтому я без церемоний говорю, что весь характер новороссиянской философии и оккультистики откровенно ублюдочный: это отрыжка советской мнимонаучной жвачки, и нынешние авторы не заслуживают никакого снисхождения и ни малейшей жалости, потому что соблюдать соображения вежливости и хорошего тона в вопросах философии, науки и искусства — значит действовать на руку посредственностям и бездарностям, которые будут процветать (что мы, собственно, и имеем), а всё истинное и действительно прекрасное окажется затоптано этим тупоумным стадом. Весьма прискорбно, что деньги государства (или чьи-то там ещё) транжирятся на содержание подобных, с позволения сказать, мыслителей и учёных. Тут, перефразируя Чехова, поневоле скажешь: «Какие же они учёные? Они просто здоровенные мужики. Их бы в арестантские роты отдать — пусть их лопатой работают!»

Кругозор тех, для кого собственное сознание является всего лишь функцией их мозга, сужен до предела трёх измерений, а их бытие естественно имеет самый что ни на есть животный характер.

Учёный, который с апломбом заявляет, что нет никаких «потусторонних» сил, потому что в мире всё только движение элементарных частиц, волн и полей, на самом деле всего лишь наивно демонстрирует свою философскую некомпетентность. Ему и в голову не приходит, что означенные три фактора могут служить проявлением и воплощением именно «этих» сил, как служат для этой цели и наши материальные тела, образованные хитроумным сочетанием перечисленных факторов.

Никогда не мог взять в толк: чем так, собственно, гордится учёный-материалист? Ведь иметь такую науку, науку с подобными философскими постулатами, не постыдилась бы и собака. Более того, ей такое мировоззрение очень близко и понятно, а вот учёному, как человеку, должно бы быть стыдно за своё незамыслово-нехитрое, вполне собачее миропонимание.

Никогда не следует забывать, что пропаганда, какого бы рода и свойства она ни была, ни при каких обстоятельствах и никоим образом не может служить инструментом для познания вешей.

Материализм когда-то свято верил в неделимость атома и выдавал свою веру за знание, и всё же ему пришлось отказаться от этой веры. Точно также он сегодня верит в несуществованье души и считает свою тёмную веру светлым знанием, но грядёт время, когда он в очередной раз будет уличён в невежестве.

Материя – носитель жизни, а не её источник. Это что-то вроде дискеты, на которой записана информация, являющаяся так сказать духовным фактором. В этом огромная разница и ключ к разрешению всех загадок бытия.

Ментальность подлинного учёного – это и логика, и здравый смысл, и широта взглядов, и понимание вынужденной и необходимой ограниченности собственной области исследований и системы взглядов.

Представления типичного гуманитария о точных науках отличаются приблизительностью, но представления математика о гуманитарных науках едва ли обладают даже подобным достоинством.

Суть всеведения науки в её специализации и разделении знаний и интересов со способностью к последующему их обобщению и синтезу. Без этого наука отнюдь не всеведуща.

Мало кто в состоянии взглянуть в глаза очевидному, если оно противоречит общепринятому. Многотруден путь факта в закомплексованную голову человека.

Учёные — тоже всего лишь люди, и поэтому предпочитают обычно идти по линии наименьшего сопротивления (хотя применительно к вопросу о продолжении жизни после смерти ирония в том, что это будет как раз — непримиримое сопротивление), т.е. придерживаться гипотез самых простых и естественных, тех то есть, которые не изменяют привычную картину мира.

Отвергать факты, если они не натягиваются на любимую теорию, – обычная практика догматика.

Для посредственных учёных факты не существуют, если под них нельзя подвести какую-то свою теорию.

Право слово, после всего, что мыслители и учёные сделали в области «психических» исследований во второй половине 19-го века, смешны и нелепы любые попытки со стороны

кого-либо браться изучать и открывать эти вещи заново, да ещё воображать, будто делаешь какие-то «великие» научные открытия. Это всё равно, что заново открыть теорему Пифагора или закон Бойля-Мариотта и иметь нахальство присвоить им своё имя!

Надо изучать и ещё раз изучать сделанное и достигнутое ранее, обобщить всё собранное в соответствующих обзорах и компендиумах, осмыслить его, и лишь тогда можно будет реально идти далее и делать настоящие открытия.

Примирение науки и религии необходимо, это вопрос жизни и смерти для нашей цивилизации. Примирение это исполнимо лишь на основе взаимных уступок и отказа от догматизма. Подобное примирение возможно лишь в спиритизме и благодаря ему, как бы оскорбительно ни звучало это на первых порах для слуха служителей механического знания и охранителей сектантского культа.

Но пусть и спириты не зазнаются! Особенно медиумы. Медиумы! Вы глубоко невежественны! Из-за своего невежества вы оказываетесь жертвами *одержания* со стороны низких духов и обманываете самих себя и других. Продавая свой дар за деньги и работая на сутенёров, вы совершаете тяжкое кармическое преступление и омрачаете собственную будущность. Медиумы, не профанируйте, не проституируйте идей Спиритизма! Изучайте «Книгу Медиумов» Аллана Кардека и другие его работы – и вы узнаете правду о себе и о своём призвании. Ваше назначение великое, ваше призвание высокое. Будьте проводниками сил и мыслей Высших Духов в страждущее земное человечество, сбившееся с пути и топчущееся на тупиковых тропах! И тогда пребудут с вами Бог и все светлые силы Вселенной.

Конан-Дойль указывал: «Способности медиумов и переданные ими послания следует рассматривать отдельно от их личностей на подобие того, как католик допускает, что плохой священник всё же может совершать таинства, а материалист признаёт, что глупый телеграфист может передать разумную телеграмму. К сожалению, слабости такого рода мешают признанию новых идей. Мы всё ещё стоим на пороге — но дверь мало-помалу открывается».

Величайший медиум всех времён Д. Данглас-Хоум сказал о себе так: «Я наделён миссией. Миссия заключается в том, чтобы продемонстрировать бессмертие. За это я никогда не брал денег, не возьму и сейчас».

XXXVIII. Философская «материя» – что она такое?

Наше практическое мышление приводит нас к совершенно необоснованному представлению, которое фанатики плоской мысли делают самоистинным утверждением: будто сущность вещей должна существовать в форме совершенно точной, постигаемой разумом и математически доказуемой.

Аналогия — чрезвычайно эффективный инструмент познания. Способность мыслить аналогиями не только развивает воображение, но и бесконечно раздвигает наш умственный кругозор.

Кто пользуется одной диалектикой — неправ. Тот, кто признаёт одну только логику, — также ошибается: логика и диалектика не исключают, но дополняют друг друга. Лишь тот, кто умело сочетает логику с диалектикой, только он один познаёт Истину.

Самомнение европейской науки, когда она считает себя вправе подходить к любым явлениям Жизни, в том числе и к таким, как Йога и Спиритизм, со своими методами и мерками, весьма смахивает на самодовольство и самонадеянность школьника, которому бы вздумалось, будто он имеет право экзаменовать умудрённого знаниями и опытом жизни старца, да ещё ставить ему двойку! Неужто можно всерьёз рассчитывать, что этот старейшина удостоит своим ответом сего зарвавшегося нахала? И что из его ответов этот последний сможет понять истинно?

«Некая неизвестная доселе сила, проявляющая интеллектуальную и физическую активность» — этот взвешенный и тщательно продуманный набор слов является самым превосходным из эвфемизмов, каким своеобразное мышление учёных-скептиков, удосужившихся заняться проведением спиритических исследований, нарекло духов, с коими этим учёным и довелось иметь дело. Дyx — в слове всего лишь три буквы, и его научный синоним — тирада, не умещающаяся на одной строке. На этом примере можно видеть, какие преимущества таит в себе честная мысль, вырастающая из дела, и какими окольными тропами кружит на ходульных ногах канцелярско-казённое мышление, пытаясь разродиться смыслом и забывая о деле.

Когда вопрос ставится так, что нам предлагается сделать выбор между теориями материалистов, с одной стороны, и теориями всевозможных мистиков, индийских духовидцев и им подобных, с другой, то в конечном счёте этот выбор сводится к вопросу о том, кому следует отдать предпочтение в постижении истины: тем ли, кто думает об этом с 9 часов утра и до 18 вечера, с перерывами на обед и отвлекаясь на всевозможные другие занятия, кто развлекается и, мягко говоря, «сибаритствует» по субботам и воскресеньям и даже вечерами и ночами, это с одной стороны, или же тем, которые отказались от всех благ и забот этой жизни и, можно сказать, от неё самой и которые ушли совсем из общества, дабы иметь возможность беспрепятственно и постоянно размышлять над разрешением загадок бытия и постижением тайн Высшей Истины.

Официальная наука — не столько отражение умственных способностей человечества, сколько отражение тех политических условий, в которых оно живёт или вынуждено жить. Условия далеки от совершенства, Наука узка и раздробленна, а действительность широка и необъятна, и потому никак не укладывается в рамки такой науки.

«Этого нет, потому что этого не может быть никогда и потому что это невозможно» — не правда ли, хороша знакомая сентенция, высказываемая с отменным апломбом? Попросту смехотворно, когда обывательствующие «учёные» мужи и жёны полагают, будто они изъяли из порядка вещей то, что исключили из учебников, диссертаций и своих пустых голов!

В конце концов, отрицать существование какой-либо вещи значит попросту сказать, чго она не существует. Такой подход означает несдержанность неправильной мысли.

Чудес нет. Есть лишь законы, управляющие всеми явлениями. Незначительная и низшая часть этих законов познана человеком, и он даёт таким образом объясненье явлениям низшего порядка. Но когда он, исходя из своих знаний, пытается объяснить явления более высокой природы, то он либо сознаёт своё невежество и своё бессилие сделать это, объявляя тогда явления эти «чудесами», либо же, возомнив себя всезнающим, или хотя бы многознающим, берётся объяснять явления, управляемые не ведомыми ему законами, чрез законы, ему известные, и весьма грубые аналогии — и тогда он говорит глупости и пошлости.

Спиритизм — не суеверие; суеверие — то, что люди хотят понимать под этим словом: всевозможные формы «спиритического» гадания и предсказания будущего на картах, блюдцах и иных предметах, всякого рода праздные разговоры с «духами», происходящие в великосветских салонах и гостиных без всякой нравственной пользы и поучения для коголибо, а также стремление некоторых неразвитых умов вступить в общение с так наз. «тёмной силой» и заняться «чёрной магией» — вещи, вызывающие у спирита, философа и учёного лишь правомерную брезгливость. Негоже серьёзному мужу потакать вкусам, нуждам и страстям невежественной и нечистой толпы.

Где профану мерещатся чудеса и проявления колдовства, там зрелый ум усмотрит лишь успешное примененье знаний, которые сообщает терпеливое постижение тайн природы.

Наука очень упрощает мир, и при наличии тех данных, кои у неё есть, она не может и никогда не сможет решить проблему жизни, ибо данные эти однобоки и недостаточны; они всего лишь как бы скелет, на который не надета живая плоть, а эту живую плоть науке взять негде, ибо она имеет дело не с духом, но всего лишь с материей, т.е. с прахом и шелухою.

Наши органы чувств, вернее, наше восприятие внешнего мира устроено таким образом, что мы не можем видеть окружающей нас действительности во всей её полноте, во всём её объёме, но лишь малую часть этой действительности. Поэтому все наши суждения о ней не могут иметь объективного характера, т.е. претендовать на научность до той поры, пока какимто образом мы не получим её полного, 100%-ного восприятия. Разумеется, для этого наших пяти или шести чувств вкупе с несколькими приборами, воспринимающими что-то в провале между слухом и зрением, ещё весьма маловато.

 U_3 того, что не воспринимается нашими органами чувств, можно ещё составить целые вселенные — и вселенные несравненно более обширные, богатые и прекрасные, нежели та, которая воспринимается нами.

Помимо грубой действительности, нас окружающей, есть ещё и иная, тонкая высшая действительность, по отношению к которой, говорит философ, «так тупо и бессмысленно, с бельмами на глазах, слепотствуют тупицы, именующие себя материалистами, хотя и абсолютно ничего не знающие о сущности материи». Для изучения этой действительности «существуют и специальные методы и специальная литература, но это, конечно, не методы материалистов и безбожников. Ведь если им следовать, то пришлось бы сказать, что нет никакой симфонии Бетховена, а только трение конских волос о сушёные бараньи кишки и колебание воздуха в деревянных и медных трубках, именуемых почему-то «музыкальными инструментами».

В самом деле, что такое материя? Этот вопрос мы можем предложить материалистам. Жюль Сури, один из наиболее авторитетных в своё время писателей-материалистов, не колебался честно признать своё незнание природы материи и оспаривал саму возможность такого знания. Другие, более самонадеянные сторонники этой теории время от времени давали различные определения материи, которые однако ничего не объясняли и часто

противоречили одно другому, пока наконец не закрепилось надолго определение, данное Лениным. (Хотя, на самом деле, это определение было дано ещё Гольбахом, а Ленин лишь дополнил его по части «фотографирования».) Приведём это определение и объясним его несостоятельность.

«Материя, — говорит Ленин, — есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них».

Прекрасное и весьма внятное определение, единственное, чему остаётся удивляться, так это то, что оно могло незыблемо продержаться столь долгое время. Ибо это определение сводит всю объективную реальность лишь к нашей способности ощущения, т.е. к деятельности наших органов чувств, и тем самым как бы утверждает, что всё, что нами не ощущается, не имеет объективного бытия, или, попросту говоря, не существует, т.е. объективную реальность, от нас совершенно не зависящую и над нами довлеющую, желают ограничить нашей способностью её воспринять, поставить её в зависимость от нашей способности восприятия. Какой самоуверенностью надо обладать, чтобы выдавать эдакий вульгарный сенсуализм за науку и серьёзную философию! И ещё. Обратите внимание на слова: «которая дана человеку в ощущениях его...» Спрашивается, кем дана? Вот в чём вопрос.

Не правда ли интересная нелепость, когда объективно-данную реальность сводят к субъективно-получаемым ощущениям, или когда, другими словами, часть считает себя больше целого?! Впрочем не будем придираться к словам, пусть даже за этими словами и стояло бы очень многое: ведь если что-то берутся определить, то его тем самым берутся и ограничить, ибо всякое определение по природе своей есть уже ограничение.

Таким образом, по логике ленинского определения материи получается, что, например, стол существует, поскольку мы его видим и осязаем; звуки человеческого голоса или музыкальных инструментов существуют, поскольку мы их слышим; запах розы существует, поскольку мы его обоняем; варенье и яблоко существуют ещё и потому, что мы, помимо прочего, ощущаем также и их вкус, когда их съедаем, и т.д., и т.п. Но вот, к примеру, радиоволны, в отличие от световых и звуковых волн и всего вышеперечисленного, никак не существуют, поскольку ни одно из наших пяти чувств в отдельности или все они вместе взятые не могут их ощутить.

Продолжим нашу аналогию. Человеку с такими убежденьями, должно быть, бесполезно подсовывать под нос радиоприёмник, объяснять, как тот работает, и показывать его в действии. Человек этот, надо полагать, будет упрямо твердить, что тут без обмана не обошлось, что это обыкновенное звуковоспроизводящее устройство вроде патефона, что радиоприёмника просто в принципе быть не может, потому что сами радиоволны нелепый миф и вздорный предрассудок невежественных людей, памятуя о том, что ощущения человека их никак обнаружить не могут и т.д., и т.п., а стало быть, нет и смысла тратить время и силы на всевозможные радиорассуждения (сиречь, применительно к нашей теме, на изучение спиритических явлений), но лучше посмотреть хоккейный матч или почитать газетку. Такова, образно говоря, узкая логика всех неподступных противников Спиритизма.

Признать существование радиоволн (или духов) такому человеку мешает либо его умственная ограниченность, либо же – и это ничуть не реже – какие-то личные интересы и материальные расчёты, так сказать, его «классовая ограниченность», если пользоваться марксистской терминологией, и потому факты его не убедят. Ну, да бог с ним, с этим человеком! Это его трудности. Лишь бы людей такого толка было поменьше и не они бы делали философскую погоду.

Вы скажете, что тогда, к ленинскому определению материи, следует прибавить, что материя дана человеку «не только в ощущениях его, но и может восприниматься и

регистрироваться специальными приборами»? И вы совершенно правы! Надо признать, это будет очень важное и ценное дополнение, поскольку, благодаря ему, наше восприятие объективной действительности значительно расширяется, но, будем справедливы, опять-таки – никак не исчерпывается. Ведь если мыслить диалектически, то станет ясно, что наряду с радиоволнами и другими уже известными сегодня явлениями (которые однако обнаруживаются никак не человеческими органами чувств, но с помощью особых приборов!) в природе существуют и должны существовать ещё и другие проявления материи, не восприемлемые нашими чувствами, но которые однако наука сможет когда-нибудь обнаружить с помощью специально сконструированных приборов. А отсюда уже рукой подать до признания существования духов, ибо они, по учению карденизма, с точки зрения вещественной, представляют собой особую, утончённую материальную субстанцию.

Материалисты, когда они наконец будут вынуждены признать существованье духов, как они признали делимость атома, станут учить тому, что духи суть также одна из форм материи. Но мы считаем — и это принципиально важно, — что сама по себе материя есть не что иное, как бесконечно плотная и сгущённая, бесконечно грубая и утяжелённая форма существования духа. Всё есть дух, и материя — самое незначительное и далеко не обязательное проявленье его.

Леон Дени говорит: «Материя, в сущности своей, по всей видимости является флюидом бесконечно гибким, эластичным, бесчисленные сочетанья коего дают рожденье всем телам материальной вселенной. Невидимый, неосязаемый, невесомый в первородной сущности своей, флюид этот, чрез длинный ряд переходных состояний, обретает вес и создаёт, посредством сильнейшего уплотнения (конденсации), твёрдые, непрозрачные и тяжёлые тела, кои составляют основу земной материи. Но это состоянье сцепления всего лишь временно, переходно, и материя, вновь пройдя все этапы своего преобразования, может беспрепятственно распасться и вернуться к своему изначальному флюидическому состоянию. Вот почему существованье миров всего лишь временно, проходяще. Проступив из океанов эфира, миры вновь вернутся в него и растворятся в нём по завершении своего жизненного пикла».

О, вся материальная Вселенная по завершении своего жизненного цикла растворится в космической Беспредельности подобно тому, как плавится и испаряется снежинка, попавшая в пламя костра, и в Вечности останется лишь Вселенная духовная, по отношению к которой материальная была лишь приблизительным и черновым наброском.

XXXIX. Причины сомнения в вопросе о бессмертии

Наши органы восприятия отнюдь не мы сами, они составляют часть внешнего к нам мира и представляются расположенными вне нас, и тем отличаются от наших мыслей, которые гораздо ближе к нам, чем что бы то ни было.

Мимоходом следует отметить, что выражение «органы чувств» представляет собой безграмотный штамп, которого хороший русский язык решительно не дозволяет. «Чувства» по-русски, это — любовь, ненависть, сострадание и т.д., а зрение, слух, осязание и прочая порусски называются «ощущениями». Поэтому в целях улучшения терминологии о глазах, ушах, носе и т.п стоило бы говорить как об «органах ощущений».

Чем больше органов ощущений дано человеку, тем сильнее его закабаление внешним миром, если только он (человек) органам этим не абсолютный хозяин, что, естественно, бывает исключительно редко.

Отрицать, игнорировать факты мистики, оккультизма, уфологии — значит демонстрировать тем отнюдь не свой скептицизм, но всего лишь своё невежество, значит утверждать тем вовсе не свой здравый смысл, а попросту показывать свою глупость.

Весьма странно, что те самые люди, которые допускают существованье бесконечно малых патогенных организмов, настолько малых, что они не могут быть усмотрены даже в наши электронные микроскопы, весьма, повторяю, странно, что эти же самые люди отказываются допустить существованье души и реальностей мира духовного, каковые вполне воспринимаются инструментами более тонкими, чем наши грубые микроскопы.

В ту пору, когда вещи эти серьёзно изучались, неподложность их, а точнее, невозможность их подложности была засвидетельствована авторитетными учёными и целыми учёными комиссиями, которые стремились как раз не доказать реальность этих являний, но опровергнуть их, самолично убедившись в том, что они действительно не существуют. Однако сила очевидности убедила этих учёных при всём их скепсисе, и у многих из них хватило научной добросовестности стать на сторону истины, а не собственных предубеждений. Следует при этом учесть, что, поступая так, они многим рисковали, поскольку в глазах учёных коллег их научный авторитет из-за подобных утверждений мог сильно пострадать. Но факты, как известно, вещь упрямая.

Техника развивается не благодаря науке, но именно вопреки ей. Сначала создают машину, а потом научно её обосновывают. Но прежде научно обосновывают то, что создание такой машины невозможно. Так было с паровой машиной, с кораблями из металла, с летательными аппаратами тяжелее и легче воздуха, с подводными аппаратами, с применением электричества и энергии атома и со всем прочим. Никогда теоретическое знание не позволяло создать что-то практически новое, оно всегда было самодостаточно и только стремилось доказать, что другое после него уже невозможно.

Артур Конан-Дойль говорит: «Наука, которая не изучила спиритических фактов, не признаёт этих утверждений, но мнение такой науки, безусловно, не имеет никакого значения или уж во всяком случае обладает куда меньшим весом, нежели мнение тех, кто психические явления изучал. Да и что такое наша наука? Это лишь согласие мнений учёных между собой, и история показала, что наука весьма медлительна и неповоротлива, когда речь идёт о необходимости принять истину. Наука двадцать лет не желала признавать Ньютона и его законы. Наука математически доказала, что корабль из железа не сможет плавать, и наука же заявила, что пароход никогда не пересечёт Атлантику. Подобно Мефистофелю у Гёте, наши учёные только и могут что постоянно отрицать».

Главною причиною сомнения в вопросе о бессмертии является леность мысли, с одной

стороны, и непроходимое, потрясающее невежество, с другой.

Конечно, можно считать *а priori* спиритические явления надуманными и непостижимыми. Тем не менее человек даже средних умственных способностей, ознакомившись с фактами и доказательствами, в избытке накопленными в анналах спиритической науки, не сможет оспорить их реальность и сказать, что они выше его понимания.

Прежде чем человек сможет чему-либо научиться, что-либо усвоить, его необходимо к этому подготовить. Или вы думаете, будто даже взрослый человек сможет понять, к примеру, закон Бойля-Мариотта или закон Ома, или теорему Пифагора, если вы его к пониманию их не подведёте постепенно, а начнёте сразу с этих научных истин? Точно также обстоит дело и с Духовной Наукой: если вы человека не подготовите к ней постепенно, то он не сможет ни воспринять, ни осознать реальность вами даваемого. Более того, думаете ли вы, будто нормальный пятилетний ребёнок в состоянии понять и усвоить какие-либо из законов физики и математики? А между тем, в отношении к Духовной Науке, чем обычный взрослый человек лучше ребёнка в отношении того к математике и физике? Не будет ли и взрослый таким же пятилетним ребёнком — капризным, ленивым, не понимающим важности того, о чём ему говорят?

И, с другой стороны, иные духовные учители человечества, не понимая этого, уподобляются уже ребёнку, о котором говорит Януш Корчак: «Как часто похожи мы на ребёнка, когда он, нацепив кошке бантик, потчует её грушей, даёт поглядеть картинки и удивляется, что негодяйка хочет тактично улизнуть или, отчаявшись, царапнет».

Самонадеянные невежды считают, будто пружиной спиритических феноменов являются не духи, но наш мозг. По этому поводу можно сообщить лишь следующее: во-первых, серьёзные исследователи этих явлений ещё полтора века назад окончательно установили, что это не так. С той поры сложилась и развивалась особая научная школа, которая от этой основы ушла к далековедущим выводам, получившим блестящие экспериментальные подтверждения, знать о которых небесполезно.

Во-вторых, если бы спиритические явления сводились единственно к блюдцеверчению или автоматическому писанию, что, по видимости, и имеют в виду все доморощенные спириты, тогда бы ещё можно было обсуждать подобного рода точку зрения. Но поскольку данные явления далеко выходят за границы этого (можно назвать, чтобы не говорить о всех, хотя бы такие феномены, как «прямой голос», левитация, телекинез, материализация эктоплазмических фигур, частей тела или лиц), то, будучи в здравом уме, объяснять эти вещи работой нашего мозга не есть возможно. Остаётся только упрямо отрицать существование этих явлений.

Но они, к несчастью для скептиков, были десятки, сотни раз удостоверены авторитетными свидетелями и целыми учёными комиссиями, которые собирались как раз за тем, чтобы реальность этих явлений опровергнуть и доказать, что всё это обман и фокусы. Однако сила очевидности переубеждала даже столь закоренелых насмешников: они давали в конце концов своё подтверждение существованию и реальности этих явлений и подписывали соответствующие протоколы сеансов. Так что отрицать всё это сегодня просто наивно. Позволю себе в этой связи ещё раз процитировать сэра Артура Конан-Дойля, мнение которого в данном вопросе, как и в других, обладает значительным весом: «Мы достигли теперь такой точки, когда дальнейшие доказательства становятся излишними и когда вся тяжесть сомнений и опровержений целиком ложится на тех, кто отрицают существование этих явлений. Но как раз те люди, которые требуют доказательств, как правило, никогда не дают себе труда ознакомиться с теми многочисленными доказательствами, которые уже есть. Похоже, каждый считает, будто весь предмет должен быть пересмотрен заново потому только, что лично ему требуются какие-то сведения».

И, наконец, в-третьих. Шельмование этих фактов, отрицание их реальности на руку только материалистам, большевикам и коммунистам. Нормальным людям, не преследующим грязных политических целей, такое отрицание и шельмование не нужно. Они, напротив, заинтересованы в том, чтобы узнать всю правду о своей природе, о бессмертии и вечной жизни, а такое знание предложить им может только спиритизм и ничто иное.

В сознании многих людей спиритизм скомпрометировал себя тем, что начался он с верчения столов, и с той поры он ни на шаг в сознании их не подвинулся, и они даже не подозревают, что последовало за этим первым, на первый взгляд, нелепым явлением. Но в конце концов, позвольте, раз столы вертятся, то значит верчение их основано на действии какого-то закона природы, подобно тому, как основано на действии закона природы вращение Земли вокруг своей оси и вокруг Солнца, как основано на естественном законе вращение забавной детской игрушки — волчка. Между тем последнее обстоятельство нисколько не компрометирует физику, и оно ведёт наблюдательный ум ко многим серьёзным следствиям и познаниям, подобно тому, как падение яблока натолкнуло Ньютона на открытие закона всемирного тяготения. Но если падение яблока и вращение волчка ни в коей мере не умаляют физики, то что тогда может быть уничижительного для спиритизма во вращении столов? Тем более, что оно приводит к выводам и знаниям несравненно более важным, чем названные явления физики.

Назначение Спиритизма совсем не в том, чтобы общаться с «умершими» посредством «блюдечек», «столов» и всяких прочих вызываний. Его назначение в том, чтобы дать человеку понимание необходимости изменять и совершенствовать себя. Самопознание — не дело праздного и эгоистического самоудовлетворения, но залог улучшения мира, в котором мы живём и будем жить. Назначение Спиритизма — это коррекция самосознания и мироощущения как у отдельного человека, так и у всего человечества.

Сэр Артур Конан-Дойль — крупнейший английский писатель, тонкий мыслитель, общественный деятель, публицист, доктор медицины и доктор права — более 40 лет жизни посвятил изучению Спиритизма. Всем предубеждённым в данном вопросе скептикам следует понять, что коли уж человек столь рационального и аналитического склада ума изучал предмет сей до такой степени серьёзно, то, стало быть, тема эта не может быть отнесена на счёт иллюзии или фигурировать под вывеской «самого дикого из всех суеверий», как считают марксисты, или «наиболее безумного и губительного из предрассудков», как то полагают теософы. И сам Конан-Дойль, и другие приверженцы спиритической философии были прекрасно знакомы с такого рода критикой, но, как можно видеть, имели свои причины не признавать её правомерности.

Итак, не стоит смущаться термином «спиритизм» и презрением так называемых теософов: махатмы махатмами, а своя голова на плечах - это важнее всего. Да и самих махатм наклеивание ярлыков и полемика на ленинский манер, надо полагать, не красят. Ну, а поскольку эти махатмы вообще приветствовали то, что творилось в России после захвата власти большевиками и самих этих большевиков, да и Ленина пожаловали званием того же махатмы – то что же о них много говорить, об этих махатмах! Немудрено, что спиритуализм («Чаша Востока») они ругают чуть ли не словами Энгельса, тоже махатмы, надо полагать. Причём это именно ругань, а не аргументация, поскольку все их «доводы» выдают либо просто откровенное незнание разбираемого вопроса, либо являются желанием подтасовать факты и сбить доверчивых людей с толку. Печальные результаты налицо: рериховское движение, имеющее такую идеологическую основу, откровенно превращается в весьма воинствующую и опасную секту, исполненную сугубо партийной нетерпимости и узколобости. Здесь всех нас ожидает ещё множество неприятных сюрпризов. Точно так же, как есть немалая разница между самим Марксом и марксистами, есть она и между Рерихами и членами рериховского движения. Но в целом достаточно сказать следующее: Блаватская указывала, что «Люцифер» - прекрасное слово: «несущий свет», «светоносец»; точно такое же прекрасное слово и «спиритизм» — «духовное учение», «учение о духе» — куда лучше? Нужно вовсе не иметь здравого смысла, чтобы оспаривать столь бесспорные вещи.

XL. Шутовское порождение мрачной и невежественной фантазии

Существование Духа Зла возможно не в реальности мироздания, а только в недоразвитом и малокультурном воображении человека. Зло – всего лишь проекция нечистот человеческой ментальности на физические и духовные уровни Вселенной.

Благо, Добро есть высший закон Вселенной и цель эволюции всех существ. Зло не имеет собственно бытия, оно есть лишь эффект контраста, свойство оттенения; это состояние неполноценности, переходная ступень, на которую становятся все существа в своём восхождении к лучшему состоянию.

Даже здесь, на земле, зло не всемогуще, оно всего лишь – всеползуще.

Никто не может считать себя слишком добрым: нет предела доброте и беспредельна потребность в ней: сколько б её ни было – всё мало.

Есть тайны, доступные одним посвящённым. Их немного. Сейчас назову только две: добротой дела не испортишь, и честность лучше хитрости и изворотливости. Профану не дано понять подобные истины.

Не следует думать, будто зло стало настолько неизлечимо, чтоб нам не нужно было нести ему наше исцеление.

Было бы вернее именовать дух зла духом невежества и духом порабощённости мелкими соблазнами. В этом единственное разумное объясненье несовершенству мира сего.

Со злом не надо бороться, его надо изживать. Кто лишь борется с ним, подобен кошке, гоняющейся за собственным хвостом.

Чтобы понять проблему зла, нужно смотреть на зло не в его действии на окружающих, а в его влиянии на самого носителя зла. При таком подходе, зло — это прежде всего незнание и непонимание своих собственных истинных интересов, а как линия поведения — игнорирование этих интересов. В основе всего этого, разумеется, лежит всегда глупость, которая есть не что иное, как неразвитость ума, его недоразвитость. Переходя в плоскость действия, человек, имеющий такие установки, неизбежно делается «носителем зла». Так что никакой религиозной мистики тут нет. Для мыслителя всегда опасный соблазн персонифицировать глупость как таковую. Именно так рождаются мифы, так появляются «силы тьмы» и «князь оных». Все эти неуклюжие попытки нашего земного сознания ни в коей мере не помогают нам осмыслить то, что есть на самом деле, и неизбежно заканчиваются мракобесием, в корне которого лежат нежелание мыслить самостоятельно и стремление примкнуть к чужому мнению, т.е. умственные неразвитость и лень.

Если проникнуть в самую суть вещей, то можно понять, что борьба с «тёмными силами» есть в конечном счёте борьба с человеческой глупостью, ограниченностью и непониманием собственных интересов.

Только тёмные поддерживают выдумку о Сатане и мраке на лоне беспредельного Света!

Христианским мыслителям свойственно полагать, будто величайшее достижение тьмы, величайшее завоевание Сатаны состоит в том, что он заставил людей думать, будто его нет. Утверждаю прямо обратное: величайшее достижение тёмной силы, её величайшее завоевание заключается именно в том, что она убедила людей, будто она есть и что она есть сила, «тёмная сила», тогда как в действительности она всего-навсего «тёмная немощь» — так правильнее всего будет её называть. И надобно понять, разумом понять, что его сверхъимператорского

величества - Сатаны - нет и в принципе быть не может, ибо утверждать обратное значит либо быть не в ладах с логикой, либо же иметь о Боге помыслы слишком нечестивые, т.е. опятьтаки быть не в ладах с логикой. Чтобы можно было легко уразуметь действительное соотношение сил, соотношение Света и Тьмы, построим следующую аналогию. Всё воинство Света на этой планете может быть уподоблено светильнику, более или менее сильному, запертому в комнате, окна которой плотно завешаны тёмными шторами, в комнате, стало быть, наполненной совершенным мраком, тогда как снаружи весь мир залит ярким светом солнечным. Именно таково положение дел в масштабе целой Вселенной. Да, трудно, конечно, приходится этому светильнику: он действует в изоляции. Но ведь с ним весь мир и самое солнце, так что положение тьмы в этой комнате и дело её оказываются крайне незавидными: мало того, что свет светильника рассеивает её, но, если продолжить аналогию, самая участь тёмных штор, этого средоточия мрака, вполне предрешена: ведь, в уподоблении нашем, солнце этого мира никогда не заходит, но светит всегда, и в конце концов под действием лучей его мрачный цвет штор обречён выцвесть – и тогда свет, отбрасываемый светильником, сольётся воедино с наружным мировым светом. В отношении сил Света это уподобление несколько коряво и мрачновато, тогда как в действительности всё намного проще, ярче и радужней!

Стремление христианского сознания осмыслить зло в образе Сатаны по существу столь же ценно, как попытки фольклорно-поэтического сознания представить смерть в облике скелета, вооружённого косой. В обоих случаях сознание применяет один и тот же приём, в обоих случаях полученная картина и вытекающие из неё выводы смехотворно далеки от действительности. В обоих случаях практика противодействия осмысляемым таким способом явлениям оказывается чудовищно, гротескно нелепой. Человека, который бы вздумал на полном серьёзе понимать проблему смерти указанным способом, общество признало бы психопатом, и правильно бы сделало. Но почтенного облика седогривых и долгобородых мужей в клобуках и рясах, твердящих по сути дела ту же околёсицу, оно психопатами не считает и относится к ним сравнительно толерантно.

Сатаны нет, есть лишь дегенераты, время от времени выдающие себя за такового; но сатанисты – это несомненная и гнусная реальность.

Атеизм – дурная мистика. Но всё же, надо признать, что для слабых духом – он высшее достижение: пусть уж они лучше будут атеистами, чем станут выдумывать дьявола и поклоняться ему!

Всяк рядящийся в одежды, символы и деяния Сатаны — самозванец. Его тщеславие, невежество и недомыслие недвусмысленно обнаруживают себя в дурном вкусе, который он проявил, сделав столь глупый выбор.

Каждый имеет то лицо, которого он заслуживает. Исключения здесь, как и всегда, лишь подтверждают правило. На планету нашли ныне с воплощением полчища грубых и низменных духов. Что же удивляться такому обилию и засилью отвратительных харь и рож вокруг? Всё происходящее согласно с законами природы.

Говорю по ведению: горе миру от душителей истины, ибо надобно придти душителям; но большее горе тем, кто несёт в себе это душение, ибо, в конце концов, они задушат самих себя!

XLI. Идентичность спиритических явлений и чудес «Нового Завета»

«Мистер Джером К.Джером сравнил наши современные чудеса с теми, что описываются в «Новом Завете». Но я полагаю, что это всё *те же самые* чудеса. За исключением «воскресения из мёртвых», я не могу назвать ни одного чуда в «Новом Завете», которое бы не было авторитетно заверено как имевшее место при спиритических опытах».

«Я сам на практике сталкивался с такими явлениями, как порывы ветра, языки пламени и прямой голос. Что же до налёта «забавности», лежащего на наших современных чудесах, и отсутствия такового на чудесах евангельских, то всё зависит от настроя, в котором описывается какое-либо событие. Я не сомневаюсь, что если бы некий циничный журналист рассказывал истории о хлебах и рыбе или о Гадаринских свиньях, то он вполне мог бы сделать их уморительными, хотя на самом деле это не отражает сути происходящего».*

«Когда я читаю «Новый Завет», обладая тем знанием, какое даёт мне Спиритизм, у меня складывается глубокое убеждение, что учение Христа было во многих важных отношениях утрачено раннехристианской Церковью и не дошло до нас. Все эти намёки на победу над смертью имеют, как мне кажется, весьма мало значения в современной христианской философии, но тот, кто видел, хотя бы смутно, сквозь покров, руки, протянутые ему из загробного мира, и кто касался их, хотя бы слегка, тот действительно победил смерть».

«Когда мы сталкиваемся со множеством упоминаний о таких достаточно хорошо известных нам явлениях, как левитация, огненные языки, порывы ветра, духовные дары, — одним словом, «сотворение чудес», то нам тогда становится понятным, что самая сокровенная суть этих явлений, непрерывность жизни и общение с умершими были древним более чем наверняка известны. Нас поражает, когда мы читаем: «Здесь он не совершил чуда, ибо в народе не было веры». Ведь разве не согласуется это целиком и полностью с известным нам психическим законом? Или, другое место, когда Христос, после того как до него дотронулась больная женщина, восклицает: «Кто коснулся меня? Много добродетели ушло от меня». Мог бы он яснее выразить то, что сегодня сказал бы на его месте медиум-исцелитель, за исключением разве только того, что вместо слова «добродетель» тот употребил бы слова «сила» или «энергия»? И когда мы читаем: «Не всякому духу верьте, но испытуйте духов, дабы знать, идут ли они от Господа», то разве это не совет, который сегодня дают всякому новичку, приступающему к спиритическим исследованиям?»

«Вопрос этот представляется мне слишком обширным, для того чтобы задерживаться здесь на нём подробно, но мне думается, что тема эта, подвергающаяся сейчас столь ожесточённым нападкам co стороны наиболее непреклонных христианских церковнослужителей, в действительности является краеугольным камнем всего христианского учения. Тем, кто желал бы основательнее познакомиться с подобным строем мыслей, я настоятельно рекомендую небольшую книгу д-ра Абрахама Уоллеса «Иисус из Назарета»*. если только тираж этой бесценной работы не распродан полностью. В ней автор самым убедительным образом доказывает, что чудеса Христа управлялись силами, действующими в рамках психического закона, как мы его понимаем теперь, и что они соответствовали характеру этого закона в малейших своих деталях. Два примера такого рода я уже привёл. Множество же других представлено в этой брошюре. В высшей степени точна и убедительна история материализации на горе двух пророков, если судить о ней по правилам психической

 $^{^*}$ Такого рода опыт был сделан Лео Таксилем в его «Забавном Евангелии». Весьма назидательное сочинение. (Π . Γ .)

 $^{^*}$ Опубликовано в шестипенсовом издании компанией «Лайт паблишинг», Лондон, Куин-сквер, 6. Это же издательство предлагает небольшую по объёму, но содержательную книгу д-ра Эллиса Пауэлла на ту же тему. ($A.K.\mathcal{A}$.)

науки. Прежде всего бросается в глаза то обстоятельство, что выбор пал на Петра, Иакова и Иоанна, которые составляли психическую группу, когда умершего призвали к жизни: они, вероятно, были наиболее медиумически одарёнными по сравнению с прочими участниками сеанса. Далее указывается на необходимость чистого горного воздуха. Сияющие, ослепительные одежды, облако, слова «построим три молельни», которые можно понять также как «построим три кабины», или «три кабинета» - всё это означает, что были созданы идеальные условия для того, чтобы осуществить явление (материализацию) духа умершего посредством сосредоточения психических сил. Во всём этом усматривается последовательное сходство приёмов и способов. Что касается прочего, то, например, свод даров, которые Св.Павел даёт нам как качества совершенно необходимые последователю христианства, является, по сути дела, перечнем способностей, которыми должен обладать сильный медиум, включая сюда дар пророчества, исцеления, сотворения чудес (или физических феноменов), ясновидения и многое другое («Послание к Коринфянам», І, XII, ст. 8,11). Первоначальная христианская Церковь была вся насыщена Спиритизмом и, видимо, не обращала никакого внимания на запреты «Ветхого Завета», который предоставлял этот дар в право исключительного пользования и выгоды духовенства».

«Многие писатели говорили о том, что современные психические исследования представили в новом свете библейские сказания. Лучше других это мнение выразил в своей книге «Человеческая личность и её сохранение после смерти тела» Фредерик Мейерс:*

«Я осмелюсь выразить свою твёрдую убеждённость в том, что (как я уже предсказывал, опираясь на полученные свидетельства) в Воскресение Христово будут верить во все времена не только все разумные люди, пусть и отрицающие новые сведения, но и неразумные тоже. Особенно после того, как была провозглашена концепция духовной жизни после телесной смерти. Совершенно очевидно, что этот факт найдёт лишь слабую поддержку со стороны традиционалистов, зато он может и должен быть подкреплён современными исследованиями. Предположим, мы собрали множество подобных историй, документальных свидетельств очевидцев, и допустим, что все эти повествования были опровергнуты критикой, которая отнесла их к разряду галлюцинаций из-за неточности описаний и других ошибок. Можно ли ожидать, что разумный человек поверит в столь чудесное явление? Ведь современный человек, живущий в наш критический век, всегда теряется, когда он, живя в современной Англии, должен заставить себя поверить в то, что случилось в восточной стране, склонной к суевериям, да ещё в столь давние времена. Были ли результаты психических исследований (я имею в виду все известные мне исследования) однозначно отрицательными? Не подвергнутся ли свидетельства христиан — я уж не говорю об их чувствах — сокрушительному удару?»

«В «Новом Завете» имеется множество эпизодов, которые можно взять в качестве отправных пунктов, чтобы проследить близкую аналогию между аномальными явлениями, ознаменовавшими первые годы христианства, и теми, что поставили в затруднение сегодняшний мир в связи с современным Спиритизмом. Многие из нас охотно допускают, что постоянные требования христианства к человеческой расе вызваны его специфическими доктринами, которые совершенно независимы от чудес, единственное назначение коих имело целью оказать впечатление на ничем не пробиваемое самодовольство бездуховной расы и тем самым с силой направить внимание тогдашних людей к новой системе мысли, предлагаемой христианством. Совершенно то же самое можно сказать и о современном Откровении. Демонстрация силы, простирающейся за пределы человеческих возможностей и человеческого опыта, есть не более, чем способ привлечь внимание. Если повторить где-то уже использованное мною сравнение, то все эти явления не более, чем скромный телефонный звонок, возвещающий, что нам имеют сообщить нечто чрезвычайно важное».

«Применительно к Христу Нагорная проповедь была куда более значима, чем всё множество совершённых им чудес. То же самое можно сказать о посланиях из мира потустороннего: они бесконечно важнее, чем какие-либо явления, их сопровождающие. Вульгарный ум может выставить историю Христа в весьма вульгарном свете, если он

_

^{* &}quot;Human Personality and Its Survival of Bodily Death" by F.W.H.Myers.

настаивает на чуде с хлебами и рыбой. Так же точно вульгарный ум может овульгарить психическую религию, настаивая на движении мебели и летающих бубнах. В каждом из этих случаев чудеса и явления — лишь неоспоримый знак способности, самая суть которой находится на более высоких планах бытия».

«Во второй главе «Деяний Апостолов» констатируется, что они, христианские вожди, были единодушно вместе. Словосочетание «единодушно вместе» как нельзя более удачно передаёт наличие симпатии, которая всегда присутствует в спиритических кружках как средство, способствующее достижению наилучших результатов, и как раз симпатия настойчиво игнорируется определённым классом исследователей. Затем «внезапно сделался шум с неба, как бы несущегося сильного ветра», а потом «явились им разделяющие языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них». Здесь вполне определённый и ясный перечень весьма характерной последовательности явлений. Давайте же сравним с ним результат, полученный профессором Круксом в ходе его исследований в 1873 году. Он принял тогда против возможного подлога все меры предосторожности, какие ему мог подсказать богатый опыт наблюдателя и точного экспериментатора. В опубликованных им заметках сообщается: «Я увидел светящиеся точки, метавшиеся по комнате, а затем поместившиеся на головах присутствующих». Или вот ещё: «Этим движениям, и то же самое я могу поистине сказать о каждом роде явлений, обыкновенно предшествуют порывы холодного воздуха, порой усиливающиеся до настоящего ветра, который сдувал у меня со стола листы бумаги...»

«Итак, разве не странно, что мы сталкиваемся лицом к лицу не только с теми же самыми явлениями, но и что эти явления проявляются в той же самой последовательности: сначала порывы ветра, а после огни? При нашем незнании законов эфирной физики, незнании, которое понемногу начинает рассеиваться, мы можем лишь сказать, что в данном случае перед нами имеются определённые указания на некий общий закон, который увязывает воедино оба этих эпизода несмотря на разделяющие их девятнадцать веков. Чуть ниже в «Деяниях» сообщается, что «дом сотрясся, где они находились». Многие современные наблюдатели психических явлений были свидетелями вибрации стен комнаты, как если бы мимо проезжал грузовой автомобиль. Именно на такие ощущения, по всей видимости, намекает Св.Павел, когда говорит: «Наше евангелие явлено вам не только в славе, но и в силе». Проповедник Нового Откровения может с полным основанием сказать то же самое. Так, по поводу знаков, явленных в день Пятидесятницы, я могу истинно сказать, что испытал их все на собственном опыте — внезапный холодный ветер, колышущиеся туманные языки огня — при медиумическом содействии г-на Феникса, медиума-любителя из Глазго».

«Невозможно дать никакого философского объяснения явлений, известных как спиритические, которое бы не показало, что все они, несмотря на различия в форме их проявления, происходят из единого центрального источника. Св.Павел, по видимости, не раз утверждает это, когда говорит: «Но всё тот же самый дух совершает сие, разделяясь для каждого человека многажды по желанию». Разве наша сегодняшняя теория, которую нам диктуют факты, может быть выражена в более сжатом виде? Апостол перечислил различные дары, и мы обнаруживаем, что они весьма близки к уже известному нам».

«Во-первых, есть «слово мудрости», «слово знания» и «вера». Всё это, будучи взято в связи с Духом, по видимости, служит указанием на более высокий характер сообщений, приходящих из мира иного. Затем следует целительство, которое всё ещё практикуется при определённых условиях в высшей степени сильным медиумом, обладающим способностью передавать энергию, при этом он отдаёт ровно столько, сколько слабый получает, что подтверждается словами Христа: «Кто коснулся Меня? Много добродетели (т.е. энергии, -A.K.Д.) ушло из Меня».

«Затем мы подходим к совершению чудес, которое мы можем назвать просто *производством явлений*, сюда входит много феноменов разного рода: апорты (когда предметы переносятся на расстоянии), левитация (поднятие в воздух как предметов, так и человеческого

тела), производство огней и другие удивительные вещи».

«Затем следует дар пророчества, являющегося действительной и вместе с тем прерывистой, а зачастую и обманчивой формой медиумизма — всего более обманчива она была у ранних христиан, которые, повидимому, все ошиблись относительно приближавшегося падения Иерусалима и разрушения Храма, каковые они могли смутно предвидеть и отождествляли с «концом света». Эта ошибка повторялась ими столь часто и столь явно, что игнорировать её или отрицать поистине нечестно».

«Затем мы приходим к способности «различения духов», что вполне соответствует нашему ясновидению, и в конце концов — любопытный и обычно бесполезный «дар языков», который наблюдается также и сегодня. Припоминаю, как некоторое время назад я прочитал книгу «И был мне Голос», изданную известным адвокатом, в которой он описывает, как его юная дочь начала бегло писать по-гречески, правильно расставляя все надстрочные знаки. Сразу вслед за тем я получил письмо от не менее знаменитого врача, который желал знать моё мнение по поводу одного из своих детей. Ребёнок написал значительное количество текстов на средневековом французском. Оба этих недавних случая, несомненно, подлинны, но что касается третьего, когда один неграмотный человек нарисовал несколько невразумительных знаков, которые неким экспертом были объявлены раннекельтскими письменами, то эта история не представляется мне убедительной. Но поскольку огам [раннекельтское письмо, — П.Г.] действительно представляет собой комбинацию прямых линий, то данный случай всё же можно принять с определёнными оговорками».

«Таким образом, явления, связанные со становлением христианства, и те, которые заявили о себе в современном духовном движении, вполне аналогичны. При рассмотрении дара учеников, как сообщают о том Св. Матфей и Св. Марк, единственным дополнением к достигнутому в наши дни является только воскрешение из мёртвых. Если бы кто-нибудь из учеников Христовых действительно поднялся до такой высоты силы, когда жизнь, действительно угасшая, была бы возрождена, то он, несомненно, далеко бы превзошёл всё то, что сообщается в анналах современного медиумизма, но такое оказалось под силу только их великому Учителю. Ясно, стало быть, что такая способность должна быть чрезвычайно редка, иначе бы она была использована ранними христианами для оживления тел их мучеников, попыток к чему, по всей видимости, даже не предпринималось. Для Христа такая способность, без сомнения, допускается; более того: в описании воскрешения, проведённого Христом, имеются незначительные штрихи, придающие ему исключительную убедительность в глазах исследователя психических явлений. Так, при описании воскресения Лазаря, произошедшего после того, как он пролежал четыре дня мёртвый, - поистине самое изумительное чудо Христово - сообщается, как Христос приближался к могиле: он *стонал*.* Почему стонал он? Ни один исследователь «Библии», повидимому, не смог дать удовлетворительного ответа на этот вопрос. Но всякий, кто слышал, как стонет медиум в момент, предшествующий исключительно сильному проявлению медиумической энергии, увидит в этом пассаже тот самый штрих практического знания, по которому он может судить о достоверности описываемых событий. Само чудо, добавлю я, от того ничуть не становится менее чудесным и всё равно находится за пределами человеческих возможностей, потому что оно произведено за счёт раздвижения рамок естественного закона, и это раздвижение отличается своей степенью от того, что мы можем сами удостоверить или тем более совершить».

_

^{*} A King's Counsel, "I Heard a Voice", Kegan Paul edit. (Π.Γ.)

^{*} В русском синодальном переводе «Библии» это место — как и многие другие — завуалировано. (Π . Γ .)

XLII. Библейский язык легко переводится в термины современной психической науки

«Хотя наши современные проявления никогда не достигали степени явлений, упоминаемых в библейских записях, они имеют некоторые особенности, о которых не сообщается в «Новом Завете». Яснослышание, т.е. способность слышать голос духов, присуща обоим, а вот «прямой голос», т.е. слышание голоса, который все присутствующие могут услышать своими материальными ушами, — это теперь хорошо удостоверенный феномен, о котором гораздо реже упоминалось в старые времена. Также и спиритическая фотография — явление, когда фотокамера запечатлевает то, что не может видеть человеческий глаз, — служит, естественно, новейшим свидетельством. Ничто не является уликой для тех, кто не изучает улик, но я готов под присягой удостоверить, что лично мне известно несколько случаев, когда образ умершего, получившийся на негативе, не только не составляло труда опознать, но он также совершенно отличался от любой фотографии, сделанной при жизни».

«Что касается методов, посредством которых ранние христиане общались с духами, или со «святыми», как они называли умерших единоверцев, то об этом у нас, насколько мне известно, свидетельств не имеется, хотя слова Св.Иоанна: «Братия, не всем духам верьте, но испытуйте духов, от Бога ли они», очень ясно показывают, что общение с духами было занятием привычным и что ранним христианам, как и нам, в процессе общения досаждали вторжения нежелательных духовных сущностей. Некоторые исследователи полагают, что «Ангел Церкви», о котором упоминается в выражениях, наводящих на мысль, что речь идёт о человеке, был на самом деле медиумом, освящённым для содействия той или иной конгрегации верующих. Поскольку у нас имеются ранние указания на наличие епископов, дьяконов и других церковных лиц, то трудно сказать, кем ещё мог быть этот «ангел». Это, однако, может оставаться чистым предположением».

«Другое предположение, которое, быть может, окажется куда более плодотворным, касается принципа, в соответствии с которым Христос избрал двенадцать своих главных последователей. Из всего множества народу он выбрал двенадцать человек. И почему именно их? Не в связи с умом и образованностью, ведь Пётр и Иоанн, самые выдающиеся из них, нарочито описываются как «неучёные и тёмные люди». Не в связи с их праведностью, ибо один из них оказался большим негодяем, и все они оставили своего Учителя в его нужде. Не в связи также с их верой, ибо верующих было много. И тем не менее ясно, что они были избраны в согласии с неким принципом подбора, ибо они призывались по одному или по двое. В двух случаях это были пары братьев, как если бы некоторый семейный дар или особенность могли лежать в основании выбора».

«В конце концов нет ничего невозможного в том, что дар этот был медиумической способностью и что Христос, как высший носитель этой способности, когда-либо появлявшийся на Земле, желал бы окружить себя другими её обладателями, наделёнными ею в меньшей степени. Он бы сделал это по двум причинам. Первая: медиумический кружок является огромным источником энергии для того, кто сам медиум, что постоянно подтверждается и нашим собственным опытом: сочувственное и готовое к помощи окружение создаёт атмосферу, благоприятную для проявления медиумических способностей. До какой степени Христос был чувствителен к такой атмосфере, нам показывает замечание евангелиста о том, что когда Христос прибыл в свой родной город, жители которого не могли отнестись к нему серьёзно, то он оказался не в состоянии произвести никакого чуда. Вторая причина может заключаться в том, что он мог желать, чтобы ученики действовали как его заместители: как при его жизни, так и после смерти, и что для этого были необходимы определённые медиумические способности, данные от природы».

«На тесную связь, существовавшую, повидимому, между апостолами и чудесами, указывает в своей интересной работе, выпущенной в свет в виде небольшой книги под

названием «Иисус из Назарета» д-р Абрахам Уоллес. Вполне определённо, что ни один из евангелистов не сообщает ни о каких чудесах помимо экзорцизмов до того времени, пока Христос не начал собирать свой кружок. В этом кружке наиболее, по всей видимости, были одарены в медиумическом плане трое: Пётр и двое братьев-рыбаков, сыновья Зеведеевы — Иоанн и Иаков. Эти трое и созывались всякий раз, когда была нужда в создании наиболее благоприятной психической атмосферы. Следует вспомнить, что когда дочь Яира восстала из мёртвых, это случилось в присутствии и, возможно, не без содействия трёх названных ассистентов».

«Опять же при Преображении: невозможно читать отчёт об этом удивительном проявлении, не вспоминая на каждом шагу о своих собственных спиритических занятиях. Этот вопрос опять-таки замечательно разбирается в «Иисусе из Назарета», и было бы только хорошо, если б эта небольшая книжка с её учёной интонацией, широтой взгляда и медиумическим знанием оказалась в руках каждого читающего «Библию». Д-р Уоллес указывает на то, что самое место — горная вершина — с чистым воздухом и невозможностью помех идеально подходило для манифестации такого рода; что дремотное состояние апостолов является полной аналогией с тем, что ощущают члены медиумического кружка, вносящие свою долю психической энергии; что преображение лица и сияющие одежды — хорошо знакомые явления; и, наконец, самое главное, что возведение трёх алтарей лишено всякого смысла, тогда как сооружение трёх шатров (или кабинетов), при альтернативном прочтении, — одного для медиума и по одному для каждой из материализованных форм, создаст абсолютно достаточные условия для получения самых совершенных результатов.

Данное объяснение Уоллеса является характерным примером работы современного ума и современного знания, выхватывающих лучом своего прожектора событие, остававшееся прежде в тени».

«Когда мы переводим библейский язык в термины современной спиритической религии, взаимосвязь и соответствие между древним и современным знанием становятся очевидными. Так, вместо «Вот чудо!» мы говорим: «Это спиритическое явление». «Ангел Господен» становится у нас «Высшим Духом». Когда говорилось о «гласе с неба», мы говорим о «прямом голосе». «Его глаза отверзлись, и он узрел видение» попросту значит, что «он стал ясновидящим». Только оккультист может понять Св.Писания как действительную и точную запись событий».

«Есть много других менее значительных пунктов, которые, повидимому, приводят историю Христа и апостолов в очень тесное соприкосновение с современными спиритическими исследованиями и являются большой поддержкой точности значительной части повествования «Нового Завета». Самым впечатляющим эпизодом, на мой взгляд, являются действия Христа, когда ему был задан вопрос, требовавший незамедлительного решения, а именно об участи женщины, уличённой в прелюбодеянии. Что же он сделал? То, чего меньше всего можно было ожидать или придумать в подобном случае: прежде, чем ответить, он наклонился и что-то написал пальцем на песке. Второй раз уже он делает это, когда ему задают коварный вопрос. Может ли кто из теологов дать объяснение такому действию? Я дерзну выдвинуть утверждение, что среди многих форм медиумизма, коими Христос владел в самой высшей форме, естественно, было и автоматическое письмо, через каковое, призывая подотчётные ему великие силы, он получал требуемый ответ. Охотно допуская, что природа Христа была сверхъестественна в том смысле, что по своим качествам он стоял выше и за пределами обычного человечества, можно всё же задаться вопросом, насколько эти силы всегда вмещались в его человеческом теле и сколь часто он обращался к духовным ресурсам за своими телесными пределами. Если бы он говорил единственно из своего человеческого тела, он, несомненно, оказался бы подвержен ошибкам, как и все мы, ведь рассказывается же, как он спрашивал самаритянку о её муже, на что она ответила, что у неё никогда не было мужа. В случае же с женщиной, застигнутой в прелюбодеянии, можно объяснить его действие, лишь предположив, что он мгновенно открыл канал к надчеловеческому знанию и мудрости, что и дало сразу решение в пользу милосердия и

терпимости».

«Интересно проследить, какое впечатление эти явления или рассказы о них производили на тогдашних правоверных иудеев. Большая часть из них откровенно не верила в них, в противном случае они не преминули бы стать последователями Христа или, по меньшей мере, относились бы к такому чудотворцу с уважением и восхищением. Нетрудно представить, как они качали бородатыми головами, как заявляли, что с такими вещами им сталкиваться не приходилось, и, может статься, указывали на какого-то местного фокусника, который не очень честно заработал несколько динариев, подражая тем же явлениям. Были, правда, и другие, которые не могли отрицать, потому что либо видели сами, либо встречались с теми, кто видел. Такие резко заявляли, что всё шло от дьявола, лишая тем Христа одного из самых сильных доводов, основанных на здравом смысле — качестве, в котором у него не было равных. Те же два класса оппонентов — скептики и дьяволоборцы — противостоят сегодня и нам. Воистину ничто не ново под луной, и всё возвращается на круги своя».

XLIII. Возвращение к христианским истокам

«Есть одно направление мысли, на которое можно указать в надежде, что оно найдёт развитие от умов и писаний тех, кто глубоко изучил возможности психической силы. Вполне возможно, хотя, согласен, в нынешних условиях это не было достаточным образом доказано, что медиум, обладающий большой силой, может заряжать своей энергией других наподобие того, как магнит, если им потереть кусок ненамагниченной стали, может также и её сделать магнитом. Одной из наиболее хорошо удостоверенных способностей Д.Данглас-Хоума было то, что он мог без всяких последствий вынимать из огня горящие угли и держать их в руке. Он мог далее - и тут мы приближаемся к исходной теме - помещать их на голову того, кто не боялся обжечься. Зрители не раз описали, как Хоумом на серебряную шевелюру г-на Картера Холла возлагались пылающие угли, и г-жа Холл упоминала, что после этого она вычёсывала из его волос крупицы золы. По всей видимости, Хоум в этом случае был в состоянии передать свою силу другому лицу, совсем как Христос, когда он левитировал над озером, был способен передать ту же силу Петру, и она сохранялась в Петре, пока его вера была тверда. В этой связи возникает вопрос: если Хоум сосредотачивал всю свою энергию на передаче этой силы, то как долго эта сила у данного лица сохранялась? Эксперимент для выяснения этого никогда не проводился, но он имел бы прямое отношение для прояснения разбираемой темы. Ведь, допуская, что сила может передаваться, становится тогда вполне ясно, как кружок Христа был способен выслать семьдесят учеников, одарённых способностью творить чудеса. Ясно также, почему новые ученики должны были вернуться в Иерусалим - «для крещения духом», если использовать их выражение, - перед тем, как продолжать свои странствия. И когда, в свою очередь, они пожелали выслать представителей, разве не возложили бы они на них руки, не сделали над ними пассы и не попытались бы намагнитить их тем же способом - если только это слово может выразить процесс? Не имеем ли мы здесь значение рукоположения епископом при ординации – церемонии, которой до сей поры придаётся большое значение, но которая вполне может быть пережитком чего-то действительно жизненно важного - дара сотворения чудес? Когда наконец по прошествии времени или из-за небрежения свежей культивацией эта сила иссякает, пустой ритуал может выполняться и благословляющий и благословляемый не будут понимать, что давали руки епископа и какая сила из них исходила. Сами слова «возложение рук», по видимости, наводят на мысль о чём-то, отличном от просто благословения».

«Быть может, сказанного достаточно, дабы показать читателю, что возможно выдвинуть такой взгляд на жизнь Христа, который будет строго согласовываться с самым современным спиритическим знанием и который, вместо того чтобы упразднить христианство, лишь продемонстрирует поразительную точность некоторых дошедших до нас деталей и подтвердит новейший вывод, гласящий, что те самые чудеса, которые были камнем преткновения для многих честных, серьёзных умов, в конце концов могут предложить какието весьма неоспоримые и убедительные доводы в пользу истинности всего новозаветного повествования. И эта ли линия мысли заслуживает огульных осуждений и анафем, сыпящихся на неё теми, кто претендуют говорить от имени религии?»

«В то же время, хотя мы приносим поддержку «Новому Завету», было бы неправильно, если бы те или другие замечания этого рода цитировались как утверждение в поддержку его буквальной точности. Из идеи о его буквальной точности в прошлом произошло много зла. В самом деле, было бы хорошо, хотя это и недостижимо, если б оказалась предпринята понастоящему честная, сделанная с открытым умом попытка выполоть из этой записи очевидные подлоги и вставки, её искажающие и снижающие ценность тех частей, которые действительно стоят выше подозрений».

«Необходимо, например, сказать, что в «Новом Завете» со слов, якобы, самого Христа сообщается, будто Захария, сын Варахии, был забит до смерти в приделе Храма, когда — не правда ли курьёзное совпадение? — о данном инциденте независимо рассказал Иосиф Флавий,

при этом он указал, что случилось сие тридцатью семью годами позже, во время осады Иерусалима?* Это недвусмысленно указывает нам, что данное евангелие, в его настоящей форме, было написано после падения Иерусалима и что писатель внёс в свой рассказ по меньшей мере один посторонний инцидент, поразивший его воображение. К сожалению, такой пересмотр при всеобщем согласии был бы величайшим из всех чудес, ибо два самых первых текста, которые подлежали бы изъятию, оказались бы те, что относятся к «Церкви» установлению и идее, совершенно неведомой во дни Христа. Поскольку предмет вставки совершенно ясен, то не может быть сомнений на счёт их подложности, но поскольку вся система папизма основывается на одном из них, то они скорее всего сохранятся ещё в течение какого-то времени. Невозможность текста, на который мы намекаем, помимо прочего, явствует из того факта, что признание его предполагает, будто Христос и его рыбаки разговаривали друг с другом на латыни и греческом вплоть до того, что каламбурили на этих языках. Определённо, недостаток нравственной смелости и интеллектуальной честности среди христиан покажется нашим потомкам столь же странным, как нам представляется удивительным, что великие мыслители античности могли верить, или хотя бы утверждать, будто они верят в богов, живущх на вершине горы Олимп, делящихся на мужчин и женщин и ведущих друг с другом борьбу».

«Пересмотр, таким образом, в самом деле необходим, равно как и нужна перестановка акцентов, о которой я ранее уже говорил, дабы вернуть великую христианскую концепцию в русло разума и прогресса. Ортодокс, который из-за своей покорной веры или по какой-либо другой причине не вникает глубоко в такие материи, едва ли может понять, о какие камни преткновения разбили себе ноги его более критичные братья. Такая позиция не требует усилий, ибо рассуждение для веры невозможно. Выражения вроде «спасённый кровью Агнца» или «крещёный Его драгоценной кровью» наполняют их души приятным и нежным волнением, тогда как на более вдумчивый ум они оказывают совершенно иное впечатление».

«Не говоря уже о явной несправедливости искупления чужой вины, исследователь вполне осознаёт, что в целом эта кровавая метафора на самом деле заимствована из языческих ритуалов митраизма, когда неофита действительно помещали под быком в обряде так называемого *такроболия* (жертвоприношения быка) и он оказывался насквозь пропитан льющейся на него сверху через решётку кровью убитого животного. Такие напоминания о более грубой стороне язычества непродуктивны для вдумчивого и впечатлительного современного ума. Но что всегда сохраняет свою свежесть, свою полезность и красоту, так это память об исполненном доброты и кротости Духе, который во плоти странствовал по горным склонам Галилеи, вокруг которого собирались дети, который встречался со своими друзьями в невинном товариществе, который избегал формализма и церемоний, страстно стремясь всегда к внутренней сути; который прощал грешника, который защищал бедного и который в своих решениях всегда принимал сторону милосердия и широты взгляда».

«Если к этому характеру вы добавите те изумительные психические способности, о которых мы уже говорили, вы поистину найдёте самый превосходный характер во всей истории мира, характер, который, очевидно, стоит ближе к Всевышнему, чем кто-либо ещё. Если сравнить общее воздействие его Учения с более суровым учением христианских Церквей, то поражаешься, как в своём догматизме, упорстве в формах, в своей исключительности, пышности и нетерпимости оне смогли так далеко отдалиться от своего Учителя, что когда смотришь на него и на них, то чувствуешь, что налицо абсолютный и непримиримый антагонизм и что нельзя говорить о Церкви и Христе, но только о Церкви или Христе».

 $^{^*}$ Речь идёт об эпизоде, рассказанном в «Еванг. от Матфея», гл. XXIII, ст. 35 и в «Иудейской войне» Иосифа Флавия. (Π . Γ .)

XLIV. Крах официального Христианства

Всякий, кто серьёзно задумывался над смыслом христианской веры, неизбежно замечал вопиющее несоответствие, тот трагический разлад, что бытует между словом и делом самого Христа, с одной стороны, и словами-делами его более поздних последователей, с другой. И дело здесь не только в том, что на протяжении веков религия Любви и Всепрощения насаждалась огнём и мечом. Может быть, всего важнее во всеуслышание заявить сегодня о полнейшей несовместимости учения Христа с учением христианским, а точнее, называющим себя «христианским». Насколько всё просто, ясно, цельно в первом, настолько же всё невразумительно, запутанно и противоречиво во втором. Как вообще могло случиться, что учение Христа, столь цельное и целеустремлённое, раздробилось в практике и мыслях последователей на множество направлений, ответвлений и сект? Вот вопрос, заслуживающий самого внимательного исследования.

В содружестве с Высокими Иерархами и самим Духом Истины — Утешителем, обещанным нам Христом, Аллан Кардек предпринял титаническую работу по восстановлению первозданной чистоты Евангелического Учения. Плодом этой работы и была его книга «Евангелие от Спиритизма»*, призванная сокрушить все бастионы невежества, намеренной лжи и невольного искажения. Думается, что, узнав идеи, коими пропитана эта книга, человек, будь он магометанин, индуист, иудей или буддист, станет так же и христианином, ибо истинная религия — едина и одна для всех, форм же у неё несколько, и все оне нуждаются одна в другой для составления этого единства, и притом венцом всех форм и будет христианство, а единство их и есть спиритизм.

Все спириты – христиане в том смысле, в каком христиане являются последователями Христа, а не его заносчивых и невежественных интерпретаторов. Карденизм, основы которого были заложены Алланом Кардеком и Леоном Дени под водительством Духов Света, – это Христианский Спиритизм, т.е. Дух Христов, Spiritus Christi.

«И тем не менее каждая Церковь воспитывает прекрасные души, хотя можно спорить о том, воспитывает она их или попросту включает в себя. Если мы прожили долгую жизнь и встречались с большим числом наших человеческих собратьев, то нам для подтверждения этой мысли достаточно обратиться к своему личному опыту. Я сам провёл семь наиболее впечатляющих лет жизни среди иезуитов — церковного ордена, наиболее пострадавшего от клеветы, и я нашёл их людьми достойными уважения и добрыми, достоинства их неисчислимы, и их единственный недостаток в узости, которая ограничивает Матери-Церкви мир. Они были атлетами, учёными и джентльменами, и я не могу припомнить ни одного примера той казуистики, в которой их постоянно упрекают. Некоторые из моих лучших друзей принадлежали к приходскому духовенству англиканской Церкви — мужи поистине доброго и святого характера, стеснённые финансовые обстоятельства которых зачастую были укором равнодушным людям, принимавшим их духовное руководство. Я знал также прекрасных людей среди нонконформистского духовенства, которые часто оказывались поборниками свободы, хотя их взгляды, повидимому, и не отличались особой свободой, когда оказывалась затронутой область их собственной мысли».

«Каждая вера выдвигала людей, которые делали честь всей человеческой расе. Мэннинг или Шрусбери, Гордон или Доллинг, Бут или Стопфорд-Брук — все в равной степени вызывают восхищение, сколь бы ни различались корни, из которых они выросли. Среди большой массы людей также имеются многие тысячи прекрасных душ, воспитанных по старинным понятиям, душ, которые никогда слыхом не слыхивали об общении с духами или о

^{*} Аллан Кардек, «Евангелие от Спиритизма, или Разъяснение нравственных основ учения Христа, их согласование со Спиритизмом и применение к различным жизненным положениям», перевод под редакцией Йога Раманантаты, Нижний Новгород, Издатель Москвичёв А.Г., 2019 г.

какой другой материи из тех, что обсуждались на этих страницах, и которые, однако, достигли такого состояния чистой духовности, что всем нам остаётся им только завидовать. Кто не знает о деве-тётушке, о вдовствующей матери, о благородном старце, живущих в высях бескорыстия, распространяя вокруг себя добрые мысли и дела? Но их простая, глубоко укоренившаяся вера пришла к ним от отцов с санкции того или иного духовного авторитета. У меня была такая тётушка, я помню её маленькую, смиренную фигурку, истощённую постом и милосердием; помню, как в любые часы она брела в церковь из дома, который был для неё всего лишь комнатой ожидания между службами. И взгляд её печальных, удивительных серых глаз до сих пор обращён на меня. Такие люди достигали зачастую инстинктом, вопреки догмам, высот, до которых нас никогда не сможет вознести ни одна философская система».

«Но, в полной мере признавая прекрасные плоды каждой веры, которые могут служить лишь доказательством врождённой доброты цивилизованного человечества, нам приходится сказать, что христианство, вне всякого сомнения, потерпело жестокую неудачу и распалось и что этот распад стал явлен каждому ужасной катастрофой, которая случилась с миром.* Может ли самый оптимистичный апологет утверждать, будто это удовлетворительные плоды религии, столько столетий безраздельно господствовавшей в Европе? Кто из её воспитанников оказался хуже — прусские лютеране, баварские католики или народы, взращённые в традициях православия? И если у нас, в Западной части Европы, дела обстоят чуть лучше, то не заслуга ли это в большей степени нашей более старой и высокой цивилизации, равно как и более свободного политического устроения, удержавших нас от всех жестокостей, эксцессов и безнравственностей, которые ввергли мир назад в тёмные века?»

«Недостаточно сказать, что они случились вопреки христианству и что поэтому христианство не подлежит осуждению. Правда, что учение Христа не подлежит осуждению, ибо при передаче оно часто искажалось. Но христианство взяло под контроль нравственную жизнь Европы и должно было стать движущей силой, которой надлежало обеспечить, чтобы моральные устои не рассыпались на куски при первом же натяжении. Ибо с этих позиций следует судить христианство, и приговор может быть только один: оно потерпело неудачу. Оно не было активной контролирующей силой над умами людей. А почему? Такое могло случиться только потому, что в нём не хватало чего-то существенного, чего-то важного. Люди не принимают его всерьёз. Люди не верят в него. Во множестве случаев его служба сводилась к словоизлияниям, а как раз значение слов в наше время в серьёзной степени ослабло».

«Мужчины, в отличие от женщин, как в высших, так и в низших классах общества, в большинстве случаев перестали проявлять живой интерес к религии. Церкви утратили власть над народом – и утратили её очень быстро. Маленькие внутренние кружки, созывы, комитеты, ассамблеи ещё собираются, обсуждают и принимают решения всё более узкого характера. Но народ идёт своим путём, и религия мертва везде, где её могут заместить интеллектуальная культура и хороший вкус. Но беда в том, что когда религия мертва, активизируется материализм, а о том, что он может произвести, мы можем судить на примере довоенной Германии».

«Сейчас, стало быть, религиозным корпорациям не время обескураживать своих слепых приверженцев; вместо этого нужно серьёзно рассмотреть, хотя бы ради самосохранения, как оне могут приблизиться к общему уровню человеческой мысли, оказавшейся теперь так высоко над ними? Я утверждаю, что Церкви могут добиться большего, чем только достичь уровня — оне могут вести за собой. Но для этого Церковь должна, с одной стороны, иметь твёрдую решимость отрезать от своего тела все отмершие ткани, безобразящие его и служащие только обузой. Она должна устранить всё, что в ней противоречит разуму, и приспособиться к требованиям человеческого ума, который отвергает, и совершенно прав отвергая, многое из того, что она ему предлагает. В конце концов, она должна собрать свежие силы, вобрав в себя всю новую правду и всю новую энергию, которые в избытке

 $^{^*}$ Снова имеется в виду мировая война, а также, как видно из дальнейшего, октябрьский переворот в России, так называвшаяся «Великая Октябрьская социалистическая революция». (Π . Γ .)

предоставляются новой волной вдохновения, ниспосланной в мир Богом и которую человечество, обманутое и смущённое мнимой мудростью, принимает с таким упрямым и настойчивым неверием. Когда Церковь совершит всё это, она обнаружит не только то, что она ведёт мир с очевидным правом на лидерство, но и то, что после долгих блужданий она вернулась наконец к своему Учителю, учение которого она так долго искажала».

XLV. Спиритические исследования – предмет, имеющий самое непосредственное отношение к природе души человеческой

«Мы не должны забывать, что каждый из нас сам является духом, и что любой человек способен производить психические эффекты, не выходя за пределы собственного тела».

«Медиумическая сила во всём многообразии своих проявлений встречается именно в бедных кварталах, но это определённо было её главной особенностью ещё с самого начала: рыбаками, плотниками, погонщиками верблюдов — вот кем были пророки во времена античности. В настоящее же время самые высшие медиумические дары в Англии встречаются среди рудокопов, разнорабочих, грузчиков, барочников и уборщиц. Колесо истории, таким образом, вертится, и всё повторяется в нашей жизни».

«Медиумическая способность вырабатывается и развивается упражнением. Можно почти сказать, что она «заразна». Это именно и имелось в виду в раннехристианской Церкви под «рукоположением». Оно означало передачу способности к «сотворению чудес». Мы теперь не можем делать это так быстро. Однако, если человек, будь он мужчина или женщина, принимает участие в спиритическом сеансе с желанием развить в себе эту способность и, в особенности, если сеанс этот происходит в присутствии настоящего медиума, то не исключена вероятность того, что силы проявят себя».

«Но при некоторых обстоятельствах это их проявление может оказаться даже хуже фальшивого медиумичества, потому что оно может быть употреблено во зло. Уверяю вас, что разговоры о чёрной магии и злых сущностях не порождение предрассудка. Такие вещи действительно случаются и сосредоточиваются вокруг нечистого медиума. И вы можете тогда попасть в такую область, каковая сродни общепринятым понятиям о колдовстве. Кстати сказать, я довольно хорошо знаком с «историей колдовства» и могу заверить, что главной особенностью судебных процессов Средневековья была неграмотность и общая беспристрастность свидетелей, а отнюдь не их лжесвидетельства. В психическом мире подобное стремится к подобному себе, и вы в таких случаях получаете то, чего вы достойны. Среди спиритов считается чуть ли не аксиомой, что характер духов, проявляющихся во время спиритического сеанса, является в значительной мере выражением общей интеллектуальной и моральной природы участников сеанса. Если вы сидите за спиритическим столом со злыми людьми, то к вам придут и злые посетители. Так что есть в этом деле и опасная сторона».

«Но что, скажите, в нашем мире не имеет своей опасной стороны, будучи неумело применено или доведено до крайности? Между тем эта опасная сторона существует совершенно отдельно от правоверного Спиритизма, и наше знание — самый действенный способ противодействия ей. Я считаю, что ведьмы и колдуны Средневековья — вполне реальные факты и что самый лучший способ дать отпор таким приёмам — это культивировать высокие стороны души. Пустить же это дело на самотёк — значит оставить данную область силам зла».

«Кто-то, возможно, примется доказывать, будто предмет, таящий в себе подобные возможности, лучше вообще не трогать. Ответом на это, вероятно, может служить то, что злотворные проявления, по счастью, оказываются весьма редки, в то время как утешение, ежедневно доставляемое общением с духами, осветило новым светом не одну тысячу жизней. Мы ведь не прекращаем исследование неведомой земли из-за того, что там порой попадаются зловредные существа. Точно так же, повторяю, и здесь: отказаться от изучения этой области значило бы оставить её во владении этих самых сил зла и вместе с тем лишить самих себя того знания, которое помогло бы нам понять образ действия этих сил и свести на нет их усилия».

«Говорю об этих злых силах, потому что мы постоянно приходим в соприкосновение с ними. И когда происходит вторжение таких сил, мы, спириты, совсем не стремимся

обязательно отделаться от них. Встреча с ними — часть нашего дела, предмет особых наших забот. Если мы можем помочь какому-либо низшему духу, то помогаем ему; а сделать это нам возможно, лишь побуждая его рассказать нам о своих заботах».

«Многие из них отнюдь не злы. Это лишь бедные, невежественные создания, развитие которых застопорилось и которые страдают от последствий узких и ложных взглядов, привитых им ранее в нашем земном мире. Мы стараемся помочь им — и нам это удаётся. Мы знаем, что это нам удаётся, потому что со временем они сами сообщают нам об этом, и развитие их продолжается. Такие методы часто используются нашими сторонниками. Кружки спиритов, занимающиеся подобной душеспасительной деятельностью, именуются «кружками духовного спасения».

«Весомая доля психических заболеваний и преступлений является прямым следствием одержания и признание этого факта – первый шаг к решению проблемы».

«В чрезвычайно интересном случае, который был тщательно изучен исландским Обществом психических исследований в Рейкьявике, некая грозная и привязанная к земле сущность сама же объяснила, что в бытность свою человеком она была рыбаком весьма грубого и вспыльчивого нрава, покончившим жизнь самоубийством. Она подчинила себе медиума, буквально поработила его и последовала за ним на сеансы, проводимые Обществом, где неописуемо перепугала всех собравшихся, пока не была экзорцирована средствами, подобными описанным в моём романе.* Обстоятельный отчёт об этом случае приведён в «Протоколах» Американского Общества психических исследований, а также в «Сайик ризёч» за январь 1925 года, являющемся органом Психического колледжа. Исландия, следует заметить, - страна весьма продвинутая в спиритической науке, и соотношение между численностью её населения и предоставившимися возможностями убедиться в продолжении нашего посмертного существования, вероятно, таково, что ставит её впереди любой иной страны. Епископ Рейкьявикский является председателем Спиритического общества, что, несомненно, должно послужить уроком нашим английским прелатам, отмежевание коих от всякого изучения данного предмета находится на грани непристойности. Ведь предмет этот имеет самое непосредственное отношение к природе души человеческой и её участи в Мире Ином, и тем не менее среди духовных наших пастырей приверженцы этих исследований встречаются гораздо реже, нежели среди представителей любых иных профессий».

«Повторяю, мы стараемся помочь заблудшим душам мира иного — и нам это удаётся. Мы знаем о своих успехах, потому что оне сами сообщают нам об этом. Среди скрупулёзных и достойных доверия исследователей в данной области можно назвать Таузера из Мельбурна и Мак-Фарлейна из Саутси. Оба они методично занимались в «кружках духовного спасения» с целью оказать помощь духам, привязанным к земле. Подробные записи экспериментов, проведённых лично мною в такого рода кружках, можно найти в четвёртой и шестой главах моих «Странствий спиритуалиста». Могу добавить, что и в моём собственном домашнем кружке, при медиумичестве моей супруги, нам выпала честь принести надежду и знание некоторым из этих несчастных существ».

«Полные отчёты целой серии подобных драматических бесед можно найти на завершающих ста страницах последней работы адмирала Азборн-Мура «Проблески последующей жизни». ** Следует отметить, что адмирал не присутствовал лично на этих сеансах, но что они проводились людьми, к которым он питал полнейшее доверие, и что результаты были подтверждены письменными показаниями под присягой со стороны участников сеансов. «Высокий характер г-на Линдера Фишера, – говорит адмирал, – является достаточной гарантией их достоверности». То же самое может быть сказано и о

 $^{^*}$ Речь идёт о романе «Земля Туманная» («Страна туманов»), произведении пропагандистском; входит в серию «приключений профессора Челленджера». (Π . Γ .)

^{* &}quot;Wanderings of a Spiritualist" by Sir Arthur Conan Doyle.

^{** &}quot;Glimpses of the Next State" by Admiral Usborne Moore.

Э.Дж.Рэндалле, опубликовавшем множество аналогичных случаев. Он является одним из ведущих юристов Буффало, в то время как г-н Фишер – преподаватель музыки в том же самом городе».

«Естественное возражение в этом случае сводится к тому, что, даже если не ставить под сомнение честность исследователей, то общее восприятие опыта всё же может оказаться некоторым образом субъективным и не соответствующим действительным фактам. Имея в виду это, адмирал говорит: «Я навёл справки касательно того, действительно ли каждый из духов, давших понять, что они вступили в новое состояние сознания, был удовлетворительным образом удостоверен. В результате выяснилось, что данные многих из них подтвердились, и это послужило достаточной причиной для того, чтобы счесть совершенно бесполезным разыскание их родственников и места их проживания в земной жизни на предмет подтверждения. Такого рода розыски требуют много времени и труда и всегда заканчиваются тем же результатом, именно – подтверждением сказанного». В одном из случаев, который приводится на стр. 524, говорится о некоей светской даме, умершей во сне. Во всех подобных случаях возвращающийся дух не осознаёт, что его земная жизнь завершилась».

«Драматичная история, в которой речь шла о духе человека, проявившегося в самый момент несчастного случая, повлёкшего за собой его смерть (на самом деле этот случай касался сразу нескольких человек и имена, при этом упомянутые, были впоследствии проверены по газетным сообщениям об этой катастрофе), приводится г-ном Э.Дж.Рэндаллом».

«Однако, самые поразительные из всех этих посмертных сообщений находятся в книге «Тридцать лет среди умерших» доктора Викленда из Лос-Анжелеса.* Книгу эту, равно как и множество иных бесценных книг такого рода, можно приобрести только в Психическом книжном магазине на Виктория-стрит в Лондоне.**

Дело в том, что д-р Викленд и его жена, воистину героическая женщина, проделали работу, которая заслуживает самого пристального внимания психиатров всего мира. Если только автору удастся отстоять свою правоту, а позиция его в данном случае весьма сильная, то он тем самым не только революционизирует все наши представления о безумии и сумасшествии, но и существенно изменит наши взгляды в криминологии, поскольку нам станет ясно, что мы наказываем как преступников тех людей, которые гораздо более заслуживают сострадания, нежели осуждения».

«Создав теорию о том, что многие маньяки являются попросту жертвами одержания, подчинёнными неразвитым сущностям, и экспериментально выяснив (впрочем, метода его в данном случае мне не вполне понятна), что эти сущности до чрезвычайности чувствительны к статическому электричеству, пропущенному через захваченное ими тело, д-р Викленд на основе этой гипотезы создал курс лечения, дающий замечательные результаты. Третьим фактором в его системе было обнаружение того, что подобные сущности значительно легче изгоняются из захваченного ими обиталища, когда для их временного приёма в наличии было предусмотрено некоторое свободное от души тело. В этом и заключается героизм г-жи Викленд, весьма очаровательной и культурной дамы, находящейся в гипнотическом трансе рядом с субъектом в готовности принять в себя захватчика, как только тот будет изгнан из одержимого им тела. Личность и характер этого неразвитого духа определяются, когда он говорит устами этой дамы.

Субъекта привязывают к электрическому стулу – это привязывание крайне необходимо, поскольку многие из них являются неистовыми маньяками – после чего включается ток. Эта электризация не воздействует на пациента, поскольку характер её статичен, но причиняет сильнейшие неудобства паразитирующему духу, каковой тут же старается найти приют в бессознательном теле г-жи Викленд. Затем следуют изумительные разговоры, подробнейшим образом приведённые в данном томе. Дух-одержатель подвергается перекрёстному допросу со

^{* &}quot;Thirty Years Among The Dead" by Dr. Wickland.

^{**} Библиотека-магазин, основанная и руководимая самим А.Конан-Дойлем. (Π . Γ .)

стороны доктора, который увещевает его, объясняет ему все невыгоды его положения и в конце концов отпускает, либо передав его заботам какого-нибудь непременно присутствующего при этой процедуре Высшего Духа, либо, если одержатель не проявляет готовности к раскаянию, отдаёт его во власть некоего более сурового духовного распорядителя».

«Для учёного, не знакомого с психическими исследованиями, такого рода утверждение, будучи подано в неприкрытом виде, звучит просто дикостью, но мне-то нет надобности требовать от д-ра Викленда доказательств его правоты, я просто говорю, что наш опыт в кружках духовного спасения содержит в себе общую идею, и что, как было признано, д-ру Викленду удалось добиться полного исцеления в случаях, которые были неизлечимы всеми другими методами. Как бы то ни было, всё это является очень убедительным подтверждением нашей теории.

По всей видимости не каждый открыт для подобного вторжения, но лишь те, кто наделены необходимой для того психической чувствительностью. Это открытие, когда оно будет в полной мере разработано, станет одним из основополагающих фактов психологии и юриспруденции будущего».

«Итак, повторю: медиумические способности даются лишь избранным и даются оне ради утешения человечества и доказательства бессмертия нашего. Способности эти никогда не предназначались для использования в бытовых, житейских целях. Когда же кто-то пытается употребить их для этого, то ничего, кроме неприятностей, как для медиума, так и для клиента не происходит».

XLVI. Добро должно уметь постоять за себя

Сия планета выступала в функции чистилища, но в ней всё более усиливается тенденция стать адом.

Невозможно составить себе верное представление о человеке, видя только хорошее, что в нём есть, и закрывая глаза на дурное, ибо человек на вселенской чаше весов есть разность хорошего и дурного, ему присущих.

Нередко спрашивают: «Как познать, что Свет, что Тьма?» Ответ прост: смотрите и сами решайте! Кто идёт от лица Света, тот несёт с собой единство, стремится к соединению, слиянию, синтезу. Кто выступает от лика Тьмы, тот несёт раскол, повсюду сеет разъединение, разложение, анализ.

Много зла в мире, но, глядя на картину этого зла, сторонника и ратника Света радует прежде всего то, что и в рядах самого зла нет даже никакого подобия единства: силы Зла непрестанно воюют не только с силами Добра, но и бьются между собою. Нет единенья во Зле, и, бьясь с самим собой, оно высекает во тьме своей искры Добра, которые, раз вспыхнув, становятся для него уже необоримы.

Тьма много вредит свету, но в конце концов свет рассеивает тьму.

Тёмные на полном серьёзе воображают, будто они делают погоду; на самом же деле погоду делаем Мы, они же делают непогоду.

Можно остановить часы, но нельзя остановить время. Точно так же можно физически умертвить пророка, но невозможно уничтожить истину или как-то пресечь её поступательное движение в человечество.

Не бойтесь Света, сколь бы ярок он ни был: он — ваше первородное право, ваша стихия, с коей вы в конце концов сольётесь. Не бойтесь и тьмы самой тёмной, ибо вы — явление Света, а Свет рассеивает тьму.

В наших условиях Добро должно быть что называется «с кулаками», т.е. уметь постоять за себя. Я также считаю, что соображения вежливости и хорошего тона в сфере мышления и творчества недопустимы: этак всё хорошее и прекрасное необходимо будет растоптано тупоумным стадом посредственностей, которые и без того всё время провозглашают себя критериями истины и красоты. Яркие примеры тому мы можем наблюдать не только в сфере мышления и исследования, но и в сфере творческой, прежде всего – в музыке и поэзии: всюду бездарность превозносится и провозглашается эталоном, тиражируется и процветает. Вольтер говорил, что лучшее враг хорошего, мы же, в стране нашей, до таких вершин ещё не доросли, наш лозунг куда скромнее: хорошее – враг мусора, и, соответственно, наоборот.

Никто не создан для блаженства, и все созданы для испытаний. Кто блаженствует сейчас, будет страдать потом, потому что не понял своего назначения в этой жизни.

Мы страдаем ради грядущего блаженства – всегда следует твёрдо и крепко помнить это и знать.

Из совершённого нами зла Бог в неисповедимой мудрости Своей и бесконечном уменьи знает, как сделать добро, кое совершится.

Всё в этом мире устроено так, что всякое зло, нами содеянное, рано или поздно обращается против нас, и чем позже, тем хуже; и всякое добро, нами сотворённое, рано или

поздно возвращается к нам, и чем позже, тем лучше.

Делать хорошее дело ради того только, чтоб заработать денег или добиться известности, значит делать его плохо и делать ради дурной цели.

Сознательно творимое зло виновнее бессознательно творимого зла; корыстно творимое добро похвальнее бессознательно творимого зла; бескорыстно творимое добро благороднее корыстно творимого добра — и каждому из них воздаётся по заслугам.

Всяк должен творить добро на пределе своих возможностей, ибо он ответствен за зло, какое совершится из-за того добра, которое не было сделано им.

Всякое страдание - это наказание в действии.

Зло, которое ты причинил другому, становится твоим собственным злом, и освободиться от него ты можешь, только претерпев его на себе от другого.

Творящий зло — палач самому себе, а заблуждающийся — свой тюремщик. Борьба с мировой несправедливостью, в конечном счёте, сводится к борьбе с человеческой глупостью.

Кто сам страдает и потому хочет заставить страдать ещё и других, от того пострадает ещё сильнее.

Задавшись целью причинить зло, мы не совершим и половины того зла, которое творим, ничего не подозревая об этом.

Зло отягчает, добро облегчает. Казалось бы: насколько простая, избитая и банальная мысль. Но главное: насколько глубокая! Глубокая до такой степени, что мир её не понимает, не принимает и игнорирует.

Вот, пожалуй, чрезвычайно важный вопрос: обесценивается ли само доброе и хорошее дело из-за того, что некто делает его ради скверной цели — например, из-за денег или из желания прославиться? Мне почему-то кажется, что само дело не обесценивается; обесценивается заслуга того, кто им занимается.

Тот, кто творит много зла, должен также творить много добра, ибо только так может он уравновесить своё зло, и тем самым хоть как-то облегчить свою участь.

Люди действительно, без всякой агитации и пропаганды, перестанут быть злыми, когда поймут, что вся их злоба происходит лишь от их собственной глупости, их собственного непонимания и незнания своих настоящих интересов и означает их действительное ущемление.

Карденизм освобождает человека от присутствия Сатаны, в этом его преимущество перед обычным христианством; он же указывает человеку на его истинную природу, напоминает ему о её неуничтожимости и приобщает человека к Беспредельности и Вечности; и в этом преимущество карденизма перед марксизмом и всякой иной доктриной, измышлённой человеком для самообмана и коснения в иллюзии.

Единственно благими усилиями людей добрых этот мир держится, и если что и спасёт его, так именно дело этих людей.

В мире иллюзий не следует забываться настолько, чтоб ощущать печаль и боль всеобъемлюшими.

Там, где есть сила духа и могущество воли, нет и не может быть места унынию и отчаянию.

Свобода — это всего лишь возможность самостоятельно принимать решения. Но это дивное качество обременено обязанностью отвечать за последствия принятых решений.

Нам с уважением должно относиться к труду и подвигу Учителей, к Их слову, к Их книгам. Прежде всего, безотносительно. Далее, во-первых, потому что это могут быть действительно наши Учители. Во-вторых, потому что, может статься, это наши близкие друзья. И, в-третьих, потому что это можем быть мы сами.

XLVII. Из всех суеверий самое нелепое – материалистическое

Непонимание сущего всегда мучительно, не понимает тот, кто тщится понять и сознаёт свою тщету.

Одно дело – ничего не понимать, как не понимает обыватель, и другое дело понимать, до какой степени ты ни черта не понимаешь, как не понимает учёный.

«Если философия хочет быть полезной людям, она должна сделать человека своей центральной проблемой», – говорит Гердер, и это воистину так. Но человек как центральная проблема философии – это проблема души и её бессмертия, а отнюдь не метаморфозы материи, не матерьяльное производство или борьба классов. Чтобы не понимать этого, надо быть либо марксистом, либо буржуа, либо бесчувственным и неодушевлённым предметом.

Человек смертен, он рождается и умирает — вот начало всякой философии. Всегда только от этой печки и танцевать следует, чтоб придти к верным выводам.

Для меня, философия — не праздное и холодное умствование, но деятельное и жизненное духоводство к нравственной жизни.

Какую человек успел прожить жизнь, до такой философии он в конце концов и докатился. Иначе не бывает.

Если философ одновременно ещё не поэт, да в придачу к тому пишет длинные, нудные трактаты и нумерует в них никому не нужные параграфы, то он — и не философ вовсе, но просто канцелярская крыса, в лучшем случае — на манер Гегеля, в худшем — на лад нынешних дипломированных дармоедов и болтунов.

Между доктором философии и философом та же разница, что между дипломированным сочинителем агитационных или каких-то порнографических частушек и настоящим поэтом.

Преподаватель, доктор или профессор философии и - о, боже! - сам академик ещё не философ, точно так же, как книжный шкаф - ещё не литература. При этом неважно, есть в шкафу книги или нет, а у учёных мужей есть ли учёность или же нет.

Подобно тому как поэт не тот, кто по заказу слагает патриотические вирши, вымучивает политические частушки или юбилейные поздравления, но тот, кто неустанно творит, следуя своему внутреннему призванию, так и философом человек становится отнюдь не в зависимости от того, защитил ли он какую скучную диссертацию или же нет; более того, не предаваясь такой скуке, тем вернее становятся философом, ибо философ это — отнюдь не неуклюжий болтун, не схоласт, не софист, но огненный дух, опаляющий всё пыльное и нечистое.

Если б не было философии духов (что, к счастью, не так), — философии спиритизма, объясняющей всё и к тому же основанной на действительных фактах, подобно физике, основанной на действительных фактах и познающей на основе их объективно данные законы неживой природы, — если б, говорю я, не было философии духов, то единственной философией, достойной следованья, была бы одна только философия Шопенгауэра — честная философия одиночества, отчаяния и деятельного уныния.

В диалектической взаимосвязи и обоюдном влиянии явлений жизненно важно верно определить, правильно найти руководящее, главенствующее, направляющее звено. Например, сознавая взаимосвязь общественного бытия и общественного сознания, недвусмысленно уразуметь, что именно общественное сознание определяет общественное бытие, а не

наоборот. Тем более, что в этом вопросе сегодня, когда хорошо известны выводы и практическое воплощение обоих этих взглядов – верного и неверного, – не так уж трудно решить, какого вывода держаться.

Солнце светит всем и греет всех, но не для всех оно вращается кругом Земли. Очевидное не всегда истинное, но не все понимают это.

Человек, удовлетворённый матерьялистическим объяснением мира, подобен ребёнку, заворожённому игрой марионеток, не видящему ничего, кроме них и сцены, по которой оне двигаются, и не замечающему ниток, за которые их дёргают невидимые руки, и ничего не подозревающему о существовании этих рук и того, кому оне принадлежат.

Всякий материализм (понимаю его просто как отрицание духовного и божественного начал) естественным образом сводится к самому беспросветному пессимизму, если только он (материализм) не впадает в чувственные или общественные иллюзии, каковые, однако, опятьтаки неизбежно разрешаются самыми жестокими разочарованиями. Иначе оно и не могло бы быть.

Кто не верит в Бога, тот, стало быть, верит в пустоту и поклоняется небытию. Отсюда и его естественное желание мертвецки напиться или пустить себе пулю в лоб.

Человек, чьё мышление заражено чисто механическим видением мира, мыслит неполноценно. При этом, механическое понимание мира механизирует и самого человека, и он, хотя и не становится роботом, но перестаёт быть человеком. Если он добросовестен в своём ущербном мышлении, то неизбежно должен придти к отчаянию пессимизма. Он похож на мокрого, перепуганного мышонка, стоящего перед огромным, голодным тигром.

Оптимист дальнего прицела в глазах людей, не видящих дальше собственного носа, обычно выглядит пессимистом самого мрачного толка.

Почему-то многие не знают, что проблема не в пессимизме или оптимизме, а в нехватке мозгов. Возможно, что именно поэтому и не знают.

Глупцы, которые в последнее время занимаются пописываньем «философских» сочинений, имеют твёрдую внутреннюю убеждённость в том, что целью всякого рассуждения и доказательства является обоснование того идиотского постулата, будто человек — просто мыслящий кусок недоброкачественного мяса. Им невдомёк, что будь он таковым, то ему было б не под силу произвесть даже и эту кретинскую идею. Вся нынешняя официальная «философия», по своим масштабам и значимости, — какая-то гипертрофированная гибель амёбы.

Философия, бывшая некогда сравнительно невинными заблужденьями, стала ныне, когда господствующие силы заинтересованы в реакции, утончённым средством политического надувательства всех простофиль и недоумков.

Философия не так уж часто отвечает своему названию, ибо когда знакомишься со многими её детищами, то невольно поражаешься прозорливости авторов, которые, как то им кажется, обсуждают вопросы весьма важные, но человеку беспартийному, к сожалению, столь часто напоминающие содержимое выеденного яйца. И тогда видишь, что всё это вовсе не «я люблю мудрость», но обычно и чаще всего — «я люблю глупость».

Среди профессиональных мыслителей – и при нынешнем положении дел это закономерно – недостатка в олухах нет.

Материализм – это плоское отражение действительности, поскольку он задерживается

на видимой поверхности вещей, тогда как спиритизм, высшая форма идеализма, — объёмное отражение действительности, поскольку он проникает в невидимую глубину их.

Исповедывать материалистические взгляды, любить вещи, быть рабом материи – всё это значит играть в прятки со своей душою.

Из всех суеверий самое нелепое — материалистическое; оно совершенно бездуховно, или должно быть им в слабость (не в силу!) самой своей главенствующей идеи о первенстве материи над духом. По сути, материализм пытается найти причину движения в порождаемых им свойствах.

По взглядам «благородных» дураков, быть умным – это обязанность простолюдина.

Философия материализма – вполне достойная философия для тех, кто никогда не пытался заняться философией.

XLVIII. Физиологическая психология – мёртвая психология

Неделимость атома спокон веку была сутью всего материализма («атомос» по-гречески значит неделимое), и поэтому, с той поры, как наукой было доказано, что и этот кирпичик мироздания также, в свою очередь, делится и подразделяется на ещё более мелкие элементы, материализм и строящиеся на его основе теории потеряли под собою всякую почву, свой raison d'être, и остаётся только удивляться их упрямой живучести после нанесённого им смертельного удара, тем более ужасного, что сделан он был совершенно неожиданно и рукою своих же друзей-естествоиспытателей. Если при этом материалисты надеются парировать сыплющиеся на них новые удары палкою диалектики, то им следует знать, что палка эта о двух концах. И поэтому им, отбиваясь от ударов в тумане, напущенном ими на понятье материи, следует быть готовыми к тому, что они не ударят по голове никого, кроме самих себя.

Теоретический материализм — это ступень философского младенчества человечества, через которую ему уже давно пора бы перешагнуть.

Материалисты, хотя и воображают, будто они возвысили человека, на самом деле лишь унизили его и оскотинили.

Удовольствие, наслаждение – вещь отнюдь не безобидная, и в ней, если потерять точку опоры, а её теряет всякий, кто желает видеть в наслаждении самоцель и цель человека, в ней, говорю, очень легко дойти до извращений. И если для большинства людей самые сильные удовольствия не духовные, а телесные, и среди последних естественным образом выпирает секс, и если при всём том люди эти лишены всяких истинных основ подлинной нравственности, каковые отметаются материализмом, поскольку он неспособен разумно и логически обосновать их, рассматривая их в глубоком анализе своём как предрассудок, подлежащий изживанию, то людскому большинству этому неизбежно остаётся лишь дорога, протоптанная маркизом де Садом, который создал единственно последовательную, сказавшую «А» и сказавшую «Б» материалистическую философию, который логично обосновал свои принципы и способен убедить всякого материалиста, если только тот согласится его слушать и если у него хватит ума понять его. Следует помнить, что де Сад с восторгом приветствовал французскую революцию и что философская основа у него в общем-то та же, что и у французских материалистов-просветителей (см. начало трактата в его «Философии в будуаре»). И сам-то он почитал себя носителем свободомыслия и наиболее прогрессивных идей человечества, потому что от их основы он шёл дальше, к логичным выводам из неё и тем показал её конечную, не зримую ему самому гнусность (есть всё-таки какой-то горький юмор в том, что во всяком безумии своя логика имеется!). Да, в отличие от этих просветителей, он, без обиняков и эвфемизмов, взялся исследовать самую важную пружину человеческих действий и поступков и, анализируя её на принципе приоритета наслаждения, дошёл до таких ужасов и мерзостей, что никто не пожелал его понять. В этом выражается половинчатость человеческой природы, неспособной к крайностям даже в дурном. И всё-таки бескомпромиссный, последовательный, рассудочный материализм неотвратимо ведёт к садизму. Это дорога мрака, по которой служители тьмы желали бы тащить серую массу земного человечества. Все половые извращения ведут туда. И не пускает людей туда только то обстоятельство, что они, по слабости своей природы, испытывают достойное обезьяны отвращение к философии, как к истинной, так и к ложной, из-за чего аргументация учителей мрака остаётся пустым словесным фейерверком. Но ведь по этой же причине серость не идёт и к свету, а продолжает жить полусознательной жизнью животного.

Как люди нынешние выродились, обмельчали! Мало кто думает о правде и истине и своём отношении к ним. Никто не в состоянии стать не то что водителем и спасителем человечества, но хотя бы даже отрицательным героем, «злым гением», т.е. сознательно определить себя как врага добра и истины и бороться с ними: люди просто не думают о таких

вещах и живут по рутинной инерции серой повседневности. Каждый стремится лишь к тому, чтобы своей муравьиной возьнёй, нанося малые катышки навоза в одну большую кучу дерьма, обеспечить тем себе сравнительно безбедную и спокойную старость, до которой он, может быть, и не доживёт, надорвавшись за ношением ежедневной порции копры. Причём неучастие в этом всеобщем требушении каловой массы называется у них «потерей времени»: «Ты теряешь время!» — говорят тебе. Переводя умственное и моральное состояние людей на иную плоскость понятий и ощущений, можно сказать, что люди сегодня — копрофаги, а отнюдь не вдыхатели цветочных ароматов!

У маркиза де Сада материализм показан во всей своей беззащитной гнусности. В этом, собственно, и состоит вся польза его отвратительных писулек.

Возмутительно и мерзостно, когда в ничтожестве своём и невежестве высшие духовные истины ставят в зависимость от своего желания переспать с кем-либо, когда в этом желании видят нужду очернить и опровергнуть всё, что выше его и за него выходит. (Прекрасный пример сему — ироничные сочинения Жакоба Верна, швейцарского автора конца XVIII века, плоские рассуждения сладострастных персонажей которого простофиля может принять за высшие достижения философской мысли.) Спи с кем и сколько хочешь, спи, но не трогай своим убогим умишком того, с чем он соприкоснуться не в силах. Между тем, именно такова всегда «логика» атеистов: слишком многие из них видят в своей похоти силу, противостоящую всемирному порядку вещей, силу, способную как-то повлиять на него, силу, достойную того, чтоб стать рядом или, вернее, превыше самих основ сущего! О, глупцы! вам даны спички, т.е. огонь, но вы, не умея обращаться с ними, словно дети малые, сжигаете свой дом и тщитесь спалить весь город!

То, что возвышает человека над материей, и отличает его от скотины.

Есть вещи, кои невозможно критиковать серьёзно; и одна из них – это дело, за которое бъётся материализм.

Философия материализма по сути своей глубоко наивна и едва возвышается над уровнем самосознания животных.

Великое множество людей, несмотря на все мытарства этой жизни, всё же вполне удовлетворено «идеалами» материального существования и не в состоянии даже помыслить себе что-то иное и лучшее. Их положение, думается мне, всего более напоминает положенье свиньи, которая вполне удовлетворена своей жизнью, так как она всё время материально наслаждается: ест до полного пресыщения, тучнеет и непрестанно совокупляется со свиноматкой или, соответственно, с хряком. Свинья вполне счастлива, и её единственное желание — жить так целую вечность. Но если взглянуть на этот процесс не изнутри, а со стороны: постоянно жрать всякую гадость, в том числе и испражнения, всегда быть в грязи, не иметь никаких умственных и духовных запросов — какая ужасная, несчастная, жуткая жизнь! Так и люди, особенно же те из них, которые здесь почитаются «преуспевающими», изнывая от непосильной, отупляющей работы днём, развратничая по ночам, не зная истинных радостей и удовольствий, готовы признать себя вполне счастливыми, и их единственное желание лишь в том, чтоб им быть телесно бессмертными и чтобы тогда так оно продолжалось вечно. Как прекрасно то вышнее установление, которое не дозволяет подобной мерзости!

Материализм – это духовное убийство и, в конечном счёте, – духовное самоубийство.

Суеверия материализма — самые дикие из всех суеверий. По словам В.Н.Ильина, «человеческой личности, в её вечной форме, грязные руки в неудобосказуемой посудине протягивают смрадное приторное ядовитое пойло: выпей и умри!»

Марксистская философия учит, что мы живём лишь раз, что, разумеется, не так. Но

даже если и согласиться, то это ли довод в пользу того, чтоб жить поскотски?

Безусловно то, что в предлагаемых материалистами «ценностях» нет ничего ценного.

Материализм опирается на неверие, предлагает человеку небытие, как смысл его жизненного движения, и эгоизм, как утешение; помимо того, он ничего не объясняет и ничего не способен доказать.

Неофициальным девизом всех материалистов является изречение Протагора о том, что человек есть мера всех вещей: существующих в том, что оне существуют, и несуществуюцих в том, что оне не существуют. Но ещё Платон показал полную несостоятельность такого утверждения, вложив в уста Сократа доказательство того, что данное положение равносильно другому, ему родственному — свинья есть мера всех вещей. И в самом деле, почему именно человек есть мера всех вещей? Здесь явный отход от истины, открытое нежелание признать стоящую над человеком объективную реальность. И потому правомерно влезть в шкуру свиньи и заявить, что ни наук, ни искусств, ни ремесёл, ни вообще чего-либо, кроме жёлудей и того, что можно съесть или в чём можно выпачкаться, не существует.

Вполне допустимо, что примитивная философия материализма царит в физике и химии, где собственно и изучают материю. Там эта философия уместна и не приносит вреда. Но совершенно непостижимо, как может быть материалистом, к примеру, математик (я имею в виду не столько геометра, сколько алгебраиста). Ведь он имеет дело с какими-то нематериальными, умозрительными, можно сказать духовными, сущностями, он не сам создаёт их, а открывает кем-то от веку установленный дивный порядок, порядок не на материальном, а на духовном уровне. Алгебраические сущности не могут быть зарегистрированы никакими приборами, обнаруживающими материю, и всё же оне существуют в сознании математика и вне этого сознания, существуют объективно и правят материальным миром. Попробуйте-ка так же взглянуть на природу души. Обнаружить или увидеть её нельзя, так же как нельзя увидеть или обнаружить число. Но тем не менее число существует, и вы признаёте его существование, так почему же вы не желаете считаться с существованием души? Быть может, потому, что вы никогда не давали себе труда попытаться хоть чуточку познать себя? А кто создал этот дивный математический порядок, проявляющийся в железных и всепронизывающих законах? Ведь ни законы эти, ни сам порядок не имеют никакого отношения к материи. Нет, математик не может быть материалистом, он должен быть глубоко и неподдельно религиозен: того требует его предмет.

Математика есть не что иное, как вселенская, точнее, божественная мысль в действии. Её отражения в человеческом уме и на бумаге, проявляющиеся в расчётах, уравнениях, графиках и прочая, — не более, как тень вечной математики, существовавшей от века до появления первого человека и которая будет существовать после исчезновения последнего. Математика, т.е, Бог, правит миром, а всё остальное — чепуха.

Всякий раз как мыслитель-материалист говорит о существовании у жизни, жизни в смысле самом общем и отвлечённом, цели, и тем более, разумной цели, он тем самым контрабандой и под вымышленным именем протаскивает в свою систему идею о боге, ибо у неразумной и никем не управляемой материи не может быть ни цели, ни разумности.

Отставание психической науки от физической прямо-таки чудовищно: если физическая наука уже имела своего Ньютона и своего Эйнштейна, если биологическая наука находится на уровне Коперников, то психическая всё попрежнему блуждает среди Гиппархов и Птоломеев.

Психология, построенная не на спиритуалистической, а на материалистической основе, подобна волу, которого используют в качестве племенного производителя.

Материалистическая психология есть физиологическая психология, мёртвая

психология. К психологии истинной, живой, она имеет так же мало отношения, как жизнь электронных устройств к собственно жизни: это разница между бездушной механикой и одухотворённым творчеством.

XLIX. Понимать и Платона, и Демокрита

Нелепый вопрос о том, может ли машина мыслить, является естественным продолжением материалистического мифа о производности сознания от материи. Никогда не было и не будет создано машины, способной мыслить, ибо мышление есть свойство высокоорганизованной жизни; жизнь же не есть нечто рукотворное, а также не есть продукт материи, как утверждают материалисты, но важнейшее свойство духа. Поэтому-то машина, не будучи одушевлена, может делать самые невероятные вычисления, может знать бесконечное множество самых различных фактов, но она никогда не сможет хоттемь, т.е. иметь собственную волю, она всегда будет действовать по программе (самосовершенствование у машины — тоже всего лишь программа), не задаваясь вопросом, как она к программе этой относится, т.е. хочет ли она её сама-то или нет. Оттого-то машина никогда не сможет стать личностью, а останется тем, чем ей и положено быть — вещью.

Люди, в представлении которых спиритизм заключается лишь в верчении столов и которым это представление даёт мнимое основание почитать себя знатоками этого дела, пренебрегать им, судить о нём и снисходительно улыбаться, походят всего лишь на детей, которые бы, узнав, что дважды два равно четырём, возомнили себя знатоками арифметики и, потеряв всякий интерес к математике, исполнились бы снисходительного неверия в неё.

Учёные, занимавшиеся некогда «психическими исследованиями», всего лишь пытались, фигурально говоря, научиться составлять из букв слова и сильно сомневались при этом в возможности такового действия. И за десятилетия своих кропотливых исследований они едва ли на шаг продвинулись в этом направлении. В то время как серьёзные и философски настроенные умы предоставили возможность высказаться самому феномену, благо тот, как выяснилось, обладал даром человеческого слова. В результате люди, непредвзято мыслящие, давно получили (ещё аж в середине XIX-го века!) от высших, надстоящих земному человечеству умов обстоятельные и пространные объяснения по всему кругу онтологических, богословских и антропологических проблем. Их учение, учение Высших Духов, ясно и внятно выраженное в «Книге Духов» Аллана Кардека, объясняет практически всё. Надо только смирить свою гомосапиенскую гордыню и попытаться понять сказанное там и на других аналогичных страницах.

По взглядам йогов, спиритов и вообще оккультистов, мысль не является производным мозга и вовсе не скрывается где-то в «мозгах». По отношению к мысли и нашему сознанию мозг и тело выступают в той же роли и функции, что и радиоприёмник в отношении получаемой и озвучиваемой им радиопрограммы и радиопередачи. Вот почти точная аналогия происходящего на самом деле. И чрезвычайно важно её как можно лучше понять и усвоить. Для меня самое поразительное — то, что люди в состоянии не то чтобы усвоить, а хотя бы уловить столь простую мысль.

Быть материалистом значит считать, будто тело и есть сам человек, и сводить человека единственно к телу. Тому, кто придерживается такого взгляда, не избежать и соблазна смешать человека с содержимым его кишечника, что многие и делают. Воистину ассенизаторская философия! Каких только скотств и преступлений ни ожидать от неё! Позор вам, материалисты!

Противопоставлять материализм идеализму значит разбирать на детали сложный прибор человеческого познания, который в разобранном состоянии не может полноценно работать.

Противопоставлять Демокрита Платону, или наоборот, значит не понимать ни Платона, ни Демокрита. В морали они совершенно тождественны, а в остальном – Платон занимается изучением мира идей, а Демокрит – мира материи. Ни одно, ни другое не исключают друг

друга, но лишь дополняют, ибо стоят они на разных иерархических уровнях.

Материализм — это ограничение, ограничение зрения зрителя и ума мыслителя, но воспринимаемое им не как собственный недостаток, а как реальная граница внешнего. Это — очки, о которых он забыл и забыл, что они сидят у него на носу, но думает, будто они оболочка внешнего мира, на который он смотрит. Как только материалист снимет эти очки, устранит это ограничение, т.е. перестанет отрицать реальность мира духовного и действительность вещей духовного порядка, материализм сразу исчезнет, а все достижения его науки органически вольются в то цельное знание, от которого их искусственно отделили.

Партийность философии — это глупость философии. Открыто партийная философия — это откровенная глупость; скрытно партийная философия — это глупость таящаяся, ибо глупо вселенский порядок вещей, надстоящий человечеству, его сварам и распрям, довлеющий над ним во времени и пространстве, ставить в зависимость от человеческих страстишек и борьбы мелких людских интересов. Это опять-таки: часть надрывно кричит, что она-де больше целого. Партийность — это попытка и претензия обосновать сущее интересами своей шайки.

Маркс исследовал больное общество, установил симптомы болезни и частичные законы, по которым эта болезнь развивается. Но было бы глупым ребячеством полагать, будто, изучая болезнь и характер её протекания, можно составить себе понятие о здоровье, будто, изучая хронически больное общество, можно представить себе общество совершенно здоровое и понять, что делает его здоровым.

Борьба классов, теория прибавочной стоимости и тому подобное потому не могут быть исходной точкой для истолкования и познания сущего, что сущее есть не только там, где нет классов и их борьбы, нет прибавочной стоимости и даже самой её теории, но и там, где нет носителя всей этой шелухи — земного человека.

Борьба классов влияет на организацию производства и определяет то, как будут распределяться матерьяльные блага, но не более того. Пытаться же проследить под этим углом зрения развитие цивилизации и культуры, видеть в этом основное звено эволюции было бы ребячеством.

В самом стремлении рассматривать историю с позиций развития промышленности и производства, а не развития или упадка мысли (т.е. философии, науки, религии и искусства), в самом этом стремлении, говорю, есть что-то неблагородное, что-то торгашеское и жидовское. Сама возможность подобной позиции, как таковая, являет крайнюю степень духовного оскудения.

Как бы ни были огромны материальные завоевания и успехи, они всё же не сделают человека ни лучше, ни счастливее. Лишь самопознанию и самосовершенствованию это под силу.

Не стоит строить себе иллюзий по поводу возможности создать в мире сем какие-то идеальные общественные институты, которые раз и навсегда отладят жизнь общества по совершенным законам гармонии. Ещё Гёте писал: «Время неизменно идёт вперёд, и все человеческие дела приобретают через полвека иную форму, так что учреждение, которое для 1800 года было совершенством, уже в 1850 году, может быть, станет преступным». Действительное решение этой проблемы возможно только на духовной плоскости и между духовными людьми.

Марксизм — самый последовательный и серьёзный материализм; спиритизм — самый серьёзный и последовательный идеализм. Сопоставим оба этих мировоззрения, чтоб увидеть, откуда они берутся и к чему стремятся, на чём они основаны и каков их идеал; словом, посмотрим, что тот и что другой могут дать человеку и насколько серьёзно можно принимать

тот или другой, исходя из их происхождения.

Итак, спиритизм. Что предлагает он человеку? То, что он предлагает, слишком значительно и влечёт за собою столь важные и многие следствия, что всё это невозможно рассмотреть с какой-либо полнотой на одной или ста страницах; здесь можно лишь упомянуть самые фундаментальные вещи.

Во-первых, он дарует человеку бессмертие (вдумайтесь только в это слово!). Но не просто абстрактное бессмертие, но также и индивидуальное бессмертие для каждого из нас. Затем он объясняет ему, почему он бессмертен и в каком виде он (человек) действительно существует, и объясняет ему, что он (человек) такое есть. Одновременно он приводит его к пониманию необходимости существования Высшего Разума, творца всего сущего, и к признанию этого Разума. Человек вдруг уразумевает, что понятие об этом Разуме и признание Его нисколько не унижает его самого, как то считают материалисты и атеисты, но наоборот возвышает его и самого по себе, и относительно к животным или невежественным и скептичным людям, не достигшим ещё той ступени самореализации, с которой начинается Богопознание.

Далее, человек начинает видеть братьев по духу, происхождению и целям во всех людях, проникается любовью к ним и ко всему живому, начинает *бескорыстно творить добро*; значение этого обстоятельства трудно переоценить в смысле социального переустройства земного мира. Человек обретает сознание ответственности за свои дела и мысли и понятие о высшей вселенской Справедливости. Одновременно он понимает причины, условия и необходимость зла, царящего сегодня в земном мире.

Он начинает сознавать беспредельность Эволюции и Вселенной, начинает понимать свои место и роль в природе великого Целого, частью коего он является, проникается гармонией и музыкой миров и пространств; короче говоря, приняв это мировоззрение и претворяя его на деле, человек из рабочей скотины и пушечного мяса делается Гражданином Вселенной – со всеми вытекающими из этого последствиями.

А какова тогда цель не ограниченного временем человеческого существования? Она, как было уже сказано не раз, состоит в том, чтоб всё улучшаться, постоянно развиваться, вечно совершенствоваться, подниматься в духовной Иерархии, всё приближаясь к Творцу, и там сотрудничать с Ним, совместно с Ним созидать новые миры, руководить их развитием, бдеть над исполненьем вечных законов и развитием космических человечеств. Такова в немногих словах суть предлагаемого человеку спиритизмом. Каждый волен понять, сколь многое стоит за этими словами.

А что предлагает человеку марксизм? (Не буду здесь затрагивать, оставляю в стороне обсуждение самой по себе сомнительной возможности осуществить коммунистические идеалы, исходя из материалистических, т.е. по сути эгоистических воззрений.) Он предлагает человеку считать себя не БЕССМЕРТНЫМ ДУХОМ, но просто куском мяса с костями, который, пока жив, обязан заниматься лишь грубой материальной работой, а после того, как износился его организм, должен сгнить в земле, сгореть в печке или пойти на корм рыбам.

Вместо беспредельности Вечности – жизненное мгновение 20-90 лет, вместо бесконечности Космоса – всего лишь поверхность земного шара или (если говорить о жителях С.С.С.Р.) вернее даже сказать – территория одной страны, одного города. Вместо бесконечного совершенствования – грубая, отупляющая работа.

А каков идеал? К чему стремиться? Ради чего всё это? Ради какого-то там блаженного состояния, именуемого «коммунизмом», — идеального общества всё тех же несколько облагороженных кусков мяса, по сути вещей всё равно лишённых духовности и подлинной культуры.

Не разбирая здесь принципиальную возможность или невозможность реального достижения обществом идеального состояния материального процветания, посмотрим, в чём, собственно, заключается это состояние? Это, говорят нам марксистские теоретики, когда всего будет вволю, будет такое материальное изобилие, что, бери, что тебе хочется, а на складе всего будет всё равно много. При этом, правда, надо быть достаточно «культурным», «сознательным», т.е. не хапать больше, чем можешь съесть; надо разумно ограничить свои потребности. Например, ты можешь безвозмездно и совершенно бесплатно взять у общества в личное владение миллион автомобилей, можешь иметь тысячи дач, и никто от того не пострадает и не обеднеет; но только зачем тебе так много? Ты имей столько, сколько ты с толком можешь употребить, и тогда тебе, наверное, больше 15 машин и, ну, скажем, 10 дач не надо будет (именно на таком скромном уровне и пыталась ограничить свои аппетиты советская элита). А скучно станет тебе от этого изобилия всего у всех, так ты пойди и поработай на ещё большее благо изобильного общества, пусть в нём всего этого ещё больше будет!

Так прямо и хочется спросить вместе с Омаром Хайямом: «Ну и что?!» Не правда ли, какой варварский, первобытный, дикарский идеалишко – гарантированная возможность есть от пуза, иметь всё что угодно и при этом мало работать? А то, быть может, можно обойтись и вовсе без всякой работы? Конечно же, сегодня не так-то просто наткнуться на этот документ эпохи – «ХХІІ съезд К.П.С.С. Программа партии», но, если у вас окажется такая возможность, вчитайтесь-ка повнимательнее в упоённые строки партийной программы, воспевающей это сказочное блаженство. Не правда ли, какое, говоря словами Бунина, «восторженное порождение хамской фантазии»? Сразу видно, что эту программу с молочными реками и какими-то кисельными берегами писали любители вкусно и плотно поесть, которых долго морили голодом. И это восхваление и восславление еды не случайно. Ведь еда приносит утешение. В этом причина того, что люди так патологически помешаны на еде: они несчастны, и им нужно постоянное утешение.

Ну а теперь, на чём основаны эти два мировоззрения, откуда взялись они? Спиритизм основан на действительных фактах появлений и проявлений духов. Реальность, достоверность и неподложность, вернее, невозможность подложности этих фактов была в ту пору, когда явления эти серьёзно изучались, десятки и сотни раз подтверждена авторитетными учёными и целыми учёными комиссиями, так что сомневаться в реальности этих фактов просто глупо. Что касается до их возможности и даже необходимости этой возможности, то она с исчерпывающей убедительностью доказывается теорией спиритизма, которую отличают безупречная логика, свобода поиска и исследования, творческий и недогматический подход ко всем вопросам и полнейшее безразличие к людской корысти. Само учение спиритизма не придумано каким-то отдельным человеком или группой людей, но продиктовано (не самое удачное слово ДЛЯ обозначения способа, каким оно было передано сверхчеловеческими существами – Высшими Духами, духами высокого ранга, познавателями Истины, возможности познания у которых ограничены значительно меньше, нежели у земного человека. Вот как появился спиритизм. Он, таким образом, имеет внешнее, объективное по отношению к земному человечеству происхождение, так сказать, «дан ему свыше».

А откуда взялся марксизм? – Его измыслили сами люди, причём не самые прозорливые из них. Он, стало быть, представляет собой *субъективную* концепцию отдельных людей, которую тщетно выдают за объективно данную истину. Марксизм возник как гипотеза для объяснения явлений грубой материальной действительности. Затем гипотеза, ставшая задиристой теорией, принялась грубо игнорировать и отрицать всё, что не укладывалось в её достаточно узкие рамки. Марксизм оказался Прокрустовым ложем и для науки, и для философии, и для морали, и для религии. Затем Ленин основательно изувечил и марксизм, заставив служить его целям политического авантюризма, а Сталин окончательно его добил. Поэтому, когда марксистская теория добилась политического господства в отдельных странах,

она одурманила и отравила целые нации хуже, чем то в Средние Века сделал католицизм.

Мыслящему человеку невозможно понять, как ещё можно колебаться в выборе между этими двумя взглядами на мир — всевидящим и всепроникающим, и близоруким и подслеповатым, между объёмным отражением Истины и плоским искажением её?

L. Вера – всего лишь отсутствие знания

«Что касается жизни после смерти, то нам могут возразить, будто религиозная вера уже дала нам уверенность в бессмертии души. Однако вера, как бы ни была она сама по себе прекрасна в отдельно взятом человеке, как явление коллективное всегда была палкой о двух концах. Всё было бы хорошо, если б всякая вера походила на другую и если бы предчувствия и наития человеческой расы были постоянны. Но мы знаем, что это не так. Верить — значит сказать, что вы абсолютно убеждены в истинности вещи, именно истинность которой вы как раз и не можете доказать. Один говорит: «Я верю в то», другой: «Я верю в это», но ни один не имеет свидетельств своей правоты и не в состоянии её доказать. И однако люди постоянно спорят как на словах, так и (в старые времена) на деле. Если один физически сильнее другого, то он устраивает гонения на своего оппонента, с тем чтобы обратить его в «истинную», т.е. в свою веру».

«Потому только, что вера Филиппа II была сильнее и понятнее (ему), он счёл вполне естественным убить сто тысяч нидерландцев в надежде на то, что все остальные их земляки обратятся в его, «истинную», веру. А если бы вместо этого было признано, что у нас нет никакого права провозглашать истинным то, истинность чего мы не можем доказать, то мы тем были бы вынуждены наблюдать факты, рассуждать по поводу их, и тем самым, возможно, достигли бы общего согласия. Именно в этом, в частности, и видится особая ценность спиритического движения. Его основание опирается на более твёрдую почву, чем только священные тексты, предания и предчувствия. Это религия с двойной точки зрения, религия в самой современной форме выражения, ориентированная на оба мира — этот и иной, тогда как старые верования сводились лишь к преданиям одного».

«Некоторые из моих преподобных критиков не преминули повторить старую позорную историю об американских психиатрических больницах, якобы битком заполненных спиритами. В этой сказке нет ни слова правды. Единственные статистические данные, которые я смог обнаружить, собраны д-ром Юджином Кроуэллом, обследовавшим психиатрические больницы Новой Англии, где Спиритизм — явление вполне обыкновенное, и установившим, что из 16.000 душевнобольных спиритами являются только четверо, а 222 оказались (я очень сожалею) священнослужителями».

«Утверждение о том, будто Спиритизм сильно содействует умопомешательству, является полнейшей неправдою. Разумеется, существует определённый склад ума, который легко выводится из равновесия любой формою религии. Но религиозная мания поражает обыкновенно тех, чьи верования отмечены унынием, как, например, вера в предопределение. Спиритизм же есть вера, исполненная счастья, и за сорок лет исследований мне не встретилось ни единого человека, который бы как-то пострадал от него».

«Что же до утверждений других клерикалов, будто спириты выказывают неуважение к Богу и Христу, то заявления эти обусловлены полнейшей неосведомлённостью в данной области, свойственной столь многим из этих джентльменов, вся работа которых, однако, по словам преподобного Оуэна, состоит лишь в том, чтобы как раз в этих самых вещах хорошо разбираться».

«Истинный Спиритизм не принадлежит ни к какому вероисповеданию, но лежит в основе всех религий, и его в равной мере могут исповедовать англиканец, католик, сектант и даже унитарий. При этом индуист и мусульманин могут быть спиритами точно так же, как и христианин. Компромисс не может быть достигнут единственно с материалистом, поскольку наши взгляды диаметрально противоположны».

«Наши противники, полагая, что они нас тем сильно затруднят, всегда укрываются за двумя родами возражений. Первое, это то, что факты, на которые мы опираемся,

недостоверны или ложны; на это я уже дал ответ. Второе, то, что мы затрагиваем предмет запретный, который нам следует немедленно оставить. Поскольку я основывался на точке зрения относительно материалистической, то такое возражение никогда меня не волновало; но тем, кого оно смущает, я бы посоветовал принять во внимание следующие соображения. Основное из них то, что Бог не давал нам способностей, ограничивая нас в употреблении, которое мы можем им найти. Сам по себе факт нашего обладания ими является доказательством того, что наш неотъемлемый долг изучать и развивать эти способности. Правда то, что здесь, как, впрочем, и повсюду, мы можем совершить злоупотребления, если потеряем чувство меры. Однако я повторяю, что обладание этими способностями, как таковое, является веской причиной того, что пользование ими законно и обязательно».

«Следует также напомнить, что этот вопль о «запретном знании», подкреплённый более или менее удачно подобранными цитатами, всегда раздавался только за тем, чтобы остановить всякий прогресс человеческого знания. Он прозвучал когда-то в адрес новейшей астрономии, и Галилей должен был отречься от своих взглядов. Он звучал в адрес Гальвани и электричества. Тот же аргумент был употреблён и против Дарвина, которого бы, несомненно, сожгли, живи он несколькими столетиями раньше. То же заклинание звучало, и когда Симпсон применил хлороформ при родах, ведь в «Библии» сказано: «В болезни будешь рожать детей». Воистину к доводу, который выдвигается столь часто и столь же часто оказывается несостоятельным, нельзя относиться очень уж серьёзно».

«В конце концов, насущные нужды дня сегодняшнего для нас важнее, нежели предписания древних, в основном, как сейчас уже признано, не имеющие никакого отношения к условиям современной жизни. Серьёзная мораль не может основываться на зыбучих песках теологии; в её основе должна находиться забота о здоровье общества».

«Тем, для кого теологический аспект является камнем преткновения, я советую прочитать две коротких книги, каждая из которых написана служителями Церкви. Одна из них - «Идёт ли Спиритизм от Дьявола?» преподобного Филдинг-Оулда. Другая - «Наше «Я» после Смерти» - принадлежит перу преподобного Артура Чамберса. Могу ещё порекомендовать сочинения преподобного Чарльза Туидэйла, посвящённые этой теме. Позволю себе также добавить, что, когда я впервые публично высказал свои взгляды по данному поводу, то одним из первых сочувственных откликов стало полученное мною письмо от покойного архидиакона Уилберфорсского».

«Есть некоторые теологи, которые не только противятся Спиритизму как культу, но и идут дальше, утверждая, что феномены и послания исходят от демонов, принимающих личину умерших, которых мы знаем, либо утверждающих, будто они являются небесными учителями. Трудно предположить, что те, кто высказывает подобные утверждения, хотя бы раз лично наблюдали, сколь ободряющее, утешительное действие сообщения эти оказывают на тех, кому они адресованы. Рёскин заявил, что его убеждённость в грядущей жизни пришла к нему от Спиритизма, хотя он и добавляет к этому (что совершенно нелогично и неблагодарно с его стороны), что, раз убедившись в её реальности, он не пожелал больше иметь к этому никакого отношения. Однако есть многие – quorum pars parva sum, * – кто без всяких оглядок могут заявить, что они повернулись от материализма к вере в будущую жизнь, со всем, что она с собой налагает, благодаря только глубокому изучению Спиритизма. И если именно в этом заключается результат дьявольских трудов и стараний, то можно только сказать, что дьявол этот – работник весьма неловкий, ибо результаты, достигнутые им, слишком удалены от того, к чему он по природе своей должен был бы стремиться».

^{*} Синодальный перевод в этом месте, как и во многих других, неточен. На самом деле речь идёт здесь не о «болезни», но о боли, которая, по замыслу авторов «Библии», всегда сопровождает роды. Им было совершенно невдомёк, что это правило отнюдь не является всеобщим и имеет свои исключения. $(\Pi.\Gamma.)$ к числу коих принадлежу и я (лат.)

«Странно видеть, как некоторые спорщики настаивают на дьявольской природе спиритического общения. Неужели же им не приходит в голову, что если бы это дьявол учил человечество, то он неизбежно стремился бы внушить нам мысль, что нам целиком следует сосредоточиться на делах житейских и выжать из них последнюю каплю наслаждения, потому что после этого, якобы, нет уже ничего и что поэтому не надо бояться никакого возмездия? Разумеется, менее всего он стремился бы проповедовать, что после смерти жизнь наша продолжается и что качество этой будущей жизни определяется нашим поведением здесь».

«Если бы вместо того, чтобы использовать эвфемизм «домашний дух», люди заменили его «ангелом-хранителем», то они получили бы более ясное представление о том, что на самом деле значит Спиритизм. «Библия» также сделалась бы более понятной, если бы люди осознали, что«пророк» был передающим медиумом, а «ангел» - Высшим Духом. Тогда бы старые записи пришли в соответствие с современной мыслью и люди бы поняли, что Бог не мёртв и не дремлет, но что Он и сегодня трудится ради воспитания Своих бедных детей человеческих, как делал Он это в стародавние времена».

«Никогда ещё, по моему мнению, в истории мира не было эпохи, когда Божественное откровение проявлялось бы более явно, чем ныне. Но довольно обыкновенная ошибка человеческая состоит в том, чтобы возвеличивать и идеализировать то, что далеко, и недооценивать то, что близко. Через сто или двести лет сегодняшнее спиритическое движение будет рассматриваться с уважением, как один из величайших поворотных пунктов в истории человеческой мысли».

Фредерик Мейерс разъясняет нелепость такой критики, говоря: «Дьявол не есть существо, признаваемое наукой. Даже явление одержания ставит нас лицом к лицу всего лишь с духами, которые были когда-то людьми, подобными нам, и которые всё ещё движимы теми же мотивами, какие вдохновляют и нас». (Π . Γ .)

LI. Грех и наказание

«Увы, даже для того, кто полностью принимает спиритические взгляды, многое остаётся непостижимым. Вопрос о незаслуженных страданиях — часть более глобального вопроса предназначения боли и зла вообще, который можно объяснить, только предположив, что лишения воспитывают в нас смирение и возвышают нас, и этот итог настолько важен, что методы его достижения в сравнении блекнут. Мы должны принять это временное объяснение — или столкнёмся с хаосом».

«Существование боли и зла можно объяснить разве что на основании предположения о том, что с их помощью происходит духовное очищение и подъём, важность которых столь велика, что средства их достижения по сравнению с ней не имеют значения».

«Когда мы взираем на грех в свете знания, даваемого современной наукой, с присущей современному сознанию мягкостью, а также с характерным для него чувством справедливости и соразмерности, то грех перестаёт быть той чудовищной тучей, которая омрачала всё зрение средневековому теологу. Человек был гораздо более жесток и непреклонен по отношению к самому себе, нежели то может позволить Себе милосердный Бог. Правда, что после всех дедукций, которые необходимо сделать при таком понимании, остаётся ещё многое, что указывает на необходимость индивидуального усилия, а также на возможность сознательной слабости воли и преступной испорченности характера, когда грешник, говоря словами Горация, «зрит высшее и ему рукоплещет, но влечься к низкому не перестаёт». Но когда, с другой стороны, мы делаем скидки — а разве может наше человеческое прощение итти в какое-либо сравнение с прощением Божьим? — на грехи, которые являются неизбежным производным недостаточного развития, на грехи, которые обусловлены наследственностью и врождённой болезненностью, а также на грехи, которые заложены в сугубо физических причинах нашего существования, то общая сумма активного греха значительно уменьшается».

«Можно ли, например, вообразить, чтобы Провидение, всемудрое и всемилосердное, как то провозглашается каждой верой, могло наказывать злополучного негодяя, который вынашивает преступные мысли в своей низколобой голове? Ведь врачу порой достаточно бросить беглый взгляд на черепную коробку, чтобы предсказать преступление. В своих худших формах любое преступление — от Нерона до Джека-Потрошителя — было плодом абсолютного умопомешательства, и те ужасные национальные пороки, на которые делался намёк, повидимому, служат недвусмысленным признаком коллективного национального безумия. Вполне определённо, стало быть, есть надежда, что нет никакой надобности в грозной преисподней для дальнейшего наказания тех, кто были жестоко обделены на земле».

«Некоторые из наших умерших заметили, что ничто не удивило их до такой степени, как выбор тех, кому в том мире было оказано наибольшее уважение, так что ни в коей мере, разумеется, не оправдывая порока, вполне можно представить, что человек, чьё органическое устроение с непреодолимой силой ориентирует его именно в эту сторону, по справедливости может рассчитывать на соболезнование и симпатию. Возможно даже, что такой грешник, если он не настолько глубоко погряз в пороке, как был бы должен, стоит выше, чем человек, родившийся праведным и им оставшийся, но к концу жизни нисколько не улучшившийся. Ведь первый продвинулся в своём развитии, а второй нет».

«Но самый обычный недостаток, тот, носители которого заполняют собой духовные госпитали иного мира и который служит временной преградой естественному счастью посмертной жизни, это грех Томлинсона из поэмы Киплинга, самый обыкновенный порок в респектабельном британском обществе — грех светской условности, грех недостатка сознательного усилия и грех недоразвитости, суррогата духовности, сдобренных самодовольством и удобствами жизни. Это человек, вполне удовлетворённый тем, что перепоручил заботу о своём спасении какой-либо Церкви или более высокой силе без

упорного труда своей собственной души, именно такой человек находится в поистину смертельной опасности».

«Все Церкви, как христианские, так и нехристианские, хороши, пока оне побуждают активную духовную жизнь индивидуума, и все оне пагубны с момента, когда позволяют ему думать, будто через какую-то форму церемонии или какой-то особый фасон веры он сможет добиться для себя малейшего преимущества перед своим соседом или тем или иным образом может обойтись без своего личного усилия, которое является единственной лестницей на небеса».

«Это, разумеется, в равной мере приложимо к сторонникам Спиритизма, как и всякой другой веры. Если вера не утверждается делами, то она тщетна. Можно весьма удобно прожить эту жизнь, следуя без вопросов в процессии за каким-либо уважаемым лидером. Но умирают не в процессии, умирают в одиночестве. И тогда именно приходится в одиночестве принимать тот уровень, который уготован трудами всей жизни».

«Каково же наказание для неразвитой души? Таково: она должна быть помещена там, где она *будет* развиваться; сожаление и грусть при этом, по всей видимости, всегда будут неизменным уделом таких душ. Несомненно, наш жизненный опыт подсказывает нам, что невыносимо самодовольные и антипатичные люди смягчаются, характер их достигает красоты, а мысль — милосердия, когда жизнь достаточно долго и достаточно сильно обрабатывает их в своём горниле».

«В «Библии» говорится о «тьме внешней, где плач и скрежет зубовный». «Библия» – книга восточной поэзии, и зачастую она оказывала дурное влияние из-за нашей привычки читать её и понимать буквально, как если бы то была западная проза. Когда житель Востока говорит о стаде в тысячу верблюдов, он вместо этого обязательно скажет, что верблюдов так много, как волос на голове или звёзд на небе. Именно в этом духе скидки на восточную манеру выражать мысли и следует подходить к тем зловещим и ужасным описаниям, которые омрачили жизнь столь многим впечатлительным детям, а столь многих серьёзных взрослых поместили в дома умалишённых».

«Новое Откровение учит нас, что действительно существуют места «тьмы внешней», но как бы темны ни были эти неудобные залы ожидания, из них из всех в конечном счёте открывается путь на небеса. Это конечный путь следования всей человеческой расы, и не будь оно так, то было бы упрёком Всевышнему».

«Мы не можем выдвигать догматических утверждений о мирах искупления, но у нас есть очень ясное учение о том, что они существуют и что «ничейная земля», отделяющая нас от собственно рая, то «третье Небо», на которое был вознесён Св.Павел, — странное непродолжительное переживание, выпавшее ему при жизни, — является тем самым местом, которое соответствует астральному плану у мистиков и «тьме внешней» в «Библии». Здесь томятся те самые привязанные к земному духи, мирские интересы коих обременили их и совлекли вниз, пока всякое духовное побуждение в них не угасло. Это люди, жизнь которых была сосредоточена на деньгах, на светском честолюбии или чувственном удовлетворении. Человек, одержимый единственной идеей, если только эта идея не была духовной, также наверняка попадёт туда. И совсем необязательно для этого быть злым человеком, ведь брат Джон из Гластонбери, так сильно любивший своё великое аббатство, что никогда не мог расстаться с ним, тоже находится среди духов, привязанных к земному».

«К самым материальным и наиболее выраженным категориям духов относятся те из них, которые вращаются очень близко к нашей материи и оказывались видны даже людям, не обладающим сильным психическим зрением. Насколько мы можем судить по известным нам материальным законам, управляющим *той* материей, призрак, вероятно, никогда бы не смог проявиться, если бы находился в одиночестве. Субстанция, необходимая для его появления,

извлекается им из самого зрителя; озноб, шевеление волос и другие неприятные симптомы, на которые жалуются в таких случаях, в значительной мере обусловлены внезапным покушением на жизненные силы зрителя. Это, однако, уже теоретические рассуждения и отстоят весьма далеко от отношений спиритической науки и религии, рассмотрение которых было целью настоящих страниц».

LII. Путать религию с догмой и ритуалом – пагубная ошибка

«Во все времена любая попытка как-то расширить горизонты мысли и раздвинуть сферу приложения милосердия в истолковании отношений между человеком и его Создателем всегда встречала решительное противодействие со стороны церковников. Однако история учит, что этому противодействию никогда не удавалось остановить постепенное высвобождение человеческого разума из железных оков ритуала и догмы; самое большее, что ему иногда удавалось сделать, — это слегка затормозить подобное высвобождение. Мы в наш век достаточно удачливы уже тем, что и в самом духовенстве, на всех ступенях его иерархии, имеются люди, которые признают, что их религии должны становиться более терпимыми и выказывать более понятливости, если только оне не хотят, чтобы цивилизованный мир от них полностью отвернулся».

«Но тот, кто знает, сколь велик процент самых серьёзных и мыслящих людей в нашей стране, уже вышедших за пределы догматической веры, согласится, что такой исход ни в коей мере не является невероятным».

«Слово «религия» по ходу полемики постоянно используется там, где, как мне кажется, было бы более уместным употребить термин «ритуал». Религия есть связь между каждой человеческой душой и Создателем, и внешним выражением её являются поступки индивида. Все канонические предписания, ритуалы и догмы являются орудиями души в её развитии. До тех пор, пока они содействуют этому развитию, существование их оправдано. Но как только их содействие прекращается, они становятся окаменелыми формами, препятствующими нормальной жизни и росту, и тогда существованию их нет уже никакого оправдания. Но всегда «по плодам их узнают их», и если применять именно этот критерий, то необходимо признать, что Англия сделала значительные шаги вперёд по пути улучшения и поэтому стала более религиозной в истинном смысле слова».

«О каких, спрашивается, «благочестивых днях» скорбят здесь некоторые? Те ли это, что были отображены Хогартом и описаны Филдингом? Когда ещё Англия была столь рассудительна, столь разумна, столь благовоспитанна, столь процветающа и трудолюбива, как сегодня? Что же до упадка этих форм и церемоний, то, невзирая на то, что многие оплакивают их, другие могут видеть в этом упадке только зарю более здоровых, добрых и милосердных дней. Я верю, что наши потомки, оглядываясь на наш век, не только будут видеть в нём век тьмы и предрассудка, но и признают за ним значительный прогресс по сравнению с ещё более тёмными веками, ему предшествовавшими».

«Настаивать на догме и ритуале, или «религии» в смысле, в котором ошибочно употребляют это слово, — значит неизбежно приводить человечество к вечному расколу на соперничающие фракции, поскольку невозможно себе даже представить, будто какая-то одна секта окажется в состоянии поглотить все другие. Мы все как бы стоим на палубе нашего небольшого земного корабля, плывущего по космическому морю с приданным ему компасом. Но по опыту мы ведь знаем, что нет двух людей, которые бы одинаково видели и читали показания компаса. Божественный Создатель действительно даровал нам такой компас, и это есть разум — благороднейшая из всех человеческих способностей. И разум этот говорит нам, что если только каждая секта ослабит непреклонность своей доктрины и станет настаивать на пунктах, которые объединяют её с соседями, вместо того чтобы подчёркивать и усиливать те, что её изолируют, то появится определённая надежда на постепенное примирение теологических разногласий, которые, как я уже сказал, не имеют никакого отношения к истинной религии и были на протяжении всей человеческой истории только источниками кровопролития и всяческих бедствий, причём в гораздо большей степени, чем все иные причины их, вместе взятые».

«Я не верю ни во что способное ограничить силу и доброту Всевышнего. И моя церковь всегда при мне. Кирпичи и известковый раствор не воздвигнут лестницы на небеса. Вместе с Христом я верю, что сердце человеческое — лучший храм Всевышнего. И мне очень жаль, что кто-то по данному поводу не согласен с основателем христианства».

«Мне представляется, что в значительной части материалов, публикуемых в связи с религией, настойчиво просматривается одно и то же заблуждение. И заблуждение это заключается в постулате, будто любая форма ритуала, включая сюда и ритуал хождения в большое каменное здание с целью причащения к великому Незримому, имеет некоторое отношение к истинной религии.

Урок, который преподала мне сама жизнь, гласит, что это совершенно не так. Я знал самых восхитительных людей, которые ходили в храм, и я знал самых дурных людей, которые делали то же самое. Я знал самых восхитительных людей, которые туда не ходили, и я знал самых дурных, которые также воздерживались от этого. Мне ни разу не встретился человек, который был бы добр потому только, что он ходил в церковь, или зол потому, что не ходил туда. И тем не менее в большинстве опубликованных статей такого рода практика расценивается как признак возрастания или убывания религии. Но между этими вещами нет никакой связи».

«Действительными признаками возрастания истинной религиозности в обществе являются:

- 1) наличие более мягкого и вместе с тем более широкого взгляда на эти темы, что позволяет людям, независимо от их веры, жить в мире, дружбе и милосердии;
 - 2) улучшение криминальной статистики;
- 3) снижение потребления спиртного, являющееся показателем того, что человек обретает больший духовный самоконтроль;
- 4) уменьшение числа незаконных связей, являющееся показателем того, что человек обретает больший контроль над своей животной природой;
- 5) появление большего интереса к чтению, к посещению лекций, к занятию наукой, являющееся показателем того, что ум берёт перевес над телом;
- 6) увеличение счетов в сберегательных банках, говорящее о бережливости и самоотречении;
- 7) процветание торговли, являющееся свидетельством большей деятельности и эффективности;
- 8) увеличение числа благотворительных учреждений и проявление со стороны человека чувства ответственности перед животными.

Такого рода практические показатели, которые действительно отражают происходящий прогресс, гораздо более ценны, чем сугубо поверхностные оценки, затрагивающие соблюдение ритуала, которое может итти, а может и не итти в ногу с качеством жизни».

«Нашим преподобным критикам могу лишь сказать, что во все времена те, кто не соглашался по религиозным вопросам, стремились представить своих оппонентов связанными с нечистой силой. Главным примером, конечно, является сам Христос, на которого такое обвинение возвели фарисеи и который ответил им, что по плодам познаётся дерево. Я не могу понять склада ума тех поборников веры, которые желание доказать существование жизни после смерти и тем самым опровергнуть материалиста приписывают нечистой силе. Если это дело рук дьявола, то он, безусловно, сильно облагороженный персонаж».

«Куда бы я ни поехал, всюду встречаются два главных типа критиков. Один — это материалистически мыслящий джентльмен, который отстаивает своё право на вечное небытие. Второй — это джентльмен с настолько глубоким уважением к «Библии», что он никогла в неё не заглялывал».

«Есть особая агрессивная форма религии, сама именующая себя «догматической верой». Она принесла человеческому роду больше вреда, нежели чума и голод. Ей мы обязаны не

только всей кровавой историей мусульманства, но и всеми убийствами, которые покрыли позором, одно за другим, каждое из направлений христианства».

«От имени Христа, этого Апостола мира, сия чудовищная школа мысли, всего лишь через несколько веков после его смерти, учинила такие распри и убийства, о каких и слыхом было не слыхано во времена язычества. Было подсчитано, что только по поводу гомиоусианского вопроса (учения о гомоусии и гомиоусии — единосущие и подобосущие (греч.) — филолого-теологической проблемы, связанной с произнесением дифтонга, сотни тысяч людей лишились жизни как поборники и жертвы веры. Ариане утверждали, что Бог-Сын в Троице всего лишь подобен Богу-Отцу, их противники, — что Отец и Сын одинаковы по самой своей сущности».

«В середине IV-го века состояние христианской религии было возмутительно и позорно. В бедах кроткая, смиренная и долготерпеливая, она сделалась, познав успех, самонадеянной, агрессивной и безрассудной. Язычество ещё не умерло, но быстро угасало, находя самых надёжных приверженцев либо среди консервативной знати из лучших родов, либо среди тёмных деревенских жителей, которые и дали умирающей вере её имя. Меж двумя этими крайностями заключалось громадное большинство рассудительных людей, обратившихся от многобожия к единобожию и навсегда отвергших верования предков. Но вместе с пороками политеизма они расстались и с его достоинствами, среди которых особенно приметны были терпимость и благодушие религиозного чувства. Пламенное рвение христиан побуждало их исследовать и строго определять каждое понятие в своём богословии; а поскольку центральной власти, которая могла бы проверить такие определения, у них не было, сотни враждующих ересей не замедлили появиться на свет, и та же самая пламенная верность собственным убеждениям заставляла более сильные партии раскольников навязывать свои взгляды более слабым, повергая Восточный мир в смуту и раздор».

«Центрами богословской войны были Александрия, Антиохия и Константинополь. Весь север Африки тоже был истерзан борьбою; здесь главным врагом были донатисты, которые охраняли свой раскол железными цепами и боевым кличем «Хвалите Господа!» Но мелкие местные распри канули в небытие, когда вспыхнул великий спор между католиками и арианами, спор, рассекший надвое каждую деревню, каждый дом — от хижины до дворца. Соперничающие учения о гомоусии и гомиоусии, содержавшие в себе метафизические различия настолько тонкие, что их едва можно было обнаружить, поднимали епископа на епископа и общину на общину. Чернила богословов и кровь фанатиков лились рекою с обеих сторон, и кроткие последователи Христа с ужасом убеждались, что их вера в ответе за такой разгул кровавого буйства, какой ещё никогда не осквернял религиозную историю мира. Многие из них, веровавшие особенно искренне, были потрясены до глубины души и бежали в Ливийскую пустыню или в безлюдье Понта, чтобы там, в самоотречении и молитвах, ждать Второго пришествия, уже совсем близкого, как тогда казалось. Но и в пустынях звучали отголоски дальней борьбы, и отшельники из своих логовищ метали яростные взоры на проходивших мимо странников, которые могли быть заражены учением Афанасия или Ария».

«Крестовые походы, убийства альбигойцев и севеннов, Тридцатилетняя война, инквизиция, надругательства католиков над протестантами и не менее постыдные надругательства протестантов над католиками, преследования нонконформистов Церковью, преследования квакеров нонконформистами, неисчислимые семейные трагедии и тирании — воистину, если принять всё это во внимание, то читатель будет вынужден допустить, что вера в её положительно-агрессивном понимании принесла более зла, нежели голод и чума, вместе взятые».

«Все секты были введены в заблуждение людьми одного и того же склада ума, отмеченного нетерпимостью, и все оне повинны в пролитии крови. Я знаю лишь четыре культа, сторонники которых могут, думается мне, сказать, что руки их не запятнаны кровью, и это — первоначальные буддисты, квакеры, унитарии и агностики. Разумеется, атеисты не

могут претендовать на это, ибо их эксцессы во Франции (во время Революции, а также в 1870 году) и в последнее время в России были столь же отвратительны, как и у Церкви».

«И что же было коренной причиной всего этого? Только одно: говорить, будто вы верите в то, что ум ваш не может постичь, и в то, что ваш свободный разум зачастую бы отверг. Например, А. выдвигает утверждения, проверить которые нет ни малейшей возможности, и называет всё это своей верой. Б. имеет право делать то же самое. Затем А. и Б. ненавидят друг друга самой священной ненавистью, и вот вам начало одной из мрачнейших глав мировой истории. Мы же, подобные остаткам команды, спасающейся на утлом обломке того мира после кораблекрушения, движемся сегодня по поверхности безграничного океана и, живя в мире друг с другом, имеем и без того довольно дел, чтобы не устраивать яростных ссор по поводу того, что находится за линией горизонта».

«Быть может, вы скажете, что как раз в этих самых словах я выказываю религиозную нетерпимость. Но это определённо не так. Если человек на своём пути получает помощь и поддержку от Папы римского, будучи католиком, или от епископа, будучи англиканцем, или от простого священника, будучи нонконформистом, то в каждом из подобных случаев это будет прекрасно, воистину прекрасно, если только всё это позволяет ему стать более добрым, более благородным человеческим существом. Каждая форма веры восхитительна, когда она совершает это. Но когда она обращается в нетерпимость и презирает и оскорбляет тех, кто прибегает к иным методам, то всё это оказывается уже современной мещанской ярмаркой тех пороков, которые в истории отметили собой самые мрачные и самые кровавые из человеческих преступлений».

LIII. Священнослужители о роли и значении Спиритизма

«Весьма важно попытаться проследить, до какой степени Спиритизм и психические исследования способствуют усилению религиозности. Следует отметить, что мы имеем свидетельства многих людей, прошедших путь от материализма через Спиритизм к вере. Среди них — профессор Роберт Гэр и профессор Мэйпс из Америки, Альфред Рассел - Уоллес, доктор Эллиотсон, доктор Секстон, Роберт Блэтчфорд, Джон Рёскин и Роберт Оуэн из Англии. Можно было бы назвать и другие имена.

Принятие Спиритизма тем не менее оставляет открытым вопрос о его гармонии с религией. Определение сущности Спиритизма, повторяемое в каждом выпуске еженедельного лондонского спиритического журнала «Лайт», заключается в следующем: «Вера в существование духа отдельно и независимо от материального организма и в реальность духовного общения между духами бестелесными и духами воплощёнными». При этом он опирается на основные положения христианского вероучения».

«Среди всех социальных групп существует одна, которая способна со всей ответственностью говорить о религиозных тенденциях Спиритизма: это священники. Многие из них выразили своё мнение по поводу этого предмета довольно недвусмысленно».

«Преподобный Г.Р.Хоуэйс, магистр гуманитарных наук, в своей речи перед Лондонским спиритическим альянсом 20 апреля 1900 года говорил, что считает своим долгом заявить с этой трибуны следующее: он не видит ничего, в чём Спиритизм в крайней степени противоречил бы христианским истинам. Действительно, Спиритизм очень хорошо сочетается с христианством и, не являясь его антагонистом, имеет тенденцию к развитию последнего, а не к противоборству с ним. Священнослужители в великом долгу перед спиритами - если, конечно, они радеют за своё дело – прежде всего за то, что Спиритизм реабилитировал «Библию». Трудно отрицать, что вера в «Библию» и её почитание канули в лету. Это было вызвано постепенно возраставшим сомнением в отношении описанных в «Библии» чудес. Её апологеты упивались совершенством христианской доктрины, но они не могли принять на веру ни единого сверхъестественного элемента из «Ветхого» и «Нового Заветов». Их принуждали верить в библейские чудеса и в то же время втолковывали им, что все они остались в прошлом. Сейчас взгляд на «Библию» полностью изменился; сегодня люди верят в «Библию» благодаря Спиритизму; и... не верят Спиритизму благодаря «Библии». Далее Г.Р.Хоуэйс сообщил о том, что в начале своей духовной карьеры он безуспешно пытался истолковать библейские чудеса, рассматривая их вне «Библии». Позже, как он думает, ему по этой же причине не удалось найти объяснение и исследованиям Крукса. Фламмариона и Альфреда Рассел-Уоллеса».

«Преподобный Артур Чамберс, бывший викарий из Брокенхерста близ Хантса, проделал неоценимую работу: он заставил нас задуматься о проблеме духовной жизни человека на земле и после смерти. Его книга «Наша жизнь после смерти» выдержала 120 переизданий. В своём докладе «Спиритизм и свет, который он проливает на христианские истины» преподобный Артур Чамберс говорил:

«Спиритическое Учение, открыто заявившее в результате настойчивых исследований психических явлений, что общение между двумя мирами есть реальный факт, подвело огромные массы простого народа к пониманию того, что на земле и на небесах существует множество вещей, о которых оне даже не подозревали. Случилось так, что многие из них, будучи христианами и христианками, поняли великую истину, тесно переплетённую с религией; им открылась фундаментальная правда об истинном положении человека во Вселенной – правда, за которую человечество цепко держалось во все времена, несмотря на неодобрение учителей от религии. Наконец мне стала понятна та роль, которую учение Спиритизма сыграло в возвышении религиозных идей нашего времени: оно помогло

^{* &}quot;Our Life After Death" by Rev. Arthur Chambers.

сформулировать более близкое к истине и более величественное представление о Боге и целях Божественных».

«Далее он говорит: «Да, Спиритизм сделал многое для лучшего понимания великих основ евангелия Иисуса. Он помог людям ясно увидеть Великий Дух Бога-Отца, в сиянии которого мы живём, движемся и существуем, и ту необъятную духовную Вселенную, к которой мы все принадлежим и чьей составной частью являемся. Будучи христианским спиритом, я глубоко убеждён в том, что именно Спиритизму, который так много сделал для христианского вероучения, суждено избавить мир от пугающего призрака смерти и помочь всем нам лучше понять, каким величайшим истинам учил нас Христос, понять, что для нас значит Христос в свете спиритических истин».

Затем мистер Чамберс добавляет, что он получил сотни писем со всех уголков света от корреспондентов, которые обрели успокоение и отраду, прониклись большим доверием к Богу после чтения его книги «Наша жизнь после смерти».

«Преподобный Ф.Филдинг-Оулд, магистр гуманитарных наук, викарий церкви Христа на Риджент-парк в Лондоне — ещё один из числа священнослужителей, позитивно оценивавших Спиритизм. В своём докладе 21 апреля 1921 года «Об отношении Спиритизма к христианству» он говорил:

«Мир нуждается в спиритическом Учении. Меня изумляет великое множество нерелигиозных людей в сегодняшнем Лондоне. Существует неисчислимое количество людей, представляющих различные классы общества (я руководствуюсь своим личным опытом), которые полностью не приемлют никаких религиозных вероучений. Они не молятся, никогда не посещают церквей для отправления культа, в их сознании и в привычках укоренилось представление о смерти как о конечной точке на их жизненном пути. За этим — ничего, кроме плотного облака белой мглы, дальше которого их воображение не простирается. Они могут относить себя к англиканской, римско-католической или иудейской церкви, но всё равно напоминают скорее пустые сосуды в погребе, на которые некогда были наклеены разные этикетки, дабы не перепутать марки вин».

И далее: «Для страдающих и утомлённых душ уже стали привычными та помощь и та поддержка, которые оказывает им спиритическое Учение. Всем нам известны люди, долго блуждавшие в разнообразии религий и пришедшие всё-таки к собственному пониманию веры. Агностики, разуверившиеся в Боге и в бессмертии, которым религия казалась чистой формальностью, в конце концов полностью отвернулись от неё и стали поносить её во всех её проявлениях. Затем всем на помощь пришли спириты — как рассвет приходит к человеку, проводящему все ночи напролёт в лихорадке и бессоннице. Вначале агностики проявляли недоверие и изумление, но Спиритизм притягивал их, и они обретали духовность: Бог вернулся в их жизнь, после чего они не находили слов для выражения своей радости и признательности Учению».

«Преподобный Чарльз Л.Туидэйл, викарий из Уэстона в Йоркшире, – человек, который неистово трудился в этой области, обратился к рассмотрению вопроса о Спиритизме на конференции епископов, проходившей в Ламбет-Палас с 5 июля по 7 августа 1920 года.* Вот что он говорит о современных психических исследованиях:

«Как только мир в значительной своей части продемонстрировал пробуждение подлинного интереса к Спиритизму, Церковь, которая утверждала, что именно она являлась хранителем религиозной и духовной истины, как это ни странно, в последнее время предпочитает оставаться глухой ко всем современным доказательствам существования духовного мира. По правде говоря, именно она должна была бы засвидетельствовать его реальность. Но даже сегодня Церковь проявляет лишь слабый интерес и понимание того, насколько важен для неё этот предмет.

Знамением времени можно считать дискуссию о спиритических явлениях на конференции в Ламбете и вручение с согласия архиепископов моей брошюры «Современные

^{* &}quot;Light", October 30, 1920.

психические явления и Церковь» всем епископам. Другим важным событием можно считать приглашение сэра Вильяма Баррета для доклада о психических явлениях на Церковном конгрессе».

«Отчёт, помещённый в «Трудах» Ламбетской конференции, так оценивал значение спиритических исследований: «Возможно, мы стоим у колыбели новой науки, которая в дальнейшем будет пользоваться иными методами, убеждая человечество в существовании потустороннего или загробного мира и в том, что нечто, находящееся внутри нас, позволяет контактировать с этим миром. Мы никогда не можем осмелиться установить предел тем способам, которые сочтёт нужным употребить Господь, дабы подготовить человека к принятию духовной жизни».

«Известный сотрудник «Лайт», который печатался под псевдонимом «Герсон», так комментирует некоторые выводы Ламбетской конференции епископов: «Существует несомненная опасность в «подчинении духам и влиянию неведомых сил или персон», но практика общения с духами, вопреки епископским представлениям, не обязательно требует подобного подчинения. Другая опасность, по мнению епископов, — это тенденция превратить Спиритизм в религию. «Лайт» и те, чьё отношение совпадает с позицией редакции журнала, никогда не стремились к этому. Возможность духовного общения — это просто явление природы, и мы не одобряем превращения природного явления в религию. В то же время даже самая высокая форма религии может быть связана с явлениями природы. Стремление к познанию красоты и устройства Вселенной — ещё не религия, но насколько оно вызывает преклонение перед источником этой красоты и гармонии, настолько же помогает окрепнуть духу религиозности».

«На Конгрессе англиканских церквей, проходившем в 1920 году, преподобный М.А.Бэйфилд прочитал доклад «Спиритическая наука в союзе с христианством», в котором, в частности, сказал: «Многие священники относятся к спиритической науке с подозрением, а некоторые даже с явным антагонизмом и враждебностью. Получивший широкое распространение Спиритизм был объявлен антихристианским учением. Я же хочу доказать, что это Учение всегда находилось в союзе с нашей верой. Спиритом является по сути каждый «не материалист», христианство же и есть религия спиритуалистическая».

Далее он упоминает о той пользе, которую Спиритизм принёс христианству, сделав возможной веру в мистические элементы «Евангелия».

«Доктор Элвуд Уорсестер на церемонии под названием «В союзе с религией», происходившей в церкви Св.Стефана в Филадельфии 25 февраля 1923 года, говорил о спиритических исследованиях с позиций истинного сторонника религии, рассматривая значение Спиритизма как духовного наставника человека. «Это Учение освещает много важных событий в жизни Господа нашего и помогает нам понять и принять всё то, что казалось спорным. Я имею в виду, в частности, явления, сопровождавшие крещение Христа, его появление в Галилее, его Преображение и, кроме того, его Воскресение и появление перед учениками. Более того, Спиритизм – это единственная наша надежда на разрешение проблемы смерти. Мы вряд ли сможем получить объяснение этой проблемы из какого-либо другого источника».

«Преподобный Дж.Вэйл-Оуэн напоминает нам о том, что Спиритизм не ограничивается одним лишь христианством. В Лондоне, например, действует и Еврейское спиритическое общество. Ведь смогла же Церковь, сначала рассматривавшая дарвинизм как своего противника, признать в конце концов эту теорию в свете христианского вероучения. Он заключает:

«Только признание процесса эволюции предоставляет христианству более полную и ценную концепцию Творения и Творца. Так же осознание величайших истин, на установление которых нацелена спиритическая наука, должно превратить агностика в верующего, должно

^{* &}quot;American S.P.R"., June, 1923, p.323.

сделать иудея лучшим иудеем, мусульманина – лучшим мусульманином, а христианина – лучшим христианином и, безусловно, более счастливым».*

«Из этих отрывков становится очевидным, что многие священники Англиканской и других Церквей положительно оценивали благотворное влияние Спиритизма на религию. Существует и другой важный источник информации, подтверждающий религиозную направленность Спиритизма — сам духовный мир. Накоплен богатый материал, полученный из мира духов, и мы сейчас ознакомимся с некоторыми его образчиками. Первый отрывок взят из известной книги «Учение Духов», сведения для которой её автор Стэнтон-Мозес получил посредством собственного медиумизма:

«Друг, когда кто-нибудь потребует от тебя подтверждения полезности наших сообщений для тех, кому их направил Отец наш, скажи им, что они найдут объяснение в «Евангелии», которое проповедует о Боге милостивом, пребывающем в жалости и любви к человечеству, а не воспевает картины страданий, жестокости и страстей. Скажи им, что таков путь к познанию духовных умов, вся жизнь которых — любовь, сострадание, милосердие и помощь человеку в сочетании с поклонением Всевышнему».

«Вот другой отрывок из того же источника: «Человечество постепенно выстраивало вокруг учения Иисуса стену из выводов, спекуляций и комментариев, похожих на те, которыми фарисеи снабжали Моисеевы законы. Стена отчуждения продолжала расти, и человек становился всё менее восприимчив к духовному миру. Это отчуждение вылилось в материализм бездушный и холодный, хотя в его основе лежат учения, предназначенные для вдохновения, а не для того, чтобы стать эстетическим ритуалом.

Наша задача — сделать для христианства то, что сделал Иисус для иудаизма. Мы будем опираться на первоначальные традиции, одухотворять их, вдыхать в них новую жизнь. Воскресение, а не уничтожение — вот к чему мы стремимся. Мы говорим снова и снова, что не отрицаем ни на йоту то учение, которое Христос дал миру. Мы делаем своё дело, мы лишь стираем плесень материализма, заново открывая человечеству утраченный им духовный смысл бытия. Наша миссия — возрождение той старой веры, от которой человечество так неразумно отказалось».

«Вот отрывок из книги «Письма от Джулии»* У.Т.Стеда: «Вы обрели духовную веру и вступили в общение с духами; вы говорите и поёте о том же, что и святые, которые там, в небесах, и здесь, на земле, были и остаются единой армией Вечного Бога. Но когда вам приходится на практике общаться с загробным миром в окружении свидетелей, это почему-то вызывает протест: «Это — против воли Господа! Это — искушение демонов!» О, друг мой, не поддавайся этим протестам! Разве же я — демон? Разве же я дух-искуситель? Разве же я делаю что-либо против воли Господа, постоянно пытаясь вдохнуть в тебя всё большую веру в Него, большую любовь к Нему и всем Его созданиям, пытаясь всё более приблизить тебя к Нему? Ты ведь знаешь, что я делаю всё это, ведь в моих деяниях — моё вдохновение и смысл моего существования».

«И наконец, процитируем «Послания от Меслома»*: «Любое учение или вера, помогающие человечеству поверить в то, что существует жизнь после смерти и что душа только крепнет в испытаниях, побеждая свои слабости, — это хорошее учение, которое несёт в себе истинную правду. Если же оно проповедует любовь Господа, то человечество, восприняв эту любовь, будет избавлено от страданий ещё на земле».

Эти возвышенные слова, определённо, имеют целью подготовку человеческого разума к более высоким материям и более глубокому осмыслению своего жизненного предназначения».

^{* &}quot;Facts and the Future Life" by G.V.Owen, 1922, p.170.

^{* &}quot;Letters from Julia" by W.T.Stead.

^{* &}quot;Messages from Meslom."

LIV. Учёные о роли и значении Спиритизма

«Даже прочтя всего лишь мои краткие заметки, разве не скажет всякий здравомыслящий человек вслед за профессором Челлисом: «Нам следует либо признать эти факты, либо усомниться в способности людей свидетельствовать что бы то ни было?»

Мнение о спиритизме сэра Оливера Лоджа, крупнейшего английского физика: «Несмотря на то, что я пришёл к своей позиции не через религиозную веру, всё, что я познал, только усиливает мою любовь и благодарность к той личности, которая является центральной фигурой «Евангелия».

Ричард Ходсон (1855–1906) — один из выдающихся американских исследователей спиритических явлений; доктор права и доктор филологии; член Общества психических исследований в Лондоне и секретарь Американского Общества психических исследований. Долгое время д-р Ходсон был ярым гонителем и противником спиритической доктрины, разоблачал медиумов-обманщиков, но, в конце концов, в результате терпеливого изучения и вникания в предмет выступил решительным сторонником спиритического учения.

Окончательное своё мнение по данному вопросу доктор Ходсон сформулировал в следующих выражениях: «Не имея в том и тени сомнения, я считаю, что наши спиритические корреспонденты являются именно теми людьми, которыми они себя называют. Я считаю, что они пережили изменение, называемое нами «смертью» и что они сообщались с нами, так называемыми «живыми», посредством организма погружённой в транс миссис Пайпер».

Доктор Ходсон, скончавшийся в декабре 1906 года, стал с той поры медианимическим путём являться своему другу — профессору Джеймсу Гислопу. При этом он с исчерпывающей точностью вдавался во многие подробности опытов и работ, проведённых Обществом психических исследований, секретарём американского отделения коего он в своё время являлся. Сообщения эти, совершенно согласованные между собой, были переданы адресату разными медиумами, которые абсолютно друг друга не знали. В них можно найти слова и выражения, присущие доктору при его жизни.

«Фредерику Мейерсу утраченную веру в христианство вернул Спиритизм. В своей книге «Отрывки из поэзии и прозы» в главе «Окончательная вера» он пишет:

«Даже движимый самыми лучшими побуждениями я не могу сопоставить свою настоящую веру с христианством. Я бы скорее назвал её результатом развития научного отношения к учению Христа.

Вы спрашиваете меня, в чём же состоит моральная основа моей веры? Ответ на удивление прост и краток. Можно сказать, что она, безусловно, совпадает с тенденцией самого раннего и наиболее истинного христианства — этого основополагающего морального учения, величие которого подтверждается (в том числе и по свидетельствам последнего времени) упорством Христа в познании Истины, провозглашением им того, что слово убивает, а дух даёт жизнь, его стремлением к всеобщей справедливости, путь к которой лежит через любовь к Господу и к человеку».

«Доктор Кроуэлл считает, что распространение знаний не заставит современного человека уделять меньше внимания вопросам духовной жизни и будущего существования. Но сегодня люди не могут относиться к вере формально: они требуют доказательств её истинности. Теология не способна предоставить их, и миллионы серьёзных умов занимают выжидательную позицию. Он утверждает, что Спиритизм был ниспослан для того, чтобы снабдить их этими доказательствами, что он является единственным их источником».

«Доктор Юджин Кроуэлл утверждает, что Римская католическая церковь считает спиритические проявления феноменами, происходящими по священной воле Церкви, а

_

^{* &}quot;Fragments of Prose and Poetry" by F.W.H.Myers.

Протестантские церкви хотя и признают открыто, что спиритические проявления случались с Иисусом и его учениками, тем не менее отрицают, что они возможны в наше время. Он говорит:

«Таким образом, Протестантская церковь, как только к ней обращались изголодавшиеся по духовной пище люди (а таковых насчитывалось великое множество), ничего не могла предложить им; в лучшем случае она отделывалась рассуждениями или другой чепухой.

Протестантизм сегодня испытывает давление католицизма и материализма. Находясь в этом трёхслойном пироге, протестантизм должен сохранить прочность и единство, чтобы не рассыпаться в прах. Однако в своём современном состоянии он не обладает необходимой жизнеспособностью для сопротивления действию этих сил, остаётся только надежда на свежую кровь Спиритизма, готовую влиться в истощённые вены протестантизма. Это – составная часть миссии Спиритизма, и я полностью уверен в её успехе. Моя уверенность базируется на способности Спиритизма к разрешению насущных нужд протестантизма».

«Теперь обратимся к работам спиритов-унитариев, лидером которых является всецело преданный Учению Эрнст У.Оутен, редактор газеты «Ту уорлдз». Взгляды мистера Оутена разделяли многие экстремисты, склонные, впрочем, скорее реконструировать христианские идеалы, чем разрушить их до основания. После описания жизни Христа с позиций психического Учения он пишет:

«Люди считают, что я не чту Иисуса из Назарета. Я же склонен доверять суждению Христа скорее, чем суждениям этих людей. Думаю, что я знаю его жизнь лучше, чем любой другой христианин. Нет иной души в истории, которую я оценил бы столь высоко. Меня не удовлетворяет то место, которое он занимает в умах простого народа, понимающего его истинное значение не более, чем смысл египетских иероглифов. Я люблю эту личность и служу ему беззаветно. Он многому бы научил мир, который так и пребывает в неведении, пока не снял его с пьедестала поклонения и не проследовал за ним в сад.

Могут сказать, что моё прочтение его жизни чересчур натуралистично. Я был бы счастлив, будь оно действительно так. Нет ничего более священного, чем законы, управляющие жизнью. Бог, который задал тон подобным законам, сделал их достаточными для достижения Божественных целей, и они не нуждаются в замене. Бог, который управляет земными процессами, идентифицируется в моём понимании с Христом, который управляет процессами духовной жизни».

«Леди Грэй из Фоллодона отдаёт дань уважения Спиритизму, описывая его как животворящую религию, приносящую отраду и утешение человечеству. Вот что она пишет: «Массы современных рабочих гораздо ближе к духу «Нового Завета», чем некогда церковные крестьяне. Церковь в Англии должна смотреть на Спиритизм как на ценного союзника. Он наносит сокрушительный удар по материализму и не только идентифицирует материальный мир с духовной вселенной, но и содержит множество полезных сведений».

Она продолжает: «Я считаю, что Спиритизм привнёс глоток свежего воздуха в старую веру. Мир, который мы не склонны были ассоциировать со Священным Писанием, в сущности, идентичен сообщениям о нём, которые содержатся в старинных рукописях. Те из нас, кто несёт Новое Откровение в сердцах, знают, что Спиритизм даёт современное прочтение «Библии», и поэтому Церковь должна рассматривать Спиритизм как мощного союзника религии».

Это смелые и правдивые слова».

Мы могли бы долго цитировать выдающихся людей и учёных, но не будем здесь этого делать, так как достаточно занимались этим в других наших работах. Лучше просто ограничиться окончательным выводом, сделанным профессором Гюставом Жэле: «То, что мы видели, можно считать надгробным камнем материализму. В мире для него просто не осталось места»

^{* &}quot;The Relation of Modern Spiritualism to Christianity" by Ernest W.Oaten, p.23.

LV. Вся наша жизнь на земле – лишь тренировочная площадка для жизни в мире духовном

«Спиритизм как система мыслей и знаний приложим к любой религии. В основе спиритического Учения лежат непрерывность существования личности и возможность общения после смерти. Эти два основных фактора имеют одинаково важное значение как в индуизме, мусульманстве, парсизме, так и в христианстве: Спиритизм обращён ко всему миру. Существует только одна школа, абсолютно не приемлющая новое Учение: материализм. который крепко держит мир в своих руках и является корнем всех зол. Поэтому постижение и принятие Спиритизма так важно для спасения человечества, иначе оно обречено опускаться всё ниже и ниже к чистому утилитаризму и эгоистическому взгляду на Вселенную. Типичным материалистическим государством можно считать предвоенную Германию.** Впрочем, любое другое современное государство можно отнести к тому же типу, независимо от уровня экономического развития».

«Может возникнуть вопрос: почему старые религии оказались недостаточно сильны, чтобы спасти мир от духовной деградации? Ответ таков: оне пытались, но не справились с этой задачей. Церкви, которые представляют эти религии, сами оказались близки к последней стадии деградации – в прямом и в переносном смысле. Оне утратили контакт с духовностью и удовлетворялись тем, что она осталась в далёком прошлом. Их неискренние заверения и восхваления существующей устаревшей системы, запутавшейся в своей невероятной теологии, вызвали у благородных умов тошноту. Ни один класс не показал себя настроенным более скептически по отношению к современным проявлениям Спиритизма, чем священнослужители, хотя они проповедовали веру в древние чудеса, имевшие, безусловно, спиритическую природу. Их крайнее неприятие этих проявлений в наше время можно расценить как меру искренности их заверений. Верой всегда злоупотребляли, пока проницательнейшие умы человечества, во все времена стремившиеся к знаниям и исследованиям, не отвернулись от неё и не обратили свой взор к Спиритизму. Это Учение обосновало веру в жизнь после смерти и в существование невидимых миров, не только обращаясь к древним традициям или следуя смутной интуиции, но и на основе доказанных фактов, на которые могла бы опереться и религия. Наконец-то человечество нащупало твёрдый путь среди зыбучей трясины разных вероучений!»

«Заявление о том, что Спиритизм не противоречит никакой религии, не подразумевает, что все религии равнозначны или что Спиритизм сам по себе не может быть самодостаточным и требует сочетания с каким-либо вероучением. Я полагаю, что Спиритизм даёт человеку всё то, в чём он нуждается, но мне встречалось множество людей высокой духовности, которые не могли отказаться от традиционных представлений о конечности человеческой жизни и принимали Новое Откровение, не отказываясь от ортодоксальной веры».

«Если же человек избирает Спиритизм своей единственной верой, он становится не противником христианства, а скорее, его толкователем. Оба учения признают жизнь после смерти, которая влияет на прогресс и счастье человечества. Они утверждают существование мира духов, олицетворяющих добро и зло, которых христиане зовут «ангелами» и «демонами», а спириты – «направниками» («наставниками») и «низшими духами». Оба учения проповедуют в основном одни и те же добродетели: бескорыстие, доброту, чистоту и благородство, которые имеют высшую духовную природу. Однако фанатизм. рассматриваемый спиритами как серьёзный проступок, одобряется большинством христианских сект».

^{*} Современное название – зороастризм (по имени основателя – Зороастра, или менее правильно – Заратустры) – религия древних народов Индии, Персии и других стран Ближнего и Среднего Востока. $(\Pi.\Gamma.)$ ** Речь идёт о Первой мировой войне. $(\Pi.\Gamma.)$

«Спириты приветствуют любой путь к совершенству и полностью признают, что во всех вероучениях говорится о святых, высокоразвитых душах, которые интуитивно знают всё то, что спиритами облечено в форму Учения. Миссия спиритов направлена не на них: она обращена на тех, кто открыто провозглашает себя агностиками, или на тех, кто ещё более опасен, ибо проповедует некую форму вероучения и одновременно с этим носит в своих душах или в мыслях зачатки агностицизма».

«С моей точки зрения, Новое Откровение прежде всего принесёт пользу человеку, который на практике ознакомился со всем разнообразием существующих вероучений и нашёл их одинаково несовершенными. Перед ним простирается долина тьмы, где его поджидает смерть, и ортодоксальная религия не может ему предложить ничего, кроме этой очевидной истины. Подобные обстоятельства породили многих замечательных стоиков, но не принесли им земного счастья. Затем на человечество снизошло позитивное доказательство автономного существования человека после смерти, которое одними принимается сразу, другими — медленно и постепенно. Облака рассеиваются, открывая новые горизонты. Человек более не ощущает себя в долине смерти, он перемещается на границу загробного мира, который открывает перед ним перспективы более прекрасные, чем его прошлое. Всё просветляется, его больше не окружает тьма. День Нового Откровения сменяет завершающий день его жизни».

«Вся жизнь на земле — это тренировочная площадка для мира духовного. Это чрево, из которого выходит реальный человек, когда он умирает для всего земного. Новое рождение, которое проповедовал и продемонстрировал Христос, может произойти в любое время, даже при жизни человека на земле».

«Что такое день рождения для тех, кто находится по *ту* сторону? Для них настоящим днём рождения является день их смерти среди нас».

Спиритизм доказывает выживание личности, но он не может дать роста вечному человеку. Для того, чтобы духовно расти, надо жить в соответствии с духовным законом наподобие того, как в соответствии с законами природы растёт и распускается цветок. Христианская «Библия» приводит эти законы. Дело Церкви интерпретировать их в факты и учить человека, как им следовать, дабы жить возвышенно и вечно. Спиритические сеансы доказывают возможность жизни после смерти; но только Бог может дать эту жизнь, когда человек внутри себя создал сосуд, способный вместить и хранить её».

«В загробной жизни, равно как и в земной, знания достигаются собственными усилиями, а не каким-то чудесным образом».

LVI. Новый взгляд на ряд текстов

«Теперь я очень ясно вижу, сколь прискорбно то, что цитированье явных нелепостей из Св.Писания продолжалось даже без всякой объяснительной сноски, которая могла бы как-то смягчить их в священном тексте, потому что последствием этого было то, что даже бывшее в нём действительно святым также оказывалось отброшенным в сплошном отрицании, ведь человека нетрудно убедить, что ложное в каких-то своих частях не может и во всех своих остальных составляющих содержать истины».

«У истинной религии нет врагов худших, чем те, кто выступают против всякого пересмотра и отбора в той странной массе истинно прекрасного и весьма сомнительного материала, который без всякого толка перемешан в одном-единственном томе, как если бы все эти вещи действительно обладали равной ценностью. Том сей — не золотой слиток, но золото в глине, и если это всё-таки понято, то серьёзный исследователь не отложит этот том в сторону, если наткнётся в нём на глину, но будет тем больше ценить в нём золото, что он сам отделит его от глины».**

«В ответ на категорический вопрос г-на Поллока касательно моего взгляда на ряд текстов я могу лишь напомнить ему слова Основателя христианской веры о том, что буква убивает и что добродетель обретается только в духе».

«Настаивать на буквальном значении текстов — значит, говоря словами Уинвуда Рида, «сбросить идолов из дерева только за тем, чтобы поставить на их место идолов из бумаги и типографской краски». Эти печатнобумажные идолы были и являются оружием теологов и клерикалов, с помощью его они с самых первых дней христианства посевали раскол и смуту. Каждая секта может найти себе подтверждение в тексте, и вместе с тем любая другая может найти там же подтверждение для того, чтобы оспаривать первую».

«Когда, например, католик находит своё учение о причастии в буквальных словах текста: «Се есть тело моё, и се есть кровь моя», то, кажется, ничто не может быть в словах выражено более ясно. И тем не менее протестант решительно отрицает правомерность такой трактовки и настаивает на метафорическом понимании. Для унитария же существует множество текстов, которые ясно показывают ему, что Христос не имел притязаний на Божественность».

«Если мы примем во внимание источник происхождения евангелий, их перевод с языка на язык и сам по себе факт, что каждый пересмотр уличал текст в ложности, то нам будет совершенно непостижимо, как было бы можно из таких данных построить какую-либо абсолютно жёсткую и неопровержимую систему.

Но дух «Нового Завета» в достаточной степени прозрачен — в нём и заключается оправдание христианства».

«Я не обладаю красноречием, у меня нет такой профессии. Но я говорю внятно и говорю

^{*} Речь идёт о «Библии». (П.Г.)

^{**} Нелишне, думается нам, процитировать здесь и мнение Зейме, который говорит о «Библии» следующее: «Покуда чистейшим источником божественной истины и святейшей нормы совершеннейшей морали будет признаваться книга, коей содержание темно и противоречиво, редко соотносится с реальной жизнью и полно нравственных несообразностей, книга, коей действительное и общеупотребительное благо покоится на непрочных основаниях сурового теософического энтузиазма, до тех пор подлинная и благодетельная просвещённость не сможет укорениться ни в Церкви, ни в государстве. Я сам знаю сейчас многих, чей и без того невеликий ум оказался безвозвратно погублен пророческой теологией. Нет ничего легче и обыкновеннее того превращения, которое совершается с кардиналом и делает его атеистом. И как показывает история, одно с другим прекрасно уживается». ($\Pi.\Gamma.$)

не более того, что подразумеваю и могу доказать. Я не претендую на то, будто знаю, что такое истина, ибо она безгранична, а я ограничен; но зато я очень хорошо знаю, что истиной никак не является. Неправда, что религия достигла своего апогея девятнадцать веков назад и что мы навеки вечные осуждены ссылаться на то, что было записано и сказано в те дни. Нет, религия — в высшей степени живое дело, она постоянно растёт и действует, она способна к бесконечному расширению, углублению и развитию, как и все другие сферы мысли».

«В старые времена было сказано и передано нам много вечных истин в книге, некоторые части которой действительно могут быть названы «святыми». Но осталось ещё и много такого, откровение чего нам ещё только предстоит; и если мы станем отвергать эти вещи потому только, что их нет на страницах «Библии», то мы уподобимся тому учёному, который не принимает в расчёт спектральный анализ Кирсгоффа потому только, что о нём ни слова не сказано в книге Альберта Великого».

«Современный пророк может носить пальто из тонкого сукна и печататься в журналах и тем не менее служить каналом, по которому передаётся тончайшая струя из хранилищ истины. Всевышний ещё не сказал Своего последнего слова роду людскому, и Он может говорить устами шотландца или американца с тем же успехом, как прежде говорил устами израильтянина. «Библия» — это такая книга, которая передаётся нам маленькими порциями и на последней странице коей должно быть написано не «Конец», а «Продолжение следует».

«В «Библии», которая является основанием всей нашей нынешней религиозной мысли, мы имеем переплетённых друг с другом мертвеца и живого; и мёртвый заразил живого, микробы тления разъедают живую ткань нашей веры. Мумия и ангел состоят в самом противоестественном товариществе. Не может быть ясного мышления, ни появиться здравого, логичного учения, покуда устаревшая часть этой книги не будет отделена от целого, поставлена на книжную полку в кабинете учёного и убрана с письменного стола школьного учителя».

«Сегодняшняя «Библия» — поистине изумительная книга, значительная часть её представляет собой древнейшие записи, дошедшие до нас, книга, полная редкого знания, истории, поэзии, оккультизма, фольклора. Но она не имеет связи с современным пониманием религии и по сути своей глубоко ему антагонистична. В ней под одной обложкой оказались в обращении два взаимоисключающих законоположения, результатом чего явилось страшное смятение».

«В целом, позиция, занимаемая сегодня в этом споре духовенством, представляется мне довольно уязвимой. Так, оно поддерживает тезу об абсолютной и исключительной боговдохновенности «Библии». Но разве оно не знает, что в этой книге есть утверждения, которые, как нам доподлинно известно, неверны? Следует ли эти неправды и заблуждения приписывать самому Божеству? Нелепость предположения очевидна. Неужели же Всевышний, обладатель всякого знания, мог бы впасть в ошибки, которым бы улыбнулся сегодняшний школьник? Принадлежит ли Ему авторство утверждения, будто мир был сотворён за шесть дней и что сотворение это состоялось всего лишь около пяти тысяч лет назад, или будто Иисус Навин приказал солнцу остановиться, нимало не считаясь с тем, что оно относительно Земли и так неподвижно, а вертится именно сама Земля? Если это так, то приходится тогда скорбеть о нас, раз мы создаём себе такие представления о Божестве. Если же это не так, то что остаётся от абсолютной боговдохновенности Писания?»

«Мой взгляд на «Библию», равно как и на все иные святые книги, состоит в том, что оне представляют собой золото, лежащее в глине, и что нашему уму предоставлено право отделять одно от другой. При этом в «Ветхом Завете» более глины, чем золота. В «Новом» же значительно более золота, нежели глины».

«Один свод представленных в ней законов является схемой, построенной на отдельном

племенном боге, подчёркнуто человекоподобном и исполненном гнева, зависти и мести. Такое понимание Бога пропитывает каждую книгу «Ветхого Завета». Даже в «Псалтыре», который является, быть может, самой духовной и прекрасной его частью, псалмопевец наряду со многим воистину прекрасным и благородным поёт о вещах в высшей степени ужасных, которые его бог сделает с его врагами: «Они низвергнутся живыми в ад». Таков лейтмотив этого древнейшего памятника письменности — памятника, пропагандирующего и отстаивающего массовую резню, мирящегося с многожёнством, признающего рабство и приговаривающего к сожжению так называемых «ведьм».

«Изложенные в нём Моисеевы законы уже давно отложены в сторону. Так, мы не считаем себя «проклятыми», отказавшись причинять увечье своему телу, или если едим «запретную» пищу, если подстригаем себе бороды, если носим одежду, скроенную из двух разных материалов. Но мы не можем отказаться от этих законов, не переставая считать и сам свол их божественным».

«Никакая учёная софистика никогда не сможет убедить честный серьёзный ум в том, что эти законы действительно божественны. Могут, конечно, на это возразить: «Каждый понимает, что эти законы устарели, и поэтому следовать им не стоит». Но это-то и неверно. Им постоянно следуют, и так будет продолжаться до тех пор, пока они являются частью Священного Писания».

«Каждая облечённая властью жестокосердая скотина в человеческой истории, особенно когда дело касалось религиозных войн, черпала своё вдохновение в «Ветхом Завете». «Режьте и не давайте пощады!», «Око за око! зуб за зуб!» — тексты всегда наготове, чтобы зазвучать на жестоких губах убийц-фанатиков. Франциск в Варфоломеевскую ночь, герцог Альба в Нидерландах, Тилли под Магдебургом, Кромвель под Дрогедой, сторонники Ковенанта при Филлифо, анабаптисты из Мюнстера, мормоны из Юта — все они подкрепляли свои инстинкты к убийству в этом нечистом источнике. Кровавый след оставлен «Ветхим Заветом» во всей истории человечества. Даже там, где главенствует «Новый Завет», его учение оглупляется и затуманивается мрачным соседом.

Давайте же сохраним это вполне заслуживающее внимания произведение литературы, но давайте смоем пятно позора, которое отравляет самый источник нашей религиозной жизни».

«Уинвуд Рид в своей книге «Мученичество Человека» замечает, что в эпоху Реформации люди сбросили идолов из камня и глины, для того чтобы поставить на их место идола из бумаги и типографской краски. Давайте возьмём из «Библии» всё, что есть в ней хорошего, и употребим с пользою. Но во имя благоговения перед Создателем и уважения к собственному разуму давайте воздержимся от того, чтобы приписывать Всевышнему те свойства, каковые уподобляют Его самому заурядному, хотя и сильно увеличенному в своих размерах человеку, исполненному мелких страхов, зависти и мстительности — качеств, воистину достойных осуждения лишь в нас самих».

«Нам не нужна какая-то книга или некое откровение для того, чтобы сказать нам о Его мудрости и силе. Нам довольно звёздных небес, в коих вращаются над нами миллионы миров, дабы понять это с гораздо большей ясностью, чем то могли бы донести до нас слова какогонибудь еврейского пророка, и есть в нас некое нравственное чувство, ведущее в равной мере как агностика, так и христианина».

«Чем шире наши взгляды, тем лучше, ибо какой бы широты ни достиг ум человеческий, он будет всё ещё бесконечно узок в сравнении с той конечной истиной, что должна обнять собою всю Вселенную и всё то, что в ней заключается. Пока что же, лучшие наши устремления могут быть выражены словами поэта: «Нет вещи в мире, созданной без цели, нет в нём и ни единой жизни, которая была бы предназначена забвению или могла бы быть отринута, словно какой-то мусор, в небытие, ведь в мире, созданном Богом, каждая его

частица необходима великому целому».

«Некий джентльмен желает знать, в чём, собственно, современная мысль превосходит мысль века XVI-го. Один из признаков прогресса состоит в том, что сегодня дискуссия на эту тему может вестись с учтивостью и без того, чтобы у кого-либо из участников её возникла надобность, и тем более желание, сложить костёр из своих оппонентов».

LVII. Великая извечная дуэль между материализмом и духовным пониманием Вселенной

«Уже было сказано, что из трёх направлений, по которым следует вести реформу религии, а именно: изъятие ветхозаветной части, большее внимание к жизни Христа сравнительно с его смертью и новый духовный приток, который даёт нам спиритическую религию — лишь последний является авторитетным источником сведений о потустороннем мире. И однако это-то обстоятельство и недооценивается. Ни в одном из сообщений духов, насколько мне известно, не обсуждались материи, имеющие отношение к «Ветхому Завету». Природа Христа и его учение, напротив, были непременным предметом обсуждения с тем или иным варьированием деталей, которое главным образом укладывалось в очерченные здесь рамки».

«У духов имеются индивидуальные точки зрения; некоторые из них унесли с собой в ту жизнь земные предубеждения, от которых им нелегко освободиться; но, читая большое число подлинных сообщений духов, можно обнаружить, что идея искупления в них едва ли даже была затронута, тогда как на силе примера жизни Христа и его учения духи постоянно настаивают. Согласно этим посланиям, Христос — самый высокий дух, известный землянам, сын Бога, как и все мы — Его сыновья, но он ближе к Богу и в силу данного обстоятельства в более партикулярном смысле является Его сыном».

«За исключением редких и особенных случаев, он не встречает нас в *том* мире, когда мы умираем. Поскольку духи (и днём, и ночью) переходят туда в среднем до сотни за минуту, то данное обстоятельство является не требующим доказательств. По прошествии какого-то времени мы, возможно, допускаемся в его присутствие, чтобы обрести в нём более нежного, сочувственного и вспомоществующего товарища и наставника, коего дух на всё оказывает своё влияние, даже когда его физическое присутствие не уловимо для глаза. Такова общая идея потусторонних сообщений касательно Христа — кроткого, любящего и могучего Духа, постоянно опекающего нашу планету, которая, среди многих миров, является предметом его особой заботы».

«Не может быть внезапной перемены в застарелой рутине наших религиозных обычаев; так же невозможно помыслить, чтобы собрался конгресс теологов, которые смогли бы сделать столь героический шаг, как разделение «Библии» на две части, поставив одну из них на полку, а другую положив на стол. Не следует ожидать и того, что будет сделано какое-то формальное заявление христианских Церквей, в котором оне признают, что акценты в истории Христа были расставлены ими неверно. Моральная сила их никогда не поднимется на такую высоту. Но ускорение общения с духами и усиление серьёзности, пустив корни в этой кровавой страсти человечества, приведут к тому, что многие смогут разумно и истинно понять существо вопроса, и если даже «Ветхий Завет» и сохранится как атрофированный аппендикс в живом теле, то лишь за тем, чтобы указывать, через какие низшие ступени развития человечество уже прошло; он всё более и более будет признаваться как документ, утративший свою силу, которому больше не будет позволено оказывать влияние на поведение людей, за исключением указания на многое из того, чего мы должны избегать».

«Точно так же с учением Христа: мистические части постепенно утратят значение, как то произошло с грубыми понятиями о вечном наказании, которые отмерли буквально у нас на глазах, и человечество едва успеет осознать, как ересь сегодняшнего дня станет общим местом дня завтрашнего. Эти вещи произойдут сами собой согласно срокам, установленным Богом. А что одновременно ново и жизненно-важно — так это те свежие дополнения, почерпнутые из общения с духами, которые нам теперь и пришло время обсудить. Именно в них мы можем найти приметы того, как кости приходят в движение и как мумия обрастает плотью и оживает, побуждаемая импульсом дыхания».

«Вместе с действенной уверенностью в существовании определённой жизни после смерти и твёрдым чувством ответственности за наше собственное духовное развитие, ответственности, которую нельзя переложить на чужие плечи и которая, как бы велика она ни была, должна быть вынесена каждым из нас ценой его собственных усилий, произойдёт самое сильное укрепление нравственности, которое когда-либо было испытано человеческой расой. Мы сейчас находимся на его грани, но наши потомки будут взирать на прошедшее столетие как на кульминацию тёмных веков, в которые человек утратил веру в Бога и настолько погрузился в свою преходящую земную жизнь, что потерял всякое чувство духовной реальности».

«Различия между религиозными сектами — пустяк в сравнении с великой извечной дуэлью между материализмом и духовным пониманием Вселенной. Настоящая битва происходит именно здесь. В этой битве Церкви являлись признанными выразительницами антиматериального взгляда, но оне делали это столь невразумительно, всё время ставили себя в столь ложные положения, что в результате постоянно терпели поражения. Со времён Юма, Вольтера и Гиббона битва медленно, но неуклонно складывается в пользу атакующей материалистической стороны. Затем явился Дарвин и со всеми атрибутами очевидности показал, что падения человека никогда не было, что он, напротив, всё время поднимался. Это нанесло сокрушительный удар по богословской философии, и глупо отрицать это. Затем появилась школа так называемого «высокого критицизма» и указала на новые возможные трещины и щели в самых основаниях церковного миропонимания».

«Всё это время Церкви уступали одну пядь своей земли за другой, и каждое их отступление давало противнику место для строительства нового плацдарма и продолжения атаки. Дело зашло настолько далеко, что в настоящее время весьма значительная часть людей в нашей стране, богатых и бедных, утратила всякое сочувствие не только к Церкви, но и к духовному миропониманию в целом. И вот в эту битву вступаем мы, спириты, вооружённые своим положительным знанием и действенными доказательствами — союзник настолько сильный, что мы способны изменить ход всего сражения и раз и навсегда покончить с материализмом. Мы прямо говорим материалистам: «Мы готовы схватиться с вами на вашей же почве и показать понятными вам материальными средствами и научными опытами, что душа и личность переживают смерть тела». Это и есть цель спиритической науки, и она ею полностью достигнута. Изучайте, понимайте, пропагандируйте наши знания — и материализм обречён, с ним будет покончено».

«И однако это движение, движение Новейшего Спиритуализма встречают улюлюканьем и поношением в Риме, в Кантербери и даже в Литтл-Бетеле, впервые все трое выступают дружным хором и зовут в свои ряды таких странных союзников, как научные агностики и воинствующие атеисты. Отец Воган и епископ Лондонский, преподобный Ф.Б.Мейер и мистер Клодд, «Чёрч таймс» и «Фрифинкер» объединились на поле брани, хотя боевые кличи их совершенно несхожи: одни кричат, что Спиритизм от дьявола, тогда как другим не менее нашего ясно, что такого персонажа на свете вовсе не существует».

«Сопротивление материалистов вполне разумно: ведь ясно же, что если человек провёл всю жизнь, говоря «нет» всем потусторонним силам, то он попадает в поистине жалкое положение, когда после стольких лет оказывается вынужден признать, что вся его философия построена на песке и что с самого начала «да» было единственно правильным ответом».

«Но что касается религиозных корпораций, то какие слова могут выразить их глупость и утрату ими чувства реальности, если оне не устремляются бегом навстречу своему крупнейшему за всю историю союзнику, который вмешался в сражение, дабы, внеся в него перелом, превратить их неизбежное поражение в восхитительную победу?»

LVIII. Самое важное дело на свете

«Спиритизм, несомненно, наиболее важное дело на свете и заслуживает того, чтобы ему уделили время. При этом людей следует порицать только за то, что они пренебрегают им, но не за то, что подходят к нему с осторожностью. Я повторил бы здесь от собственного имени слова Теккерея. Он сказал одному оппоненту: «То, что вы говорите, совершенно естественно, но если бы вы видели то же, что довелось видеть мне, вам бы пришлось изменить своё мнение». Нам следует приноравливать свои теории к фактам. Мы же до сей поры приноравливали факты к своим теориям. Если вы пока ещё не среди наших сторонников, то это и совершенно правильно с вашей стороны. Чтобы понять это учение, вам нужно время. Мне самому на то понадобилось много лет. Сейчас же для меня нет ничего важнее этого, потому что я знаю, что здесь истина. Ведь знать — не то же, что верить. Спиритизм неисчерпаем. Это понимаешь, когда начинаешь его постигать. В нём десятки разных, достойных изучения областей. Когда вещи эти коснутся лично вас, тогда только вы и сможете понять и оценить всю их силу».

«Я много выступаю с лекциями. Но у меня никогда нет желания обратить аудиторию в свою веру. Я вообще не склонен питать доверие к подобным внезапным обращениям. Всё это мелко и поверхностно. Я стремлюсь единственно к тому, чтобы представить людям дело с наибольшей ясностью. Я просто говорю им всю правду, как она есть, и объясняю им, почему мы знаем, что это правда. На этом моя задача, собственно, и исполнена. Люди могут после этого принять предложенное мною или его отвергнуть. Если они мудры, то они непременно исследуют пути, мною указанные. Если же мудрость им несвойственна, то они просто упустят свой шанс. Я не хочу оказывать на них никакого давления или обязательно превращать их в своих сторонников. Это, в конце концов, их дело, а не моё. Как тонко подметил Лабрюйер: «Нужно стремиться лишь к тому, чтобы мыслить и говорить согласно истине, без всякого желания привить наши вкусы и убеждения другим: предприятие сие и без того грандиозно».

«Я могу понять научный скептицизм, и я ему доверяю. Для меня, повторяю, высшая вера и высшая наука сливаются воедино».

«Наука постепенно выметает из мира застарелую паутину предрассудков и суеверий. Мир походил до этого на старый, запылённый чердак, и вот в него ворвалось солнце и заполнило весь его светом; носившаяся при этом в воздухе пыль начала постепенно оседать на пол».

«И всё же, что касается до науки и учёных, я могу сказать только одно: именно научное мышление лежит в основании всего нашего материализма. Сколь велика могла бы быть наука, если бы только она смогла осознать собственную ограниченность! Показателен сам по себе факт, что многие учёные мужи, когда оказываются затронуты их симпатии и предрассудки, демонстрируют самое смехотворное пренебрежение ко всем собственным принципам. Между тем среди принципов науки нет другого более непререкаемого, как тот, что всякий вопрос должен быть всесторонне рассмотрен прежде, чем его можно будет признать несостоятельным».

«На примере беспроводной связи или летательных аппаратов тяжелее воздуха мы могли в последние годы наблюдать в суждениях учёных самые неприличные несообразности. Опаснее всего заявлять а priori*, что какая-то вещь совершенно невозможна. Тем не менее, это ошибка, в которую впал чуть ли не каждый критик, выступающий от лица науки. Такие учёные пользовались авторитетом, который они заслуженно приобрели в освоенной ими специальности, для того чтобы подорвать доверие к области, в каковой они ничего не смыслят. Сам по себе факт, что человек был крупным авторитетом в физиологии или физике,

^{*} a priori – заранее, без знания дела, предубеждённо (лат.)

никоим образом не делает его авторитетом также и в области спиритической науки».

«В мире науки полным-полно глупцов и разных болванов, лишь тормозящих мировой прогресс. Они признаются в том, что ничего по данному поводу не читали, и я уверен, ничего также не видали. И тем не менее они используют положение и имя, приобретённое ими в других материях, для того чтобы дискредитировать множество людей, которые, как бы к ним ни относиться, несомненно, весьма серьёзны и вдумчивы».

«Наука очень помогла нам в создании комфорта, но ещё вопрос, отвечает ли данный комфорт нашим действительным задачам в этой жизни. Несомненно то, что обыкновенно он был нашим бедствием, потому что комфорт этот назывался «прогрессом», и тем у нас создавалось впечатление, будто мы действительно движемся вперёд, «прогрессируем», тогда как на самом деле мы не только топчемся на месте, но и неуклонно сползаем назад».

«На это, разумеется, могут возразить: «А беспроволочный телеграф? А сигнал S.O.S. на море? Разве это не служит благу человечества?» Я целиком согласен, порой всё это оказывается и впрямь очень удачно. Я ценю, например, свою электрическую настольную лампу, а она ведь продукт науки. Наука даёт нам, как я уже сказал, комфорт, а подчас и безопасность. И тем не менее я не склонен превозносить её и её дары, потому что она затемняет и искажает самое для нас жизненно важное, именно — цель нашей жизни и наши задачи в ней».

«Мы были помещены на этой планете не за тем, чтобы ездить на автомобиле со скоростью 50 миль в час, или чтобы перелетать Атлантику на самолёте, или посылать в другой конец Земли сообщения по проводам или без оных. Всё это лишь украшения и удобства нашей жизни, но не более того. Однако наши учёные настолько приковали всё наше внимание к этим украшениям, что мы, хлопоча с ними, забыли за этим занятием главную цель, ради которой мы здесь».

«Не то важно, с какой скоростью вы едете, но цель вашего путешествия. Не то важно, посредством каких технических ухищрений вы посылаете своё сообщение на расстояние, а то, сколь значимо само ваше сообщение. И тогда выясняется, что этот так называемый «прогресс» на каждом шагу оказывается нашим бедствием. И всё же до тех пор, пока мы пользуемся словом, мы будем путать этот мнимый прогресс с реальным прогрессом и воображать при этом, будто заняты тем, ради чего Бог послал нас в сей мир, а посланы мы сюда были за тем, чтобы готовиться к следующей фазе жизни».

«Есть подготовка ума, а есть подготовка духа, и мы пренебрегаем обеими. Стать на старости лет лучше и добрее, изжить в себе эгоизм, расширить свой умственный кругозор, сделаться сердечнее и терпимее — вот зачем мы здесь находимся, вот каковы задачи нашей жизни. Наш мир, вся наша планета — это фабрика душ, но она пока что выпускает скверную продукцию».

«Несомненно, прежде мир человеческий был более жесток, чем сейчас, но ведь никогда у него не было и таких преимуществ, как у нас, и всё же никогда ранее столько образованности, знания и так называемой «цивилизации» не превращалось во зло. Мы научились строить воздушные корабли. И мы пользуемся ими на то, чтобы бомбить города. Мы научились плавать под водой. И это умение пригодно нам лишь на то, чтобы убивать моряков и топить корабли. С помощью химии мы приобрели власть над материей. И мы пользуемся ею, чтоб изготовливать взрывчатые вещества и отравляющие газы. Наше положение всё ухудшается. В настоящее время каждая нация на земле строит тайные замыслы о том, как ей лучше всего отравить и извести все остальные. Разве Бог для этого сотворил нашу планету, и насколько вероятно, что Он позволит миру и далее итти в тартарары?»

«Наибольшая опасность для человека или нации наступает тогда, когда

интеллектуальная сторона оказывается более развитой, нежели духовная. А разве не таково положение в сегодняшнем мире? Наши духовные проводники говорят о том, что все чаши вышнего терпения переполнены. Есть война, голод, мор, землетрясения, наводнения и иные напасти, но всё завершится в мире, в неописуемой радости и красоте».

«Я получил указание распространять послание всюду, где, на мой взгляд, есть уши, чтобы услышать. Наши наставники желают, чтобы человеческая раса постепенно поняла реальное положение вещей, с тем чтобы избежать потрясения или паники. Я один из тех многих, что выбраны нести людям благую весть».

«Ситуация теперь достигла апогея. Самая идея прогресса была извращена, материализирована. Она связана с тем, чтобы быстро ездить, быстро передавать информацию, строить новые машины и механизмы. Всё это лишь ублажение самого заурядного честолюбия».

«Подлинный же прогресс – это прогресс духовный. Человечество уделяет ему внимание только на словах, а на деле бежит ложною дорогой материального знания. Даже в области спиритических исследований существует особая порода психических изыскателей, совершенно не способных воспринять самое очевидное. Они злоупотребляют своими умственными задатками, силясь найти окольный путь, в то время как пред ними лежит прямая и свободная дорога, по которой они никак не желают итти. Когда человеческая раса начнёт наконец своё продвижение в это новое для неё царство, данные интеллектуалы составят её абсолютный тыл».

«Высший Разум признаёт, что среди всей апатии, охватившей человечество, имеется также и много честного сомнения, переросшего допотопные религии и имеющего право на более свежие свидетельства, а не на те только, что были даны человечеству в античности. И вот свежие свидетельства эти были явлены нам, и они сделали жизнь после смерти столь же ясной и ослепительной, как ясно и ослепительно лишь солнце на небесах. И это-то свидетельство было высмеяно учёными, осуждено Церковью, сделано предметом насмешек для прессы и с презрением отброшено в сторону. Это было последним и крупнейшим промахом человечества. Положение сделалось безнадёжным. Ситуация вышла из-под контроля».

«После того, как дар небес был отвергнут, возникла нужда в самых крутых мерах. И гром грянул. Десять миллионов юношей остались лежать убитыми на поле брани, а двадцать миллионов других оказались искалеченными. Это было первое предупреждение Бога человечеству.** Но и оно было оставлено без внимания. Всё тот же тупой материализм, как и ранее, возобладал. Тем не менее снова человечеству были предоставлены годы на то, чтобы одуматься, но никаких перемен ни в чём так и не оказалось видно. Напротив того, к старым порокам нации добавили вороха новых, а всякий порок ведь необходимо требует своего искупления. И вот Россия стала выгребной ямой. Германия и не думала раскаиваться в своём поистине чудовищном материализме, ставшем первопричиной войны. Испания и Италия погрузились во мрак атеизма и предрассудка. Франция осталась без религиозного идеала. Англия оказалась во власти смятения и путаницы, переполненная твердолобыми сектами, напрочь лишёнными силы и мысли. Америка злоупотребила предоставленными ей прекрасными возможностями и вместо того, чтобы стать младшей и любящей сестрой истерзанной Европе, затормозила в ней всякое экономическое восстановление, требуя денег; она обесчестила подпись собственного президента, а также отказалась присоединиться к Лиге

_

^{* «}Царство Божие», которое, как сказано великим Учителем, обретается только «внутри нас». (П.Г.)

^{**} Напомним древнее изречение: кого Бог хочет наказать, того Он лишает разума. И разума оказались лишены Германия, Россия, а вслед за ними и вся Европа, ибо то, что творилось в Европе и в России с 1914 года, весь этот кровожадный апофеоз глупости, можно объяснить только массовым ослеплением и помешательством. (П.Г.)

Мира, в которой сосредоточилась тогда вся надежда на будущее и выживание человечества. Все, таким образом, прегрешили, но некоторые больше других, и кара всем будет отмерена в точной пропорции».

«И кара сия грядёт. Не вижу греха в том, чтобы повториться, раз эта мысль настолько важна: под руководством философии материализма человечество движется по ложному пути. Чем дальше оно зайдёт, тем яснее будет становиться, что избранный им путь — это путь страданий, и человечество должно приступить к постижению духовных тайн и истин или погибнуть».

«Вот в точности слова, которые меня просили Вам передать наши наставники из Мира Духов:

«Мы не хотим, чтобы люди пугались, но чтобы они начали изменяться, развиваясь по более духовной линии. Мы не собираемся докучать людям, мы стремимся лишь подготовить их, пока ещё не поздно. Мир не может продолжать жить той жизнью, какой жил ранее. Иначе он разрушит самого себя. И прежде всего мы должны развеять тёмную тучу теологии, зависшую между человечеством и Богом.

Скоро придёт день, когда вся истина станет ясна, и все эти извращённые Церкви будут сметены с лица земли вместе со своими жестокими доктринами и карикатурами на Бога, каковые оне распространяют. Любовь! — это и всё, что требуется. Какое значение, во что вы верите, если только вы сами добры, кротки и бескорыстны, как Христос был кроток, бескорыстен и добр в давние времена?

Откройте людям всю правду о смерти. Бог желает, чтобы они её знали. Именно за этим Он и позволяет нам общаться с вами. Смерти нет. Это то же самое, как если бы вы просто перешли в другую комнату. Попав сюда, вы оказываетесь не в состоянии поверить в то, что вы уже умерли. И мы тоже не могли поверить в это. Скажите людям всю правду! О, насколько же она важнее всего, о чём вы говорите между собою. Если бы ваши газеты — хотя одну неделю — уделили столько внимания психическим темам, сколько посвящают его футболу, то правда о жизни после смерти стала бы известна всем.

Когда мы говорим о материальном или механическом прогрессе, мы не можем не понимать, что прогресс этот ложный — это не настоящий прогресс. Если вы сконструировали автомобиль для того, чтобы проехать на нём тысячу миль в год, а затем придумали новый — для того чтобы в следующем году можно было проехать уже две тысячи миль, то не думайте, что достигли тем вершины прогресса! Мы же хотим для вас прогресса истинного: чтобы вы поняли силу разума и духа, удостоверились в том, что мир духов реально существует.

Мы можем оказать неоценимую помощь в достижении настоящего прогресса, если только люди всей Земли помогут нам в этом, но мы не можем навязывать свою помощь силой тем, кто не готов принять её. Это ваша задача — подготовить людей к этому. Некоторые из них безнадёжно невежественны, но мы должны заронить в них семена прогресса, даже если не сможем увидеть их всходы.

Духовенство ограничено в своих идеях и повязано системой, которая, на наш взгляд, давно устарела. Воздействовать на людей устаревшими взглядами — это всё равно что пытаться накормить их вчерашним обедом. Мы хотим свежей духовной пищи, нас не устраивают объедки. Мы знаем, насколько совершенен и велик Иисус, прекрасно ощущаем его силу и любовь. Он может помочь всем нам, но Христос всегда разжигал в наших сердцах яркий костёр, а не ворошил старые угли.

Вот, чего мы хотим — огня энтузиазма, который будет разожжён на алтарях Знания и Воображения. Многие люди пытаются быть энтузиастами, используя своё воображение, но не знают того, что воображение — лишь врата познаний. Церкви дано право учить людей, но она не может осуществить его.

Кто-то должен показать, как действует спиритическое Учение на практике. Тот мир, в котором вы живёте, предоставляет вам единственную возможность воплотить своё знание и веру в действии. На нашем духовном уровне знание и вера — это дело, а не теория, и оно сразу даёт плоды. К сожалению, многие на Земле на словах согласны с этим, но дальше слов не идут. Церковные проповедники учат, но не могут подкрепить своё учение реальными делами. В этих целях иногда бывает полезна даже простая грифельная доска, в которой мы зачастую так нуждаемся. Вы должны не только читать лекции, но и — для большей наглядности — отображать свои тезисы на грифельной доске. Таким образом физические явления могут совершить переворот в сознании.

Нам трудно бороться за нашу веру, потому что против нас выступает мощная коллективная сила. Но когда наступит переворот в сознании людей и они отринут своё невежество и тупой антагонизм, это немедленно расчистит дорогу значительно более полному проявлению наших сил, чем те, которые мы можем продемонстрировать на сегодняшний момент.

На преодоление этой стоящей перед нами стены мы тратим более девяноста процентов наших сил. На что оне уходят? На поиски слабых мест в стене невежества, которая разделяет нас. Многие из вас подтачивают и крушат эту стену со своей стороны, чтобы помочь нам пробиться сквозь неё. Вы помогаете нам, потому что не вы выстроили эту стену. Пройдёт ещё немного времени, и мы разрушим её и объединимся. И это будет кульминацией всех усилий: мы увидим встречу духа и материи».

Вот что мне было велено передать Вам. Распространяйте эту весть всюду, где только могут быть души, способные воспринять её. Говорите им: «Покайтесь! Переделайтесь! Настало время».

LIX. Мы не можем легкомысленно отмахиваться от предлагаемых нам *оттуда* выводов

«Пусть все исследователи никогда не отчаиваются в возможности получения личных доказательств продолжения жизни после смерти, но упорно продолжают работу, невзирая на любое количество неудач, пока наконец убеждённость не придёт к ним. А она непременно придёт. Пусть исследователь сперва заслужит успех своим терпением и серьёзностью — и он достигнет успеха. Но, самое главное, пусть каждый искатель истины помнит, что явления — это лишь средство для достижения цели, само по себе не имеющее смысла и полезное лишь в силу того, что оно даёт нам уверенность в существовании жизни после смерти, и к этой жизни мы должны подготовливать себя, изгоняя прочь все наши низменные животные чувства и поощряя возвышенные благородные порывы. Если человек переступает порог сеансной комнаты не с этими мыслями, то весь сеанс опускается до уровня театра или цирка, т.е. делается обычным прибежищем для увеселения глупого и праздного любопытства».

«Пусть человек осознает, что душа человеческая, выходя из телесной оболочки, определяет свою судьбу в точном соответствии со своим состоянием; что это состояние зависит от общего итога его дел и мыслей при жизни в теле; что всякий злой поступок запечатлевается в духе и влечёт за собой соответствующее ему наказание с тою же определённостью, с какою человек, шагнувший из окна третьего этажа, упадёт на землю; что ни запоздалое раскаяние, ни какие-либо уловки не помогут злодею укрыться от последствий его собственных действий, и что закон этот претворяется сам собою и неотвратимо. * Таков, я думаю, урок, преподанный нам Спиритизмом, а всяческие явления и феномены — лишь свидетельства истинности этого ключевого, наиважнейшего факта».

«Некоторые из интересующихся Спиритизмом утверждают, что публикация предсказаний, касающихся будущего нашего мира, в тех случаях, когда такие предсказания могут встревожить людей, должна решительно пресекаться. Это вопрос, о котором я много с тревогою думал, поскольку я не только получал такие пророчества, сделанные в очень настойчивой и детализированной форме, но и большое число независимых подтверждений, поэтому мне трудно усомниться в том, что за всем этим лежит некоторая основательная истина.**

Наш собственный рассудок всегда должен быть последней инстанцией в суждениях о такого рода вопросах, но нельзя всецело отметать и взгляды, выдвигаемые нашими незримыми коммуникаторами, в особенности когда другие их сообщения указывают на их мудрость и познания. Если сведения, сообщаемые ими, мы принимаем серьёзно, то так же серьёзно мы должны отнестись и к их советам о том, как сообщения эти использовать».

«Верно ли, ошибочно ли — лишь будущее может показать это, но они утверждают, что определённые изменения, духовные и физические, вскорости произойдут на Земле. И изменения эти должны быть вызваны ослаблением материализма и усилением духовности — словом, более серьёзной оценкой целей человеческого существования. Если послания из мира потустороннего в какой-то степени содействуют этой перемене в мышлении, то ясно, что они

 $^{^*}$ Здесь хочется привести и слова Дж.Конрада: «Каждый шаг — поступок: за него неизбежно приходится отвечать. И тщетны слёзы, скрежет зубовный и сожаления слабых, кто мучается, объятый страхом, когда приходит миг оказаться лицом к лицу с последствиями собственных действий». (Π . Γ .)

^{**} Уже после смерти Конан-Дойль по этому поводу сказал: «Почему я в своё время был буквально осыпан всеми этими пророчествами о несчастьях и катастрофах, к которым идёт человечество? Потому, как я вижу теперь, что я был как бы осью вращения, точкой опоры. Тысячи людей в ту пору прислушивались к моим словам. Именно поэтому мне было предназначено послужить Великому Белому Братству, чтобы дать людям более чистое, более истинное и точное знание о жизни в потустороннем мире». См. «Посмертное послание человечеству». (Π . Γ .)

 $^{^*}$ Судя по всему, с освобождением России от большевицкого ига время это для человечества наступило. (Π . Γ .)

не могут быть целиком пресечены».

«Опять-таки они заявляют, что если бы такие события произошли внезапно и стремительно и оказались бы для нас совершенно неожиданными и необъяснимыми, то они нанесли бы гораздо более сокрушительный удар по человеческому уму — именно в силу своей непредвиденности. Поэтому хотя бы самое смутное предвидение их должно у нас существовать, и конечная цель, к которой всё это сводится, должна быть нами понята. Цель эта, как объясняется в посланиях, исключительно благотворна, сколь бы мучительным ни показалось применяемое к нам лечение, ибо ею является исцеление человечества, которое пробудит его от сонной болезни, во власти каковой оно в настоящее время находится».

«Поэтому я полагаю, что мы не можем легкомысленно отмахиваться от предлагаемых ими выводов, а это проявится как раз в том, что мы не будем поднимать по этому поводу сенсационных споров, но спокойно подготовимся вместо этого к тому, чтобы там, «где есть ухо, чтобы услышать», произошла соответствующая передача информации, а также общее и постепенное распространение новостей и доказательств среди тех, кто может вести и поддерживать людей в случае какого-либо космического кризиса».

«Иногда я получаю и более решительные советы. «Внедрите эти идеи в сознание людей, и пусть оне живут в них. Неважно, если это их испугает: они сонны и погружены в летаргию». Хотя я и чувствую, что время для таких действий ещё не пришло, тем не менее этот совет моего главного информатора является путём, которым мне следует итти. Я надеюсь, что, прочитав это, многие осознают, что решение такого вопроса не настолько просто, как им бы хотелось, и не зависит исключительно от нас самих».

«Некоторые люди не являются сторонниками общения с умершими по той причине, что это якобы препятствует продвижению отошедших. Но этому нет ни малейшего доказательства. Утверждения самих духов говорят как раз об обратном: они заявляют, что общение с теми, кого они любят, очень помогает им и придаёт сил. Не так много, на мой взгляд, существует трогательных в своём простом юношеском красноречии страниц, как те, на которых Реймонд* описывает чувства погибших на войне юношей, желающих послать весть родным и встречающих постоянной помехой этому стену невежества и предрассудка в умах последних. «Вам мучительно думать о том, что сыновья ваши умерли, и всё же множество людей думает именно так. Мне ещё более мучительно слышать, как мальчики говорят мне, что никто больше не хочет с ними разговаривать. Это ранит меня очень больно».

«Положение в целом сводится, на мой взгляд, к следующей альтернативе: либо надо предположить, что случилась неимоверная, невероятная, массовая эпидемия сумасшествия, охватившая два поколения и два континента и поражающая мужчин и женщин во всех остальных отношениях в высшей степени здоровых; либо же приходится допустить, что за несколько лет из Божественного источника до нас дошло Новое Откровение, которое далеко превосходит самые крупные религиозные события, происшедшие после смерти Христа, ибо Реформация была всего лишь оживлением омертвелого католицизма, тогда как данное откровение напрочь изменяет лицо самой смерти и всю судьбу рода человеческого. Между этими двумя предположениями нет места колебаниям: мнение, согласно которому Спиритизм лишь обман да ложь, не выдерживает никакой критики и не может устоять перед очевидностью. Либо явное безумие, либо же идейная революция, позволяющая нам бесстрашно смотреть смерти в глаза и являющая собой для нас великое утешение в ту годину, когда те, кого мы любим, уходят от нас в мир иной».

что основу её составляют спиритические послания Реймонда Лоджа своим родителям. (Π . Γ .)

^{* «}Реймонд» — повторюсь, что речь идёт о книге сэра Оливера Лоджа, выдающегося английского физика и проповедника Спиритизма. Реймонд — имя сына учёного, который был военным инженером и погиб во время Первой Мировой войны. В книге содержится большой объём фактического и теоретического материала, касающегося проблем Спиритизма. Особенность книги заключается в том,

LX. Лучшая часть человечества живёт не здесь, а в мире ином

Наша психика — это наш характер. И то, как складывается наша жизнь, определяется даже не столько внешними обстоятельствами, сколько особенностями нашего характера, который есть или величайший умножитель наших способностей и задатков, или тормоз, либо хуже того, непреодолимое препятствие, стоящее на пути наших жизненных целей.

Воля – незримая сила души, она помогает нам бороться со всеми мучениями и выдерживать все испытания, которым подвергает нас жизнь.

Не то, чтобы нам было отпущено мало времени, просто мы не умеем использовать своё время с толком. Я уж не говорю о тех, кто заняты его «убийством». Легкомысленные заботы о том, как бы «убить время» – величайшее кощунство на свете.

У того, кто проводит жизнь в комфортных условиях, нет ни малейших стимулов к дальнейшему развитию.

Вечность для тех, кто о ней знает и к ней стремится, а не для тех, кому она не нужна и кто от неё отворачивается. И это только справедливо.

Ничего-то, кроме комфорта, от своей цивилизации и не ждите, и помните, что все посулы технического комфорта на деле оказываются табуном данайских коней, а принявшие их и им поддавшиеся уподобляются ватагам беспечных и доверчивых троянцев.

В этом материальном мире нет ничего абсолютного: ни абсолютного зла, ни абсолютного добра. Даже само существование материальной вселенной – относительное зло, относительное добро.

Если только вы сами не позволите, никакая грязь к вам не пристанет: в мире нет абсолютного зла.

Жизненный опыт ценен только потому, что за него дорого платишь; когда же он достаётся даром, то цена ему – ломаный грош.

Мир не гнусно устроен, он гнусно организован. Устроен он Богом, организован – людьми.

Выбрать путь зла вместо пути добра значит выбрать обходную и бесконечно длинную дорогу, чтобы в конце концов придти к той же самый цели, придти к которой можешь гораздо раньше и легче.

На весах совести и мировой справедливости *подлость* каждого есть *близорукая глупость*, есть незнание и игнорирование своих подлинных, насущных интересов, а, стало быть, есть действие, совершение поступков и дел с реальным и серьёзным ущербом для самого себя, для своей *души*; есть отодвигание себя от «царства Божия», есть ввергание себя на необозримо долгое время в *иллюзию*, на блуждания в сансаре. Итак, примем как аксиому, что *подлость есть глупость*.

То, с чем готова мириться ваша совесть, и является реальным уровнем ваших моральных достижений.

Со своими пороками человек рождается, чужие — легко усваивает. Горе ему, если добродетели, кои у него уже есть, и те, что он ещё приобретёт, при подведении жизненного итога сильно уступят в числе и качестве его порокам!

Ты не обязан быть совершенством. Довольно и того, коли ты идёшь по пути, ведущему в его сторону.

Отвечать на ненависть любовью — в этом какая-то нечеловеческая претензия. Достаточно того, если люди в жизни сей будут людьми, перестав наконец быть зверями. Проводить их в статус богов — это задача миров иной, более высокой организации. Всему своё время.

Увы, «прогресс» уже давно развивается ради прогресса, а не ради нас с вами.

Чума нашего времени – то, что вектор человеческих усилий всё более и более отклоняется от насущных потребностей человечества.

Подлинный прогресс – и об этом не надо забывать – это не просто перемены: это – увеличение знаний, смягчение нравов и обусловленное этим улучшение качества жизни. Перемены, не сопровождающиеся подобными сдвигами, совершенно бессмысленно называть прогрессом, к нему оне отношения не имеют.

Понятно, что в мире человеческого абсурда человек может жить только абсурдной жизнью.

Жизнь в материальном мире ни для кого не может быть раем. Для всех она служит чистилищем, а для очень многих является ещё и адом.

Ещё и ещё раз, так как немногие в состоянии уразуметь столь важную мысль и обратить на неё должное внимание: наша земная действительность — беспросветное результирующее внутристадного гипноза.

Один из парадоксов истории состоит в том, что редко кто, а скорее вообще никто не понимает смысла и значения происходящего.

У человечества, к сожалению, нет исторической памяти. И из-за того, что история – не наука, а безудержное враньё, наспех состряпанное сегодня из вчерашних, позавчерашних и так далее лживых баек в угоду власти сегодняшнего дня — из-за всего этого человечество всё время наступает на одни и те же грабли при калейдоскопической смене декораций, которую им обеспечивает сансара. Но грабли, повторяю, всё те же самые, что и в каменном веке, что в Римской империи, что в мрачном средневековье, что в Советской России, что в 3-м рейхе — список сей можно продолжать до бесконечности. Так вот, грабли эти — чудовищное невежество и эгоизм. И возможных противодействий им, соответственно, два: просвещение и наука, с одной стороны, и любовь, которой учили Будда и Христос, с другой. Стоит отметить, что у индусов есть специальное слово для неё, которого нет в западных языках, из-за чего и происходят все недоразумения, — према.

Не имея любви, превращаемся в ничто; имея любовь, становимся всем.

Любя одного-единственного человека, неизбежно любишь и всё человечество.

Рискованная точка опоры – наслаждение. Для наслаждения необходимо удовлетворение, но само наслаждение исчезает по мере удовлетворения. Так получается, что гедонист опирается на пустоту.

Эротизм – самая большая, самая глубокая, самая устойчивая и необоримая иллюзия, которой подвержен человек. Он не может достичь совершенства и утончённости, не пройдя через неё, но и не может достичь их, не освободившись от её власти над собой.

Сказано, что «люди были бы совершенными, не будь они мужчинами и женщинами». Всё совсем не так. Духи не могут стать совершенными, не пройдя этап половой дифференциации и не преодолев его в конце концов, после того, как он исполнил свою роль.

Принято считать и думать, будто годы, пропитанные тестостероном, представляют собой самую лучшую пору в жизни мужчины. Но так ли это? Ведь это время самых злокозненных иллюзий.

Среди множества вещей, с которыми приходится сталкиваться в этой жизни, секс является одной из самых разочаровывающих. Хотя от него, разумеется, никуда не денешься, равно как и от пищеварения с дефекацией и мочеиспусканием. Всё это неизбежные функции телесной жизни.

Человек – единственное существо в этом мире, которое способно смеяться, и смеяться от души, поэтому мудрые боги так устроили его жизнь, чтобы у него было куда больше оснований рыдать, нежели смеяться.

Одна из важнейших тайн жизни состоит в том, что высшее счастье человека всегда достижимо только на пределе его сил!

Глубока и бездонна душа, поборовшая тьму в себе и отчаянно обороняющаяся от окружающего мрака.

Самые примитивные инстинкты – это то, что торжествует в конце концов. Под занавес комедии материального мира, когда души лучших актёров уже отлетели, неизменно появляются варвары.

Душевно опускаясь, человек гонится за личной выгодой и становится обывателем.

Когда люди не интересуются вещами духовного порядка или довольствуются по сему поводу нелепыми расхожими мнениями, источником каковых являются бытующие религиозные культы, то жизнь людей в этом мире становится скотской, и это справедливо, потому что они недостойны лучшего, потому что такой человеческий мир нуждается в чистилище, а то и в сносном подобии ада.

Птицы живут, не подозревая о воздухе; рыбы живут, не зная о существовании воды; люди живут, ничего не ведая о сансаре.

Попытки улучшить, упорядочить, как-то структурировать сансару говорят только о безнадёжной наивности. Это самая детская из иллюзий.

Чтобы ты ни делал, как бы всю жизнь ни старался, уходя из этого человеческого мира, ты оставляешь его таким же нелепым, таким же глупым и подлым, каким он был, когда ты вступил в него.

Единственный способ радикально улучшить мир сей — это уйти из него поскорее, ибо какому-либо улучшению он не подлежит. В космической иерархии миров мир сей и подобные ему — совершенно необходимы, так как бесконечно число душ, имеющих нужду жить в подобающих им условиях, т.е. в чистилищах или более-менее сносных подобиях ада — без этого никакой духовный прогресс для них невозможен. И всякий, кому здесь не место, должен не переделывать сей мир под себя, а обязан искать своё место где-то ещё.

Жизнь человека, воображающего (хотя сам он считает это твёрдым знанием), что нет ничего ∂o и нет ничего nocne, — это всего лишь слабенькая искра, которая проскакивает между двумя ничто. Вот и всё его существование: ничто в ничём.

Даже смерть людям удалось предельно опошлить. Причём, ничего не зная о сути дела. Так что, в конечном итоге, человечество имеет то, чего оно заслуживает и чего достойно.

По незнанию оккультных законов, многие люди воображают, будто смерть есть способ убежать от того, что их беспокоит. Но это далеко не так. Это лишь верный способ усугубить своё и без того скверное положение.

Самоубийство – не выход. Это штука не только противоестественная, но и запретная. Об этом, на примере позволивших себе такое и влачащих *там* самое жалкое существование, недвусмысленно говорит Учение Духов. Человек обязан терпеливо, а подчас и *героически* ждать своего последнего часа. Исключений из этого правила крайне мало.

Я глубоко постиг учение Будды — так, что смог воссоздать его и придать ему литературную форму. Я глубоко усвоил учение Христа — так, что смог восстановить его и придать ему словесные очертания. Но я говорю вам не от лица Будды и не от лица Христа, а от своего собственного: «В жизни имеется множество вещей, которые выглядят ценными. Во всяком случае, такими, чтобы ради них стоило жить. Но на самом деле...»

Жизнь представляет собой весьма мучительный процесс. Это какое-то непрестанное и обречённое таскание за собой давно разбитой телеги, которое в конце концов надоедает.

Но когда ты наконец пытаешься соразмерить все «за» и «против», сопоставить все эти «ценности» и несомненные мучения, то вдруг догадываешься, что в конечном итоге сальдо окажется скорее всего резко отрицательным, либо, в самом лучшем случае, всё сведётся к абсолютному нулю.

Но дело даже не в этом. Ты постепенно начинаешь понимать и видеть, что все эти бесчисленные ценности, даже вне всяких попыток сопоставления их, на самом деле являются иллюзиями. Оне - химеры и эфемеры.

И тогда ты готов следовать за Буддой.

И за Христом.

На старости лет разумный человек неизбежно задаётся вопросом — что теперь такое его нынешняя жизнь: она — бонус или наказание? Если он верит в будущую жизнь, то теперешняя его жизнь ему представляется наказанием, а если нет, то — бонусом. Но, на самом деле, всё наоборот: если человек знает о будущей жизни, то нынешняя жизнь для него — бонус; а если нет, то она — наказание. Весь нюанс — в различии между знанием и верой.

В конце концов, нет ничего более естественного для человека, чем «сыграть в ящик». Во всяком случае, для него это гораздо естественнее, чем здесь родиться. В самом деле, можно ли считать смертью уход отсюда в лучший мир? Можно ли считать жизнью то жалкое прозябание, на которое здесь обречены мы все? *Прозябанием* всё это считает тот, над кем иллюзии утратили свою власть, и кто теперь заслуживает лучшего.

Для того, чтобы наконец стать самим собой, нужно умереть.

Человек — не эвкалипт, ему не нужно жить бесконечно долго, он должен жить достаточно. Достаточно же живёт тот, кто дожил до мудрости. И это прекрасно устроено, ибо жизнь в мире сем — отнюдь не подарок, и не праздник, а такой человек достоин лучшего. И он получит своё, когда освободится от пут здешней жизни. Сейчас же ему необходимо терпение: кто достиг мудрости, тот больше не живёт для себя: он живёт для других — и так долго, как то сочтёт необходимым Пославший его сюда.

Всё материальное – хлам, но и среди идеального больше мусора, чем действительных

ценностей.

К отъезду в последнее путешествие, т.е. вон из этого мира, следует основательно подготовиться, избавившись от всего лишнего и второстепенного. Правильно в эту дорогу собрался тот, кто соответствует словам древнего мудреца: "Omnia mea mecum porto." И действительно, то, что не можешь взять с собой в дорогу туда, настоящей ценности не представляет и тебе не принадлежит.

Лишь то, что мы любим, мы и в состоянии взять с собой. Чем больше мы любим, тем богаче мы есть.

Не умирай мы, мы едва ли знали бы о существовании вечности, как рыбы едва ли знают о существовании воды.

Мало в чём ином проявляется с такой сочною роскошью матерьялистическое варварство общественного сознания, как оно проявляет себя в глупой и проникнутой фальшью процедуре похорон. Неискренность, пустая символика её так же мало тешат тщеславие «мёртвых», как и мало трогают холодное безразличие «живых». И совсем уж омерзительно падальное любопытство зевак, скучившихся глазеть на это неприятное зрелище.

Похороны – всего лишь ритуал устранения трупа. При таком понимании афоризм Христов: «Пусть мёртвые сами хоронят своих мертвецов!» получает совершенно особое значение.

Трупы – это проблема не тех, кто умер, это проблема тех, кто остался.

Право, не стоит приписывать душе субстанциональные свойства, которые по самой своей сущности ставили бы под сомнение правомерность постановки вопроса о её существовании.

Человеческая душа — это такой корабль, который сходит со стапелей в жизненное плавание с гарантией не несколько десятков лет, с гарантией не век. У души — гарантия вечность.

Человек, знающий о своём бессмертии и ожидающей его вечной жизни, не может испытывать большой жалости к своему старому больному телу. Во всяком случае, не в большей степени, чем к своим поношенным костюмам и старым шлёпанцам.

Один дух следующим образом отозвался о своём земном теле: «Та штука, которую я когда-то носил».

Жажда грубого знания идёт от духовной ограниченности и неразвитости. Только.

Жизнь внутренняя и внешняя — числитель и знаменатель. Чем больше вторая и меньше первая, тем меньше значение дроби, будь она человек или общество.

Счастливая жизнь – это радостная невозмутимость духа и твёрдая уверенность.

Роковая ошибка современных мироощущения и философии состоит в том, что они пренебрежительно относятся к личности человека и рассматривают всё с позиции коллективов и общества. Между тем, реальным кирпичиком духовного мироздания является отнюдь не какое-то общество, сообщество, но именно индивид. Как приход каждого в этот мир был индивидуален, так индивидуален его уход из него, так и индивидуальна участь и программа каждого впоследствии, а коллективы, стада и стаи тут ни при чём.

Непонятно, о каких «духовных» ценностях может идти речь, какие духовные ценности могут иметь те, кто отрицают само существование ∂yxa ? Надо полагать, что для них это не более как метафора, к тому же весьма корявая.

Относительно того, допустимы ли или не допустимы какого-либо рода сомнения в реальности духовного бессмертия нашего, я не могу не сказать, что такое сомнение обращает всю нашу жизнь в бессмыслицу. Я решительно не могу усомниться в действительности бессмертия нашего в духе не только потому, что знаю о ней, но и потому ещё, что сомневаться в ней значило бы признать, что жизнь наша есть дар не только напрасный и случайный, но и совершенно бессмысленный. Раскрой глаза свои, человек, и ты увидишь, что ничто кругом тебя не бессмысленно. Бессмыслицу ищи лишь в себе самом: в упрямой тщете своего сомнения!

Большая и лучшая часть человечества – это отнюдь не живые, но мёртвые.

Знай живые, насколько мёртвым лучше, чем им, они бы им завидовали.

LXI. Мистический аспект повседневной деятельности

«Ничем не обижаться» – вот девиз мудрости. Обезьяна очень обидчива и раздражительна. Не будьте обезьянами, будьте людьми!

Если бы после смерти не было жизни, то люди (бо́льшая их часть) вполне имели бы право быть и оставаться тем дерьмом, какое они есть. Но поскольку жизнь души неуничтожима, то они обязаны — и обязаны в первую очередь в своих же собственных интересах — меняться в лучшую сторону. Пока они не понимают реальности бессмертия, их жизнь будет оставаться вечной и эгоистической гадостью.

Существующее в нашей жизни разделение событий на важные и на мелочи в высшей степени условно и — *там* — не существует: каждое наше мгновенье решает нашу участь.

Мы приходим в этот мир не за тем, чтобы потерпеть от людей какой-либо ущерб или испытать мучения. Мы приходим в этот мир, дабы изменить его, дав толчок к улучшению людей.

Карма-Йога – мистический аспект повседневной деятельности.

Упоительные минуты этой жизни на сбалансированных весах судьбы покупаются чудовищной ценой. И заплатить по счёту в состоянии только тот, на чьём балансе лишь мгновения счастья, а не годы.

Присутствовать при страдании и не быть в состоянии облегчить его — это уже достаточно тяжёлая пытка для высокого духа.

Кощунственная мысль! Неужели же Высшие Силы не понимают, что коли вести тщательнейший, скаредный учёт кармы людей на нашей планете, не прощая им ничего и ничего «не списывая», но вынуждая до последней крохи отрабатывать кармические долги даже тех, кто давно уже исправился и готов к лучшему, то человечество оказывается обречено и никогда не будет в состоянии выбраться из долговой кармической ямы? Неужели же не ясно, что коли кармические долги при такой постановке дела отрабатываются в самом лучшем случае в арифметической прогрессии, то новая карма неизбежно возрастает в прогрессии как минимум геометрической?! Что за абсурдную картину мира предлагают нам сегодня некоторые направления оккультизма («Владыки Мудрости» с диктовками Будды и Христа)? И где же в таком случае оно — Божеское милосердие?! В чём же Ему ещё проявляться, как не в том, чтобы прощать долги тем, кто уже исправился?

Любая вещь может быть принята с двух сторон: с той, с которой она делается невыносимой, и с той, с которой она выносима. Если ты принимаешь всё с первой стороны, то тебе не место в этом мире. Если же ты намерен ещё побыть здесь, то научись принимать всё со второй стороны.

То, что случилось с тобою, может случиться со всяким и со всяким случается, и потому оно не есть ни добро и ни зло. Добро же — суметь перенести достойно то, что случилось с тобой, а зло — не справиться с этим.

Сила судьбы гнетёт лишь того, кто слаб для борьбы, а это в глазах провидения — тягчайший грех. Судьба наша в наших руках, и главное, чего нам надо добиться, это того, чтоб руки наши действительно принадлежали нам.

Не надо валить на судьбу то, что происходит от собственного нежелания и лени: судьбы, в том смысле как понимают её люди, нет.

Судьба – это не то, что дано заранее; она составляется и корректируется по ходу нашего движения, и как итог она – результат нашей глупости.

Артур Конан-Дойль: «Есть надежда на то, что хотя общая линия судьбы и обозначена, отдельные события связаны между собой не настолько тесно, чтобы не осталось места для изменений».

Невежество придаёт слишком большое значение своей жизни и смерти, ибо поистине оно всегда мертво; мудрость не ведает заботы о смерти, ибо она истинно жива и бессмертна.

Если чья-то несправедливость к нам вызывает у нас обиду, это значит лишь, что мы ещё слабы духом и сами способны творить несправедливости. Праведник неуязвим для обид несправедливости.

Великий мудрец показывает своё величие, возвеличивая других, ибо ему не пристало думать, что кто-то может его затмить: в стране мудрости под солнцем мудрости хватает места для всех!

Мнимым звёздам свойственно падать, подлинным – светить вечно.

Люди придают слишком большое значение вопросу о своей жизни и смерти. Придавать же большое значенье следует единственно вопросу о том, как прожить свою жизнь достойно.

LXII. Человечество сейчас находится на перевале

Нет иного пути к блаженству, как радости духовные, ибо само блаженство есть духовная радость.

Духовность — это то, что должно стать нашей земной целью, ибо выше неё у нас здесь не может быть ничего и все возможные блага прилагаются здесь к ней.

Встретившись с истиной, можно не узнать её, не почувствовать её потому, что не готов принять её.

Неготовность к принятию Истины, забвение её в мыслях и душах — бесконечная причина всякой общественной тухлости и мертвечины.

В чтении следует остерегаться всеядности и беспринципности. Когда утвердитесь в знании, сможете без вреда для себя, и даже с пользой, читать любые сочинения теософов, рериховцев, церковников и атеистов – и многому будете дивиться, и прежде всего, – человеческой ограниченности. Но до приобретения необходимой зрелости и иммунитета лучше не травить себя интеллектуальными ядами.

Если люди чего-то не понимают, значит, они не хотят этого понять. Не хотят из-за лени, корысти, нежелания менять сложившиеся устои.

Огонь, в высшей форме своей, это – пища и субстанция Духа.

Культура — (Кульm+Vp) — есть Почитание Света, Служение Огню. Кто сейчас помнит об Этом?!

Люди всё ещё не понимают, что они живут в эпоху Огня. Они не могут принять Огонь и в состоянии произвесть лишь Дым. Так курильщики отравляют нашу атмосферу.

Мы живём в мире, ничего не ожидающем от иного мира.

Смысл жизни – не счастье, но самосовершенствование. В этом великая тайна жизни. И лишь достигнув определённых степеней совершенства, человек может стать и счастливым. Люди же нимало не думают о совершенствовании, стремятся к одному лишь наслаждению, хлопочут над глупым или бесполезным, и потому безысходно несчастны.

Беда людей в том, что они слишком серьёзно принимают навязываемые им обстоятельства, начинают слишком серьёзно играть навязываемые им роли и никогда не бывают самими собой. Если б только они умели держаться последнего, то глупый фарс, в который их постоянно втягивают, так никогда бы и не начался.

Уклад современной жизни таков, что люди целиком погружены в материальные дрязги, тем самым они считают вопрос о смысле жизни вполне решённым: смысл её в занятиях, которыми они занимаются — и баста! Чистота души и жизнь вечная, для них, — фантазии, которыми тешат себя «неудачники». Те же, кого вещи эти интересуют, вполне довольствуются шаблонными и поверхностными объяснениями, которые предлагает им та или иная официальная религия, та или иная разрешённая или запрещённая секта, основанная или руководимая, как не раз уже выяснялось, мошенниками, кои без зазрения совести эксплуатируют свои обрывочные знания, украденные ими из оккультных источников, для далеко не благовилных целей.

Здесь уместно ещё раз привести слова Конан-Дойля: «Человек мелкого масштаба всегда

использует свои исключительные способности для того, чтобы основать какую-нибудь секту, в которой он становится верховным жрецом, или окружает себя загадочным туманом тайны и магической силы, которые употребляет для личного обогащения».

Оккультист, который выходит на сцену или взбирается на эстраду, вынужден быть фокусником и играть дурную роль, иначе публика закидает его гнилыми яблоками и испорченными овощами. Разумеется, что принять такие условия может лишь шарлатан: стоя на сцене перед зрительным залом, он вынужден творить «чудеса», «совершать исцеления», быть сладкоречивым. Ведь за всё это публика, за всё это зрители расплатились с ним и с устроителями сего зрелища своими деньгами. Оккультист неподдельный не опустится до уровня краснобайствующего факира, но предпочтёт держаться от всего этого подальше.

Колпак мага сродни колпаку шута.

Относительно оккультизма могу сказать только одно: по самозваным астрологам, хиромантам, разным «экстрасенсам» и тем, кто именуют себя «спиритами», будучи лишь жалкими дилетантами, – словом, по всем этим шарлатанам, которые беснуются в балаганах, по телевидению и радио или на страницах газет, судить о действительном оккультизме несколько рановато. Ведь ставить настоящему оккультизму в вину все проделки шарлатанов и лицедеев не более разумно, чем попрекать реального короля за все те выходки, которые проделывает на сцене король Лир.

Периодическое рождение Просветлённых в лоне земного человечества — одна из величайших милостей и почестей, оказываемых Высшими Силами сему заблудшему стаду. Да всё не впрок!

Христос пришёл на Землю в удивительное время и в удивительном месте. Случись ему устроить своё второе пришествие *сегодня*, никто бы не стал его слушать даже из вежливости. В лучшем случае его затащили бы в телевизор, а там подвергли перекрёстному допросу с помощью нескольких дежурных недоумков и сделали бы всеобщим посмешищем. Никакой религии бы не получилось.

Учения Будды и Христа совершенно тождественны в морально-этическом плане. Всё различие между ними — в онтологических субтильностях: буддизм стремится к *нирване* (потенциалу начала, непроявленному бытию, минус-потенциалу), христианство — к *Огненному Миру* (потенциалу предела, максимально проявленному бытию, Царству Божию, плюспотенциалу).

Для одних земная жизнь – чистилище, для других – ад, но рая здесь нет ни для кого.

Человечество сейчас, повидимому, находится на перевале, когда радоваться жизни ещё слишком рано, но и когда печалиться об ней уже как-то поздно.

Время жизни, остающееся у нас, отпущено нам не для того, чтобы мы праздно зевали, давясь от скуки, или изнуряли себя бессмысленной и отупляющей работой, но чтобы мы осознали своё *реальное* положение и готовились к жизни вечной.

LXIII. Иерархия умов

Порядочные люди делятся на две категории: явно порядочных и тайно порядочных. Первые являются официальной совестью человечества, вторые — его действительной совестью.

Все, кто борется с несправедливостью, видят в первых себе поддержку и ею от них пользуются. Люди эти открыто порядочны, не скрывают своих убеждений и тем оздоровляют ноосферу в сравнительно безоблачные часы жизни человечества.

Но вот тучи сгущаются, мрак растёт, зло перевешивает, и первые же, кто падут под его ударами — это эти официальные и полуофициальние носители порядочности. Если бы дело было только в них, то зло бы давно восторжествовало. Но вся сила добра в том, что есть ещё и особый, отборный отряд борцов за справедливость — тайные её подвижники. На деле они и являются вождями этого движения, тогда как первые — лишь рядовые, дежурные его сотрудники.

Эти тайные носители порядочности не выставляют себя и убеждений своих напоказ, не совершают у всех на виду никаких добродетельных поступков — такая реклама им ни к чему. И в пору мрака, являясь на самом деле самыми его непримиримыми врагами, они могут даже выдавать себя за служителей его. Не творя внешне добра, они не совершают и ни одного тёмного дела; более того, примут все меры к тому, чтобы как-то ненароком не совершить его (именно по этому признаку они легче всего опознаются). Но как раз эти тайные носители порядочности и являются той действительной силой, мозгом той силы, которая в конце концов и сокрушает зло.

Правда не есть Истина, правда – только соответствие Истине.

«Чтение есть беседа с мудрецами, — говорит Бэкон Веруламский, — действие же — встреча с глупцами». В значительной мере так оно и оказывалось раньше, когда образование было уделом немногих. Сегодня же, когда любой плебей к продажной гнусности языка своего присоединяет ещё и знание основ орфографии, чтение, если читать современных авторов, также обыкновенно оказывается встречей с глупцами. Все газетные киоски и книжные лавки завалены доказательствами этой истины. Не следует однако полностью умалять достоинство действия: мудрецы попадаются и здесь.

Следует знать, что среди высших умов есть деление на две касты, на две породы: собственно высших и менее высоких. Менее высокие стремятся найти истину, определить для себя в соответствии со своим пониманием её задачи и цели, и затем стараются повлиять на всех окружающих себя, чтобы переделать их и перестроить этот безумный мир. Собственно высшие нисколько не заботятся о том, чтобы как-то насиловать чужую волю. Даже здесь они живут так, словно живут уже в мире высшем: живут творчеством, а всему прочему предоставляют идти так, как оно пойдёт. Последнее им нетрудно, потому что они знают, куда всё придёт.

Чернь раздаёт своим детям для игр игрушечные револьверы и ружья, пистолеты и автоматы, пушки и танки, оловянных и пластмассовых солдатиков. Всё это говорит не только о грубости черни, её духовной скудости и убожестве, но и о том, что она понимает своё ничтожество и сама предназначает себя к самому низкому и мерзкому убожеству — убийству, для чего с пелёнок и приучает своих младенцев, мало считаясь с их природными склонностями.

Поразительна ничтожность всего того, что делается ради славы. Человек, понимающий это, не безнадёжен.

Право, глядя на ничтожный уровень запросов, убогость умственных горизонтов и на более чем скромные духовные достижения так называемого «среднего» человека, составляющего массу современного человечества, поневоле начинает казаться, не слишком ли многого Мы требуем и ждём от этого земного человека. Наши предложения ему не равнозначны ли тому, как если бы Мы вдруг взяли и подошли к орангутангу и, положа руку ему на плечо, спросили его, глядя в глаза: «Слушай, друг, чего же ты это книжки-то не читаешь?»

Различие в складе ума значит очень многое. В самом деле, ум философа — это одно, ум учёного — другое, ум художника — третье, а вот умы политика, махинатора, деляги, жулика — нечто совершенно иное. Но обыватель этих оттенков не чувствует, для него всякий ум завиден, ибо его собственный нуль — всего лишь точка отсчёта на умственной шкале. Он считает всех умных людей *почтенными*. Хотя у него и есть свои предпочтения. Именно: умы второго сорта ему понятнее и ближе, так как их полезность ему вполне очевидна. Поэтому ум деляги внушает ему куда большее уважение, чем ум действительно умного человека. А стало быть, судьба опального банкира волнует его куда больше, чем бедственное положение людей, составляющих «соль земли».

Печальное зрелище — ум, не устремлённый в беспредельность и замкнутый в своих догмах или глупости соседа.

Рабский ум не в состоянии ничего ни познать, ни оценить истинно и везде зрит только собственные ограничения, воспринимаемые им как пределы совершенства. Выведите его за его узкие рамки – и он начнёт заговариваться, говорить глупости.

Есть умы, и их очень и очень много, неспособные видеть мысль в её динамике, видеть жизнь мысли. Сами будучи застойны и однобоки, они и всякую мысль воспринимают застойно и однобоко. Применительно к ним любая мысль опасна, ибо превращается в свою противоположность и неминуемо ведёт ко злу.

В нынешнюю годину остервенелого царствия маммоны антропологические знания находятся в крайнем упадке, поскольку никто из толстосумов, равно как и среднестатистический гражданин, вкусы и интересы которого набивают информационным торгашам их карманы, таковыми материями не интересуются.

Глупость или пошлость, сказанная куклой, которая у всех на виду, сулит больший барыш, чем суждения мало кому известного мудреца.

Люди думают, что они ∂y мают, а на самом деле большинство из них думать давно уже не способно, потому что им привычно поддаваться внушению, и это внушение стало им так же необходимо, как воздух для дыхания.

Одураченный не может думать, думает только тот, кто всегда начеку и не позволяет себе стать жертвой коварных внушений, которыми при нынешних агрессивных инфтехнологиях пронизано всё окружающее пространство.

Пошлость, сказанная «со слезами на глазах», звучит особенно оскорбительно и безнадёжно.

Когда человек окончательно разочаровался в жизни, то это значит не то, что ему настало время *уйти из жизни*, но просто то, что ему пора коренным образом *изменить образ жизни*, обратившись к высоким помыслам, к каковым направляют нас этика и то, что принято именовать «мистикой».

Истинный мудрец не мыслит в одиночку, он приглашает к этому и других.

Весь этот скорбный мир — лишь последствие наших дурных коллективных мыслей, и вся наша личная судьба — последствие наших мыслей индивидуальных. Мысли суть вещи, воплощающиеся в мире видимом из мира невидимого, подобно тому как духи, воплощаясь в мире видимом, делаются земными людьми.

LXIV. Легкомысленная забава, которую никак нельзя приветствовать

Всякий материализм, как откровенный, так и завуалированный, осуществляющийся в мышлении или в политике, происходит либо от умственной слепоты, либо от корысти и жульничества. Но для умов, видящих дальше убогих перспектив зарвавшегося обывателя, истина должна пройти прежде всего, и истина это — Бог.

Целый мир разницы пролегает между концепцией материалистической и концепцией спиритической. Это разница между нищим и богатым, между слепцом и ясновидцем, между дураком и мудрецом.

Суждения людей, не знакомых с сущностью спиритического предмета, есть не что иное, как суждения глухих слепцов, оспаривающих утверждения человека, способного видеть и слышать.

Ширпотребовская эрудиция — знамя классического невежества: человек знает множество посредственных и второстепенных вещей, и тем в придачу гордится, ведать не ведая о самом важном: о тайнах и таинствах духа. Многознайство научает не уму, но лишь суетности, гордыне и глупости.

Многие знают много, но оттого делаются лишь ещё несчастнее. Если же они действительно знают то, что знать следует в первую голову, то несчастье их происходит единственно потому, что все их знания лежат в сфере интеллекта, а не осуществления. Ведь если только знать, как варить кашу, сытым от этого не станешь.

«Вера без дел мертва есть». Точно так же и знание без дела напрасно, ибо оно – орудие, а не цель.

На всех нас — понимающих важность спиритического Дела — лежит большая ответственность, и мы должны работать на пределе сил, дабы донести идеи Духовного Учения до остальных людей — и это единственный способ благоустроить сей мир, иного способа нет.

Если человек понимает спиритические истины (в силу способности понимать их) и не распространяет их, то он совершает большой грех, уклоняясь от миссии, которую это понимание на него налагает — а это именно $\mathit{миссия}$ — и с него строго за это спросится!

Типичная ошибка начинающих спиритов — желание вступить в общение с «умершими», ничего не зная о законах того мира и законах, управляющих этим общением. Помимо того, новообращённые, стремясь к этому общению, обычно движимы вполне детскими побуждениями. Только после того, как человек изучил и стал силён в философии Спиритизма, приобрёл понимание трудностей спиритического общения и знание природы этих трудностей, только после всего этого он имеет моральное право думать об установлении «контакта» с духами и заняться практическими исследованиями в данной области. Тем более, что его исследования только после этого будут иметь научную ценность. До этого они — легкомысленная забава, которую никак нельзя приветствовать. Следует понимать, что общаясь с людьми, мы постоянно подвергаемся риску обмана с их стороны. В практике спиритического общения эта ноша удваивается: здесь могут обманывать не только люди, но и духи. Причём из числа последних на первых порах всегда появляются именно обманщики. Лишь чистота наших устремлений и помыслов, которую мы должны будем доказывать на деле, позволит нам со временем обратить на себя благосклонное внимание Духов истинно Высоких.

Многие и очень многие, по наивности и незнанию, склонны всем духам приписывать

мудрость и всезнание, Им и в голову не приходит того, что на *том* свете плутов тоже хоть отбавляй. Конан-Дойль объясняет такое положение дел ясно и просто: «В том, что среди лишённых тела душ могут встречаться плуты, не больше удивительного и даже примечательного, чем в том, что многие души, заключённые в тело, находят удовольствие в таких же глупых шутках».

О знаменитом «демоне» Сократа говорится во многих работах, Сократу посвящённых; немало упоминает о нём в своих диалогах и Платон; особо затронут этот вопрос в его диалоге «Феаг», ставящем по этой причине всех критиков в крайне затруднительное положение. Но Вл.С. Соловьёв справедливо указывает, что для Сократа и Платона природа этого «демона» выражала некую основную истину, именно то, что «всякое дело внутреннего усовершенствования человека зависит не от людского произвола, не от преходящих добрых желаний, а от чего-то более важного и глубокого, чем мы не можем распоряжаться, а с чем должны сообразоваться. Есть более важный, чем мы сами хозяин в нашем внутреннем дому, — есть у всех, хотя явственно он говорит только таким исключительным людям как Сократ — для блага их собственного и чужого».

Всякий, кто в Бога не *верует* (вернее бы надо сказать – кто о Боге не *ведает*), не заслуживает того, чтобы его принимали всерьёз и дали ему права совершеннолетия, ибо он всё ещё лишь ребёнок малый, не годный ни располагать своими силами, ни отвечать за свои поступки, так как его неразумение превышает его ответственность.

Между собственно Человеком и животными пролегает весьма многочисленная прослойка человекообразных существ, не ставших ещё людьми, хотя они и ходят на двух ногах, пользуются языком, имеют имена, фамилии, права гражданства и документы у них в порядке. Человека отличает от этих существ то, что он пользуется головой не для того, чтобы сквернословить, и не только для того, чтобы есть или носить шляпу. Эти же человекообразные существа, как и животные, заняты сугубо матерьяльной деятельностью и не способны ни к каким родам духовного творчества, которое и есть то главное, что отличает Человека от животного. Но самый главный признак, по которому узнаётся Человек – это понятие о Боге; однако не тот суррогат этого понятия, который насаждается стадными религиями и идёт извне, а то понятье, которое истинно составляется и идёт изнутри. Истинность этого понятия определяется очень просто: его попутчики – любовь и смирение.

Шаманы и все прочие, у кого, по выражению Апулея, «из груди вырывается прерывистое дыхание» и кто, желая показать, что на них снизошёл дух божий, изображают дикое исступление, видимо полагают, будто божеское присутствие, вместо того чтобы облагораживать и совершенствовать человека, делает его немощным и больным.

Молитва всего менее должна быть заученной наизусть фразой. Истинная молитва — импровизация мысли, обращённая к Высшим Силам, она идёт от мысли к слову, а не от слова к мысли, как это обычно предполагается. Молитва — живая мысль и никак не может быть выражена на бумаге. Она — духовное огненное устремление. В этом смысле для молитвы нет и не может быть образца. Молитву нельзя вменить человеку в обязанность. Она — профанация, если не идёт изнутри, если строится по трафарету, если она механический бубнёж вызубренных фраз. И преступны те, кто, пользуясь своим авторитетом или властью, наказаниями или осуждением подвигают ближних на подобное святотатство.

Спириты считают, что когда мы обращаемся к Богу, т.е. «молимся», молитва наша, чтобы дойти до Бога, должна пройти по Духовной Иерархии: от нас — к нашему ангелухранителю, от него — Высшим Духам, от них Иисусу Христу, и уже через него — к Богу. Чтобы сделать эту мысль более понятной, можно растолковать её с помощью аналогии. Человеческое тело представляет собой как бы целую вселенную, со своими звёздными мирами, имеющими иерархическое подчинение и соответствующей им иерархией духовных (или применительно к телу, нервных) центров. Вся нервная система тела человека выступает в этом случае в

функции Духовной Иерархии. Человеческое тело состоит из тридцати триллионов клеточек, этих «маленьких жизней тела», как бы человеческих индивидуальностей. Душа каждой такой клеточки связана с помощью нервной системы (Духовной Иерархии) через всё более выше стоящие нервные (духовные) центры с мозгом человека (Христом), а через него — с Истинным «Я» этого человека, его душою, которое (или которая) в этой микровселенной исполняет роль Бога. Именно такова, с точки зрения Спиритизма, природа молитвы: это связь души через Духовную Иерархию с Богом. Разумеется, я привожу эту аналогию не с целью как-то принизить и «материализировать» Духовную Иерархию, уподобив её нервной системе человека, а его душу — Богу, а единственно для того, чтобы оживить мысль о молитве в уме читателя.

Земная жизнь есть своего рода школа, некий способ воспитания и совершенствования Трудом, Учёбой, Страданием. Счастье и несчастье не вечны. Награда или кара заключается в увеличении или уменьшении наших способностей, в расширении или сужении нашего кругозора, что является следствием того, насколько хорошо или плохо мы пользовались свободой своей воли и тех стремлений и склонностей, которые мы в себе развили. Свободная и ответственная, душа носит в себе закон своих судеб: в настоящем она пожинает плоды прошлого и сеет радости или страдания грядущего. Наша настоящая жизнь есть наследие наших предшествовавших жизней и создание тех, которые за ней последуют. Дух просвещается, возрастает в умственной и нравственной силе соразмерно исполненной работе и побуждению, возникающему у него к свершению Добра и исканию Истины.

Всё развивается во Вселенной и стремится к высшему состоянию. Всё преобразуется и совершенствуется. Поначалу смутная, неясная, нерешительная, Жизнь поднимается из недр бездн, одушевляя бесчисленное множество всё более совершенных форм, и наконец расцветает в полную силу в Человеке, в каковом она обретает сознание, разум, волю и составляет душу, или дух. Душа бессмертна. Венец и плод слияния низших сил Природы, она содержит в зародыше все высшие способности; ей суждено развить их своими трудами и усилиями, перевоплощаясь в материальных мирах, и, со ступени на ступень следующих друг за другом отдельных жизней, подняться по необозримо высокой лестнице своей жизни к Совершенству. У души несколько оболочек: самая низшая из них — это земное тело, орудие борьбы и испытаний, которая распадается после смерти; другие, менее грубые оболочки, природа которых полуматериальна, также лишь временны, и душа, через какое-то время после смерти физического тела, равно сбрасывает их с себя. И лишь одна оболочка её — флюидическое тело (перисприт) — постоянна. Флюидическое тело неотъемлемо от души и развивается и очищается вместе с нею.

LXV. Все изобретения и открытия современности – ничто по сравнению с фактами «психической» науки

«В недавно опубликованный работе «Жизнь после смерти» покойного профессора Гислопа, который преподавал логику в Колумбийском университете и стал главным авторитетом в Америке по вопросам «спиритуализма», содержится фраза, звучащая достаточно нетерпимо: «Человек, который не признаёт существования бесплотных духов и соответствующих доказательств, является либо невеждой, либо моральным трусом». Эти слова верны в буквальном смысле, но их язвительность смягчается тем соображением, что быть невеждой в этих делах – в наше время не упрёк. Многие данные были получены совсем недавно и содержатся в книгах, ещё не переведённых, дорогостоящих и малодоступных. Я попытался показать всем, кто способен воспринимать свежие факты, что этот чрезвычайно важный вопрос более не является всего лишь любопытной темой для дискуссий, он уже обрёл вполне определённые очертания - у нас есть теперь прочные основы для будущих исследований. Все новейшие открытия, такие как авиация, беспроволочный телеграф, да и вообще любые новшества материального порядка, несущественны по сравнению с разработками, открывающими нам новую форму материи, с неслыханными ранее свойствами, скрытую, по всей видимости, внутри каждого из нас. Сложилась парадоксальная ситуация, когда искатели духовных ценностей сумели больше узнать о материи и её поразительных возможностях, чем любой материалист».

«Люди самых высоких моральных качеств не только в этой стране, но и в Америке, Франции, Германии, России и Италии подтвердили наблюдения друг друга, и многие, бывшие поначалу материалистами, смогли впервые получить более широкое представление о Вселенной благодаря именно спиритическим исследованиям. Некоторые смогли притти к таким результатам благодаря вере, но поскольку разные религии ведут человека по разным направлениям, то ему оказывается затруднительным узнать, какой же из них он должен следовать, если только он не достаточно самонадеян, чтобы поверить, будто ему посчастливилось родиться именно там, где религия исповедуется истинная».

«Лично я не знаю, не ведаю ни одного весомого довода в пользу продолжения нашей жизни после смерти (ведь все аналогии, имеющиеся в природе, на первый взгляд, дают нам доводы как раз против такого её продолжения), помимо того только, который доставляется нам опытами в психических исследованиях. В самом деле, можно сказать, что единственный убедительный ответ материализму заключается именно в феноменах Спиритизма».

«Эта тема имеет глубокое религиозное значение. Есть, на мой взгляд, нечто крайне удивительное в том, что Церкви проявляют так мало интереса к спиритическим исследованиям. Этот предмет затрагивает самые основы существования Церкви. Это единственный путь доказать самостоятельность души, и по меньшей мере он означает собой возможность её существования отдельно от органов тела».

«Если мы признаём факт, что привязанный воздушный шар может висеть в воздухе и быть отдельным от того, к чему он привязан, то нетрудно сделать и следующий шаг, признав существование этого шара и после того, как привязывающая его к земле нить оборвётся. Самые последние успехи знания — а каждый такой успех воистину возобновлённое Божественное Откровение — даёт нам причины для уверенности в том, что это так и есть. Мейерс, Герней и Ходсон — такие же посланцы истины из Мира Потустороннего, как Исайя или Амос, но только по британской моде они говорят холодно и ясно, не прибегая к страсти и декламации, украшающей речь на Востоке. Их послание коснулось слуха многих и укрепило их дух, но оно, как мне кажется, не оказало никакого прямого религиозного влияния, чего мы вправе были бы от него ожидать».

«Лично мне не известен ни один довод в пользу сохранения нашей индивидуальности

после смерти, помимо фактов, доставленных спиритическими исследованиями. Но они настолько сильны, что должны перевесить все прочие, подобно тому как положительное всегда должно перевешивать отрицательное. Одна сотня тщательно наблюдённых, изученных и удостоверенных фактов будет всегда более убедительна, нежели миллион отрицаний, не подкреплённых исследованием».

«Многие спириты придерживаются той точки зрения, что со времени, как мы узнали все эти утешительные и восхитительные вещи (а мир человеческий предпочитает попрежнему их игнорировать и не принимает в расчёт наших доказательств), мы имеем право довольствоваться своей собственной счастливой уверенностью. Такая точка зрения представляется мне безнравственной. Спиритизм — слишком великое знание, чтобы ограничиться узким кругом сектантов, пусть даже секта оказалась бы весьма многочисленной».

«Если Бог послал на Землю некое новое великое послание, исполненное огромной радости, то тогда долг для всех нас, кому оно было ясно открыто, передать его людям, каких бы трудов, лишений, времени и денег это нам ни стоило. Откровение это даётся нам не для эгоистического удовольствия, но для общего утешения. Если больной отказывается от врача, то ему нельзя помочь, но ему по крайней мере должно быть предложено лекарство. Это новое знание очистит и уже очищает землю и революционизирует человеческие взгляды по всем вопросам, за исключением только основ морали, которые незыблемо покоятся на христианских принципах. Все современные изобретения и открытия погрузятся в незначительность рядом с теми спиритическими фактами, которые в скором времени станут довлеть над общечеловеческим умом».

«Предмет был затемнён открыванием всевозможных боковых выходов — некоторые из них довольно интересны, хотя и не имеют жизненно важного значения, другие же совершенно к делу не относятся. Есть целый класс исследователей, которые любят блуждать вокруг да около и тянуть других за собой, если те достаточно слабы, чтобы принять такое водительство. Подобного рода исследователи постоянно силятся найти объяснения, выходящие за пределы возможностей их собственного ума, и никогда не могут согласиться с тем, что простое и очевидное объяснение также может оказаться истинным. Всё горе таких исследователей идёт от их ума, ибо они пользуются им для того, чтобы избежать прямого пути и протоптать какую-то странную окольную тропу, в конце концов заводящую их в тупик, и это в то самое время, как прямой и честный ум твёрдо держится широкой дороги знания. Когда я встречаю людей подобного типа и затем общаюсь со скромными конгрегациями религиозных спиритуалистов, то всегда думаю о словах Христа, в которых он благодарит Бога за то, что Тот открыл вещи эти младенцам и сокрыл их от учёных и мудрых, которые себе на уме. Я думаю также об изречении барона Рейхенбаха: «Научный скептицизм может иногда превзойти в глупости даже тупость невежды».

«Закрытый ум — это признак, по которому узнаётся душа, прикованная к земле, а это последнее обстоятельство неизбежно означает мрак и страдания в будущем. Если вам известно о надвигающейся опасности — вы можете избежать её. Если же вы ничего не станете делать, то подвергнете себя серьёзному риску. Тут уж потребен некий Иеремия или Савонарола, для того чтоб прокричать это в уши миру. Необходима совершенно новая концепция греха. Конечно, едва ли стоит смотреть сквозь пальцы на сугубо плотские слабости человечества, слабости тела, но оне не самая серьёзная часть человеческой порочности, которая ожидает своей расплаты. Гораздо более серьёзными пороками являются закрытость ума, узость кругозора, фанатизм, материализм — словом, грехи не тела, но духа, ибо они действительно постоянны и обрекают человека на пребывание в самых низших слоях и самых низших мирах, пока он не извлечёт в них свой урок».

 $^{^*}$ Ничего удивительного. Герцог Ларошфуко говорит: «Люди часто пользуются своим большим умом, чтобы делать ещё большие глупости». И английская пословица гласит: «У кого много ума, тому надо иметь его ещё больше, чтобы уметь управлять им». (Π . Γ .)

«Есть много такого, над чем неопытные и недалёкие люди могут посмеяться, но опровергнуть факты им будет намного труднее, чем растянуть рот в усмешке. О нас, верящих в психическое откровение и понимающих, какое огромное значение имеет восприятие подобных вещей, точно можно сказать, что мы бъёмся с косностью своей эпохи.

Чем труднее снести стену человеческой апатии, невежества и материализма, тем сильнее оказывается вызов, брошенный нашему мужскому началу и побуждающий нас нападать и вновь нападать с тою же настойчивостью бульдога, с какою Фош вёл атаки на немецкие позиции».

«Но как я могу знать, *что* есть истина, спрашивают меня. Да никак не могу. Но зато я знаю, и очень хорошо знаю, что истиной не является. И это, определённо, уже немало. Неправда то, что великий Вселенский Ум, спланировавший все и вся, был бы способен исполниться зависти и мести, а также жестокости и несправедливости. Это чисто человеческие свойства, и книга, приписывающая их Предвечному, ** не может быть «богодухновенной», но также должна быть чисто человеческого происхождения. Неправда, что законы Природы могли оказаться произвольно нарушенными, что змеи говорили, что женщины превращались в соляной столб, что жезлами добывали воду из скал. Мы должны честно признать, что такие утверждения, услышь мы их впервые не детьми, а взрослыми, неизбежно вызвали бы у нас только улыбку».

«Неправда то, будто бы Источник всякой мудрости и здравого смысла мог наказать весь род людской из-за незначительной ошибки, совершённой когда-то человеком, уже давно умершим, и затем усугубить столь чудовищную несправедливость, переложив ответственность за все обиды на плечи одного-единственного безвинного козлика отпущения. Разве мы не видим, до какой степени подобная концепция лишена справедливости и логики, не говоря уже о милосердии? Как могли мы до такой степени ослепнуть? Отвлекитесь на минуту от подробностей, всмотритесь в идею, лежащую в корне общепринятой веры. Разве эта идея совместима с бесконечной мудростью и милосердием Создателя? А если нет, то что тогда остаётся ото всех догм, таинств, символов, ото всей системы, построенной на этом основании из песка и пыли?»

«Мужайтесь, друзья мои! Грядёт минута, и всё будет откинуто в сторону. Так человек, когда силы к нему возвращаются, отбрасывает палку, которая была ему верной опорой в дни бессилия. Но на этом перемены для него не закончатся, потому что, перестав ковылять, он сможет не только ходить, но и бегать. Нет предела его возможностям — не может его быть, так как вопрос касается Беспредельности. Всё это хотя и представляется сегодня слишком смелым, через тысячу лет будет выглядеть реакционно и вполне консервативно».

«Каждая ветвь христианства представлена в наших рядах, зачастую это оказываются и священнослужители самого разного ранга. Но в описаниях потустороннего мира, данных в Священных Писаниях, нет ничего определённого. Информация же, которой мы располагаем, описывает небо как мир, наполненный радостным трудом и не менее радостной игрой со всеми родами умственной и физической деятельности, вынесенной из земной жизни, но перенесённой на более высокий уровень: небо искусства, науки, мысли и ума, созидания, борьбы со злом, домашнего уюта, цветов, далёких путешествий, спортивных игр и состязаний, соединения душ, полной гармонии. Вот что описывают нам наши «усопшие» друзья».

«С другой стороны, мы слышим от них, и иногда напрямую, о разного рода «адах», каковые суть не что иное, как временные области очищения. Мы слышим о туманах, мраке, бесцельных блужданиях, умственном смятении, угрызениях совести. «Наше положение ужасно», – написал мне один из них на недавнем сеансе. Вещи эти и реальны, и живы, и

 $^{^*}$ Фердинан Фош (1851 — 1929) — маршал Франции, выдающийся полководец времён Первой Мировой войны. (Π . Γ .)

 $^{^{**}}$ Речь снова идёт о «Библии». (П.Г.)

вполне удостоверены для нас. Вот почему мы являемся огромной силой для воскресения истинной религии, и вот почему духовенство берёт на себя тяжёлую ответственность, когда оно выступает против нас».

«Конечный результат нашего воздействия на научную мысль невообразим. Единственное, что вполне определённо, так это то, что источники всякой силы будут усмотрены скорее в духовных, нежели в материальных причинах».

«В религии, быть может, можно видеть немного более ясно. Теология и догма исчезнут. Люди поймут, что такие вопросы, как число лиц в Божестве или непорочное зачатие, не имеют никакого отношения к развитию человеческого духа, которое является единственной целью жизни. Все религии станут равны, ибо все оне воспитывают души кроткие и неэгоистичные, каковые суть избранницы Божьи. Христианин, иудей, буддист и магометанин соответственно сбросят различия своих учений и будут следовать собственным верховным Учителям по общему пути нравственности и забудут свою былую вражду, которая сделала религию скорее проклятием, а не благословением мира».

«Мы будем в тесном соприкосновении с потусторонними силами, и знание вытеснит ту веру, которая в прошлом воткнула в землю дюжину различных указательных столбов, с тем чтобы они предопределяли путь по соответствующему числу разных направлений».

«Таким будет будущее, насколько мне удаётся его разглядеть сквозь отделяющее нас от него расстояние. И всё это вырастет и расцветёт из семени, которое уже посажено и за которым мы сейчас ухаживаем и которое поливаем посреди холодных порывов ветра этого враждебного мира».

LXVI. Не хвала Творцу поношение Его творения

«Мне, как медику, довелось однажды иметь дело с дерматоидной кистой, и я остался под неизгладимым впечатлением. Эти кисты представляются мне одной из мельчайших трещинок, через которую можно глубоко заглянуть в тайну лабораторий природы. Пациент пришёл ко мне со вздутием над бровью. Вскрыв его, полагая, что это нарыв, я обнаружил внутри немного волос и рудиментарную челюсть с находящимися в ней зубами. Подобные случаи в хирургии не редкость, и нет такого музея патологии, в котором не имелось бы тому примеров.

Но о чём это нам говорит? Столь удивительное явление должно иметь глубокий смысл. И он, по моему мнению, может состоять лишь в том, что *каждая* клетка в теле обладает определённой латентной силой к воспроизводству всего индивидуума, вернее сказать, его физической оболочки, часть которой она составляет. И, может быть, при каких-то особых обстоятельствах, связанных, например, с какими-то нервными и вазулярными возбуждениями, одна из этих микроспопических единиц телесной структуры берёт и вдруг делает неуклюжую попытку в данном направлении».

«Я питаю самое высокое уважение к человеческому телу и считаю, что оно было опорочено и оклеветано богословами и святошами: «наша грубая оболочка», «наша недостойная смертная плоть» — такие и другие подобные им выражения, на мой взгляд, являются скорее богохульством, чем благочестием. Не хвала Творцу поношение Его творения».

«Я считаю, что в будущем человечеству предстоит открыть несколько плазматических форм разной степени активности, что приведёт к возникновению новой науки, лучшим названием для которой будет «плазмология». Я также убеждён, что все психические явления во внешней среде, включая ясновидение, станут предметом исследования учёных-плазмологов. Я уверен, что все явления такого свойства, происходящие через посредство медиума, имеют один источник. Так, ясновидящий медиум может так же успешно «излучать» подобную субстанцию, которая образует вокруг него особую атмосферу, позволяющую духу проявляться перед тем, кто обладает необходимой силой восприятия. Подобно метеориту, который, пронзая атмосферу Земли, вспыхивает на мгновение, дух, проникающий в психическую атмосферу эктоплазмы, становится заметным для медиума лишь на краткий миг. Подобные рассуждения выходят за пределы известных нам теорий, но Тиндаль показал, как такие гипотезы могут дать ростки истины. Причина, по которой одни люди могут видеть призраков, а другим это не дано, кроется в том, что некоторые призраки при своём проявлении облачаются в покровы эктоплазмы, а другие — нет».

«Одна из любопытных особенностей теологического склада ума состоит в неспособности удержаться от заявлений, которые основываются на спорной предпосылке, полагая её заранее для себя разрешённой. Я должен также отметить, что некоторые из моих преподобных критиков, по всей видимости, унаследовали духовный дар прорицания, поскольку они нападают на меня прежде, чем узнают, *что* я скажу».

«Некоторые из церковнослужителей называют меня агностиком. Какою бы ни была моя личная вера, этот вопрос представляет для других весьма микроскопический интерес. Но поскольку слово сказано, то я должен заявить, что не являюсь агностиком, хотя и выказываю к этой школе мысли то уважение, которое питаю ко всем серьёзно мыслящим людям. Я сторонник христианской системы в её простейшей и наименее догматической форме, поскольку в целом она есть самая благородная школа мысли, выработавшаяся по ходу развития земного человечества, хотя она и была настолько сильно обременена фанатиками и формалистами, что порой вообще затруднительно увидеть её первоначальные черты. Не бритая голова [или чрезмерно длинные волосы и окладистые бороды, как то принято в православии, — $\Pi.\Gamma$.], но всеохватывающее милосердие в сердце составляет суть этой веры. Я

являюсь также убеждённым теистом и глубоко верю в непосредственное влияние, которое Направляющая Сила оказывает на дела этого мира. Высшая вера и высшая наука для меня сливаются воедино».

«Я страстно выступаю в поддержку полной свободы совести и считаю, что любая заскорузлая догма недопустима и, в сущности, антирелигиозна, поскольку голословное заявление она ставит, вытесняя логику, во главу угла, чем провоцирует озлобленность в большей степени, нежели любое иное явление общественной жизни. Нет, наверное, ни одной книги, в которой я не пытался бы выразить это своё убеждение. Одна из них — «Письма Старка Монро» — целиком посвящена этой теме. Я терпим в своих религиозных взглядах, основывающихся на почтительном теизме, а не на учении той или иной секты. Думаю, самый благоприятный с точки зрения счастья человечества ход развития религиозной мысли в будущем состоит в том, чтобы представители различных вероисповеданий обратили своё внимание на имеющуюся между ними общность вместо того, чтобы делать упор на разделяющие их догматические и ритуальные элементы, к сути христианства не имеющие никакого отношения».

«Наконец, я должен сказать, что не верю в то, будто Божественное Послание человеческой расе было раз и навсегда передано две тысячи лет назад, но считаю, что каждое произведение в прозе или стихах, при условии, что оно содержит в себе нечто полезное для индивидуальной души, является в определённом смысле посланием Мира Иного — посланием, которое растёт и развивается, как то и положено всему живому.

Свои размышления на эту тему мне бы хотелось дополнить словами поэта, созвучными с тем, что было сказано выше: «Все системы и школы нашей мысли преходящи: оне приходят в свой день и затем исчезают. Но все оне суть искры, вспыхивающие от света Твоего, ибо Ты, Господь, ярче их всех».

LXVII. Драгоценные струны космической арфы

У человека, имеющего опыт прежних жизней,все правила житейской мудрости уже существуют в характере его в форме рефлексов, инстинктов, бессознательных побуждений души, которые, без рассуждений, позволяют ему действовать наиболее правильным образом.

Цель появления человека на этой земле — не страдание или наслаждение, но работа над собой, нравственное самосовершенствование. Страдание и наслаждение — лишь средства, помогающие ему этой цели достигнуть. Только проявив в себе совершенство, человек может вступить в Высшее Бытие, т.е. в Огненный Мир или Царство Божие. Таков именно смысл слов Христа: «Царство Божие внутри вас!»

«Царство Божие внутри нас», когда мы достигли определённого уровня культуры и совершенства. Покуда же мы бескультурны и несовершенны, внутри нас лишь хаос первоздания, геенна огненная, ад и преисподняя, прибежище духа тьмы.

Во всей Вселенной психика надстоит физике, подобно тому как дух надстоит материи. Вернее даже сказать, что это – не подобие, а тождество.

Если кто-то невхож в дела мистические, а тем паче вовсе чужд высоких духовных устремлений, не чувствует Высших Сил, упрямо коснеет в атеизме, то нет нужды его переубеждать, ибо бесполезно это: его неведение, отрицание и бесчувствие — верный признак плохой кармы. Дурная карма затемняет от несовершенного взора человеческого дела божественные. Час такого человека ещё не пробил, не надо насиловать его карму.

Наветы ангелов тьмы воплощённым болтунам: «Мелите, мелите вздор, что-нибудь из него да произведётся в жизнь!»

Что есть Истина? Наиболее полно и удачно, насколько возможно говорить человеку об этом, сказал, как мне думается, Сократ. Ему для этого понадобилось лишь три слова: «Истина – это Бог». Этим всё сказано, насколько можно сказать, не вдаваясь в тщету. О соотношении правды и истины уже было указано выше. Следует ещё только утвердить основание Истины, её Столпы. Столпов этих 7: 1) Бог; 2) душа; 3) Иерархия; 4) Любовь (Красота); 5) Бессмертие; 6) Вечность; 7) Беспредельность. Всё здесь взаимосвязано, одно влечёт за собой другое. И всякий человеческий разговор, устный или письменный, не содержащий в себе победного утверждения хотя бы одного из этих Столпов, есть непростительный вздор, выражение бессилия, невежества и мракобесия. Следует помнить, что за каждое лишнее, и тем более недолжное слово каждому придётся дать ответ.

Мы вынуждены есть и пить лишь из-за несовершенства атмосферы нашей планеты: если бы в атмосфере были растворены белки, углеводы, жиры, необходимые для питания и построения тканей нашего тела, подобно тому как растворён в ней необходимый для этого кислород, то пищеварительная функция нашего организма вместе с соответствующими органами не имела бы смысла существовать, что бесконечно благотворно сказалось бы на всей жизни и судьбе человечества, которое вместо еды, питья и возникающих из-за этого противоречий и склок смогло бы наконец задуматься о чём-то ином. Такой мир по уровню своему стоял бы на порядок выше земного, и, без сомнения, в бесконечности Космоса миры такой организации существуют.

Есть люди, кои представляют собой как бы драгоценные струны космической арфы. В серой сумятице и невежественной сутолоке жизни они безмолвствуют, но стоит только коснуться их незримой руке мира идейного, как они начинают вибрировать под тончайшими переливами небольших и изящных мысленных пьес или даже целых монументальных концертов, наполненные красотой и гармониями вечности.

Учение о Духе — это Учение о Бесконечности, о Беспредельности, о Безграничности, о Безмежности, о Безначальности, о Вечности.

Мы говорим, что Вселенная бесконечна, это значит также, что она безначальна. На этом же самом основании она и вечна.

Там где вечность, там нет времени. Где беспредельность, там нет пространства. И где соизмеримость, там нет Абсолюта.

Это может показаться парадоксом, но я утверждаю, что постичь беспредельность легче, нежели ограниченность. Ведь коли взглянуть на миры небесные и спросить себя, есть ли им пределы, то непонятная пустота, за ними предположенная, покажется ещё непостижимее самой беспредельности.

Устремим взоры наши в вечность – и познаем значимость текущего мгновенья. Как ни мало это последнее – оно атом материи времени, и доброкачественность этого атома гармонизует нас с беспредельным Целым.

Сегодня живём лишь раз, но сегодня – это дорога, обращённая в вечность, и каждый миг нашей жизни – это шаг по пути вечности.

Следует твёрдо себе усвоить, что в действительности времени нет: есть только вечность. Настоящий миг может дать нам ощущение вечности, а прошлое и грядущее — понятье о её протяжённости. Но в действительности вечность надстоит им и не имеет протяжения: она объёмна.

В отношении нашей действительной, настоящей жизни вся наша земная жизнь, с самого рождения до смерти, — не более как один конкретный день нашей земной жизни, от самого утра до позднего вечера, в отношении всей нашей земной жизни. Теперь, когда вы усвоили это, я скажу большее: в отношении нашей действительной жизни земная наша жизнь бесконечно меньше одного конкретного дня: ибо в земной жизни количество таких дней ограничено и исчислено, тогда как в жизни вечной число её дней безгранично и неисчислимо.

Одиночество – это иллюзия, коль скоро есть вечность, нам уготованная и нас ожидающая.

Будь терпелив, словно сама вечность, ибо ты вечность и есть: подобно тому, как вечность разлагается на тысячелетия, столетия, годы, часы, минуты, так и время твоей жизни распадается на отдельные более или менее короткие существования и воплощения, которые, выстроившись подобно мгновениям в бесконечную цепочку, и составляют вечность.

Камилл Фламмарион говорит: «Планетное время измеряется астрономическими движениями, для Вечности же не существует никакой меры, и никто не может найти её слишком долгою».

Каждая минута уходит в вечность. Смотри же, что ты берёшь с собою в путь беспредельности, дабы не пришлось тебе впоследствии раскаиваться в том, что ты взял что-то не то, не совсем то или совсем не то, что следовало бы, ибо у тебя нет возможности избавляться от того, что ты берёшь с собой! Ибо духовная память непогрешима и сохраняет всё.

Мир тонкий – это ведь очень справедливое состояние: всяк получает там по своей вере, по своему знанью, по своему воображенью, по своей устремлённости и силе духовной.

Нельзя говорить: «богом обиженный», «богом забытый»: Бог никого не обижает и не забывает.

Господь благ. Не смотрите на жизнь нынешнюю или прошедшую: это лишь строительный материал. Помните о Жизни Вечной: в ней Господь осуществит самые смелые ваши надежды и исполнит самые лучшие ваши чаяния, но даже и это не будет миллионной частью того блага, какое Он уготовил вам всем. Ваша задача лишь в том, чтоб оказаться всего этого достойными: пусть не в этой жизни, но в одной из последующих. Помните, что вас ожидает Вечность, а не уничтожение; бытие есть, а небытия нет.

Камилл Фламмарион говорит: «Мы бессмертны и неразрушимы, а потому будем жить вечно. Ни одна душа не может состариться и умереть. Миллионы веков ничто в сравнении с Вечностью. По истечении их бесконечность времени будет попрежнему оставаться перед нами, и в силу предвечных законов наша жизнь должна будет продолжаться бесконечно».

Дело совсем не в том, чтобы просто жить или жить приятно, как то полагают многие, но единственно в том, чтобы жить достойно. Это становится тем более понятно, если мы примем во внимание то, что в действительности лишить нас жизни никак нельзя, ибо мы, по природе своей, существа бессмертные. А коль мы бессмертны, то отпадает сама собой такая забота и цель, как сохранение и поддержание жизни. Какая же тогда может остаться? Да только та, что жить должно достойно, лишь в этом случае жизнь имеет смысл.

Жизнь — это бытие во времени и пространстве. Бессмертие — это бытие в вечности и беспредельности. Отношение первого ко второму — это отношение песчинки, пылинки к мирозданию, ибо время — мгновение вечности, пространство — фрагмент беспредельности, и жизнь — капля бессмертия.

Солнце мудрости никогда не уходит за горизонт. Главное, чтобы мы не прятались от его лучей в тени.

Скопление звёзд на небе вызывает свечение неба; скопление в душе ценностей духа производит особый блеск глаз.

Я верю, что за всем стоит не пустота, но Бог, и что все иллюзии — это испытание, которое мы сами на себя налагаем. Когда мы становимся взрослыми, мы просто отбрасываем свои иллюзии — и всё встаёт на свои места. Не знать Учения Духов — значит всегда быть ребёнком.

Мы приходим в этот мир не за тем, чтобы потерпеть от людей какой-либо ущерб или испытать мучения. Мы приходим в этот мир, дабы изменить его, дав толчок к улучшению людей.

Помните, что Вселенная внутри вас! Счастливых вам полётов, друзья!

LXVIII. На пути из Тьмы в Свет

«Почему воины Духа вечно каются, прячутся по кельям да подвалам, всегда заняты только самими собой и никто не видит и не слышит их, а мир, который им следовало бы исправлять идёт своей дорогой?»

«Каждый из нас идёт своей дорогой. Почему я должен обращать других в свою веру? Мне не хотелось бы ради абстрактной истины лишать других людей их детской веры, которая облегчает им жизнь и делает её богаче. В своих бессвязных записках я дал бы неверное понятие о себе, коли вы смогли бы углядеть в них ожесточение против общепринятых форм веры. Я далёк от того, чтобы утверждать, будто оне все ложны; и я гораздо лучше выражу свою позицию, если скажу, что все оне истинны. Провидение не пользовалось бы ими, не будь оне наиболее подходящими и в этом смысле божественными орудиями. Но то, что оне содержат окончательную истину, это я отрицаю, с этим я согласиться не могу. Более простая и более вселенская вера займёт их место, когда ум человеческий созреет для такой перемены».

«И я верю, что эта новая религия будет основываться на тех критериях абсолютной и доказательной истины, о которых я говорил. Но старые религии до сих пор более подходят к складу некоторых умов и возрастов. Если оне достаточно хороши для Провидения, дабы пользоваться ими в Своих целях, то оне достаточно хороши и для нас, чтобы мириться с ними. Нам остаётся только ждать выживания самой истинной. Если и казалось, что я говорю что-то против них, то на самом деле я говорил против их сторонников, желавших бы ограничить благодать Всевышнего лишь незначительной группой своих приверженцев, или тех, кто желают замкнуть религию за Великой Китайской стеной, не позволяя ей принять в себя новооткрывшиеся истины и без всякой надежды на развитие в дальнейшем. Именно с такими людьми первопроходцы прогресса не могут заключить перемирия».

«Известный английский поэт, литературный критик, тонкий мыслитель Джеральд Массей в следующих выражениях высказал своё отношение к Спиритизму: «Спиритизм стал для меня, как и для многих других, истинным расширением моего умственного горизонта и пришествием Неба, превращением веры в действительные факты; без него жизнь всего более походит на морское плаванье, совершаемое при задраенных люках в тёмном и душном трюме корабля, в коем единственным светом, доступным взору путешественника, будет одно только мерцанье свечи; и вот как будто этому путешественнику вдруг позволили великолепной звёздной ночью выйти на палубу и впервые увидеть величественное зрелище свода небесного, пылающего мириадом огней во славу Творца».

«Если бы человек мог видеть, слышать и чувствовать всё это и тем не менее оставаться неубеждённым в реальности незримых разумных сил вокруг себя, то у него были бы веские основания сомневаться в здравости собственной психики. Тот, кто видел, хотя бы смутно, сквозь завесу, руки, протянутые ему из загробного мира, и кто касался их, хотя бы слегка, тот действительно победил смерть. Есть нечто более сильное, чем просто вера, и это — знание. Так вот, я утверждаю эти вещи, потому что у меня есть знание о них. Я не верю, я знаю».

«Можно было бы на этом поставить точку. В своём повествовании я предпринял попытку показать, как вполне материальные знамения, дарованные невидимыми правителями Земли, утолили жажду вещественных доказательств, в которых так нуждалось мыслящее человечество. Эти материальные знаки сопровождались спиритическими сообщениями, возвращавшими нас к великим и простым религиозным истинам, к огню вдохновения, вспыхнувшему некогда ярким пламенем вероучения и угасшему со временем. Человечество утратило контакт со сверхъестественными силами, окружавшими его, и стремление к познанию оказалось в тисках сомнений, ограничивающих способность к восприятию нового учения. Спиритизм — величайшее движение, возникшее за последние два столетия — избавил человечество от той тьмы, в которую оно было погружено. Учение Духов придаёт людям

новые силы и раскрывает безграничные перспективы, простирающиеся далеко за пределы человеческого влияния. Уже виден пик этой вершины, и солнце озаряет наши земные долины светом истины».

«Когда я размышляю о будущем человеческой расы, мне вспоминается, как однажды, стоя среди холодного и унылого нагромождения скал и снега на вершине альпийского перевала, я смотрел вниз на раскинувшийся вдали ландшафт Ломбардии, купавшейся в лучах солнечного света. Великолепная панорама голубых озёр и зелёных холмов тянулась в бесконечную даль и расплывалась в золотистом тумане, окутывавшем далёкий окоём. Точно так же у самых наших ног сейчас лежит Земля Обетованная, в сравнении с которой, когда мы достигнем её, земля нашей нынешней цивилизованной жизни покажется нам скудной и бесплодной. Уже авангард наш преодолел перевал. И ничто не препятствует нам теперь достичь этой чудесной страны, горизонты которой вполне явственно раскинулись перед взором тех, кто открыл свои глаза, дабы увидеть мир, нас ожидающий».

«Человек идёт из тьмы в свет. Пробыв некоторое время в свете, он идёт опять во тьму. Наши дни кратки, не будем же тратить этих дней попусту. Немного их в нашем распоряжении. Помните ли, что говорит Петрарка: «Начинающему жизнь кажется бесконечной, а уходящему в вечность она представляется ничтожеством». Каждый день, каждый час нашей жизни должен проходить в служении Творцу. Мы должны развивать все начатки добра, заложенные в нашей душе. Что такое наши горести, тревоги и болезни? Это — облака, которые закрывают солнце только на одно мгновение. Суть жизни заключается в том, чтобы сделать хорошо то, что ты был должен сделать. Вот где вечность, вот что переживёт века. Итак, не давайте себе отдыха. Успесте отдохнуть, ибо смертный час недалёк».

«Свыкнитесь с неоспоримой очевидностью и примите её. Расширяйте и одухотворяйте свои мысли. Плоды этого покажите в своей жизни. Отсутствие эгоизма — вот движущая сила всякого нравственного развития. Осознайте не как вопрос отвлечённой веры, но как осязаемый предмет, столь осязаемый и явный, как, например, улицы города, по которым вы ходите, тот факт, что мы ступаем в иную жизнь, в которой счастье станет доступно всем, и что счастье это может быть задержано или даже отнято у нас лишь безумием и эгоизмом в течение этих немногих скоротечных лет. Проникнитесь этой величественной истиной!»

Москва-Алабино, 1972-2020 гг.

ОБ АВТОРЕ

Гелева́ Павел Алексеевич (печатается также как *Йог Ра́мананта̀та*) — русский философ и публицист; автор афористического жанра; оккультист, поэт, переводчик и филолог; деятель культуры и книгоиздатель. 1955 года рождения, украинец, родился и вырос в Москве. Филологическое и философское образование, знаком с рядом иностранных языков (закончил с отличием переводческий факультет московского «Инъяза»), работал в нескольких научных институтах, в министерствах, в Академии МВД и даже... в банках.

Проповедник йоги и последователь натуропатии, последователь Йога Рамачараки, переводчик и издатель основных его трудов (первоначально в 90-х годах печатались в фрагментах в журнале «Твоё Здоровье»). В 2004г. в издательстве «Старклайт» вышла в его переводе книга Йога Рамачараки «Наука дышать», а в издательстве «Айрис» —

«Основной курс философии йогов», «Раджа-Йога», «Сила памяти» и «Могущество мысли». Автор перевода книги Кеннета Джеффри «Здоровье от природы». Подготовил свою версию прочтения знаменитого сочинения немецкого натуропата Себастьяна Кнейппа «Моё водолечение». Обе книги вышли в издательстве «Старклайт» в 2012г. Автор монографии «Глаза — Зеркало Души. Йогический трактат о здоровье и восстановлении зрения», опубликован издательством «Менеджер» в 1999г. и после многократно переиздавался издательством «Гранд». На протяжении ряда лет в журнале «Твоё Здоровье» печаталась его хрестоматия «Азбука натуропатии и йоги». Его основной труд — «Йога — источник красоты и здоровья» — вышел из печати в издательстве «Центрполиграф» в 2004г., а в издательстве «Гранд » в 2004-10гг. вышли другие его книги — «Йога в упражнениях. Асаны, пранаямы и бандхи»; затем последовали: «Упражнения Йоги для развития памяти», «Большая книга упражнений Йоги для глаз» и «Упражнения Йоги для развития силы мысли». В последующие годы издательство «Старклайт» выпустило подготовленные им книги Йога Рамачараки: «Наука жить», «Наука мыслить», «Наука познавать себя», «Наука лечить», «Основной курс философии йогов», «Продвинутый курс философии йогов» и «Евангелие от Оккультизма». В этом же издательстве вышли подготовленная им книга Свами Вивекананды «Раджа-Йога» и книга Свами Абхедананды «Самопознание, или Атма-Джньяна».

Единственный в своём роде специалист в области классического спиритизма и его философии. Русский переводчик и издатель «Книги Духов», «Книги Медиумов» (вышли в издательстве «Ренессанс» в 1993г.), а также книг «Спиритизм в самом простом его выражении» (издательство «Невский проспект»), «Библия в разъяснении спиритизма», «Рай и ад, или Божественная справедливость в разъяснении спиритизма» и других произведений Аллана Кардека – автора основополагающих трудов в данной области. Составил и перевёл антологию по произведениям Леона Дени «Спиритизм - религия будущего». Автор монографий: «Манифест карденистской философии», «Посмертный опыт души», «Регрессия и реинкарнация. Память прошлых жизней и множественность существований», «Дезиллюзионист. Мысли о самопознании и бессмертии», многочисленных публикаций и статей. Русский переводчик и издатель книг А.Конан-Дойля о спиритизме: «Новое Откровение», «Жизненно-важное послание», «Записки о Спиритизме», «Правда о жизни после смерти» и «Посмертное послание человечеству». А также автор хрестоматий «Беседы с Леоном Дени», «Онтологический детектив сэра Артура Конан-Дойля». В 2005г. издательство «Амрита-Русь» выпустило две его хрестоматии «Беседы у Аллана Кардека» и «Беседы с Артуром Конан-Дойлем», ставшие библиографической редкостью. На протяжении ряда лет в журнале «Твоё Здоровье» печатался цикл его статей «Будущее, открытое для собственно души». Издательство «Айрис» в 2004г. выпустило в свет подготовленную им книгу А.Конан-Дойля «Загадка жизни и смерти». Автор двухтомной монографии «Философия Карденизма. Размышления над спиритическими фактами и истинами». В 2017г. Книгоиздательство «АБВ» выпустило подготовленную им книгу венгерского парапсихолога Нандора Фодора «Меж двух миров».

Собиратель афоризмов и обладатель богатейшей коллекции афоризмов на многих языках. Автор оригинального сборника морально-философских максим и рефлексий «Размышления о самом себе и понемногу обо всём прочем», а также оккультно-философских и эстетских максим и рефлексий: «В огне и в духе», «Внутренний свет», «В сознании красоты — спасение», «Так говорил... тот, кому было что сказать», «Персональный оракул». В издательстве «Центрполиграф» в 2005г. вышел его покалеченный цензурой сборник под некорректным названием «Афоризмы. Мысли великих людей» (авторское название — «В сознании Красоты — спасение»). Работает над многотомным проектом мировой афористики на русском языке «Мудрость 40 веков». В 2020г. закончил работу над хрестоматией французских афоризмов, представленных в авторских рубриках от Жанны д'Арк до наших дней, под названием «Un monde qui pense en français». Работает над фундаментальным сборником афористики писателейфантастов под названием «Некогда легко превращается в никогда!», а также над сборником собственных переводов афоризмов самых разных авторов (как и сборник фантастики представленных в авторских рубриках) под названием «У мудрого слова — великая основа». Составил сборник сентенций и рефлексий русского фантаста И.А.Ефремова под названием «Право человека на радость». Подготовил к публикации собственную книгу изречений «Человечество в коме под саваном суеты».

Автор афоризмов и эссе, посвящённых эстетике, искусству, литературе, музыке и живописи. Серьёзно разбирается в музыке, «классической» и «современной». Занимается звукозаписью и музыкальным

редактированием, составляет собственные CD-сборники выдающихся музыкальных записей и произведений. Знаток симфонической, оперной, органной, скрипичной, гитарной, фортепианной музыки, а также творчества The Beatles, Deep Purple, Uriah Heep, Led Zeppelin, Ж.М.Жарра и др. и пр. Подготовил к публикации сборник сентенций Святослава Рихтера «Мысли и суждения о музыке и о людях». Завершил работу над книгой «Музыканты о музыке, о жизни и о себе».

Приверженец философии индивидуализма и знаток творчества Оскара Уайльда, работает над книгой афоризмов Уайльда (наиболее полное собрание уайльдовских мыслей, формул и парадоксов на английском языке); автор хрестоматии «Душа человека» (на 6 языках), трактующей философию индивидуализма. В 2000г. издательство «Менеджер» выпустило подготовленный им сборник афоризмов О.Уайльда на английском языке. Создатель крупнейшего сборника афоризмов Уайльда на русском языке «Так ли уж важно быть серьёзным?». Автор сборника афоризмов Уайльда на немецком языке «Ist es so wichtig, ernst zu sein?»

Автор оригинального сборника мыслей Н.В.Гоголя «Польза душе, польза уму», сделанного к 200-летию со дня рождения писателя. К 200-летию со дня рождения М.Ю.Лермонтова подготовил его сборник афоризмов на 6 языках: «Сентенции, максимы, рефлексии». Продолжил великий почин Л.Н.Толстого – по-новому и непредвзято осмыслить учение великих наставников человечества: Пифагора, Будды, Конфуция, Сократа, Лао-цзы, Эпиктета и др., и, прежде всего – Иисуса Христа. Осмыслению и разработке учения последнего посвящена сделанная им хрестоматия за авторством Л.Н.Толстого «Любите друг друга». Также создатель оригинального сборника афоризмов и рефлексий Л.Н.Толстого.

Крупнейший в России специалист по творчеству Артура Конан-Дойля, переводчик ряда его романов, повестей, рассказов, публицистики и философских эссе, а также редактор множества других произведений английского классика; переводы и статьи печатались в газетах и журналах, в собраниях сочинений: тт.10(1)-10(5) издательство «Сюита»; тт.10-13 «Симпозиум»; тт.10, 12, 13, 14 «Терра»; «Записки о Спиритизме», 1994 г., «Наташа»; сборник «Уроки жизни» в издательстве «Аграф», 2003г.; «Письма Старка Монро» в издательстве «Гелеос», 2004г.; «Страна туманов», «Тень Бонапарта», «Майках Кларк», «Дуэт в сопровождении случайного хора», «Топор с посеребрённой рукоятью», «Приключения в загородном доме», «Трагедия пассажиров Короско», «Странное происшествие в Оксфорде», и многие др. в издательстве «Гелеос» 2005-10 гг. Наиболее значительные публикации последнего времени: «Удивительные приключения профессора Челленджера и его друзей» в издательстве «Гелеос», 2010г.; в издательстве «Иностранка»: «Хозяин Чёрного Замка» 2013г.; «Убийца, мой приятель» 2014г.; «Маракотова бездна» 2017г.; «Привидения в замке Горсторп-Грэйндж» 2018г.; «Капитан Полярной звезды» в издательстве «Престиж Бук» 2018г.; «Приключения бригадира Жерара» в издательстве «Азбука» 2020г.; в издательстве «Интрейд Корпорейшн» книги: «Гигантская тень» (2005г.) и «Падение лорда Бэрримора», «Тайна Клумбер-Холла», «Письма Старка Монро» и «Центурион» (2015г.). Работает над собранием сочинений Конан-Дойля в 35 томах.

Проявляет глубокий интерес к учению Будды. Создал новую русскую версию изречений Сиддхарты Гаутамы. Книга вышла в свет в двух вариантах: в 2009г. в издательстве «Старклайт» как Будда Шакьямуни. ПУТЬ К СВОБОДЕ и в 2010г. в издательстве «Гелеос» как АФОРИЗМЫ БУДДЫ. В 2019г. Книгоиздательство «АБВ» выпустило следующую подготовленную им версию книги Будды под названием: «Сиддхарта Гаутама, «ПОБУЖДАЙ САМ СЕБЯ. Тропа освобождения». Теперь к публикации подготовлено новое, расширенное и переработанное издание изречений Будды, куда включено множество впервые переведённых афоризмов Будды вкупе с новым разделом «Буддийские изречения».

Им предпринята *уникальная* попытка восстановления и систематизации достаточно разрозненных высказываний Иисуса Христа, сохранившихся в священных и иных текстах, с целью выяснения, каково же не церковное, а *реальное* учение основателя христианской религии, так сказать, «христианство от Христа». Всё это нашло достойное выражение в подготовленном им «Полном курсе Христологии» в 3 томах.

Интересуется греческой и римской философией. Поклонник философии стоиков и философии Платона. Автор оригинального сборника мыслей и изречений Эпиктета «Руководство для развития силы духа». Автор латинско-русского сборника избранных максим и сентенций Сенеки, также он подготовил к публикации красновский текст «Избранных писем к Луцилию». Автор-составитель нового сборника изречений Марка Аврелия на итальянском языке: «Nuovi colloqui con se stesso». Готовит к публикации сборник «Новые основания стоицизма. Квинтэссенция философии стоицизма. Изречения Эпиктета, Сенеки и Марка Аврелия», а также полный сборник мыслей и изречений Сократа «Познай самого себя и будь самим собой». Подготовил для серии «Философское наследие» максимальный том произведений Эпиктета. Автор наиболее полного русского сборника изречений Пифагора. Составил на 8 языках и перевёл новую версию «Сентенций» Публилия Сира. В 2013г. издательство «Старклайт» выпустило подготовленный им сборник «Могущество самопознания. Афоризмы, сентенции, максимы и рефлексии Пифагора, Сократа и Эпиктета».

Проявляет повышенный интерес к проблемам чистоты речи и порчи языка (в частности, готовит к публикации собственный сборник филологических заметок А.Шопенгауэра «Язык и мысль»), к проблемам изучения иностранных языков, разрабатывает сборники речевых формул и клише на французском, немецком, английском и итальянском языках; французская версия – «Le français, tel qu'on le parle» – опубликована издательством «Филология» в 2002г; в 2003г. издательство «Филоматис» выпустило подготовленный им к публикации учебник «Французский язык. Фонетика и устная речь» и переиздало новую французскую версию

упомянутого разговорника в 2005г.

Сотрудничал с издательством «Менеджер», готовя к печати неадаптированные книги на иностранных языках (произведения П.Гейзе, О.Уайльда, А.Конан-Дойля, Г.Р.Хаггарда, Р.Сабатини, М.Эме, М.Бонтемпелли, Э.Кестнера, Р.Брэдбери, Ф.Карсака, Г.Циргибеля и др.).

С 2016 года много и плодотворно сотрудничает с нижегородским издательством «Москвичёв А.Г.», выпустившим следующие его книги: Аллан Кардек, «Книга Духов»; Аллан Кардек, «Книга Медиумов»; Аллан Кардек, «Евангелие от Спиритизма»; Аллан Кардек, «Небо и преисподняя. Рай и ад или Божественная Справедливость в разъяснениях Спиритизма и с конкретными примерами»; Аллан Кардек, «Книга Бытия, чудеса и предсказания в объяснениях Спиритизма»; Леон Дени, «Спиритизм – религия будущего»; А.Конан-Дойль, «Записки о Спиритизме»; А.Конан-Дойль, «Посмертное послание человечеству»; Эльза Баркер, «Письма живого умершего»; Ричард Ходсон, «О некоторых феноменах транса»; Йог Рамачарака, «Евангелие от Оккультизма»; Себастьян Кнейпп, «Моё водолечение»; Йог Рамачарака&Йог Раманантата, «Наука дышать»; Йог Рамачарака, «Карма-Йога»; Йог Рамачарака, «Основной курс Философии Йогов»; Йог Рамачарака, «Продвинутый курс Философии Йогов»; Йог Раманантата, «Глаза – зеркало души»; Йог Раманантата, «Упражнения Йоги для развития памяти»; Йог Раманантата, «Душа и тело в разъяснениях Оккультизма» и др.